

НЕВА

10
2017

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Валерий ДУДАРЕВ

Стихи • 3

Максим ЕПИФАНОВСКИЙ

Лодка до Берлина. *Повесть* • 10

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Стихи • 58

Саша КРУГОСВЕТОВ

Каждый может получить свой Рудис.
Фуа-гра – сломанное крылышко. *Рассказы* • 62

Евгений ЭРАСТОВ

Стихи • 97

Антон ЗАНЬКОВСКИЙ

Зубер Mensch. *Повесть* • 102

Татьяна ШЕПЕЛЕВА

Стихи • 121

Владимир АРРО

Будни Офелии. *Пьеса в двух действиях* • 126

Андрей ДМИТРИЕВ

Стихи • 160

ПЕРЕВОДЫ

Аннелиза АЛЛЕВА

Стихи Иосифу Бродскому
Перевод Сергея Стратановского • 165

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Наум СИНДАЛОВСКИЙ

Легенды и мифы петербургского
театрального закулисья • 171

ИЗ АРХИВА

Александр ГЛАДКОВ

Дневник. 1976 год (январь—апрель)

Публикация и комментарии Михаила Михеева • 193

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Искусство чтения. Александр Мелихов. Красота зримая и незримая. **Рецензии.** Мария Бушуева. Игра видимого и невидимого. Кирилл Козлов. «Холода... Россия... Первый снег...». Ирина Чайковская. Томас Манн и «неарийская физика». **Книжный остров.** Публикация Елены Зиновьевой • 216

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Палестинские обители и Россия.

Часть 1 • 237

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Валерий ДУДАРЕВ

СТРЕЛА

Древний мир живущим не по силам —
Нам осталась таинства зола.
Сквозь века настигла и пронзила
Русича ордынская стрела.

Отмычал пасущийся ветрище.
Отскулил доверчивый гобой.
И разбилось русское ветлище —
Дерево, взметенное судьбой.

Знало все оно про колыбели,
Про дымы над каждой трубой,
Понимало трели и метели
И держало небо над собой.

Встарь взошли погост и деревенька,
А теперь вот город заложен.
Тяжела последняя ступенька
Золотых бревенчатых времен.

Планомерно забивают сваи,
Вырывают корни из земли,
И звенят далекие трамваи,
Словно страны дальние
вдали.

ТАМАНЬ

Долька в небе.
Долька в море.
Долька-месяц там и тут.
Как прожить в таком просторе
Даже несколько минут?!

Весь простор велик и черен —
Блещут молнии одне!
Но не тонет мой Печорин
В набегающей волне.

Валерий Федорович Дударев — русский поэт, главный редактор журнала «Юность». О поэзии Дударева писали Лев Аннинский, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Алла Марченко, Новелла Матвеева, Инна Ростовцева и другие.

Долька-лодка по стихии,
Всем ветрам малым-мала,
Носит тихие, лихие
Контрабандные тела:

Нож в руке горит — проворен,
Чик по горлу — и ко дну...
Не утонет друг Печорин.
Я скорее утону.

ИЗ ЦИКЛА «РУССКИЕ БАБУШКИ»

* * *

Она иных не слаще,
Столичная зима!
Безлюдно,
 словно в чаше!
Облезлые дома!

Под лавкой мерзнет гулька,
А рядом,
 хоть потоп,
Собачка
 да бабулька
Топ-топ себе,
 топ-топ!

Позвякает сосулька,
Собачка поскулит,
Поморщится бабулька:
Болит
 чи не болит?

А муж, Василий Палыч,
У ту войну погиб.
Сыночки запропали.
Сын — Хведор,
 сын — Пилип.

А ценоповышенье
Накинуло хлопот.
А год ее рожденья
На тыща восемьсот!

Попробуй-ка пройтись
От дома до ворот —
Когда твоя денница
На тыща восемьсот!

А ей еще грустится
О Боге,
 о царе,
О внучке,
 о пшенице...
Темнее во дворе.
Поземка подгоняет.
Собачка пристаёт.
Душа не понимает,
Который нынче год!
— Неужто это, Жулька,
Расейские места?
Топ-топ, топ-топ, бабулька.
Святая простота!

ПРОВИНЦИЯ

Пока вселеновы ковши
Над нами счастье проливают —
Ты целый мир любить спеша,
Куда б ни вывела кривая!

Прощанье — что?
 Прощанье — дым!
Дымит, прощается эпоха.
Ты на земле необходим,
Здесь без тебя кому-то плохо.

Пусть побеждают миражи!
В них канет каждая из весен,
Но ты, прощаясь, расскажи:
О, сколько в мире верст и ветел!

В забытых Богом городах
Который век кипит работа!
В них цел языческий размах,
В них византийское есть что-то.

В них вишня каждая цветет
На грани ада или рая,
И отрок ясный пропадет,
Судьбу Рублева избирая.

Пока часовни на Руси
Еще остались у обочин,
Ты клятву в ночь произнеси
Неутолимай и короче!

Провинция!
 Вот часослов!
Ни грай,
 ни публика столичья
Не затемнят колоколов
Ее скитаний
 и величья.

ПАМЯТИ НОВЕЛЛЫ МАТВЕЕВОЙ

Новелла тихо померла —
Предельно поздно.

Под утро божьи помела
Сметали звезды,
И зайчик солнечный уже
Плясал, качался —
На камергерском этаже
Все, как в начале...

Нет!
 Не отлили монумент
В цеху особом,
И ни студент, ни президент
Не шли за гробом.
Челнок лишь в жажде новых вех —
Скрипел, качался.
Но тут совсем не человек —
Тут жанр скончался!
Тут переделал Чехов «Нос»,
А Гоголь — «Чайку»,
Тут не шекспировский вопрос
Про чрезвычайку...

Жасмин любила невпопад,
С гвоздями ветер —
Жила-была землею над
На белом свете.

* * *

Жизнь течет какая-никакая.
Дождь течет, осенний, под откос.
Вот и я уже не понимаю:
Что природу тронуло до слез?

Есть в душе огни и переливы!
Есть в душе вопросы и мечты!
Я умру спокойным и счастливым,
Но такой не будет красоты,

Чтоб душа болела и болела,
Сладко-сладко, словно по весне,
Чтоб надежда билась, но горела,
Как огонь в единственном окне!

* * *

На столике томик Рубцова —
Одна из печальных примет
Последнего русского слова
И века,
 которого нет.

Из мглы, одичало,
 упрямо,
Сквозь посеребренную прядь,
Глядит не прекрасная дама,
А Богом забытая б...!

И надо же!
 Светится, что ли? —
Где даль, как музыка, проста,
В звящем апрельском эоле
Погибшее слово —
 верста.

И что ты над Русью ни делай,
Мученья закончились чтоб,
Андрей Первозванный ли,
 Белый
Творца доведет до трущоб!

* * *

И ливня заклинанье,
И ветра гнев
В могучем завыванье
Слепых деревьев.

Ни ясные поляны,
Ни нас,
 ни вас
Не видят великаны —
Нет глаз.

Сверкнет в топорном раже
Смертельный миг.
Они не видят даже,
Кто — их.

ИЗ ЦИКЛА «К МАРИАННЕ АНДРЕЕВНЕ»

1. ПОРТРЕТНОЕ

Как к вознесенному Христу,
Непревзойденному мосту,
Наипростейшему кусту,
Чьи ветви — даль и высь,
Как к приземленному холсту,
Молниеносному персту,
Наизаветному посту,
Ко мне ты отнесись.

2. МАГИЯ

Звонко в доме!
Яти,
еры,
ери
Из глубин какого языка
Открывают наши с вами двери —
И улыбка кажется легка?

И неважно, люди или Боги
Пролистают этот пыльный том:
Подведут веселые итоги,
Перепишут важное в альбом.

И черед останется за малым —
Из глубин какого языка
Позовут высокие хоралы,
Вспыхнут грозовые облака.

3. БОГИНЯ

Какое пространство молчало!
Какие сбывались мечты!
Светило то жарко, то ало,
Стеснялось своей наготы.

То версты,
то ветлы,
то ветры
(О, даже при мысли о Ней!) —
То самые темные ветви
Тотчас становились темней.

То золы каминные пели
В трубе, словно в царстве теней.
В лесах погребальные пеплы
Кострищ становились темней.

Лучам Ее не было ниши!
Надтреснута завязь в узле!
Слабея,
 темнее и тише
Мы ждали Ее на земле.

4. СЛЕД

Подорожники!
 Бренными,
Ну, а все же дорожками!
Мы блуждаем вселенными —
Заревые,
 дотошные.

За гримасами,
 жестами —
Воскрешенные лица!
След второго пришествия
Нескончаемо длится.

В погребальной эмоции
Все березы из ситца.
Сны Есенина,
 Моцарта
Разве могут не сбыться?

5. ПЛЁС

Сколько слез,
Ты помнишь Плёс?

Для иной судьбы не плох
Венчик блоковский из роз —
Даже гоголевский Нос,
Ох!

В левитановский утес
Веткой Врубеля пророс
Бог.

Максим ЕПИФАНОВСКИЙ

ЛОДКА ДО БЕРЛИНА

Повесть

ЧАСТЬ I

Глава 1

В Рублёво, крошечной деревеньке, затерянной в полях Псковской области, темнеет рано. Чуть засиделся мужик в гостях, вышел на улицу, а без фонаря домой уже и не вернуться. Электричество, благо цивилизации, дотянули до жителей Рублёва не так давно. Советская власть, несмотря на масштабность плана ГОЭЛРО, провела электричество только в конце 60-х. Постановления партии и правительства взрослые зачитывали, а детишки делали уроки, под тусклым светом керосинок. В совхоз и школу за три километра добирались на телегах или пешком. Окончивших школу, отправляли овладевать профессией в город. Одни возвращались в родные места, другие, на гордость родителям, становились городскими.

Работы в совхозе и личном хозяйстве всегда навалом. Страна выжимала все соки из сельских тружеников. Отгорбатившись на благо «кипучей, могучей», измученные совхозники занимались личным хозяйством. Жили небогато, но с верой в завтрашний день. В лихие 90-е совхоз пошел по миру, труженики перерезали голодающую скотину и потянулись к детям в города. В деревне остались верные земле старики да те, кому ехать некуда. Стук топора покинул деревню, избы гнили, посевные поля заросли сорной травой. Летом, правда, городские вспоминали о брошенной недвижимости, целебной силе деревенского эфира и возвращались вкусить деревенского колорита.

На деревню спускался прохладный майский вечер. Перед ветхой избой за деревянным столом сидели два мужика и согревались чистейшим самогоном.

— Вид на реку у тебя чудеснейший, — позавидовал Сергей. — Другого такого вдоль всей Великой не сыщешь. Ни в Пскове, ни в Чертовидове. Рублёво наше — место сказочное. Нигде так вечером солнце не падает в речку, а утром опять залезает на небо.

— Странно, — удивился собеседник. — Я только видел, как падает...

— Мать твою, земля ей пухом, не нарадуется, на красоту эту сверху глядя. Не старушка была, божий одуванчик...

— Она всю жизнь тут прожила, — закивал Петр. — Даже в город не ездила. Ни разу! Словно какой-то невидимый магнит ее держал. И во время оккупации осталась тут. Не оставила родной дом. Каждая травинка, каждый камешек ее помнят. Кажется, откроет дверь и в меня оковалком запустит за то, что я вот сижу пьяный, курю. Да-

Максим Епифановский родился в 1975 году в Ленинграде. Окончил СПбГМУ им. академика И. П. Павлова. Печатался в журналах «Нева», «Юность», «Подъем». Повесть «Оранжевое драже» переведена на китайский язык. Цикл рассказов «Беспечный студент» вошел в сборник рассказов о юности «Мои университеты» (М.: Эксмо, 2017). Живет и работает в Санкт-Петербурге.

вай за нее еще по одной, — Петр разлил мутную жидкость и мужики, не чокаясь, опрокинули стаканы.

— Сестры твои, когда приезжают? — просипел Сергей.

— На днях должны. Если ничего у них не изменится.

— Зачем едут?

— На лето к пенатам. Оля же на пенсию вышла — вредное производство. Анька хотела расчет взять до осени. Зинка — не знаю... Да она и сама не знает... Порядок навести. Из подушек пыль выбить. — Петр резко ударил по руке. — Комаров покормить.

— Хозяйство большое. Избу, конечно, обновить надо. Баню, тоже. Но земли у вас от реки и до горизонта, — Сергей поднес ладонь ко лбу и посмотрел вдаль. — Земелька нынче самое ценное. Дом что? Любые хоромы можно выстроить! Было б где... У вас же собственность?

— Мать первой в деревне все переоформила, — кивнул Петр. — Тебе зачем? С какой целью интересуешься? Купить хочешь?

— Откуда у меня такие деньжищи! — скривился Сергей. — Слышал, Палыч перебрался в город? Тут все продал москвичам. Да... Бизнес будут делать. То ли лошадами займутся, то ли страусами... Говорят, на их мясо и яйца сейчас спрос в городе.

— На страусиные или московские?

— На лошадиные! — заржал Сергей. — У Палыча земля без вида. У тебя же хоть гостиницу строй, хоть банный комплекс...

— Так вот куда Палыч делся! — на Петра снизошло прозрение. — А я-то смотрю, какие-то незнакомые хари у него обосновались. Самого не видно...

— Вот так! Его раньше за дурака держали. Палыч наш совсем не дурак оказался! Первым смекнул в чем выгода зарыта. В городе обосновался припеваючи. Квартирку купил. Мастерскую держит.

— Че? Палыч мастерскую? — Петр недоверчиво сдвинул брови. — У него же руки растут... Сам знаешь откуда.

— Знаю. Забор мне как-то взялся помогать... — Сергей махнул рукой. — Он купоны стрижет. На него люди работают!

— А-а-а... — протянул Петр. — Так бы сразу и сказал. Видишь ли, если б это все мое было. Это ж на четверых... Если вот пофантазировать, представить, что все это мое... — Петр распластал руки. — Что скажешь, хорошую деньгу можно заполучить?

— Баснословную! — огородил соседа Сергей. — Я бы богача раздобыл... Сговорился... Ты бы меня не забыл... По-соседски поделился. Процентик, другой... Я — человек не жадный. Однако, и мне стимул нужен.

— Так вот ты к чему вынюхивал! Сколько же ты хочешь, шельма?

— Как говорят в наших местах... — замылся Сергей. — Не будем в тазик с хряпсом вперед зюрьки лезть! Ты с сестрами договорись!

— Сестры на это не пойдут, — отмахнулся Петр. — Анька с Зинкой — дуры! Я бы их объегорил. Но Ольгу — никогда. Бесплезное дело! Они ей в рот смотрят. Она у них старшая...

— Так ты же самый старший! Сестры тебя должны слушать! Сын первый и единственный. Большак! За ними малыми присматривал, в школу водил, носы вытирал. Отца твоего прошлой весной на том берегу нашли... Теперь тебе верховодить.

— Так-то оно так... — согласился Петр. — Батка у меня мировой мужик был. Хотя в жизни натерпелся. Во время войны попал в окружение. Плен. Вернулся живой, но никогда о войне не рассказывал. На парады не приглашали, орденов и медалей не вручали. Затаскали его. Для всех был человек второго сорта. А ведь этот стол сам собрал! Дощечка к дощечке! — Петр размахисто хлопнул по столу, но посуда даже не дрогнула. — Его уже нет, а стол стоит. Давай за батку.

Пока мужики разливали самогон и опустошали стаканы, дверь соседского домика отворилась. Молодая женщина с курткой в охапку решительно направилась к закусывающим.

– О, смотри, кажется твоя идет, – Петр первым заметил надвигающуюся угрозу.

– Где? – от услышанного Сергей чуть не поперхнулся соленым огурцом. – Точно. Яблочко мое наливное... Сейчас не тебе влетит оковалок от матери, а мне за это дело, – он указал на почти пустую бутылку. – Давай спрячем!

– Если начнем корчить из себя трезвых, то будем выглядеть противоестественно, – резонно заметил Петр.

– Согласен! Сидим тихо.

– Не замерзли? – подошедшая Лиза благодушно посмотрела на окосевших мужиков, накинула на мужа куртку и села рядом.

– Спасибо. Видишь, какая у меня заботливая жена, – похвастался Сергей перед соседом. Предполагаемого оковалка не случилось.

– Вижу, – кивнул Петр, масляными глазами рассматривая жену соседа. – Только у нас тут для согрева все есть.

– Тепло-то у вас почти закончилось, – подметила Лиза. – Прохладно уже. Темнеет... Не пора ли вам по домам, мужчины? Если вас не разогнать, так вы до утра сидеть можете. Еще согретье в речку полезете...

– Ты иди. Я – следом, – Сергей обнял жену. – Нам с Петром договорить надо. Судьбоносные решения принимаем!

– Это понятно. Судя по остаткам – планетарного масштаба! Ладно, пойду. Женщине среди выпивающих мужчин небезопасно находиться. Не засиживайся.

Лиза нежно поцеловала мужа и неспешно поплыла домой.

– Честно тебе, как на духу, признаюсь. Люблю ее. Да-а-а, – вздохнул Сергей. – Много мы пережили, через такое прошли... Сам знаешь. И разница в возрасте у нас приличная. Но мы вместе, несмотря ни на что. Рыбонька моя... А пойдем на рыбалку?

– На рыбалку? – Петр от удивления открыл рот. – Отличная идея! Дольем и пойдем. Или оставим под уху? Только надо удочки найти. Где-то в сарае валялись... Или с саком пойдем?

– Каким саком?! – Сергей поразился наивности соседа. – Я о совсем другой рыбалке тебе толкую. У меня припасено... Как шарахнет! Рыбы будет... Хоть универсам открывай! Сестры твои приедут – котлет нажарят. Зинка еще варенье и компот закатает! – загоготал Сергей.

– Варенье и компот? Аппетитно рассказываешь... Ты как напешься – такое несешь! Как страус московский. Записывать надо за тобой.

– Несет курица, – поправил Сергей. – И не записывать, а закусывать.

– Закусывай, закусывай.

– Ты над моим предложением подумай, – Сергей хоть и выпил прилично, но пытался до Петра донести свою задумку. – Такое ведь нечасто выпадает. В твоей жизни – это последний стопроцентный шанс! У тебя мечта есть?

– Мечта?

– Хватит меня переспрашивать! – разозлился Сергей. – Да, мечта?

– Есть... Хочу уехать куда-нибудь далеко, чтоб никого не видеть и не слышать! И не переспрашивать... Пожить для себя.

– У тебя же жена и дочка. Их куда денешь? – разумно поинтересовался Сергей.

– Куда, куда?.. С женой у меня давно прохладно. Живем каждый сам по себе. Она в городе останется. Дочка взрослая. Не пропадут! Так что я почти свободный человек. Могу путешествовать! Обогну земной шар за всю оставшуюся жизнь... Вот только грошей нет!

– Вот дело сделаем, и будешь абсолютно свободный! С мешком денег хоть в Китай, хоть в Америку. Купишь себе остров и сиди себе один. Вот прямо здесь в лодку сядешь и отчалишь.

– С огромными деньжищами! И в лодке? – скособочился Петр.

– Белый теплоход здесь не пройдет. Но лодка будет самая дорогая, – успокоил Сергей.

– Ладно, подумаю, – кивнул Петр. – Может, на Берлин? Отец не дошел, а я дойду! Поглазею за него на немецкую столицу... Поздно уже, – Петр решил, что идея с рыбалкой лишняя. – Да отдохнуть уж пора... Лизонька тебя ждет. Давай потом на рыбалку. Пойдем просто окунемся... Никого сегодня взрывать не будем...

– Рыбалка отменяется! – заорал Сергей на всю деревню. – Только у меня надеть нет ничего с собой...

– Что ты там прятать собрался?! Темнотища, глаз выколи!

– Вода еще холодная, наверное. – Сергей боязливо кивнул в сторону речки.

– Нам сейчас самое то! Протрезвеем и вернемся младенцами.

– Думаешь?

– Быстренько нырнем и обратно. С речки так сиганешь, что полотенце не понадобится. На бегу обсохнешь!

Мужики медленно встали с насиженной скамьи и, шатаясь, побрели к Великой.

Глава 2

В этом году лето пришло на псковскую землю раньше обычного. Солнце щедро одаривало почву теплом и силой, по-хозяйски выгнало весеннюю прохладу из бескрайних лесных просторов. Самая последняя травинка, самый чахлый куст тянулись вверх, стараясь явить себя миру. Над речной водой роилась мошкара, в полях шныряли полевки. Вернувшиеся аисты парили в небе, вспоминая места прошлогоднего гнездования. Верхушка электрического столба – идеальная точка для летнего дома. Ни один хищник не осилит отвесную бетонную гладь, а жужжащий ток вразумит подвыпившего мужика, вдруг ощутившего непреодолимое желание пообщаться с гордой птицей.

Таксист предупредительно сбросил скорость. Прыткий «жигуленок» соскочил с асфальта на большак, оставляя за собой клубы пыли. По днищу просевшей машины зашуршал песок. В Острове прибывшие на автовокзал быстро расхватили частных, и припозднившемуся таксисту пришлось одному загружать четырех пассажиров с поклажей. Сестры, фигурами походившие на матрешек, по очереди влезали в такси. С каждой посадкой ржавый «жигуленок» скрипел, проседал, но вес держал. Ольга, старшая из сестер, заняла место рядом с водителем. Анна, привыкшая всегда быть рядом с сестрой, грустно села сзади. Младшая Зина с трудом запихнула рюкзак в багажник и втиснулась в такси последней, поджав худосочную племянницу. Маша, зажата между грузными родственниками, мечтала поскорей добраться до места ссылки, уединиться и тайком выкурить сигаретку. С работы ее уволили, и мать на лето потащила дочь в деревню.

Получив причитающееся, таксист отправился искать новых клиентов.

– Чувствуете, как дышится? – Ольга прикрыла глаза. – Совсем другой воздух. Родина...

– Тут тебе ни заводов, ни машин. Никакой цивилизации! – согласилась Анна. – Один навоз.

– Этого только не хватало! – Маша недовольно фыркнула. – Пускай уж машина чадит...

– Доча, я же пошутила! – улыбнулась мать. – Какой навоз? Это раньше, когда мне было столько, сколько тебе, а наш совхоз снабжал молоком и сметаной целый город, тут только на тракторе... Сплошное черноземье... Сейчас-то что... Пустыня. Ни одной коровы не осталось! За молоком по деревням рыскать надо. Или автолавку жди...

– Все заросло. Забор покосился после зимы, – Ольга хозяйским взглядом оценивала масштаб предстоящей работы. – Ой, и баня как-то ниже стала.

– Поправить надо, – вторила Анна. – Без твоего Толика и Леши не обойтись. Петруша один не справится.

– Где же наш брат? Почему не встречает? – Зина недовольно буркнула, закидывая за спину огромный рюкзак.

– У Толика на работе аврал. Ему никак не вырваться. Только по выходным может приезжать. Много ли за два дня сделаешь? У сыночки – любовь, – Ольга довольна улыбнулась. – Он в Турции будет отдыхать.

– Лучше бы сюда привез, – посоветовала Анна. – Можно подумать, в деревне нельзя любовь крутить! Мы же крутили...

– Мама! – недовольно одернула Маша. – Ну что ты говоришь? Смешная...

– У нас других возможностей не было, – урезонила Ольга. – Нам куда было деваться? Мы другой жизни не знали. Наши дети – не чета нам! Городские... У них другие запросы.

– Чего они там нашли? Жарища да акулы, – тяжеленный рюкзак тянул Зину назад, а тонкие ручки сумки резали ладони. – В деревне чистый воздух, за грибами будем ходить. Скоро белые пойдут. И никаких акул!

– Зина, акулы в Египте! – засмеялась Маша.

– Да? Ну и что. На югах всё рядом. Могут заплывать.

– Могут... – Маша продолжала смеяться. – Ты когда пойдешь на речку – осторожнее. Мало ли что?

– Давайте я вас лучше сфоткаю, – предложила Анна.

– Вот еще, – буркнула Зина. – Только приехали. С дороги.

– На память. Как раз! Вот только приехали, – Анна достала из сумки фотоаппарат. – Маша, Ольга, вставляйте у забора. Зина, давай. Потом меня.

После фотосессии Ольга отворила скрипучую калитку, и женщины вошли во двор. На крыльце их ждал брат. Петр подготовился к встрече с родней и решил сразу взять быка за рога.

– Приперлись? В такси не укачало? – брат недовольно покосился на сестер.

– Да что нам будет? Долетели на попутном ветре, – улыбнулась Ольга, воспринимая слова брата в шутку.

– То-то вся земля в пыли. Дышать нечем.

– Не в духе братец наш. Видимо, пил пока нас тут не было, – шепнула Анна младшей сестре.

– Где жить будете?

– Вот тебе раз! В доме родном. Стоит же... – Ольга с непониманием посмотрела на брата.

– Тесно нам в избе будет. Места нет. Еще и племянницу с собой прихватили...

– Здравствуйтесь, дядя, – поздоровалась Маша из-за маминой спины.

– Не хвораю, чего и тебе желаю. Машину отпустили? Зря! Ехали б вы обратно в город.

– Вот еще! – хмыкнула Ольга, понимая, что брат не шутит. – Вечером грузовая придет. Мы из города мебель и вещи перевозим. Перестановку сделаем.

– Тут хлама мало! Свой привезли! – огрызнулся брат.

- Какой ты гостеприимный... Разве так родных сестер встречают?
- Вот что, сестры, – Петр решил высказаться откровенно. – Я хорошенько прикинул и решил окончательно уехать из города. Хочу поселиться здесь навсегда. Я старший и единственный сын. Будет справедливо, если все будет принадлежать мне.
- С какой-то стати? – Ольга перестала понимать происходящее. – Мы все имеем равные права. У каждого своя доля. По закону и завещанию. Что это ты удумал?
- Ну, точно! Перепил... – Анна продолжала делиться впечатлениями с Зиной.
- Вы уже давно городскими стали! – Петр спустился с крыльца и, сопя, словно бык, перешел в решительное наступление. – Раньше к родителям приезжали. Тут вам что делать? Оставьте этот дом мне. Себе купите участки у города. И удобно, и затрат на дорогу никаких.
- Рублёво – наша родина. Такая же, как и твоя. Эти просторы мы не на что не променяем. Что это вообще за разговоры такие?
- Участки? – Анна принялась поддерживать сестру. – Сиди на нем, нос не высушить. Сам себе и возьми участок в пригороде!
- Ну, не знаю... – Зина мечтала уже войти в избу.
- И знать нечего! – обрезала Ольга. – Все будем жить в доме. Всем места хватит. Всегда жили. В тесноте да не в обиде. Одна кровь.
- По-хорошему не хотите? Что ж... – брат решил сменить тактику. – В таком случае я требую свою долю. Прямо сейчас!
- Петя, как ты себе это представляешь? – Анна насмешливо посмотрела на брата. – Один угол из четырех и полку в бане? Пашню тебе под картошку отдельную?
- Угол себе оставьте. Я буду жить в приделе. Там и вход отдельный, и вам мешать не буду. Сгнившую баню себе возьмите. Мне же ульи да пустующий хлев. Отныне я сам по себе. И чтоб ни ногой ко мне! Не омрачайте мое святое жилище! Отныне вас знать не знаю, – Петр развернулся и зашагал к избе.
- Ну, как вам это нравится? – Ольга присела на скамейку у забора.
- Торговой перепил! – высказала предположение Анна. – Завтра гадость эта из него выйдет, и все. Придет каяться.
- Торговой? – не поняла Маша.
- Доча, торговая – водка из магазина, – просветила мать. – Когда твоя бабушка самогонку варила, чего только не было! Мордобой такой – море крови. На тракторах в город ездили, чертей видели. Но чтоб вот так на родных сестер – никогда!
- Точно! В автолавке купил, – Зина подтвердила всех устраивающее объяснение. – Паленую!
- Дверь избы отворилась. В проеме появился брат с мешками.
- Смотрите – вещи перетаскивает.
- Во дает! Ну, ничего. Завтра обратно все затащит. Не сполохайся, как говорила наша мать. То есть, не переживай, – мама продолжила пояснять дочке местный диалект.
- Я прям взорвусь! – Ольга покраснелась от возмущения. – Глазам своим не верю... Как будто во сне все происходит!
- Слушайте, еще надорвется. Может, помочь? – сердобольная Зина не сразу поняла, что сказала. – А чего?

Глава 3

Петр перешел к плану Б. Посреди двора поставил забор, наспех собранный из посеревших досок, спинок кроватей и листов железа. Разобрал крышу над своей долей

избы, по земле раскидал инструмент, мотки проволоки, из сарая вытащил старые трубы. Купил корову, поставил еще ульи.

Сестры тем временем покрасили стены, разбили цветники. Анатолий, муж Ольги, выстроил теплицы и перебрал крыльцо, превратив его в широкую веранду. Выросший далеко от здешних мест, он сразу влюбился в рублёвские просторы, бурлящий перекарт реки, принял размеренный уклад жизни новых родственников. Со временем изба, хлев, сарай и даже забор потребовали хозяйской руки, но нежелание стареющих тестя и тещи что-либо менять сковывало его трудовой порыв. Они хотели уйти в мир иной без изменений в нынешнем. Каждая, пусть уже прогнившая дощечка, каждый ржавый засов своим скрипом служили напоминанием о прожитой жизни. Замена их на новые явилась бы прямой изменой, преданием забвению еще неоконченного жизненного пути. Теперь же Анатолий, несмотря на чудовищную усталость после трудовых будней, все выходные обрушивал скопившуюся за годы бездействия энергию на дряхлеющее деревенское наследство жены. У него не было времени точить лясы с женщинами, жена же его в свободное время любила на веранде выпить чайку с сестрами.

– Братец наш совсем ошалел, – Ольга поставила чашку на стол. – Развел у себя бардак. Инструмент по земле раскидан. Печку взялся делать. Крышу разобрал, а обратно сложить не может. Ульи везде расставил, а за пчелами не ухаживает. От них проходу нет. Не хватало, чтоб нас всех покусали.

– Водка оказалась ни при чем, – Анна признала провал своей теории и решила выдвинуть новую. – Видимо, смерть матери ему тяжело далась. Петька и раньше нелюдим был, а сейчас уж совсем... Крыша потекла.

– Аня, смерть родителей дети всегда воспринимают горестно, но держатся, – возмутилась старшая сестра. – И мы поплакали, но жизнь продолжается. Рассудком не помутились. Если бы смерть родителей все так воспринимали, на Земле давным-давно не осталось разумных людей. Наш братец как будто назло нам все делает. Лишь бы насолить.

– Отвык Петр от деревенской жизни. Мужик работающий, – Зина при каждом удобном случае защищала брата. – Потихоньку все сделает. Один ведь... Никто ему не помогает, – Зина поправила занавеску и уставилась в окно. – Погода чудесная. Купаться надо идти.

– Дела сделаем, тоже пойдем искупнемся, – согласилась Ольга. – Заодно и посуду помоем.

– У нас тут дел... до зимы... – Зина махнула рукой.

– Ничего. Глаза боятся, а руки делают, – старшая сестра подбодрила самую младшую. – Надо будет Лене, что ли, позвонить... Пусть приедет, мужика своего образумит.

– Лена как узнает, что к чему – носа не сунет. Да еще разводиться побежит. Или в дурдом сдаст. Зачем ей сумасшедший? Чтоб дома потолок разобрал да пчел на балконе разводил?

– Сосед идет, – Зина увидела в окно знакомую фигуру. – На чай.

– Правда, что ль? Несет его нелегкая! – засмеялась Ольга, встала за чистой чашкой.

Сергей наблюдал за противостоянием со стороны, формально сохраняя видимый нейтралитет. С соседками предпочитал общаться через забор, по выходным с Анатолием они украдкой пропускали по сто грамм да выкуривали по папироске. К Петру захаживал незаметно, под покровом ночи. Блицкрига не получилось, сосед перешел к длительной осаде, и Сергей решил провести разведку боем.

– Здорово, соседи! – поздоровался Сергей, войдя в избу. – Как живете?

– Хлеб жуем. Спасибо, не жалуемся. Проходи, – Ольга гостеприимно пододвинула стул, но сосед стеснительно остался стоять у двери.

– Я вижу. Забор обновили да еще и избу покрасили. Цветов море. Еле вход к вам отыскал. Райское местечко. Не узнать...

– Это наш Толик на выходных сделал, – Анна похвасталась работающим зятем. – Зина покрасила.

– Да уж. Мало мне краски на работе, – заохала Зина. – Так тут еще... Спину и руки ломит. Ночью не знаешь на каком боку лежать.

– Так ты спи на спине! – посоветовал Сергей, нерешительно присаживаясь к столу.

– На спине нельзя – в меня тапки летят, – Зина смущенно кинула взгляд на сестер.

– Все по чуть-чуть. Не сразу же Рублёво строилось. Садись чай пить. Иль чего покрепче?

– Покрепче? – Сергей не ожидал такого заманчивого предложения. В другой ситуации он бы с удовольствием согласился. – Не могу... Моя приехала. Надо до вечера терпеть. Какие еще новости? Как брат ваш?

– Совсем рехнулся! – Анна налила соседу чая. – Нас при встрече матом кроет. Видал? Рукоделец наш забор соорудил.

– Смерть мамы так повлияла, – Зина покачала головой. – Других объяснений не находим.

– Обживается, – Сергей поддержал соседа. – Корову завел, пчел разводит. Настоящий фермер. Деревню нашу возрождает.

– Пчелы есть, а будет ли мед? Благо у нас есть цветы... Так корова, будь она неладна, всю клумбу помяла, – пожаловалась Ольга. – Вон там пасется. В автолавку напрямую не пройти. Наглая такая... В обход идем.

– Да уж. Сплошные неудобства. Скважину пробурили? – поинтересовался Сергей, шумно прихлебывая горячий чай.

– Так колодец наш общий весь в лягушках, – ахнула Ольга. – Если вдруг нужна будет вода – милости просим!

– В городе вода теплая. Коров и пчел нет, – сосед принялся соблазнять городом. – Не тянет обратно?

– Мы будем иногда в город выбираться. К зиме, конечно, наступят холода – поедем все обратно. Брат наш навсегда решил здесь поселиться. Пусть бы и жил. Я не против. Так он хочет, чтобы мы вообще испарились. Здесь наша родина. Каждое лето и новогодние праздники будем здесь собираться. Все вместе. Такой речки и свободы нет нигде! Так что никуда мы не денемся!

– Как у вас дела? – Зина проявила интерес к соседской жизни. – Про себя ничего не рассказываешь. Бери печенье.

– У нас все по-прежнему. Хозяйство требует ежедневного присмотра. Моя приехала – у меня на клумбах цветы засохли. Чуть-чуть... Дала нагоняй! В парниках я поливал огурцы, помидоры... Про цветы забыл.

– Что ж ты так? – изумилась Ольга. – Женам надо цветы дарить. Ты про свою забыл?

– Лизоньку я люблю! – признался Сергей, отхлебывая чай. – Но вот цветы, будь они неладны, поливать... Я по двору с пилой и рубанком гуляю. Лейка – это не для меня.

На улице, где-то вдалеке раздался звонкий голос, нараспев зовущий Сергея.

– Моя... Соскучилась! Пойду. Спасибо за угощение. Я, кстати, завтра в город еду. Могу подкинуть, если надумаете, – Сергей поднялся и вышел из избы.

– Чего приходил? – не поняла Ольга, выливая в раковину недопитый соседом чай.

– Хозяйственный, – Зина похвалила соседа. – Все хлопочет. Порядок наводит.

– Вот бы и нам на соседа равняться. Хоть он и скользкий куркуль.

- Что ты его так?
- Вид у него больно кулацкий. Топор у него попросишь – не знает где... – пожаловалась Ольга. – Пилу – она у него тупая, видите ли... Ржавого гвоздя не допросишься.
- Сама ему нашу воду предлагаешь!
- Не буду я ему уподобляться. Людей надо воспитывать, раз родители не доглядели... Кто пример подаст? Пусть подумает. Может, стыдно станет. Исправится... Бания наша сгнила совсем. Надо новую ставить. Я посмотрела в газете. Если скинуться тыщ по сто, то можно хорошую поставить.
- Так дорого? – опешила Зина.
- Ну что делать? Зина, ты и так на воду не скидывалась. На баню-то можно... Топор сам печку положит. Он, в отличие от нашего брата, в этом разбирается.
- А где Маша? – Зине вдруг стало душно, и она нашла повод уйти на улицу.
- На речке же! – напомнила Анна.
- И я пойду искупнусь! От краски хоть немного отмоюсь, – Зина взяла полотенце и выскочила из избы.

Маленькая Зина появилась на свет, если так можно говорить о человеке, незапланированно, неожиданно для отца. Мать долго не решалась сообщить мужу о скором прибавлении в семействе, не жившем в достатке. На Егоре Ильиче лежала печать «военнопленного», дальше должности скотника его не пускали. Постоянные проверки и всеобщее недоверие превратили открытого, простодушного мужика в затравленного зверя. К новости о появлении еще одного рта он отнесся с привычной обреченностью. Мать, разрывавшаяся между мужем, детьми, домашним хозяйством и дойками коров в совхозе, оставила маленькую Зиночку на старших. Брат Петя, уже окончивший школу, заменил ей живого отца, а Оля и Аня приняли младшую сестренку за куколку и нянчились с ней все свободное время. В деревенской школе Зина, сидя на последней парте, глазела в окно, в техникум пошла с подружками, замуж вышла за первого посватавшегося. Шли годы, а Зина не спешила взрослеть, воспринимая окружающий мир, как бесконечную игру. Летела туда, куда ветер подует.

- Как водичка? – окликнула Зина племянницу, подходя к реке.
- Как парное молоко, – похвасталась Маша. Она утолила никотиновый голод и довольная сидела на расстеленном полотенце, подставив солнцу едва загорелые ноги. – Только вытирайся потом быстрее. Слепни заедят. Откуда их столько?
- От коровы, наверное. Раньше столько не было. Я тут подумала... Завтра в город уезжаю, – заявила Зина, стягивая сарафан.
- У тебя же отпуск!
- Не все же здесь сидеть, время терять. Поеду в город. Сергей подвезет. В театр схожу, например, развеюсь...
- В театр? Ты? – рассмеялась Маша. – С чего это? Ты хоть раз там была? Что смотреть будешь?
- Не знаю еще, – хмыкнула Зина, не обращая внимания на смех племянницы. – Может, Чехова... Ну, всяко лучше, чем здесь сидеть. Мало того, что опять кистью машу. Так еще и деньги просят.
- И я одна останусь?
- Как одна? С мамой!
- Да уж... – Маша нахмурилась. – Моя мать находится под сильным влиянием старшей сестры. У нее нет своего мнения. Вечно поддакивает! Тетя все захватила. Телевизор, диван, шкафы из города привезла, даже чайник. Если бы не дядя – весь дом был бы ее.
- Все же общее. Никто ничего не делит! Пользуйся всем. Никто тебе слова не скажет.

– Но я это чувствую! Ты видела, как она ставит чайник на стол? Словно пограничный столб вбивает! Диваном весь дом перегородила. Как же это унижительно! У меня высшее образование. Я пять лет корпела в этом проклятом университете. Все эти зачеты, экзамены, отработки, наглые преподаватели. Прошла все круги ада. И должна зависеть от кого-то, общаться с людьми, для которых смысл жизни – покрашенный забор и цветущая клумба. Непробиваемое мешанство.

– Машенька, что ты говоришь? – Зина осторожно вошла в воду. – Не чужие ж люди. Родственники... Я в раю!..

– Иные родственники хуже чужих! Особенно когда дело касается наследства. Всё под себя гребут. Лишь бы урвать, занять. Делают всё незаметно, исподтишка.

– Мне уже ничего не надо. Все это стоит денег. И немалых. Отдам свою долю. Такое наследство – тяжкое бремя.

– Так что ж, все отдать бесплатно? Пусть уж будет ничье?

– Ой, Маша, не знаю. Ты все размышляешь, философствуешь, слова умные знаешь. У меня от них голова заболит... А может, это от краски этой проклятой... Твой приедет на выходные?

– Обещал. Заодно и дядю Толю привезет. Никита этим летом без отпуска остался. Работу вот только поменял. И я без нормального отдыха осталась. Сижу здесь.

– Для отдыха самое то! – вода придала Зине сил. – Лучше места не найти.

– Кому как... Увидишь акулу – кричи!

Глава 4

Под покровом ночи Сергей пробрался к Петру в придел. На полу валялись пустые бутылки, сосед приканчивал очередную четвертушку.

– Да уж... Бардак изрядный ты развел. Пьешь? – Сергей укоризненно посмотрел на подельника.

– Ну?

– Берлинский забор гну! Устроил ГДР. Сестры принимают тебя за умалишенного. Того и гляди, в дурку сдадут, – Сергей сел рядом с Петром.

– Пусть я и пью, но трезвее мыслю, чем все они, вместе взятые. Как там твои инвесторы поживают?

– Какие инвесторы? – не понял Сергей.

– Те, что меня озолотят за эту землю. Ты с ними говорил?

– Разговоров я с ними пока не вел. Но ты не волнуйся! Земля будет – о цене договоримся.

– Хотелось бы знать хотя бы примерную цену. Овчинка выделки стоит? Весь этот театр я за гроши не стану устраивать. Эти гастролы могу свернуть в любой момент, – пригрозил Петр.

– Театр ты уже устроил. Гастроль идет полным ходом... Я себя не забуду, а ты барыш с горкой получишь! – успокоил Сергей. – Пусть каждый занимается своим делом! Я очень надеюсь, что твоя тактика принесет плоды.

– План простой, – поделился Петр в очередной раз своим замыслом. – Я создам невыносимые условия сосуществования со мной, и сестры уедут. Они не смогут долго жить в таких условиях. Они будут ездить туда-сюда в город по делам. Это мне даже на руку. По осени все равно уедут и больше сюда не вернуться никогда!

– Это я знаю. Только не вздумайте опять объединяться!

– Враг будет сломлен и побежит, – заверил Петр.

– Твой воинственный настрой меня очень радует, но я там был, – Сергей кивнул в сторону противника. – Если они и готовятся к эвакуации, то очень незаметно.

Загнивают красиво, в цветах, с вареньем. Рассуждают вполне разумно, но тебя не раскусили.

– Мои сестры – три кастрюли. У них в голове что-то бурлит, кипит, а если огонь выключить и открыть крышку – никакого супчика, даже бульона нет! – Петр оценил умственные возможности родни. – Одна вода. Выпьем?

– Сегодня не могу... – Сергей с сожалением посмотрел на бутылку.

– Как хочешь... Хочешь, чайку тебе заварю?

– Чай – не водка, много не выпьешь! Давай! Вода откуда?

– Как откуда? Ты что, пьяный? – не понял Петр. – С колодца...

– Там же одни лягушки!

– Ну и что? Лягушки! Французы их едят. И ничего, вон как в футбол играют!

– Ты дров возьми да под колодец забей, – посоветовал Сергей. – Сваришь супчик из лягушек, псковский француз... Я тут вспомнил, чай днем у сестер твоих попил. В следующий раз как-нибудь...

– Попил уже? Предатель! – хмыкнул Петр. – Как ты мог так со мной поступить?

– Смотрю я... Задумываюсь... Ты выпил. Это понятно... А, когда трезв? Ты в порядке?

Если вначале идея нажиться на дележе соседского наследства казалась Сергею туманной, но весьма заманчивой, то теперь вся затея превращалась в пустую забаву. Оставалась слабая надежда, что с головой погрузившийся в пьянство, сосед сохранил остатки разумного и продолжит следовать выбранному курсу. «Была б земля, – считал Сергей. – Продать ее, пусть по бросовой цене, всегда можно.»

– В порядке! Полном... Что ты имеешь в виду?

– Здоровье твое. Соображаешь нормально?

– Нормально.

– Ну, вот как меня зовут?

– Тебя зовут как?! Не понял...

– Какой сегодня день недели?

– День недели? Да какая разница? У меня каждый день – воскресенье.

– И ты за мной опять повторяешь! – в ужасе зашипел Сергей. Сестры оказались правы, его союзник свихнулся. – Ну и напарничек! Пропало дело!

– Серый, ты чего бормочешь? Ну и что, что повторяю. Дурацкая привычка... Какой день недели? Да какая разница, тут в деревне? Автолавка будет завтра – это главное! Дай мне дурака повалить, пока беден. Вот стану миллионером – придется за ум взяться.

– Ух, ты меня успокоил... – выдохнул Сергей. – Значит, все по плану. Помогу тебе, внесу свою лепту! Зинки завтра не будет. Она ко мне тут подходила. Увезу ее в город. Сдалась, похоже... Выкипела кастрюля.

– Вот и первые плоды моих трудов... Тебе самому чего там делать?

– Эти полуграмотные азиаты опять накосячили. Ничего сами не могут. Кошмар один, а не ремонт.

– Наши лучше делают?

– Да не сказал бы. Набирал я разных. И русских, и гастеров. Мастера есть везде. Любо дорого посмотреть. Но таких днем с огнем, как говорится. Большинство, если над душой не стоять – одинаково, тяп-ляп. Наши горбатого лепят из-за разгильдяйства. Живут одним днем. Лишь бы штукатурка не посыпалась, когда дверью хлопнут. Хотят поменьше работать и побольше получить. Дети степей стараются, денег больших не просят, но берутся за любую работу. Делают, как однажды показали. Его бы обучить хорошенько, так прям китаец будет. Хорошо и недорого.

– Наши не могут хорошо? – поинтересовался Петр, выливая в стакан остатки самогона.

- Могут. Аппетиты надо умерить. Но учить и воспитывать не мое дело. Сразу результат нужен. Вот и кручусь...
- Ты надолго в город?
- Пока не разберусь. На неделю. Может, на две... Тебе что надо?
- Нет. За хозяйством приглядеть?
- Спасибо. Лизонька останется.

Выпроводив наглого соседа, решившего что хозяин сбрендил, Петр завалился на кровать. В его хмельной голове родился еще один план. Петр поймал себя на мысли, что конфронтация с сестрами порядочно измотала его. Он устал, попался на удочку, а ведь Серый ничего конкретного не обещал. Единственная радость – свой кусок земли. Здесь он воплотил детские мечты – занятие сельским хозяйством. Корова скоро начнет давать молоко, пчелы – мед. Еще бы Петру получить порцию женской ласки... Опостылевшая жена пропадала в городе, а из всех деревенских зазноб оставалась лишь хозяйка соседнего двора.

– Уезжай с Зинкой, а тебе покажу, кто тут сумасшедший, – бормотал засыпающий Петр. – Пора тебе, бычку, рога отращивать.

Глава 5

Студенческие годы остались для Маши позади. Беззаботные подружки, оплаченные коктейли, кавалеры и свадьба на последнем курсе – все это сохранилось лишь в воспоминаниях. Взрослая жизнь обнажила всю наивность и неспособность новоиспеченной семьи к самостоятельности. Жить у мужа абсолютно не представлялось возможным. В скромной двухкомнатной квартире проживали его родители и сестра. У Маши пьющий отец гарантировал молодой паре отсутствие семейной идиллии. Аренда квартиры требовала ежемесячного взноса, а вчерашние студенты не могли рассчитывать на высокую оплату труда. Бытовые трудности не добавляли романтики – Никита требовал ужина, особенно после брачных утех. Непривередливость в еде не могла тянуться вечно. Стиральная машина лихо прокручивала белье, но с грязной посудой и пылью приходилось бороться с закатанными рукавами.

Скоропостижный развал фирмы, где работали начинающие менеджеры, нанес серьезный удар по молодой семье. И если Никита все же нашел работу, почти по профессии, то Маша получала вежливые отказы. Колючая реальность озлобила ее, поселила зависть к успеху и самодостаточности других. Мать волевым решением увезла дочь на лето в деревню. И вот теперь, почти в сумерках, под открытым небом Маша стояла посреди поля с лопатой в руках. Она привыкла к фастфудовской поджаренной солодке. Сажать и окучивать натуральный продукт не входило в ее жизненные планы, но увольнение с работы и материнский авторитет заставляли выходить на бескрайние просторы с вилами и лопатой.

- Все. Мама, нет больше сил моих, – взмолилась дочь. – Сколько можно копать?
- Картошка требует любовь и ласку. Окучивай. Осенью спасибо скажешь, – мать задорно воткнула вилы в землю-кормилицу.
- Если бы мы копали в глубину с таким же энтузиазмом, то...
- ... вылезли с другой стороны Земли?
- Нет, мама. Сгорели бы в раскаленной магме!
- Сразу видно университетское образование доча получила.
- Вот окучиваю картошку. За что мне все это?
- Все твои подружки после школы пошли в техникум на поварих и парикмахершей. Если бы я тогда тебя не остановила, то до конца своих дней супы варила или с ножницами плясала. Помнишь, как ты поступала? – мать решила указать дочери

ее место. — Мне кажется, что это я поступала, а не ты... Вся твоя учеба, Маша, тоже стоила недешево. Так что копай. Молодому организму физическая нагрузка только на пользу. Другой работы ведь все равно нет.

— Мама! Ну зачем об этом?! Ты же знаешь, мне неприятно это слышать. Да, я потеряла работу. Фирма развалилась. Я-то в чем виновата? Хорошо, что Никита нашел работу.

— Так бы оба и дальше сидели у меня на шее.

— Ты сама притащила меня сюда! Я, словно колорадский жук, сижу на картошке вместо того, чтобы искать работу.

— Летом ты ее не найдешь. Всю весну искала — без толку. Здесь от тебя хоть какая-то польза. Нечего бездельничать в городе!

— Мне что, тут до конца лета торчать? Мама, мы так не договаривались! — Маша недовольно воткнула лопату в землю.

— Мы никак не договаривались! Нам всем тут лучше, чем в городе. Что ты там была? Никита живет дома и к тебе приезжает на выходные.

— Вам... Ты и тетю Олю имеешь в виду. Ты всегда ее слушаешь и делаешь, как она хочет. У тебя нет собственного мнения!

— Ты очень сильно преувеличиваешь! — мать оперлась на вилы. — У меня на все есть собственное мнение. Ольга — старшая сестра. Ее мнение важно для меня. Иногда оно совпадает.

— Иногда?... — издевательски переспросила дочка. — Да всегда... Мнение дяди тоже важно? Что-то ты его не слушаешь! А он среди вас самый старший.

— Петр живет отдельно. Он не в себе. Мы не общаемся. Кто будет прислушиваться к психически нездоровому человеку? Ольга все правильно говорит. Я прислушиваюсь к ее словам, но не более того.

Маша не стала дальше спорить с матерью. Ее больше интересовала возможность улизнуть из ненавистой деревни.

— Неужели все лето в глуши? И нет способа уехать?

— Что тебе здесь не пожить? — мать никак не могла понять дочь. — Спать есть где, не голодаешь... В детстве уезжать не хотела. С боем забирали от бабушки с дедушкой.

— Все не то. Я уже выросла. Смешно полагать, что ум взрослого человека будут занимать те же мысли, что и фантазии маленькой девочки. Мой муж не скачет на белом коне. И живу я не в замке. Начни еще вспоминать, что когда-то мечтала стать стюардессой.

— Я — твоя мать. Ты для меня всегда останешься ребенком.

— Мама, а если ночевать нигде будет или есть нечего, то я смогу уехать?

— Что значит «нигде будет»? Места полно. Не голодаем, чай не в Африке живем...

— К нам больше никто не приедет?

— Кто может приехать? Лешечка со своей любовью на моря уедет. Твой работает, Анатолий тоже. На выходные им есть где спать... Это зимой раньше на печке спали или рядышком, чтоб теплее было. Летом в избе можно и на полу...

— На полу — шикарный вариант. Как собаки...

— Ладно, на сегодня хватит, — сжалась мать. — Уже темнеет. Пойдем домой, — разогнувшись, Анна закричала и схватилась за поясницу.

— Говорят, на полу спать полезно.

* * *

На плите шипел ужин. Старательно замаринованное мясо томилось в старой эмалированной кастрюле. Ольга сидела на веранде и раскладывала пасьянс. Завтра при-

езжал муж обшивать веранду. Заботливая жена рассуждала чем бы еще занять родненького на следующих выходных, когда в избу ввалились уставшие сестра с дочкой.

– Опять не разложился, – Ольга смешала карты. – Сплошное невезение. Накопались? Садитесь играть. Сгоняем партейку перед ужином.

– Во что? – Анна и Маша с охами опустили на стулья.

– В дурака. Больше мы ни во что не умеем.

– Только по правилам играть, – заявила Маша. – А то я вас знаю!

– Это как?

– Подкидывать по очереди, а не как вы, вразнобой, – пояснила Маша. – Пока я не скажу «бито» – никто не подкидывает.

– И ты подкидывай. Кто мешает?

– Так неинтересно. Хаос сплошной. Не игра, а черт знает что!

– Тебе в любви уже повезло, – успокоила мать. – Может, и в картах повезет. Что еще вечером в деревне делать?

Ольга тщательно перемешала колоду и сдала по шесть карт.

– У кого шестерка? Признавайтесь.

– У меня, – довольная Маша показала крестовую карту.

– Ходи под меня.

– С удовольствием.

Маша зашла с двух карт, но тетя отбилась.

– Ну, больше нет?

– Мама?

– Бито.

Генеральши пополнили войска.

– Мой ход, – Ольга выбирала между черными семерками и красными восьмерками. Старшая сестра играла спокойно, в удовольствие. – Вот так.

– Этим мусором нас не испугаешь, – Анна отбивалась от семерок лихо, не жалея козырей.

– Бито, – сестра отступила.

– У меня нет, – Маша расстроилась. Играли по правилам, но подкинуть ей было нечего.

Игроки в очередной раз пополнили карточные секстеты.

– Ну, доча... – Анна всегда играла вдумчиво, следила за вышедшими картами и сделала осторожный ход.

– Отобьюсь. Тузы. Что скажете?

– Заметь, играем по правилам, – подметила тетя. – Как ты и хотела.

– Я это ценю. Так играть логичнее. Правила приближают дурака к серьезным играм. Не бридж, но все же...

– У нас тут свой бридж, – тетя на секунду задумалась и подкинула карту. Колода худела, а на руках скопилось много мусора.

– Туз! Козырь! – ахнула Анна.

– Карта плохая, – оправдывалась сестра. – Нужен ход.

Маша нервно забрала карты.

– Кстати, я тут днем подумала, – Ольга обратилась к играющим. – Надо будет жалюзи повесить на те окна. Вечно туда светит солнце. Занавески не спасают.

Ольга выкладывала карты на стол. Анна отбивалась.

– Правильно говорить жалюзй, – Маша поправила тетю. – Слово французское.

– Ну и что? – не поняла тетя. – Говорю-то я его по-русски. Жалюзй?.. Жалюзй... Жалюзй... Неудобно. Кто решил, что именно так нужно произносить? Есть?.. Бито.

– Филологи. Специалисты, знающие и берегущие родной язык.

Сидящие за столом разобрали последние карты. Наступило время развязки.

– От кого? Повезло тебе, сестра, козырь твой, – порадовалась Ольга за сестру.

– У меня четыре валета, и все козырные, – Анна отправилась на дочь холопским походом.

– Всё по-другому переделывают, – согласилась мать. – Бейся, доча. Раньше всегда говорили: деньга́ми. Сейчас – де́ньгами модно. По телевизору и стар и млад, и бомж, и профессор – все говорят де́ньгами. Так до революции говорили. Еще наши деды и бабки.

– Сейчас бабки лежат в кошельке. Эти твои филологи сами не знают, что хотят и промеж себя договориться не могут. Специалисты... Возьми хотя бы йогурт. Так теперь бери йогурт! И кофе – среднего рода. Не удивлюсь, у твоих филологов скоро чай будет женского.

– Чай не может быть женского рода... – Маша зыркнула на игроков. – Всё? Ни у кого нет? Отлично...

Маша лелеяла надежду скинуть все карты, но Ольга стойко держала оборону, однообразно выкладывая королей.

– Может или нет, пускай мо́лодежь решает. А я на окнах жа́люзи повешу... Мужских рук не хватает. Толик работает. Он у нас один рукастый. Уже на пенсии, а пашет на двух работах. Есть добрые люди – дают пенсионеру работу. Хотя молодежь такая... Ей у нас дорога, а старик без работы не останется.

– Он у нас вообще один. Мой-то спился окончательно, – смирившись с судьбой, делилась Анна наболевшим. – Неделю, правда, в рот не брал. Работу нашел. Но это пока деньги в руки не попали.

– Маша, есть?.. Не на что было пить.

– Ну, – согласилась сестра. – Хочет к матери уехать.

– Вот так! – Ольга была полна решимости завалить сестру, но у Анна оказалась крепким орешком.

– Я вышла!

В игре остались тетя с племянницей.

– Маша, у меня одна карта!.. Жаль наша Зинка укатила. Играли б два на два...

Маша не знала какую карту выбрать и кинула наугад.

– О, впакала! – завизжала тетя. – Спасибо!

– Впакала?

– Так говорила твоя бабушка. Что значит – вмастила. Молодежь!

– Вечно Вы со своими словечками. Опять осталась. Больше не хочу играть! Не везет... Сегодня дискотека в клубе.

– Играли по твоим правилам. Ужинать давайте.

– Я не буду, – отказалась Маша.

– В Приезжево дискотека? – Анна убрала карты в сервант. – Ты же на поле умирала!

– В кое-то веки отдохнуть можно по-настоящему! – огрызнулась дочка. – Ребята обещали подкинуть.

– Иди, – одобрила мать. – Только проверь белье. И потом закрой ворота.

Маша вышла на улицу. С ненавистью осмотрела двор. Она представить себе не могла, что когда-то девочкой здесь проводила лето. Целый год ждала летних каникул. Неужели любила прятаться с девчонками в старом сарае, валяться часами в гамаке?! Вспомнила, как пошла с мальчишками за грибами, никого не предупредив. Заблудились, под дождем вымокли. Всей деревней их искали. Вот тогда от бабушки влетело! Но чудесные времена уже не вернуть. Сказка закончилась. Бабушка умерла, дед утонул. Их сожгли и закопали... Маша потрогала развешанное между березами белье. Вдруг за углом избы скрипнула калитка. Маша тихонечко вы-

глянула и увидела дядю, под покровом опускающейся темноты крадущегося осторожно, озираясь по сторонам, в руках держа бутылку. К соседке...

– А мы его считали сумасшедшим! Хорош псих! Сосед в отъезде... Ну дела... – усмехнулась Маша и вернулась в дом.

– Проветрилась? – встретила вопросом мать вернувшуюся дочь. – Что на дворе?

– Почти стемнело. Ночь будет темной. Белье влажное еще. Пусть весит. Утром снимем. Я пойду в клуб... Видела дядю. Шел с бутылкой в гости.

– Что ему еще делать? – вздохнула мать. – Пошел по деревне искать собутыльников.

– Слишком уж целенаправленно шел. Словно бык к...

– Куда?

– Не знаю, – смутилась Маша. – Шел прямо, там... Видимо, знал куда.

– В Чертовидово двинул, – угадала Ольга. – Излюбленное место для алкашей. Там самогон самый дешевый. На прошлогодней картошке настаивают.

– Еще скажите, что именно поэтому деревню так назвали! – буркнула Маша.

Глава 6

Петр стоял у двери в соседский дом. Поджилки ходили ходуном. Как все пойдет? Иногда думаешь так, а все складывается иначе. Петр не мог похвастаться обходительностью в общении с барышнями, его манеры оставляли желать лучшего, и при завоевании женских сердец изысканности фраз он предпочитал прямолинейность зоотехника. Исходя из собственного сельского опыта Петр понимал, что сорвать молодильное яблочко соседской женушки сразу не получится – слишком высоко висит. Но время сходить за лестницей у него есть. Сосед не завтра возвращается. Спрятав бутылку в карман, Петр постучал в дверь.

– Хозяйка! Открывай!

– Кто там? – раздался вскоре знакомый голос за дверью.

– Сосед.

– Петр, ты? Что нужно?

– Я, конечно! – усмехнулся Петр. – Сергей просил зайти.

– Так он же в город уехал. Будет неизвестно когда... Позвони ему.

– Я знаю. Дверь открой. Не могу же я орать на всю деревню.

Лиза открыла дверь. Домашняя, слегка встревоженная, стоявшая на пороге распахнутого дома, она казалась Петру еще заманчивее.

– Так что случилось?

– Мне нужен твой совет.

– Сейчас? Ночь на дворе. Утром мой совет тебе не поможет?

– Бессонница меня замучила, – пожаловался Петр. – Сил нет. Твой муж намекнул, что ты поможешь. Я ненадолго.

– Намекнул, просил зайти... – жена Сергея не понимала соседа, но Петр выглядел трезвым и вполне безобидным. – Ну, раз так... Проходи.

Петр зашел в дом и сел за стол. В каждой детали окружающего интерьера чувствовалась женская забота. Кружевные занавески на окнах, перемытая посуда и натертый пол умилели ночного гостя.

– Нужен твой женский совет, – Петр замялся. – Стесняюсь говорить. Неловкость сушит горло. Давай чего-нибудь выпьем!

– Да у меня нет, – растерялась хозяйка.

– Я так и думал. У меня есть, – сосед проявил находчивость и из-под мышки выудил бутылку. – Давай стопку. Две...

– Ты подготовленный пришел в гости, – Лиза почувствовала, что теряет контроль над ситуацией. – Я не буду.

– Ты поставь – я налью. Можешь не пить. Я не алкоголик, пусть у тебя будет наливо. Без закуси обойдемся. Хочу с тобой поговорить. Разговор накопился. Хочу с сестрами помириться, – Петр изобразил на лице беспокойство.

Лиза молча достала стопки из деревянного буфета и села за стол напротив Петра.

– Да уж, вопрос действительно неотложный... На ночь глядя будем родственные отношения решать. Ольга говорит, что это ты воду мутишь. Наследство тебе голову вскружило. Требуешь все себе одному...

– И что я сумасшедший?

– Да.

– Ты же видишь, что не сумасшедший. Они против меня ополчились. Я – жертва их жадности. Ольга гоняет Толика из города каждый выходной, у Аньки муж почти спился. Зинкин, сама знаешь, напился и под комбайн попал. Ее понять можно, без мужика ей тяжело. Но мне без них тоже тяжело. Я им нужен. И они мне. На пустом месте рассорились. Как подумаю – резь в сердце... Вот как подступиться – не знаю...

– Родные сестры все-таки. Не знаю, чем помочь... Надо вам сесть и поговорить. Обсудите всё спокойно, без этого, – Лиза кивнула на бутылку. – На трезвую голову. Неужто не найдете общего языка?

– Да... Попробую... – вздохнул Петр. – Должны сестры понять своего брата. Но понимаешь в чем дело... Мне не их жалко, а тебя, Лизонька.

– У меня все хорошо, – возмутилась Лиза. – Мой муж при мне. Вот только поехал по работе в город. Что меня жалеть?

– Это про Сергея и Зинку.

– Что с ними? Что-то случилось в дороге? – залепетала молодая жена. – Мне Сергей не звонил...

– Не знаю... Может быть... Да нет, Зинка трусиха, – разулыбался Петр. – Потерпят до города.

– Не пойму я тебя...

– Что же тут непонятного?! По-моему, все предельно ясно. Моя младшенькая сестренка и твой муженек крутят любовь! – выпалил Петр «домашнюю заготовку».

– Любовь?! Ты с ума сошел, Петр? Что ты такое говоришь... – опешила Лиза.

– Я-то нет. Это ж не у меня шуры-муры с моей сестрой! А вот твой муж – да! Это – чистейшая правда! Причем не от сестер, как ты понимаешь, а из первых уст. Мне все это рассказал твой собственный муж. Пьяный разговор. Помнишь, ты ему еще тогда куртку принесла. Мы сидели за столом во дворе, выпивали. Вот тогда Сергея мне все и рассказал. Я своим ушам не поверил! На тебя тогда посмотрел – ты такая... А тут все подтвердилось. У Сереги аж глазища горели... Как можно от такой женщины налево бегать?

– Да не может такого быть! На меня ушат холодной воды вылил! Я тебе не верю!

– Сергей твой давно на Зинку смотрел! Медовое яблочко есть приятно, но ведь и антоновку иногда хочется укусить.

– Заявляешься среди ночи под благовидным предлогом, мужем прикрылся, совета хотел, а сейчас очерняешь его... Ты сошел с ума!

– Вот и ты туда же, – Петр махнул рукой. В любой момент он может кинуться на соседку. Что с него взять? Псих. Только муж не поверит. – Выпьешь?

– Пей один.

– Ну, смотри, – Петр сделал глоток. – Я все это тебе говорю, потому что нет сил молчать. Как тебе дальше вести себя с мужем – дело твое. Я лишь хочу, чтоб ты мне доверяла. Врать мне нет смысла...

- Я ему позвоню, — Лиза вскочила со стула.
- Зачем?! Меня не выдавай! — взмолился Петр. Вся затея повисла на волоске. — Я в ваши дела не лезу. Муж твой все отрицать будет. И Зинка. Они над тобой смеяться будут! Меня — ненавидеть! Сестры и так отделились, а если позвонишь — от меня все отвернутся. Тогда хоть в речку иди топиться. Я бы тебе не изменял...
- Петр, иди домой! — попросила Лиза. — Поздно уже... Подумать мне надо. Одна хочу побыть.
- Давай еще посидим... Мое горе обсудили. Твоя очередь... Ты мне советом помогла, я тебе тоже... Мы с тобой товарищи по несчастью. Должны вместе держаться, — Петр пододвинулся со стулом к Лизе.
- Петр, иди домой, — чуть слышно произнесла брошенная жена. — Худо мне, товарищ по несчастью... Иди, иди. Оставь меня одну.
- Вот тебе раз! Зачем тебе одной оставаться? — Петр приобнял стоявшую жену соседа за талию, но Лиза увернулась и схватила скалку.
- Уходи!
- Горяча... Придется допивать одному... — Петр забрал бутылку со стола. Дело сделано. Рыбка клюнула. Осталось только подсесть. — До завтра... Я к тебе загляну.
- Петр возвращался домой победителем. Он не сплеховал в нужный момент и ловко провернул непростое дельце.
- Лиза закрыла дверь, обмякшая, опустила на стул и залпом осушила стопку.

Глава 7

Темнота сгустилась над Рублёвом. Гордые аисты задремали в гнездах, небо заняли пищущие летучие мыши. Вдоль большака засемили вороватые енотовидные собаки.

Маша вернулась с проклятой дискотеки. Сельский клуб, наполненный незнакомыми малолетками, безразлично отшвырнул городскую красотку. Коктейли местного разлива не поспособствовали сближению — она для нового поколения уже стара...

Маша чувствовала достаточно энергии в теле чтобы не пойти спать. Она решила еще немножечко выпить и курнуть. Бабушкины запасы всегда хранились на чердаке. Маша тихонечко заглянула в избу, прислушалась. Тишина. Только в углу беззащитно сопела мать. Бесшумно забравшись по лестнице на чердак, распахнула окно.

После смерти бабушки технология приготовления наливок оказалась утеряна. Ни брат, ни сестры не смогли утопить спиртовую жгучесть в черноплодно-сахарной эссенции, сохранив густоту и цвет напитка. Спиртометром бабушка не пользовалась, но наливки сбивали с ног здоровенных мужиков. Наутро те просыпались младенцами.

Пригубив аромата прямо из бутылки, Маша закурила у окна, скидывая пепел в старую консервную банку. Все, к чему она привыкла, осталось в прошлом. Было! И рассыпалось в прах. Вернуть минувшее невозможно. Осталась только ненависть к настоящему. Маша, прихлебывая из бутылки, рассуждала о необходимости побега в город — во чтобы то ни стало вернуть привычный образ жизни. Пришла пора положить конец материнскому надзору, решила Маша, как к горлу подступила предательская тошнота, вероломно вмешавшись в чердачные размышления. Во избежание конфуза Маша кинула недокурную сигарету в банку и побежала вниз.

Пока Маша в деревенском туалете энергично освобождала желудок, легкое дуновение ветра прикрыло раму чердака. Консервная банка с дымящейся сигаретой зажигательной бомбой полетела вниз. Туалетная экзекуция — мероприятие утоми-

тельное. Прополоскав рот водой из умывальника, Маша посидела на скамейке, пока не пришла в себя. Перед тем как отправиться спать, решила замести следы бесчинства.

Вернувшись на чердак, Маша ужаснулась: горели сложенные газеты и старая одежда, валявшаяся на полу около окна. Необычная картина мгновенно и окончательно отрезвила. Инстинкт самосохранения призвал кинуться на тушение губительного пожара, но вдруг Маша в этом разгорающемся костре ясно увидела спасительную выгоду. Беспощадный огонь с аппетитом пожирал сухую древесину. Маша любовалась величием и красотой огня! Языки пламени должны были вернуть ее к нормальной городской жизни. При Машином невмешательстве разгоралось быстро, но она никому не желала зла... Всего лишь хотела навсегда уехать из деревни. Когда огонь охватил весь чердак, Маша кинулась вниз, включила свет и стала расталкивать спящих.

– Пожар! Да просыпайтесь же! Мама, тетя, вставайте! Пожар! Чердак в огне! Вставайте!!! Хватайте документы и бежим на улицу! – истощенно орала Маша.

Сонные обитатели горячей избы не сразу оценили масштаб бедствия. Шурившись от света, пытались понять происходящее, пока едкий серый дым просачивался через щели на потолке. Осознав, наспех похватили одежду, документы, с перекошенными лицами выбежали на улицу. Вызвали пожарных.

– Я возвращалась с дискотеки и увидела огонь! Уже не потушить!

– Может, что-то вынести? Пока не поздно? – предложила мать.

– Ты что, мама! Вдруг все рухнет?

– Все горит. Конец дому. Как же так? Ни с того ни с сего... – ахала Ольга. – Все сгорит дотла. Что там могло загореться?

– Да проводка замкнула и все... Дерево сухое, старое... – Маша не могла оторвать взгляд от чарующего вида. Огонь полностью овладел избой.

– Где наш брат? – Ольга судорожно оглянулась.

– Тетя, не волнуйтесь! Я же видела, как дядя уходил с бутылкой в сторону соседней деревни... – успокоила Маша. – Пошел пить со своими алкашами... Успокойтесь, главное все живы.

– Слава богу! Хотя никто не пострадал! Ой, Машенька, если бы не ты... Спасла! Ангел наш!

Вдруг из темноты выскочила ошалевшая Лиза.

– Соседи, вы горите? Пожарных вызвали?

– Вызвали... – Ольга махнула рукой. – Что толку в пожарных? Пока приедут – все сгорит!

– Вы одна? – удивилась Маша, оглядывая соседку.

– Одна... С кем же мне быть? Муж же уехал... Не спалось... Смотрела телевизор – в окне увидела огонь.

Ошарашенная Маша судорожно пыталась понять происходящее.

– А где ваш брат, Петр? – Лиза словно озвучила Машины мысли.

– Пошел пить к алкашам. Водка отвела от него беду... – тихо ответила Анна. – Хотя какая-то от нее польза.

– Да?.. К алкашам?.. Продолжать?.. – Лиза попыталась выстроить логическую цепочку. – Ну, слава богу!

– Вы точно одна? – Маша была в шаге от страшного вывода.

– Не пойму я тебя. Что за вопрос? Дыму надышалась? Я одна! Кого еще ты хочешь видеть?

– А дядя мой?

– Зашел ко мне. Наговорил гадостей... Так я его выпроводила. Мечтает с вами помириться. Особенно с Зиной. Думала, он спать пошел...

Маша опустила на колени, схватилась за лицо и зарыдала.

– Машенька, не убивайся ты так! – тетя принялась успокаивать племянницу. – Это всего лишь дом. Старая изба. Поставим еще богаче. С жалюзьями...

– Да что случилось, доча? Успокойся! Ты пьяна?

– Это шок! – успокоила Лиза. – Я про такое читала. Все образуется. Придет в себя.

Чудовищный костер озарил Рублёво в эту ночь. Оранжево-желтый огонь играл на лицах, обдавая жаром, беспомощных сестер. Подходившие односельчане охали, причитали. К полыхающей избе подъехали две красные машины с синими маячками. Пожарные раскинули по сочной зеленой траве грубые брезентовые рукава, но уже ничего нельзя было изменить.

Глава 8

День выдался ясным и безмятежным. Небеса не плакали. Только ветер копошился в кронах деревьев. Пока мальчуганы, вооруженные пиками и острогами, стерегли добычу у порога Великой, их деды и бабки поминали добрым словом сгоревшего. Поднимали рюмки за верного мужа, любящего отца, настоящего хозяина.

Похоронили Петра рядом с матерью, на пригорке. Местная полиция состава преступления не увидела. Одним сгоревшим алкашом больше, одним меньше. Огненная стихия пожрала все, выдержали только стены сарая, сложенные из речного камня.

После поминок сельчане расползлись по домам. За деревянным столом вспоминать прошлое остались две сестры.

– Ты не находишь этот стол странным? – Анна поделилась своими опасениями с сестрой.

– Чем же?

– Каждый раз, когда я сижу за ним, меня тянет выпить.

– За этим столом еще наш отец пил.

– Вся деревня к нему приходила. Мать не ругалась, понимала.

– Если б не понимала, так, может, жив был бы... Помнишь, как мы сюда приехали в ожидании лета? – спросила Ольга младшую сестру. – Хотели отдохнуть, перестроить тут все.

– Погода стояла шикарная. Солнечно, зелено... Ты, помнится, хотела красить забор. Петр встретил нас выпивший...

– Так нам обрадовался... Я аж оторопела от его гостеприимства. Как нелепо, глупо все вышло. Сгореть пьяному в родном доме, где когда-то родился.

– Судьба... – горестно вздохнула Анна.

– Судьба? – переспросила Ольга. – Сам всю кашу заварил... Отделился от родных сестер, досаждал, как мог... Что не жилось? Так и погиб, не сказав последнего слова. Лена его отказалась от своей законной доли. Больше сюда не приедет. Зина носа не показывает, а нам надо жизнь налаживать. Лизе – спасибо, приютила обездоленных, но не можем мы злоупотреблять ее гостеприимством. Новый дом надо ставить. Просторный, светлый, чтоб всем места хватало вдоволь.

– Оля, я знаю тебя. Этот разговор ты начинаешь неспроста. Уже все решила и хочешь построить дом для всех?

– Ну а как? Ты что, не хочешь? Тут хочешь, не хочешь, а надо...

– Даже не знаю... – Анна потупила глаза. Пришло время сказать старшей сестре то, что так тяготило ее последние дни. Сгоревшая изба подвела черту... – Я долго думала и закралась у меня сомнения. Один ставить или два...

– Зачем два? – не поняла Ольга. – Все в одной избе жили. Небольшая, но родная... Поставим дом, со временем и он нам всем родным станет.

– Это она, Оля, нам была родная. Нашим детям уже не очень... Что мы внукам оставим, дай бог, многочисленным? Один новый родной дом на всех? Я думаю, надо не о себе думать! Выбрать места, и каждой собственный дом ставить. Всю жизнь работали – неужели на старости не заслужили по своему углу?

– Когда отсюда уезжали на телеге, вместе в городе жилье снимали... И по коммуналкам помаялись. В городе каждая в отдельной квартире живет. У меня, у тебя, у Зины свои семьи, дети. Но это все там, в городе. Почему здесь мы не можем жить по-прежнему, как когда-то? Словно какой-то слепень тебя с братом укусил. Откуда у вас эта зараза отделения? Родные люди должны держаться вместе. Леша живет с нами в городе. Женится – приведет молодую жену к нам с Толиком.

– И будут две хозяйки на кухне, – Анна с недоумением взглянула на старшую сестру.

– Ну и что такого? Потеснюсь. Будем помогать друг другу. Я невестку научу готовить. Кому как не мне знать любимые блюда ее мужа, его привычки и желания.

– Дочку растят для себя. Сын уходит в другую семью. Так всегда было. Хотя молодым лучше жить отдельно!

– Брат жил отдельно. Вон чем все кончилось.

– Зачем ты так драматизируешь? Ничего страшного ведь не происходит. Каждый день будем друг к другу в гости ходить.

– К родной сестре в гости! Дожили. Тем более что мы ведь здесь не круглый год живем. Одни приедут, другие уедут. Зимой вообще пусто. На Новый год каждой свою избу топить? Отдельные дома – это ведь совсем лишние траты! Поставим один, всем места хватит.

– Вместе – дешевле, но нет ничего хуже общего наследства, – Анна не сдавалась. – Мы с тобой невечные. Неужели ты хочешь, чтобы наши дети прошли через те же испытания, что и мы? Соберутся на поминки и начнут делить просторный, светлый дом. Зинкин еще приедет...

– Наши дети будут умнее и мудрее. Они уже лучше нас. Каждое поколение учится на ошибках предыдущего. Так что за них не стоит переживать. Наломают дров, пока молодые... Не без этого... Но наших ошибок не повторят.

– Хорошо бы, – согласилась Анна. – Но если б так и было, то все мы, люди, жили бы совсем по-другому. Гораздо лучше! Умные учатся на ошибках других, но таких мало... Обычное большинство учится на своих ошибках. Мир еще полон дураков, которые вообще игнорируют обучение. Родительская слепая любовь заставляет верить в лучшее. Дай бог, чтоб нам не обмануться в наших детях! Но ведь нет никаких гарантий, что твой сын не пойдет по стопам дяди.

– Не пойдет! – отрезала Ольга. – Леша вообще не пьет. И как ты можешь их сравнивать...

– Мы все этому безмерно рады! Жизнь длинная... Мы даже и не мечтали, что будем жить в городе, а дети наши университеты позаканчивают. Засыпали в доме, а проснулись на пепелище. Могли и не проснуться. Сидели бы с тобой на облаке. И строить ничего не надо. Святым духом питались.

– Вижу, тебя не переспорить... – обессилила старшая сестра. – Делай, как знаешь!..

Глава 9

Сергей, сигналив, подъезжал к родному дому. Трава приветливо шуршала по брюху автомобиля, но с момента его отъезда в город что-то произошло в деревне. Последнее время любимая жена холодно, через силу разговаривала с ним по теле-

фону. Объяснений этой отчужденности он не находил. Сергей возвращался к жене словно побитая собака. Последний раз мучительная тревога отравляла его существование позапрошлой весной – предстояло объясниться с женой, прожившей с ним в браке почти тридцать лет. Сергей признавался в измене и уходе из семьи к молодой любовнице. В том случае вина его была бесспорной. Теперь же святой Сергей терялся в догадках. Тайком от жены он продолжал снабжать деньгами уже взрослого сына, но просочиться эта информация до Лизы не могла. Молодая жена хотела детей, но Сергей на старости лет опять погрязнуть в пеленках не имел ни малейшего желания.

– Лизонька, рыбонька моя, здравствуй! – запел Сергей, войдя в избу. – Я уж сигналил, сигналил, а ты не выходишь. Заработалась. Все по хозяйству хлопочешь. Наконец-то я тебя вижу.

– Приехал? – процедила Лиза сквозь зубы и, вооружившись ножом, принялась разделявать тушку цыпленка. – Очень вовремя. У нас гости. Соседей приютила. Дел невпроворот.

– Да, ты звонила... – Сергей попытался поцеловать жену, но та отстранилась. – Не поцелуешь? Не рада мне? Что у нас случилось? Не пойму тебя. По телефону ни одного ласкового слова... Возможно, ты и права. Такая трагедия. Несчастный Петруша...

– Соскучился по женской ласке? Неужели?

– Соскучился! Безумно! По тебе! Вырвался сюда с огромным трудом. На работе полный завал, а я здесь, с тобой...

– Завал у него... На кого? Новые малярши появились? – Лиза содрала с цыпленка кожу.

– Что ты говоришь?.. Да какие малярши? Азиатов нельзя на день оставить. Все вкривь да вкось. Клиент бушует, грозит! Полное сумасшествие!.. Устал с дороги. Ты еще явно не в духе...

– В дороге устал туда или обратно? Зинка утомила? – Как всякая женщина, оставленная наедине со своими мыслями, Лиза погрузилась в раздумья. Безобразная соседка Зина не могла быть объектом плотских желаний Сергея, но ведь и его бывшая жена тоже не слыла красавицей. Эмоциональные качели порядком утомили Лизу. Она не знала что делать, спустить с мужа шкуру или смеяться над неудачной шуткой сгоревшего соседа.

– Зина, конечно, между нами говоря, глупа. Мелит всякий вздор. И, ведь главное, без умолку. Как будто ей кто-то с детства запрещал говорить. Села в машину и давай... Ей следовало бы запретить болтать до конца света! Как минимум... Можно подумать, мне интересно слушать малярские байки о переселении душ! Или о ее способностях по запаху определять цвет краски. На ее примере я убедился, что пары всех этих красок крайне негативно влияют на мозг человека.

– Женская глупость привлекательна для мужчин, – Лиза еле сдерживалась.

– Ну... если она сочетается с молодостью и хорошей фигуркой. Зина с диетой не дружит и родилась даже не позавчера. Если бы не Петр, земля ему пухом, я бы ни в жизнь не посадил ее к себе в машину.

– Петр тебя просил об этом?

– Не то что бы просил...Зина захотела уехать. Петр об этом сказал. Мне же в город. Вот и отвез, – Сергей опять попытался обнять жену.

– Отстань от меня! Не зли... – зашипела жена. – Совпало у него. Надо ж как ловко все излагает. Как будто не виноват ни в чем. Твое счастье, что я остыла. Попадись тогда под горячую руку...

– Так в чем я виноват?! – расстроенный Сергей отошел от жены. – Соседки у нас живут. Ты из-за них, что ли?

– Дом их сгорел. Жить негде. Пока построятся... За строителями глаз да глаз нужен, чтоб сделали все хорошо.

– Это мне хорошо известно, – махнул рукой Сергей. – Что здесь, что в городе, строители аховые.

– Сходи за водой! Прогуляйся с глаз...

Сергей покорно взял ведра и вышел во двор. После смерти Петра он долго размышлял над сложившейся ситуацией. Сергей не мог смириться с мыслью краха обогащения и решил зайти с другой стороны.

Лиза не успела разделать цыпленка, как в избу вошли сестры.

– Надо воды принести. Будем обед готовить, – предложила Ольга. – Спасибо тебе, Лиза, бомжей приютила.

– Что ты все меня благодаришь? – устало произнесла Лиза. – Соседям грех не помочь. Раньше бы всей деревней вам опять дом подняли. Нынче уж некому... Я мужа за водой послала.

– Муж к тебе приехал? Так значит, это он бибибал. Мы думали – автолавка... Вот это новость! – Ольга посмотрела на сестру. – Вечером спать пойдем в баню.

– С чего это? Тут и спите! Пусть он в баню идет...

– Так вам, наверное, есть что сказать друг другу? – улыбнулась Ольга. – Чего мы мешать будем? Вам поговорить надо... Давно не виделись... Разговор накопился...

– Не помешаете! Мой болтун еще тот... Болтает со всеми...

– Да я не о том... Мы у тебя и так приживалы. Еще и личной жизни мешаем.

– Глупости! Вы мне как родные. От греха уберезете!

– С мужем это не грех! – не унималась Ольга. – Какой же это грех?

– Так, кажется, и убила бы его! Как его увидела, опять все внутри закипает...

– Если бы я своего Толика каждый раз убивала, когда он заслуживает, то воскресать не успевал бы. Вот убийство – грех!

– Пойду Машу позову. Пускай помогает суп варить.

– Оставь ее. Дочь твоя не в себе. Совсем не своя после всего... Она еще ребенок. Психика нестабильная.

– Боюсь я за нее. Не оставляйте ее без присмотра, – посоветовала Лиза. – Как бы чего не удумала...

– Что вы говорите! – ахнула Анна. – Взрослый же человек... Скоро у самой дети будут! Труд – лучшее средство от хандры. Отправлю после обеда траву за сараем косить. Утром другим человеком проснется.

– Так вот в чем дело! Уже ждете? – удивилась Лиза.

– Что же ты молчишь? Какая тогда трава?! – резонно заметила Ольга.

– Я не знаю! Это так, к слову... Вы меня не так поняли... – улыбнулся Анна. – Я в будущем имела в виду.

– Смотри, не загоняй девку. Работа в поле не всегда полезна. Сами скосим. Мне уже после вредного производства ничего не страшно. Да и тебе, Аня, с осени в библиотеке сиднем сидеть. Разомнемся... Зинка наша чудит. На похороны брата не приехала. И на девять дней не обещала. Надо же начинать строиться. Толик приедет, будем дом выбирать. Ты где будешь ставить?

– На прежнем месте нельзя. Дурное поверье. Я бы у реки поставила, – выбрала место Анна.

– У реки и я бы поставила, – согласилась Ольга. – Весной ледоход, Великая разливается. Все снесет. Так что у реки никак...

– Я знаю. Мне чтоб вид на реку.

– Поставим два дома с видом на реку. Там как раз места хватит. Зинка не объявится, значит – пролетает!

Распахнув дверь, в дом ввалился Сергей с ведрами.

– Поставь в угол, – скомандовала жена.

– Вот и хозяин объявился! – Ольга широко улыбнулась. – Здравствуй, сосед.

– Здравствуй! С приездом! – раскланялась Анна.

– Хоть кто-то мне рад в этом доме! – Сергей поставил ведра, куда было велено. –

И что самое интересное – это соседи!

– Да уж скоро съедем, – успокоила Ольга хозяина.

– Строители обещали начать без промедления и сдать все в срок, – заверила Анна. – Вот варианты подберем... Надо уже не избы ставить. Современное что-то. Хватит старыми избами жить.

– Да на что вам дома ставить? – Сергей принялся уговаривать сестер остаться. – Одни расходы! Живите у нас. Мы с Лизонькой гостей любим. Места у нас достаточно. Мы тут вдвоем. А с землей что-нибудь придумаем.

– В гостях только татары долго сидят! – отшутилась Ольга. – За гостеприимство спасибо, но нам надо обустраиваться. Без Зины, по-хорошему, нам не решить, но она не едет. По телефону такие дела не обсуждают.

– Нам всем без вашей Зины никуда... – Лиза сверкнула глазами. – Только сюда она вряд ли сунет нос. Придется вам без нее решать.

– Так, я за дочкой пойду или нет? – спросила Анна сама у себя.

– Я ее позову, – вызвался Сергей. – Все равно еще прогуляться надо, с дороги. Поясница устала, разомнись. Полюбуюсь нашей красавицей, – для продолжения битвы за чужую землю ему был нужен новый резидент. И молодая, глупая девушка как нельзя лучше подходила для воплощения в жизнь его новой идеи.

* * *

В небе прибавилось аистов. Вылупившиеся, не выкинутые из гнезда оперившиеся счастливыцы вначале суматошно парили над родительским домом, но пришло время пробовать свои силы в большом воздухе.

Маша сидела на травянистом берегу реки. Если раньше она мечтала покинуть эти места, то после случившегося, несмотря на все предложения матери, решила остаться. От ностальгии по детству не осталось и следа. Настоящее, происходящее в данный момент не могло вывести из ментального оцепенения. Даже аистовый помет, обрушившийся на проходящую под гнездом Машу, оставил ее равнодушной. Какой-то неведомый магнит был закопан в Рублёве. Словно собаке, посаженной на цепь, Маше оставалось молча хранить свой грех и выть от бессилия.

– Не помешаю?.. – Сергей присел рядом с Машей. – Река течет... Откуда берет начало? Никто толком не знает, а где кончается – всякому ясно. В озеро или море... Да-а-а-а... У человека вначале наоборот. Где родился и когда – всем известно, а когда и где кончится – одному Богу известно наперед. Течет себе и впадать не хочет... Пройдет время после кончины, и человек с рекой вровень. Все помнят день смерти, а уж когда там родился – неважно... Горе какое... Сгорел человек, заживо... Вместе с домом. Все наперекосяк. Как все могло бы чудесно обставиться. Все прахом... Даже не верится...

– Да. Уже ничего не изменить. Как ужасно...

– Зачем я уехал в город? Уехал и все... Остался бы, может все шло... Жив Петр... Но не разорваться ж мне! И здесь, и в городе. Ты как тут отдыхаешь?

– Отдыхаю... – Маша отвечала нехотя, через силу. – Как там город?

– Стоит. Что ему будет? Мусульмане новую мечеть строят. После работы грехи замаливать будут. Православные протестуют. Все при делах. Я считаю, что настоя-

щие герои нашего времени — атеисты! Да, да... Одни будут пить вино с Христом, другие курить кальян с Мохаммедом, а я после смерти буду кормить червей! При этом я сохраняю рассудок и работаю, как каторжный. Так кто из нас герой?

— Мне все равно, кто из вас герой! — Маша захотела, чтоб сосед исчез. — Мне своих бед хватает.

— Смерть дяди сильно на тебя повлияла... Настоящий мужик был. Хозяин... Не мог такой человек сгореть. Не верю я в эту проводку. Жена обмолвилась, что полыхало — не потушить...

— О чем Вы говорите? — вспыхнула Маша. — Несчастный случай же... Вы ж там не были, не видели всего кошмара.

— Кошмар... Говорят, что несчастный... Кто до правды под пеплом докопается? Мне не верится... Мысли в голове вертятся. Что скажешь? Может, Петру кто зла желал?

— Дядю все любили, хоть он и со странностями был...

— Любили?! — удивился Сергей. — Если б так, тогда не стали дом делить. Тетка твоя, Ольга, против брата пошла. Себе все прибрать захотела... А он — против. Вот и подожгла брата в отместку. Ведь все молодым должно доставаться.

— Тетя Оля? Как можете так говорить? Она не хотела этого!

— Я думаю вполне могла... Пусть полиция подумает покрепче. Пепел поворошит... Мотив у тети твоей был...

— Да ну что Вы?! Когда все загорелось, дяди не должно было там быть. Он же вечером к вашей жене пошел... — выпалила Маша.

— К Лизоньке? Вечером? Да ты то что несешь? От печали, видать, совсем свихнулась?!!

— Да я собственными глазами видела!

— Что ты видела? Что ты могла видеть? Ну? — у Сергея потемнело в глазах.

— Как дядя шел в тот вечер, когда Вы уехали, к Вашей жене. Но Вы ничего такого не подумайте! Она его домой отправила.

— Ты и это видела?

— Нет. Это потом выяснилось. Случайно. Ваша Лиза сказала на пожаре.

— Моя Лиза. Что она еще могла сказать! Удивительное дело! Теперь все ясно.

Сергей вскочил на ноги и быстрым шагом направился в сторону дома. «Пошел вечером в мой дом, а ночевать отправился к себе, — пульсировало в его голове. — Я-то старый дурак, злые дни, цветы завяли... Вот оно как!»

Маша виновато смотрела на удаляющегося Сергея. Опять она что-то не так сделала. Муж, наверное, поколотит свою Лизу, а она ведь ни в чем не виновата. Наболтала, дура, лишнего.

Утром Маша сделала тест — у них с Никитой скоро будет ребенок, о котором они так мечтали когда-то, но беременность оказалась совсем нехстати. Будущую мать мучили мысли об аборте. Маша не чувствовала новую жизнь внутри себя, но она уже зарождалась. Совершить ли еще одно убийство или оставить ребенка. Если стать матерью, то Маша молилась бы, чтобы родился мальчик. Имя она ему уже выбрала.

* * *

Побагровевший Сергей ворвался в дом.

— Лиза! Мне все стало ясно! Я узнал причину твоей холодности! Ты ничего не хочешь мне сказать?! — заорал Сергей. Сестры Ольга и Анна, помогавшие соседке на кухне, в спешке покидали заготовки и ретировались на улицу. Посторонним небезопасно наблюдать семейную драму, они всегда рискуют быть втянутыми в конфликт.

– Да ну что ты... Неужели? Вот удивил... Ты ее понял до меня... Это уж я после узнала... – жена продолжала хладнокровно помешивать суп. – И нечего на меня орать при соседях.

– Что ты меня за идиота держишь?! Любовник твой сторел... Я-то, рогоносец, его оплакиваю.... Боже, как я смешон! Эта умалишенная, наверное, всем растрепала. Всей деревне... Последняя шавка смеется надо мной!

– Ты что, бузины объелся? Или в реке головой о камни ударился? Какой любовник?

– Издеваешься?! Приходил к тебе Петр той ночью?

– Откуда знаешь? Кто тебе сказал?

– Да об этом вся деревня знает! Еще и не отрицает... Совести нет совсем... Это ж надо! Боюсь даже дальше спрашивать, что тут происходило, пока я был на работе... – Сергей затряс в воздухе сжатыми кулаками.

– Мне нечего отрицать... – ответила, подумав, Лиза. – Приходил. Муж мой укатил развлекаться... Что ж мне, в брошенках сидеть? Нашла себе применение... Как там у тебя, набухает? – Лиза отпустила поварешку и похлопала мужа ладонью по лбу. – Чувствуешь прилив?

– Сдурела баба! Я работать уехал! – орал обманутый муж. – Деньги на тебя зарабатывать. Тряпки тебе покупать... Чтоб ты себе ни в чем не отказывала... Как последний подкаблучник ни на кого не смотрю. Ни глазком... И получаю нож в спину!

– Зинке, небось, много купил? Как она тебе?

– При чем здесь Зина?.. Господи, что ты к ней прицепилась? – Сергей выпучил глаза. – Так ты думаешь?.. Какая несусветная глупость! И мне с Петром изменила? Отомстить решила.

– А что такое? Он мужчина хоть куда! Жаль вот, помер...

– Променяла меня на этого неудачника? Вот как ты мне отплатила? Благодарность твоя! Дура набитая... Про меня с Зиной придумала и решила отомстить?! Идиотка! – Сергея пронзила острая боль в груди. Он замолк, судорожно схватился рукой за рубашку. – Больно... Как больно... – сжав зубы, Сергей жалобно взглянул на жену.

– Больно? Мне тоже было больно! Ничего, пережила. Как другим причинять боль – так ничего. Ты эту боль на себе почувствуешь! Врун, каких поискать. Клоун!

Сергей, теряя сознание, опрокинув стол, с грохотом повалился на пол. Лиза кинулась к мужу. Вбежали сестры.

– Вы так ругались, – произнесла Ольга. – На улице слышно. Что случилось?

– Схватился за сердце и вот упал...

– Господи, «скорую» вызывай! – приказала Анна.

Глава 10

В городе Зина отдалась позитивной энергии мегаполиса. Равнодушная прежде к театрам и музеям, она кинулась восполнять культурный пробел: посетила первые попавшиеся выставки и спектакли. Шекспир, согласно критической оценке Зины, «слишком уж жесток и кровав», а вот «Чехов и его сестры – словно живые». Полотнища творцов эпохи Возрождения произвели на маляра неизгладимое впечатление. Негатив деревенской жизни, идущий по мнению Зины, в разрез с духовным развитием, остался в прошлой жизни. Просачивающиеся новости о смерти брата, пожаре, превратившем в труху свежеекрашенный дом, только подчеркивали правильность выбора. От прежней Зины ничего не осталось, но обновленная глотком городской жизни, она вдруг ощутила острое желание поделиться, продемонстрировать окружающему миру свое новое «я». Кто как не близкие обязаны восхититься иной Зиной.

Родительский дом сгорел, сестры живут у соседей, но Зина никого не стала предупреждать о своем приезде. Ведь она ехала не к соседям, а к родным...

– Можно к вам? – Зина осторожно отворила дверь. – Извините, что без приглашения.

– Здравьте!.. Приехала? Вот те на... Не ждали, не гадали... Ну, проходи, коль совесть есть! – законы гостеприимства не позволили Лизе выставить причину ее беды на улицу. Она вдруг вспомнила о не подвязанных помидорах и засобиралась в теплицу.

– Вот решила к брату на сорок дней приехать. Остановиться негде... Сестры звали, да мне все некогда... Что-то их не видно... В огороде или на речке?

– У них свои огороды. Домики прикупили, рабочие ставят. Скоро уже заселяться можно будет.

– Вот те раз... Быстрые какие... Мне ничего не сказали. Ольга что-то намекала по телефону. Ну да ладно... Пускай ставят, коль барыши позволяют.

– Это уж ваши дела...

– Сергея твоего что-то не видно... Здесь иль в городе?

– Она еще спрашивает! – Лизино терпение подходило к концу. Болезнь мужа стерла из памяти его измену. Жена почти забыла произошедшее, но ворвавшаяся в дом неожиданная гостья опять раздула потухший костер. – Совсем совесть потеряла... Да и не было, наверное...

– Что-то ты все про совесть мою говоришь? – Зина уставилась на хозяйку. – Не успела я порог переступить, как ты на меня кричишь. Думала, шутишь. Так нет. Все взаправду.

– Муж мой в санатории. На реабилитации. Инфаркт у него.

– Прости, я ничего не знала, – от неожиданной новости Зина чуть не упала, присела на лавку. – Ты не волнуйся... Поправится. И на меня, пожалуйста, не кричи. Я же не виновата ни в чем. Наш дом сгорел, брат погиб... Все это ужасно... Так уж вышло. Что ж теперь на людей кидаться?

– Видно, Сергей правду про твою дремучесть говорил. Или прикидываешься?.. – Лиза с прищуром посмотрела на соседку. – Признавайся, было у тебя что с моим мужем?

– Да ты что, Лиза! – опешила Зина. – Господь с тобой. С чего ты взяла?..

– Брат мне твой все рассказал.

– Да с чего он решил-то? Тогда... Ты моего брата слушала больше, царство ему небесное. Он ведь как выпьет, все что угодно ляпнуть мог. Совсем глупый становился. С нами этим летом в контрах был. Вот и наврал с три короба! Ты не думай, болтовня пустая...

Лиза еще раз оглядела соперницу.

– Ну, кабы так и было... – Зина встала с лавки. – Так, наверное, я про инфаркт бы знала. Пришла бы я к тебе с открытым сердцем, без задней мысли? Сама подумай. Я, конечно, хороша собой, но... Муж твой всю дорогу про вас рассказывал. Про любовь вашу сложную... Он же из семьи ради тебя ушел... – Зина говорила абсолютную правду. Сергей, не в состоянии слушать попутчицу, предпочел взять инициативу в свои руки и сам изливал душу болтливой соседке.

– И то правда... – выдохнула Лиза. Она пренебрежительно окинула взглядом соперницу. Несуразная, круглолицая, затюканная Зина никак не могла соблазнить ее мужа. Суровая реальность спасительным маяком осветила тьму женских подозрений. – Все эти несчастья меня совсем оглушили. Ты, Зина, прости меня. Сама не знаю, что на меня нашло. Наговорил мне Петр. Я ведь сразу не поверила... Потом посидела, мысли мне всякие про вас в голову полезли. На кой... ему это надо понадобилось? Зачем нас рассорить-то?

– К тебе клинья подбивал... Вот и пустил слух про мужа. Я в городе в театр ходила, – Зина гордо выпалила то, ради чего и приехала. – Классический сюжет.

– Да не может быть... Соседи ж...

– Соседи... В театре такое играют. Между родственниками срамные дела случаются!.. Если бы своими собственными глазами не видела – не поверила! Теперь уж не узнаем. Я рада, что все выяснилось, – растроганная Зина бросилась обнимать Лизу. – Никакой обиды не держу на тебя. Смешно просто. Так, где мои сестры?

– У вас. За рабочими следят... Может и на речке. Погода вон какая!

– Пойду их проведу.

– Сестер твоих всё в полицию таскают. Допрашивают... Особенно Ольгу.

– Зачем это? – оторопела Зина.

– Всё спрашивают про их отношения с братом. Не могли ли поджечь они родного.

– В полиции ополоумели совсем! Им там нечем заняться?

– Надеюсь, разберутся, как мы с тобой. Зови всех чай пить. Они на дворах или у речки. Больше им негде быть.

Зина ушла, а на Лизу снизошло озарение. Наврал ей сосед про мужа. Она – дура, поверила. Своего Сереженьку неоправданными подозрениями до болезни довела. Прощение уступило чувству вины. Она грех на душу взяла. Предстояло прощение вымалывать...

* * *

В Рублёво кипела стройка, пахло свежими сосновыми досками и мужским потом. Вместо сгоревшей избы рабочие возводили два щитовых домика. Ольга и Анна открыли свои кубышки и выбрали коробки из клееного бруса на свой вкус. Анатолий пообещал все утеплить со временем...

– Ух ты! Какой дом отгрохала! Два этажа?.. Красота... Если бы я, уезжая, знала, что здесь будет стоять, – не поверила, – ахнула Зина, крутя головой.

– Здравствуй, Зина. Приехала? – Ольга не верила глазам.

– Здравствуй. Приехала. Хоромы ставите? Вон, я вижу, и Аня строится.

– Да ну что ты. Это так... Нам с Толиком да вот сыну с будущей невесткой.

– Как там Алексей?

– Давно что-то не звонил. Загорает. Из моря не вылезает, видать...

– Если гости приедут, будет где разместить.

– Баня еще в планах. С верандой. Летом можно будет спать. С Анькой скинемся, да и поставим. От тебя ни слуху, ни духу. То ты в театре, то вообще вне зоны... Мы тебе твою часть земли выделили. Что хочешь строй. А баню нужно одну на всех. Будешь участвовать?

– Оля, я подумаю... Только вот приехала, еще не отдышалась, а ты уже с деньгами...

– Так ты пока отдышишься, снег выпадет! Где манатки оставила?

– У Лизы. Думала и вы там.

– У Лизы? – удивилась Ольга. – Она на тебя так шипела... Мы с Анькой думали, что она в кобру превратится... Случая не упускала, чтоб тебя не укусить.

– Лиза и меня вначале встретила с угрозами. Потом все выяснилось! Она на меня шипела из-за брата нашего!

– Покойник тут причем?

– Наговорил про меня белиберды всякой. Мол, я ее мужа соблазнила и чуть ли не с Лизой разлучить мечтала.

– Сумасшедший, что возьмешь? Это ж надо... Мы все понять не можем, с чего это она на тебя ополчилась... Вон оно что... У нас тут новое развлечение... Меня ж в по-

лицию затаскали! Считают, что это я брата спалила. Представляешь? Всё выспрашивают про наши отношения, не следила ли я за братом. Всех в деревне опросили, не желала ли я смерти родному человеку! Ужасное лето... Все как-то не так...

– С чего это они так прицепились к тебе...

– Я устала от этого бреда. Сил больше нет. Я на грани... Делать им, что ли, больше нечего? Это ж кем надо быть, чтоб поджечь дом вместе с родными?! Говорят, раз свет горел в ту ночь, значит, не проводка...

– Оля, ты не принимай близко к сердцу. Неужто тебя в тюрьму посадят? Невероятно...

– В нашей стране все может быть. Убийцы по улицам разгуливают, а невинного человека в тюрьму посадят. Я в это не верю, но все равно неприятно! Людям не докажешь. Со мной некоторые уже и не здороваются.

– Доказательств у полиции нет?

– Зина, ну о чем ты говоришь? – вскрикнула Ольга. – Какие доказательства?!

– Вот и не волнуйся. Все обойдется. Я в театре видела – все хорошо заканчивается. А жизнь – это театр. Вон Аня с Машей идут...

С речки возвращались Анна с дочкой. Маша решила оставить ребенка. Она рассказала матери о беременности. Анна светилась от счастья... Первый внук или внучка появится в ее семье.

– Какие люди, и без охраны? С приездом, – Анна обняла сестру. – Не чаяли увидеть Вас на родной земле.

– Здравствуй, Зина, – тихо вымолвила Маша.

– Да вот приехала. Удивляйтесь! Что-то ты невесела, Машенька?

– Что тут веселиться? Тяжко на сердце.

– Ну, не на сердце, а под... Мы тут шутили как-то. Ну вот, сбылось. Стану бабушкой. Поздравьте!

– Во дела! Так что же ты грустишь? – лицо Ольги расплылось в улыбке. – Радоваться надо. Поздравляю. Молодцы! Будущему отцу уже сообщили?

– Сегодня по телефону.

– Хорошо бы девочка! – загадала Зина. – Кем же она будет мне приходиться?

– Внучатая племянница... Но мы хотим мальчика. Уже и имя придумали.

– Какое же? – разочаровалась Зина.

– Петр...

– Правильно, – Зина задумчиво закивала.

– Новое поколение нарождается. Пусть хоть они будут счастливее нас, – пожелала Ольга. – Будет нам, старикам, отрада!

Появилась запыхавшаяся Лиза с сумками в руках.

– Наконец-то все сестры вместе...

– Новость у нас. Ждем скорого пополнения в семье...

– Поздравляю, Маша. Скоро мамой станешь? – поинтересовалась Лиза. – Теперь мы все тебя оберегать должны. Идите чай пить, а я к мужу. С Зиной мы все выяснили. Недоразумение одно сплошное. Какой сегодня чудесный день! Вот увидите – все несчастья скоро закончатся. Все будет хорошо! Хозяйство на вас... Цветы поливайте! Побегу, сейчас такси на большак придет...

У Ольги зазвонил мобильный телефон.

– Телефон звонит... Ой, это у меня... Невестка будущая звонит! Из Турции... Может, еще одна приятная новость? Алло... Слушаю...

Она внимательно слушала, и улыбка сползала с бледнеющего лица. Стоявшие рядом не знали, что слышит Ольга, но тягостное предчувствие охватило всех.

– Ужас! Лешка в реанимации. Отравился. Чуть живой, – Ольга села на траву. – Как же так? – беспомощно произнесла она.

– Это невозможно, – заохали женщины. – Леша же вообще не пьет... Это какая-то ошибка... В турфирме что-то напутали... Они там вечно всё путают... Быть такого не может!

– Какое-нибудь трагическое совпадение имени и фамилии, – выдала Зина. – Это точно не про нашего Алешу.

К избе подкатил полицейский уазик. Здоровенный полицейский деловито вылез из джипа, надел фуражку и объявил:

– Иванова Ольга Егоровна, Вам следует отправиться в участок на допрос к следователю.

– Не трогайте ее, – взмолилась Зина. – У нее с сыном плохо.

– Сожалею, но выписан ордер на Ваш арест, – страж порядка был непреклонен. – Вам будет предъявлено обвинение в убийстве.

– Час от часу не легче, – ахнула Анна. – Что же это происходит?!

– Они там все с ума посходили! Мы вам нашу Ольгу не отдадим, – закричала Анна, обычно хранившая спокойствие. – Невинного человека в тюрьму хотите посадить? Не бывать такому! Ей надо к сыну ехать.

– Гражданочки, сохраняйте спокойствие. Следователи разберутся.

– Что вы там разберетесь?! Мы всю деревню на ноги поставим! – разошлась Зина. – За нашу сестру вся округа выйдет. Вы нас плохо знаете! В город к прокурору поедем! Голодовку объявим! Мужики за вилы возьмутся...

– Не вынуждайте меня применять силу, – полицейский потянулся к кобуре. – Будете мне препятствовать – все вместе в тюрьму сядете.

– Это мы еще посмотрим, кто сядет! – пригрозила Зина.

– У моего мужа есть связи... Я ему позвоню, – пообещала помощь Лиза. – Вам там устроят!

Наступил момент признания, дававший Маше шанс на освобождение от мук. В легкие набрался воздух, а к горлу подкатил комок правды. Одной фразой она могла остановить творящееся беззаконие, но страх открытого признания вины сковал голосовые связки. Маша стыдливо отвернулась, не в силах смотреть молча на пыльный уазик, увозивший невинную тетю.

Глава 11

С раннего утра жители Рублёва и соседних деревень принялись осаждать помещение Псковского областного суда. Бабы к поездке в город отнеслись серьезно, достали из комодов и шкафов выходные наряды, мужики же, поехавшие в Псков по принуждению, оделись буднично, без изыска. Отправление правосудия происходило на первом этаже многоквартирного дома, и гудящая разношерстная толпа разбудила местное население. Громкими делами суд похвастаться не мог, и, заинтригованные таким вниманием, владельцы квартир поспешили спуститься вниз. За ними последовали отвлеченные от полезных телепередач домохозяйки, пенсионеры и праздные квартиросъемщики, жаждущие развлечений.

Слушание было открытым. Набился полный зал, замешкавшиеся остались на улице и, словно пчелы, бились головами в окна. Лишь малая часть собравшихся имела представление о сути дела, большинство же понятия не имело, но охотно делилось услышанным и собственными представлениями о вселенской справедливо-

сти. В итоге по городу поползли слухи, что судят свихнувшуюся бабу, спалившую несколько деревень.

Многие считали Ольгу виновной в поджоге дома, смерти родного брата и требовали грешнице земного воздаяния. Были и те, кто сомневался, но свято верили в профессионализм суда и готовились принять на веру вынесенное решение. Уверенные в невинности подсудимой находились в явном меньшинстве, и, несмотря на абсурдность выдвинутых обвинений, скинулись на хорошего адвоката.

– В этом вопросе нельзя экономить, – Зина, удивительнейшим образом сторонившаяся всяких трат, избегавшая финансовых вложений в материальные активы, проявила редкостное великодушие и выложила на стол приличную сумму. Более того, для подкрепления позиции защиты перед законом решила заручиться поддержкой высшей силы: обошла с молитвой все храмы и приходы, на всякий случай заглянула в мечеть.

– У нас этим летом сплошная экономия, – бурчала Анна, решившая на время приостановить стройку.

Оклемавшийся после турецкого вояжа Алексей придал матери сил. Сыночка, лишь пригубивший заморского зелья, остался жив, и вместе с отцом поддерживал мать. Для Анатолия, расслабленного налаженным бытом, судебное разбирательство легло тяжким бременем, вырвало из привычного уклада жизни. Неспособность жены совершить мало-мальский проступок казалось таким же очевидным как наличие на небосводе солнца в тихую ясную погоду. Небесное светило может дарить только свет и тепло, а суровый прокурор утверждал, что именно оно явилось причиной проливного дождя и губительного потопа для живых существ. Анна сидела рядом. Она оставила беременную дочку дома и перешептывалась с Зиной.

– Кто знает, что у этой судьи в голове. Ты всем богам поклонилась?

– Лишним не будет, – Зина не слышала в словах сестры иронии и отвечала вполне серьезно.

– Неужто Бог лезет в судебные дела на Земле?

– Он над всеми начальник.

Собравшиеся, вне зависимости от места жительства и религиозных пристрастий, в финале желали услышать справедливый вердикт. Все. За исключением одного единственного человека, молча затаившегося в толпе. Он приехал не за правдой. Желание разжиться уложило его на больничную койку, чуть не свело в могилу. Разделенный соседний участок и выстроенные дачи похоронили мечту обогатиться. Шелковая жена Лиза охотно потакала всем его прихотям, но Сергей мечтал увидеть несломленную, не поддавшуюся на все ухищрения соседку за решеткой. Он не имел влияния на судью, но при даче свидетельских показаний, как мог, очернял соседку. Суровый прокурор требовал максимально возможного наказания для подсудимой, погубившей не только своего родного (!) брата, но и косвенно покусившейся на жизни других людей. Тощий, длинноносый адвокат со смешным хохолком волос на голове вволю поиздевался над обвинением, ловко превратив чинное заседание в фарс. «С такой доказательной базой можно привлечь кого угодно, – произнес в конце своей речи адвокат. – Даже меня. Я, кстати, в ту ночь был не так уж и далеко от места, якобы, преступления.»

После короткого перерыва судья вынесла приговор. Одних он изумил, других разочаровал. Первым, чтобы не слушать ликование соседей, покинул зал разгневанный Сергей. Вердикт был оправдательный. Иванова Ольга Егоровна не виновна и должна быть освобождена в зале заседания.

* * *

— И все-таки интересно, кто же поджег нашу избу? — Зина задала вопрос, на который следствие так и не нашло ответа. Дело развалилось, трагические события ужасной ночи списали на несчастный случай. Сестры закрыли дачный сезон и стали собираться на городской квартире у Ольги.

— Зина! — одернула сестру хозяйка, больше не желавшая вспоминать ужасное лето. — Никто никого не поджигал. Сам себя поджег. Опрокинул там чего-нибудь или пьянью с сигаретой уснул. Сколько таких случаев?!

— Так он же не курил...

— Пощади меня. Давайте все забудем. Кофе будете?

— Вари. Может, и курил, — Анна поддержала сестру.

Ольга достала из шкафчика банку с бразильскими ягодами и зашумела кофемолкой. Анна не хотела продолжать разговор о пожаре, и на то у нее были свои причины. Неделю назад она перебирала дочкины вещи и обнаружила пачку сигарет. Машу отчитала — и так не курила, а тут еще и беременная. Дочка побледнела, сослалась на стресс и клятвенно пообещала больше «ни-ни». На этом бы и закончилась никотиновая история, но мать вспомнила летние разговоры, и детали безумной ночи привели ее к страшному выводу: ее родная кровиночка вполне могла оказаться той самой поджигательницей, но задать прямой вопрос беременной доченьке Анна не решалась.

Ольга достала из холодильника торт, налила сестрам кофе.

— Как вам наш сосед? — Анна выбрала кусок торта с вишенкой.

— Я от него не ожидала, — Зина схватилась за кусок побольше. — Такой милый мужчина...

— Гад, каких поискать! — Ольга села во главе стола. — Столько грязи на меня вылил.

— Может, ему стыдно, — Зина попыталась очеловечить соседа.

— Там, где стыдно — у него кое-что выросло! — Ольга кинула на стол чайную ложку. — На калитку между нами замок навесной повесил. Надо и нам со своей стороны накинуть, чтоб знал. И Лизу не видно. За мужа! Больше в их сторону смотреть не буду! Надо будет забор глухой с их стороны поставить. Зина, это я сама...

— Давайте лучше пить кофе, — предложила Анна. — Как там Леша?

— У них все хорошо, — спокойно ответила Ольга. — С девушкой расстался, почти...

— Как?! — Зина подскочила на стуле. — Ты так спокойно говоришь. Он так долго ее искал!

— И что значит «почти»?

— Почти — значит, отношения их проверку не прошли. Охладели. Сыночка сказал, что они, судя по всему, расстаются. Но она еще не знает об этом...

— Стреляному воробью трудно найти себе пару, — Зина расстроилась за племянника.

— Найдет, — успокоила Ольга. — Главное, что все живы, здоровы.

— И не в тюрьме...

— Зина!

ЧАСТЬ II

Глава 1

В эту январскую ночь ртутный столбик термометра опустился чуть ниже нуля. Весь декабрь Великая ждала мороза, но вошла в високосный год без ледяной корки. Рублёво каждую зиму покрывалось белым покрывалом так, что низехонькие

избушки исчезали из виду и дымили прямо из сугроба. Теперь же снега выпало по щиколотку, а вспоминать былые зимы стало некому. Перебравшиеся в город старики, не имели никакого желания вылезать из теплых уютных квартир в угрюмые, не протопленные избы. Городские, скупившие землю в Рублёве и других деревнях, избы разбирали и вместо покосившихся жилищ ставили современные домики: щитовые деревянные торчали вперемежку с газобетонными, одноэтажные с погребом и без задирали крышу, завистливо глядя на трехэтажные.

Ветер гулял над темными водами Великой, проверял крепость дверных засовов, шевелил седеющие волосы Арика, вышедшего по прогулку со своей овчаркой Каиром. Арик переехал в деревню пять лет назад с желанием воплотить мечту. Всю жизнь он дышал бетоном на грандиозных стройках СССР, и даже участвовал в постройке гидроэлектростанции в Египте. Дочь его выросла и с отцом связь не поддерживала. Приехала только на похороны матери, быстро сгоревшей от рака. Начинаясь сесть Арик перевернул страницу жизни и перебрался из Уфы во Псков, а потом и в Рублёво. Местные настороженно встретили коренастого инородца с хитрыми глазами, поселившегося в доме Палыча. Арик переоборудовал коровник, взял в аренду два гектара и открыл страусиную ферму. Бывшие колхозники, глядя на африканское чудо, крутили пальцем у виска, но страусы прижились на псковской земле. Арик кормил их сочной травой, подсолнечником, тыквой, а зимой сеном, сбереженными в подвале картофелем и яблоками. Пахал на ферме с утра до вечера, если чувствовал, что сил не хватает — нанимал работников для уборки помещений и забоя птицы. Арик сам не пил, и на лето брал в помощь братьев-мусульман, чем еще больше вызывал отторжение. Даже его помощь на пожаре позапрошлым летом не сблизила с местными, но он не унывал. С третьего года хозяйство стало приносить прибыль. Городской ресторан ввел в меню новые блюда, гипермаркет предлагал свежее мясо и огромные килограммовые яйца. Покупатели охотно брали их на сувениры. Страусиный навоз пользовался спросом у дачников, а жир закупала московская косметическая компания.

Вечерами Арик, спуская заскучавшего Каира с цепи, отправлялся на прогулку по растворяющейся в темноте деревне. Он бродил среди пустых, ждущих своих хозяев, холодных коробок и размышлял о прошлой жизни. Под ногами хрустел снег, а он с горькой теплотой вспоминал солнечный Египет, детство в Уфе, бабушку Айнур, каждое утро будившую его со стаканом парного молока. Слезы грусти выступали на глазах Арика если поток мыслей возвращал его к мукам умирающей жены и дочке, бесследно покинувшей отчий дом. Много печали выпало на долю Арика, но все же бродил он по деревне с неугасающей надеждой, что в его жизни будут еще минуты счастья.

Желтый свет, маяком горевший в окне одного из домиков сильно удивил Арика. Он привык гулять по пустой деревне, чувствуя себя ночным хранителем Рублёва. «Уж не воры ли?» — с тревогой огляделся Арик. Тихо подозвал Каира и направился к ожившему домику. Оружия у Арика не было, идти домой за топором он не стал, понадеявшись на крепкие руки и верную овчарку. Замерев у забора еще раз осмотрелся. В окне никто не маячил, сквозь тишину прорывался слабый шум, словно работал телевизор. «Каир, голос!» — приказал Арик. Верный пес несколько раз вопросительно гавкнул. Мол, в чем дело, хозяин? Дом не отреагировал на провокацию. Свет в окне горел, телевизор продолжал хвастаться сенсациями. Взяв собаку за ошейник, Арик тихонько отворил калитку и пересек двор. Собравшись с духом, громко постучал в дверь.

* * *

- Селедку положила? – раздался голос из прихожей.
- Положила.
- Колбасу?
- Там же.
- А сахар?
- Толя, сахар тебе зачем? – поинтересовалась жена, важно выплывая из кухни с тремя буханками хлеба. – Самогонку варить некому.
- Сразу самогонку, – устало вздохнул муж и принялся ковыряться в потертом брезентовом рюкзаке. – Кофе буду пить.
- Не надо там ничего ворошить! – завопила Ольга. – Я все аккуратно сложила. Что там потерял?
- Сахар, – виновато произнес муж.
- Толя, я все собрала. Успокойся. От тебя требуются твой «Беломор» и документы.
- Хорошо, – отступил муж. – Спички и зажигалка в куртке.

Анатолий собирался ехать в деревню на всю неделю и подходил к сборам со всей серьезностью, словно в поход. Рассчитывать приходилось только на себя. Зимой автолавка заглядывала в Рублёво раз в неделю ради одного постоянного жителя, чудаковатого фермера на краю деревни. Бывали случаи, когда магазинчик на колесах не добирался из-за поломки или раскисшей дороги. Сын Алексей высказал желание поехать раньше других. За пару дней. Отдохнуть от города, протопить дом. Родители сильно перечить не стали, сын вырос и волен сам решать, но отца беспокоила скрытность, замкнутость Алексея. До злополучной поездки в Турцию он и так не отличался кампанейским характером, предпочитая шумным гулянкам, планомерный безмятежный ход жизни. Теперь же и вовсе вел жизнь отшельника.

- Зина звонила?
- Да. Будет к семи.

Зина согласилась составить компанию сестре и поехать в начале января в деревню. Собственный дом она ставить не стала, предпочитая гостить у сестер. Анна дистанцировалась от Ольги и выбрала место для постройки своего жилища. Они продолжали сохранять теплые сестринские отношения, но Ольга радовалась разумному выбору младшенькой Зины. После всех перипетий желание доминировать над сестрами поубавилось. Следствие, болезнь сына надломили Ольгу. Сил и энергии осталось только на прибывшую сестру. Правда, требовать от нее помощи по хозяйству духу не хватало, благо верный муж продолжал тянуть лямку.

* * *

Алексей бросил в печь несколько поленьев, закрыл глаза и наконец-то расслабился. Огонь с приятным треском пожирал подкинутую добычу, наполняя промерзшее жилище долгожданным теплом. Поездка в деревню порядочно утомила Алексея. В автобусе он сидел около окна и продрог, хотя развалившийся рядом пузатый сосед тяжело дышал от духоты, протирая лоб посеревшим платком. После смены большого передвижного холодильника на юркое прогретое такси легче не стало – беднягу укачало. Сидя в центре неподвижного, пахнущего деревом, защитного кокона Алексей ловил свой собственный кайф.

Неожиданный стук в дверь привел разомлевшего путника в паническое замешательство. Алексей резко открыл глаза, прислушался, отказываясь верить звуко-

вым галлюцинациям. Дверь, конечно, заперта, но в деревне он один. В окно такси Алексей видел лишь черные силуэты, ни одного светового блика, ни одной живой души. Родители обещали подтянуться только к пятнице. Абсурдно представить их погоню за только что уехавшим сыном. Опять повторился стук, даже более настойчивый. В дверь барабанило живое существо. Медведь, воры?.. Но зачем им лезть в скромный домик с горящими окнами. В округе полно богатых пустых домов. И жулик, и дикий зверь найдут чем поживиться. «Таксист, — мелькнула в голове спасительная догадка, вернувшая душу из пяток, — застрял на раскисшем большаке и пришел просить помощи».

– Кто? – просил Алексей, подкравшись к двери. В руке он держал топор.

– Полиция, — прозвучал обескураживающий ответ.

Обомлевший Алексей отодвинул засов.

Двое мужчин, не подозревавших о существовании соседа, с большим интересом и опаской изучали друг друга. Коренастый с узкими хитрыми глазами сразу понял, что перед ним не вор, а скорее сын хозяина дома. Для самого хозяина слишком молод и шупл. Зажатый в руке топор беднягу тянет к земле. Отворивший дверь и вовсе не знал, что сказать. Минуту назад он ощущал себя единственным жителем деревни. Вместо таксиста на пороге дома стоял непонятно откуда взявшийся азиат. Судя по грязному ватнику ни в какой полиции он не служил. И все же незваный гость вызывал доверие. Он крепко держал овчарку за ошейник и не собирался нападать.

– Здравствуйте, — Алексей убрал топор.

– Вечер добрый. Я гулял с собакой и увидел свет в окне. Решил посмотреть кто тут, — азиат отодвинул овчарку ногой и отпустил ошейник. — Каир, гуляй!

– Вы здесь где-то живете?

– Да, — улыбнулся гость, обнажив два золотых зуба. — Ферма на асфальте.

– А-а-а, — протянул Алексей. Полоска асфальта на другом конце Рублёва осталась напоминанием о совхозном прошлом деревни. Краем уха он слышал о чудаковатом фермере, последний раз мальчишкой катался на велосипеде в той стороне и воспринимал приехавшего возрождать деревню больше как некое мифическое существо, нежели реальное.

– Я вот раньше приехал, — словно извиняясь, сказал Алексей. — Родители по-слезавтра.

Мужчины полностью прояснили ситуацию, повисло неловкое молчание.

– Колите дрова?

– Да. Печь топлю. Зайдете? — гостеприимно предложил Алексей.

– Поздно уже, — отказался азиат. — Если что понадобится, я всегда дома. Спросите Арика.

– Хорошо, — кивнул молодой хозяин дома. — Алексей. Обязательно к Вам зайду.

– Я один живу.

Они засмеялись и пожали друг другу руки.

Глава 2

При рождении ребенка все родственники и доброжелатели, мило улыбаясь, утверждают, что на свет явился вылитый папа. Вне зависимости от пола. Если дочь, то еще лучше — будет счастливой. У Маши и Никиты родился сын. Точнее сказать, сразу родился Петенька. Родная бабушка Аня хвасталась щекастым внуком, сестры одаривали малыша подарками: баба Оля подогнала коляску, а на годик — финский

комбинезон. Младшая бабуля в щедрости старалась не отставать, притащила кровать и музыкальные ходунки. Родной дед внука не видел, уехал жить к матери в Архангельск. Зато дед Толя пообещал в деревне смастерить домик на дереве.

– Подрастешь чуток, и будет тебе где играть.

– Да нужен ему твой домик на дереве, – улюлюкала баба Оля. – Ему родная бабушка дом построила.

– У мужика должен быть свой угол! – безапелляционно выразился дед. Он бы стукнул кулаком по столу, но склонившись над кроватью, лишь расплылся в улыбке.

– Строй, – согласилась жена. – Только наше доведи до ума. А там уж что хочешь ворота... Дедулька твой на север умотал, – баба Оля поправила одеяльце внучатому племяннику. – На старости лет на родину потянуло.

– Так здесь работы нет. Поехал к матери пить, – буркнула баба Аня.

– И внук не нужен. Бутылка важнее.

– Я вот тоже думаю уехать. Буду в Рублёво жить.

– Круглый год? – удивилась баба Зина. – Что там делать?

– В деревне всегда есть что делать! – успокоил знающий дед Толя.

Бабушка Аня взяла на себя домашние хлопоты, с удовольствием стирала, гладила, варила борщи, бережно подогревала бутылочки с искусственным питанием: молочные реки у мамы быстро иссякли, ни настои, ни массаж не помогали. Дочка регулярно отправлялась на прогулку с коляской, оставаясь наедине со своими мыслями. Поправляя одеяльце, Мария невольно возвращалась к событиям двухлетней давности. Образ сгоревшего дяди не давал ей покоя. Глядя на Петеньку, весело стучащего пластиковой кружкой по столу, все хором поддакивали: «Вылитый отец», а Мария обреченно видела дядю. Родной сын никак не давал перевернуть черную страницу пережитого, отделаться от тягостных мыслей. Мария уже жалела, что родила сына, а не дочь.

Желание забыться привело Марию к спасительному открытию – толкать перед собой коляску с ненавистным образом дяди оказалось гораздо проще под бутылочку пива. Алкоголь придавал некую легкость размышлениям о неминуемости смертного конца, придавал философский оттенок совершенным ошибкам. Будущее не становилось более осмысленным, зато прошлое после дозы спиртного не тянуло камнем вниз. Вечерний бокальчик вина за ужином также вошел в привычку, удачно маскируя дневной транквилизатор. Муж Никита после напряженного трудового дня был не против домашней релаксации на кухне, благо теща в застолье не участвовала, предпочитая просмотр телевизионных ток-шоу. Единственный кормилец знал о желании тещи навсегда ретироваться в деревню. Тягу пьющего тестя к родным местам он всячески поддерживал, но возможный отъезд бабушки никак не радовал.

– Спасибо! Очень вкусно, – похвалил Никита вечернюю стряпню.

– Мама готовила.

– Теща собралась перебраться в деревню. Как тебе? – Никита плеснул себе вина. – Тесть-алкаш свалил к всеобщей радости.

– Вообще-то он мне папа.

– Он-то об этом помнит?

– Всех тянет домой, – жена сгрузила тарелки в раковину. – Хорошо. Петю можно отдавать ей на все лето. Самим ездить не зачем. Будем чаще бывать вместе. Ты про меня совсем забыл.

– Солнышко, – муж уставился на жену, – тебе придется взять на себя все хозяйство.

– Не вижу проблем. Что тут сложного?

- Но ведь ты собираешься выходить на работу. Не сейчас, но в ближайшие годы.
- Чтобы, как и ты, задерживаться допоздна? – Мария не стала высказывать мужу свои подозрения о его разговорах по телефону в ванной под шум душевых струй.
- У меня куча дел! – Никита заерзал на стуле и подлил себе вина. – Эти контракты, конкуренты. Я ощущаю себя гроссмейстером, дающим сеанс одновременной игры. Этот почему-то жертвует пешку, другой пойдет на размен или нет, тот вообще рокировался, а впереди слон и лошадь. Как подступиться?
- Ничего не поняла...
- Зато мои занятия шахматами в школьные годы сейчас шибко помогают в решении этих многоходовок. Домохозяйке трудно это понять. А шуметь, когда твоя мама за стеной, я не могу.
- Постарайся завтра не задерживаться. Мама идет к врачу, а я с девочками встречаюсь, – процедила Мария сквозь зубы и вышла из кухни, давая понять, что разговор окончен.
- Что-то вы зачестили! – крикнул вслед наблюдательный муж, продолжая спокойно пить вино.

На работе у Никиты намечалась любовная интрижка. Жгучая брюнетка Жанна принимала звонки на ресепшене, заказывала билеты командировочным и громко смеялась над любыми шутками. Алиментов от бывшего мужа ей хватало не только на пятилетнего сына, но и на ежемесячное обновление гардероба, а скромную зарплату она отсылала домой родителям. Каждый раз при встрече Никита ловил на себе ее смеющийся хитрый взгляд. Удивительно, но они постоянно сталкивались в коридорах огромного трехэтажного офиса. В шахматах у черной королевы одна цель – белый король. Ради мата она готова на все. Припертому к краю доски Никите уже некуда было бежать. Его белая королева пропадала на другом конце поля. Эндшпиль близок, а будет объявлен мат или все закончится патом – не так уж и важно. Эту партию начинали и выигрывают черные.

Мария с удовольствием проводила время с подружками в ночных клубах. Бывшие одноклассницы восхищались образованной, живущей в достатке беззаботной домохозяйке. Дискотечный угар возвращал ее в годы бесшабашной юности, обнуляя пожар в деревне и отвращение к собственному сыну. В эту темную ночь карнавал из гремучих коктейлей и кислотных ритмов протащил Марию сквозь череду клубов, подарил незабываемые разноцветные впечатления. Она пришла в себя лишь на следующий день, ближе к полднику. Подташнивало, отчаянно хотелось пить. Ее тело лежало в постели с двумя незнакомыми мужчинами. Мария вскочила и лихорадочно подобрала валявшееся на полу платье. Отыскав сумочку, в ужасе вытащила из нее телефон, но оказалось, что никто ее не искал. Ни муж, ни мама не звонили. Она растерянно села на край кровати в большой незнакомой комнате с храпящими мужиками и осознала: ехать домой и страшно, и вроде бы незачем.

Глава 3

Арик подбрёл страусам яблок, навязал собаку и отправился проведать нового знакомого. Уважающий себя фермер никогда не ходит в гости с пустыми руками, и Арик прихватил с собой страусиных яиц да мяса. Выглянувшее из-за туч солнце беспощадно растопило тонкий снежный покров. Земля раскисла, и как ни старался Арик выбирать места посуше, до дома Ивановых добрался в неприлично грязных сапогах.

Отец семейства Анатолий степенно, в сладостном предвкушении наливал трудовую стопку. Зина поднесла ко рту долгожданную ложку горячих щей.

– Осторожно, горячее! – предупредила Ольга, перенося с плиты на стол тяжелую сковороду.

Резкое дребезжание оконного стекла придавало хаотичное ускорение контролируемым процессам. Драгоценная водка полилась на стол, только что разогретые щи оказались на коффе, а сковорода с грохотом приземлилась в салат. Старшая сестра не стесняясь, в одно слово вложила свое отношение к произошедшему, Зина принялась теревить коффу, охлаждая обожженную кожу. Разочарованный Анатолий не мог оторвать глаз от дорогих ручейков, растекающихся по скатерти. Лишь выглянувший в окно Алексей, радостно воскликнул:

– Это ж Арик! Заходите! – Алексей бросился открывать дверь.

– Что еще за Арик? – недовольно спросила мать и махнула рукой. – Так и будете есть.

– Я же рассказывал. Ночью приходил, – Алексей недовольно посмотрел на мать. – Ты меня никогда не слушаешь!

– Правда, я забыла просто... Ну, зови своего друга.

Алексей гостеприимно распахнул дверь, но Арик никак не соглашался переступить порог.

– Грязища! Я весь пол запачкаю.

– Ничего страшного, подмету, – гарантировал Алексей. – Не стесняйтесь. Тепло уходит.

Собравшись с духом, Арик вошел в дом.

– Здравствуйте! Я, собственно, на минутку. Зашел проведать, – гость мялся у двери. – Это вам, – он протянул пакет. – По-соседски. Чем богаты...

– Спасибо, – хозяин дома взял пакет и пожал руку. – Анатолий.

– Арик.

– Ой, что там? – поинтересовался Алексей.

– У меня ферма. Так вот тут мясо и яйца.

Анатолий вытащил из пакета огромное желтовато-розовое яйцо. Изумлению собравшихся не было предела. Водка на скатерти, пятна на одежде, сковорода в салате позабыты.

– И что с ними делать? – ахнула Ольга.

– Давайте страуса высидим, – предложила Зина.

– Что хотите... Если варить, то не меньше часа. Яйцо столовое, неоплодотворенное, так что высидеть не получится, – улыбнулся Арик. – Яичницу можно. На всех хватит. Еще останется.

– Тут еще мясо, – Анатолий продолжал изучать содержимое пакета.

– Давайте мы вам заплатим, – предложила хозяйка.

– Не надо, – Арик замахал руками. – Это подарок.

– Но вы же фермер. Это ваша продукция...

– От всего сердца, – отнекивался гость. – Будем считать что «на пробу».

– Тогда садитесь с нами обедать!

– Отметим знакомство! – оживился Анатолий. При госте жена не будет считать опрокинутые рюмки.

– Спасибо, я не пью. Да и вы на меня не рассчитывали. У меня там собака, хозяйство без присмотра.

– Напали на человека, – Зина принялась защищать Арика. – Неудобно же. Первый раз в доме.

– Уже второй, – уточнил Алексей.

– Лучше вы ко мне заходите, – пригласил Арик. – Можно без звонка. Я всегда дома. Приятного аппетита.

– Мне кажется я его где-то видела, – начала вспоминать Ольга после того как за Ариком закрылась дверь.

– Мама, может Арик помогал дом тушить, – напомнил сын.

– Мне тогда не до разглядываний было. Станный он какой-то. И мяса принес.

– Он добрый. Нравнодушный. Увидел свет ночью, пришел проверить – не во-ры ли?

– Такими яйцами любого закидает, – Ольга принялась выуживать остывшую сковороду из салата.

– И не пьет, – грустно заметил Анатолий.

– Тебе бы тоже поменьше...

– Не знаю как вы, а я обязательно схожу в гости. Первый раз вижу одинокого, непьющего мужчину, – Зина задумчиво посмотрела в окно.

* * *

Никогда прежде в деревне Зина не сожалела, что нечего надеть. Старые наряды сгорели, а новые остались в городе. Вылив на себя флакон выпрошенных у сестры духов, Зина отправилась на другой конец деревни. Ольга и Толя вежливо отказались от формального приглашения составить компанию. Алексей вызвался прогуляться, но отец одернул его.

– Работы много, нечего по гостям шляться! Мешаться там...

Алексей никак не мог понять, почему тетя Зина не помешает соседу, а ему нельзя нанести ответный визит.

– Вот ты вымахал, а ума не нажил, – улыбнулся отец. – Сходишь потом. Пойдем на второй этаж. Гвозди бери. Фронтоны будем утеплять. Дует.

Арик обрадовался гостье, первым делом показал ферму. Страусы, гордо вытянув шеи над деревянным загоном, изучали незнакомку.

– Хотите покормить? – хитро прищурившись, предложил Арик.

– Боюсь, – засмушалась гостья.

– Давайте, – Арик насыпал Зине в ладонь зерна. – Не бойтесь. Протяните руку.

Зина громко выдохнула и подошла к неизвестным животным. Один из африканских гордецов подскочил к угощению, изящно изогнул шею и жестко долбанул клювом по ладони. Зина вскрикнула, отдернула руку, просыпав угощение.

– Познакомились. Страшно?

– Чуть руку не откусил, – пожаловалась Зина.

– У вас руки нежные. Летом запущу трансфер из города. Автобус будет привозить людей на экскурсию по ферме, – мечтательно обещал Арик. – Поставлю шатер, чаем угощать буду.

– Как вы здорово придумали, – восхитилась Зина.

– В следующем году пасеку хочу, кроликов заведу, куриц.

– В страусах ничего не понимаю, а вот с этими помогу. Отец у нас держал и кроликов, и петушка с несушками. С малых лет занималась. Помню, всю ночь проплакала, когда узнала из кого мне сшили варежки.

В доме Зина ожидала увидеть что-то восточное. Что именно, она и сама объяснить не могла, но что-нибудь витиеватое в убранстве, узоры на мебели, сладкие ароматы в воздухе. Однако жилище у Арика оказалось самое обычное. Аскетичный сруб псковского холостяка.

– Чем же мне вас угостить?

– Да я не голодная, – Зина не ждала от одинокого мужчины кулинарных шедевров.

– Тогда будем чай пить, – Арик открыл буфет. – У меня есть нуга. Настоящая.

– Мы из одного вашего яйца сделали яичницу, а второе в холодильнике пока лежит. Очень вкусно, – слукавила Зина. Особой разницы она не почувствовала, но очень уж хотелось сказать что-нибудь приятное.

Арик поставил на стол тарелку с восточной сладостью. Зина довольно улыбнулась. Обычное печенье разбило бы ее волнительное ожидание. Предложение выпить зеленого чая она приняла восторженно.

– Яичницу очень вкусно делать по-португальски. С помидорами, цуккини. Завернуть их в рулет, добавить сыр тертый, зелень добавить.

– Вы так аппетитно рассказываете. Были в Португалии?

– Нет. В Интернете почитал. Сейчас не сезон, а летом покажу. Только вместо цуккини я беру наши кабачки. За границей я был один раз. В Египте.

– Ой, там же акулы!

– Я на стройке работал. Там акул нет.

В чашках остывал зеленый чай, а Зина продолжала изучать обстановку. Чистенько, но женской руки не хватало. Серые занавески стоило постирать, обои переклеить, а на подоконник поставить цветы.

– Всё вы умеете. На все руки мастер, – нахваливала Зина хозяйина.

– Так я один живу. Жена давно умерла, дочка далеко. Все сам.

– Грустно... У меня муж тоже давно под комбайн попал. Сын в армию уходит. Бегал, бегал, а тут попался. Весной одна буду жить.

– Мужчина должен в армии служить, – безапелляционно заявил Арик. – Это обязательно. Святой долг.

– Он так не считает. Наверное, вы правы. Я к вам шла, думала взять с собой кружку, ложку. Вдруг у вас нет.

– Зинаида, нет ничего хуже, когда дома одна ложка, вилка. У меня много. Летом рабочие помогают. Не подумайте, что я вас не уважаю, но предлагаю перейти на «ты».

– Хорошо, только надо выпить на брудершафт, – Зина заулыбалась. – А вы, наверное, не пьете.

– Не пьешь, – поправил Арик. – Вино не пью.

– Из-за веры?

– Из-за какой веры?.. Нет... Мою жену звали Вера. Думаешь, я мусульманин? Какой я мусульманин? Я же советский человек. И жена русская была. Я уж скорее коммунист, чем мусульманин. Но если только чуть-чуть... Раньше я пил, – сознался Арик. – Не сильно, по праздникам. После сорока как отрезало. Словно мое тело сказало: «Хватит!» А может, Аллах...

Они выпили остывшего чая на брудершафт, и Зина взяла с тарелки настоящую восточную сладость.

Глава 4

Никита откинулся в офисном кресле и задумчиво защелкал ручкой. Со стеллажа на него безмолвно смотрели разноцветные корешки увесистых папок с отчетами о складских запасах, поклиентским планированием и уходом товара. Менеджеры, бросив трубки, громко сообщали коллегам свое мнение о собеседнике. Ежедневно из кабинета исполнительного директора удавом выползал двоюродный брат владельца компании и мучил каждого сотрудника расспросами о персональном вкладе в процветании семейного бизнеса.

Никто в офисе не знал, что уже месяц Никита разыскивает пропавшую жену. По телефону Маша оставалась недоступной. Полиция приняла заявление, разослала

ориентировки, но ничего конкретного обещать не могла: все силы брошены на предотвращение террористических атак, поиск распоясавшихся рецидивистов, а «молодая женщина, если жива, обязательно найдется», – успокоили в участке.

О семейной беде знала только жгучая брюнетка с ресепшена. Находиться вечерами один на один с безутешной тещей терпения не хватало. Анна фонтанировала идеями, но обклеенные фотографиями столбы не приносили результата, больницы и морги Никита посетил и, слава богу, вернулся ни с чем. Наивному Петеньке придумали историю об отъезде мамы в длительную командировку на поезде, отвлекая малыша от ненужных мыслей новыми машинками и мультиками. На передышку между офисными допросами и домашней безысходностью Никита тайком заскакивал к Жанне. Об их романе на работе никто не знал. Любовница отнеслась к исчезновению соперницы как к подарку судьбы, но без ликования победителя, разделяя крайнюю обеспокоенность Никиты.

– Это ужасно, – говорила она, поправляя растрепанные волосы. – Тебе, наверное, не до меня.

– Без тебя мне совсем хана была бы. Дома невыносимо.

– Все образуется, – успокаивала Жанна, не уточняя, каким образом и у кого.

* * *

Жизнь родственников текла своим чередом, но все мысли и разговоры касались поисков Маши.

– Говорю вам, ее нужно искать в психушке, – твердила Ольга. – У Маши послеродовой психоз.

– Маша родила два года назад! Какой психоз? – раздраженно отвечала Анна. – Никита ездил в Богданово. У них нет безымянных. Все свои.

– Полиция что говорит? Может, маньяк завелся какой? – у Зины весь разговор сводился к теме, которую старались избегать в разговоре.

– На нашу полицию надежды нет. Сама знаешь, – обрывала сестру Ольга. – Они безвинного найдут, если его нужно упечь в тюрьму.

– К соседу обращались? – не унималась Зина. – Ну и что, что гад! Тут такое дело.

– Да была я у него, – отмахнулась Анна. – Выслушал сквозь зубы, но что он может? Полиция в курсе. Участковый пожимает плечами. По телевизору дать объявление посоветовал.

– Слушайте, это он причастен к пропаже Маши, – в Ольге проснулась мисс Марпл. – Не мог человек просто так пропасть, а у него причина. Он нас ненавидит!

– Козел, – согласилась Зина. – Но зачем ребенка похищать!?

– Не сам. Подговорил кого-нибудь! Знакомств хватает.

– Что же делать? – Анна хваталась за любую призрачную возможность найти дочь.

– За ним надо как-то проследить, – решила Ольга. – Я Толю попрошу. Или Алешу. А еще лучше – твоего Арика!

– Ему некогда, – Зина опешила от напора сестры. – И совсем он не мой...

– Сама ж говорила! Пусть попросит кого из работников.

Довольная Зина слегка покраснела. Старшая сестра пусть и в грубой форме, но озвучила новый статус Зины. У нее не просто появился мужчина, но еще и зажиточный, набирающий людей на, пусть и сезонную, работу.

– Не сходите с ума, – ответил Толик, вернувшись с работы, на предложение жены последить за соседом.

– Это его месть!

– Серега тронулся умом, но ваша троица еще больше. В кубической прогрессии!

- Хорошо. Я Лешу попрошу, – не унималась жена.
- Не вздумай! Леша со своими делами пусть разбирается. Бредовые со стороны ему не нужны!

Алексей все больше думал о смысле жизни. Уверенность в фатальном предназначении бытия крепла по мере рассуждений. Безусловно, каждый человек рожден для чего-то. Материя загадочна, космос бесконечен, и появление жизни на крохотной планете не могло произойти случайно. Человек – слишком сложное существо, чтобы природа создала его без видимой причины, четкого плана. Столько затрат ради бессмыслицы?! Высшая сила существует незримо, контролирует живую материю и при значительном отступлении от заданного вектора посылает ему сигналы. Раскусивший вселенскую затею сможет распознать «небесный намек» и вернуться на путь истинный. Еще с детского садика из-за природной стеснительности у него не получалось дружить с девочками. Повзрослев, сошелся с одной, вкусил алкоголь – это чуть не стоило ему жизни, а большое светлое чувство для одного оказалось просто очередной поездкой на море для другой. Подобных примеров из жизни Алексей выкопал предостаточно. Если что-то у него не получалось, то в последствии и не надо было. Вспомнить хотя бы выгодное предложение с комбината стать ведущим инженером по технике безопасности. Алексей долго сомневался, но все же остался на родном заводе. Интуиция не подвела. Через год комбинат обанкротился. С выбором адвоката для матери тоже случай – сидя у кабинета замдиректора, подслушал телефонный совет о выборе юриста. Пожар в доме, полицейское преследование, оправдательный приговор – тоже часть плана. Исчезновение сестры – не случайность. Она оплачивает свои грехи. Дороги других людей пересекаются с его собственной, но предназначение у каждого свое. Высшая сила, Бог, вселенский разум, определение в данном случае не имеет значения, направляет его к неизвестной цели. И Алексей это знает.

Глава 5

Мартовские снегопады не только парализовали обыденные передвижения горожан, превратив область в белоснежную пустыню, но и дали жизнь весенним водам Великой. Широко разлилась река. Под долгожданным солнцем полноводное течение напитало землю, бурной зеленью окрасив город и деревню. Аисты вернулись к оставленным на зиму гнездам, горожане наводили порядок в загородном жилище и на дворе, в парниках поднимала голову рассада.

В День Святой Троицы Ивановы по традиции отправились на старое деревенское кладбище. Только баба Аня осталась с Петенькой дома.

– Нечего ему меж крестов гулять. Я потом сама схожу, – сказала она, глядя на зевавшего внука. – Лучше блинов испеку.

В обычные дни заброшенное кладбище дышало спокойствием и безмятежностью, но сегодня больше походило на сельскую ярмарку. Обочины песчаной дороги, ведущей к погосту, плотно заняты машинами. Возле каждого захоронения хлопотали нарядные родственники: вениками убрали прошлогоднюю листву, выдирали зеленую траву, украшали могилы свежими и вечными пластиковыми цветами. Исполнившие долг – пили водку, закусывая бутербродами и пирожками.

– Барыни нашей не видно, – Ольга провела недовольным взглядом по смутно знакомым лицам. – Ну и ладно. Справимся, – вздохнула старшая сестра. В этот день лучше было воздержаться от ругательств и склок.

– Она теперь в гареме живет, – отшутился муж.

– Ничего не в гареме, – Алексей встал на защиту больше Арика, нежели тети.

Зина окончательно переехала к Арику. Сестры, потратившие последние кровные на скромную загородную недвижимость при каждой возможности подтрунивали над подсутившейся младшей сестрой, отхватившей целую ферму, и называли ее барыней. Зина злилась, покрывалась пятнами от несправедливости. Она чуралась работы на общем подворье, но согласилась гнуть спину ради собственной выгоды и даже уговорила Арика не нанимать сезонных рабочих. Африканские птички оказались не страшнее местных куриц, а уж сенокосом деревенскую закваску не перебить.

Ухоженные места захоронений родителей и их сына Петра не требовали воскресного внимания – живые родственники регулярно навещали могилы ушедших. Устраивать пир не стали. Из уважения протерли оградки и памятники, постояли, помолчали, каждый вспомнил что-то свое и пошли обратно.

– Надо Зину к нам позвать, – осторожно предложил Толик, входя в дом. – Праздник, как-никак. И Арика тоже.

– Его-то чего? – возмутилась Анна. – С какого перепугу?

– Слушай, Анна Егоровна. Вот интересная ты женщина, – раздухарился глава семьи. – Арик теперь тоже наш. Как его не позвать? Некрасиво! С сестрой выясняете отношения, а Арик-то что?

– Захочет – сама придет!

– Не позвать, так откуда захочет? Блинов жалко? – Толик вышел на середину кухни и исподлобья взглянул на свояченицу.

– Чего?! – взревела Анна. Личная жизнь младшей сестры набирала обороты, а ее сошла на нет. Муж Анны, когда-то сводивший всех деревенских девок вихрастым чубом, под влиянием спиртовых настоек окончательно деградировал. Реальность видоизменилась, приоритеты сползли в пропасть, ощущения притупились. Искаженный внутренний мир интересовал его куда больше, нежели внешняя жизнь. Даже исчезновение собственной дочери не растрогало. «Найдется», – ответил он заплетающимся языком по телефону из Архангельска. Про внука даже не заикался. Анна подала на развод. Квартиру разменивать не стали, бывший муж пообещал не показываться на законных квадратных метрах. Зять Никита каждый день проводывал сына, но ночевать предпочитал вне дома. На упреки уклончиво отвечал, что жены нет и он формально свободен.

– Хватит вам! – цыкнула Ольга. – Сегодня грех ругаться. Пусть приходят. Если придут.

– Тогда я схожу, – вызвался Алексей и выскочил из дома.

Зина, несмотря на христианский выходной, активно махала вилами, раскидывая капустную листву и яблоки – некрещенные страусы хотели есть. Арик ковырялся в машине, узик не подмигивал правым поворотником. Для деревни – незначительная мелочь, но, во-первых, Арик не терпел технических неисправностей, а во-вторых, он иногда выбирался на своем любимом Бураке в город. Каир узнал гостя, забегал вокруг, приветливо виляя хвостом. Зина демонстрировать гостеприимство не спешила, сухо поздоровалась, а на предложение зайти в гости к родне брезгливо фыркнула:

– Нам некогда.

Алексей уж было развернулся, но подошедший Арик радостно пожал руку и предложил пройти в дом.

– А я как раз вас пришел пригласить.

– Я же сказала, что мы заняты, – недовольно повторила хозяйка.

– Раз приглашают – надо идти, – мягко, но уверенно сказал Арик. – Дела подождут.

Зина надела новое платье и сапоги из страусиной кожи. «Зинаида, тенистые сады с фонтанами и прудами, реки из молока и меда, даже пальмовые и гранатовые деревья могу посадить. Но зачем они мне без тебя? Мы были сброшены на землю в разных местах, но все-таки встретились. Носи, любимая!» – торжественно произнес Арик и вручил растроганной Зине коробку.

Подарок Арика в честь первого месяца совместной жизни не остался незамеченным сестрами, но они промолчали. Гостей угощали блинами и пирогом, Толик из солидарности с гостем пил чай. Обсуждали переменчивую погоду, посадки, ледяную воду Великой, комаров и прочие прелести деревенской жизни. Арик вспоминал жаркий Египет и беззаботное детство. Слушали внимательно, лишь Анна шумно прихлебывала с блюдечка.

– Не обращай на Аню внимания, – Толик принялся извиняться за свояченицу, когда мужчины вышли на экскурсию во двор. Хозяин дома решил похвастаться новым сараем и туалетом, а также поделиться планами о постройке для внука крохотной избышки на вековой липе. – Дочка как пропала, так и не нашли. Без вестей. Даже соседа подозревали.

– Я понимаю, – Арик закачал головой. – Алексей мне показывал фото. От моей дочки тоже ни слуху, ни духу. Сама живет, своим умом.

– Хотя жива. У них последнее время разлад был. Откровенности никакой. Каждая сама по себе, – Толик достал из бокового кармана «беломорину» и закурил.

– Откровенный разговор не всегда на пользу. Не все открыться могут. Тем более родным. Только Всевышнему.

– Это если он услышит! – закашлялся Толик. – А так все вон там лежать будем, – он протянул руку в сторону кладбища. – Лешка мой мечтает там церквушку поставить. Совсем помешался на религии.

– Я там иногда бываю, – признался Арик.

– У тебя там кто-то есть?

– Нет. Мои совсем в другом месте... О жизни почему-то лучше думается на кладбище.

– Жить хочется, – согласился Толик. Он сделал паузу, собрался с духом и спросил: – У вас с Зинаидой все серьезно?

– Очень, – улыбнулся Арик. – Хотя я ее и без калыма взял.

Толик затрясся от смеха и выронил папироску.

Глава 6

В ожидании зеленого сигнала светофора Арик барабанил пальцами по рулю и размышлял о поездке в город. Мода на страусиные изыски сходила на нет. Экономика переживала не лучшие времена, покупатели потуже затягивали пояса, и конкурировать с куриными окорочками становилось все сложнее. Директор магазина предложил переключиться на говядину или свинину. Арик вынужден был согласиться. Мечты мечтами, но объемы продаж страусятины падали. «Без красного мяса пойду по миру», – подумал Арик, наблюдая за нищенкой с картонной табличкой, слезно выпрашивающей милостыню у водителей. Арик решил страусов оставить для души и нового бизнеса. В туристической фирме согласились внести ферму в перечень местных достопримечательностей. Посещение древних соборов и храмов, имения михайловской ссылки великого поэта – само собой, поток организован еще в советские времена, но идея попить чаю, глядя на загадочных птиц, должна была

освежить замшелую программу и привлечь туристов младшего и среднего школьного возраста.

Зеленый сигнал светофора открыл дорогу. Арик пришпорил своего Бурака и полетел в деревню. На большаке в Чертовидово Арик увидел фигуру старого знакомого. Алексей шел вдоль дороги не торопясь, прогулочным шагом в сторону дома. Тучи над деревнями не сгущались уже недели две, за Бураком вырастали клубы пыли. Арик заранее скинул скорость и медленно подкатил к пешеходу.

– Домой? Подкинуть? – прокричал Арик в открытое окно.

– Да, если можно, – Алексей хотел еще пройтись, но согласился из вежливости.

Он открыл дверь и заскочил в кабину. – Далеко ездили?

– В город. Гулял?

– Да.

– Места красивые. Широта. Спокойствие.

– Тут бы на берегу реки церковь поставить. Так и просится.

– В Чертовидово?

– Можно у кладбища, – согласился Алексей.

– Храмов тут хватает. Мне по секрету сообщили. Он должен быть в душе каждого. Каменные не помогут, – Арик свернул с большака в сторону деревни.

– Я бы все равно поставил. В Германии в каждой деревне есть.

– Ну, раз охота, – согласился водитель. – Как родители поживают?

– В обороне. Тетя Аня ждет приезда зятя. Говорит, Никита сына хочет с собой забрать. С новой мамой знакомить.

– Мама всегда одна. Как и папа.

– Настоящая мама пропала. Уже и надежды нет.

– Надежда всегда остается. Без нее мужчине никак нельзя, – Арик притормозил у дома Алексея.

– Спасибо, что подкинули.

– Увидимся. Родителям сердечный привет. Береги их, – Арик помог Алексею закрыть дверь и поехал к себе.

Зина приготовила обед и покорно ждала мужа на скамейке. Они не расписывались, формальности не были соблюдены, но отношения двух людей, оставивших добрую половину жизни за спиной, строились на взаимном уважении, супружеской верности и взаимопомощи.

– С приездом! – Зина обняла Арика. – Обед готов. Тебя нет. Я начала волноваться. Уже хотела звонить.

– Прости. Дела. Порошок, чай, бумагу купил, что просила. Есть хорошие новости. Пойдем в дом. Я ужасно проголодался, – в руках он держал пакеты с покупками.

– Какие же?

– Скоро у нас будут туристы. И нам придется заняться свиньями. Люди готовы платить за то, чтобы увидеть живого страуса, но не хотят пробовать его на вкус. Дорого, – Арик поставил пакеты на пол, снял ботинки, вымыл руки и сел за стол. – Чем будешь угощать, хозяйка?

– Рассольник и ленивые голубцы.

– Отлично! – Арик энергично потер руки.

– Я уж думала зазную себе завел какую в городе! – Зина принялась водить половником в кастрюле.

– Ты что, – изумился Арик, подыгрывая хозяйке. – Я встречался исключительно с мужчинами. В машине сидел у меня Алексей. С Чертовидово вез.

– И как он?

– Задумчивый какой-то. За внуком к ним отец приедет.
– За Петенькой?
– Наверное...
– О Маше ничего не слышно? – Зина поставила перед Ариком тарелку с рассольником, подала хлеба. – Горе какое...

– Горе... Аллах милостив, но и самим не стоит на печи лежать. Вот сегодня одна ходила между машинами, побиралась... Молодая же, а глаза пустые, в тумане, словно живой мертвец. В обносках. Кто-то подает... На то и живет. А могла бы работать, мужа найти. И... – Арик резко замолк и замер, словно парализованный. Он вспомнил глаза этой нищенки, ее потухший взгляд и вдруг понял, что эти покрытые пылью черты лица недавно видел. Бросив ложку, он подскочил к комоду и выудил из ящика фотографию улыбающейся девушки в окружении родных тетей.

– Беги к своим, – закричал Арик, надевая ботинки. – Скажи, что я ее нашел!

– Кого? – оторопела Зина.

– Кого?! Машу вашу!

Арик выжимал педаль газа в пол. На повороте верный Бурак чуть не улетел в кювет, но удержался, из последних сил зацепившийся за полосу гравия. На перекрестке нищенки не оказалось. Арик растерянно шарил глазами, пробежался по улицам, но все тщетно – Маша исчезла, словно видение. Разозлившись на самого себя, Арик двинул в сторону ближайшего отделения полиции. Двухэтажное желтое здание ему было хорошо знакомо: каждое лето он из него вызволял своих работников, нарвавшихся в городе на бдительных стражей порядка. Арика выслушали, помочь не отказывались, но чем, если побирušки уже нет в микрорайоне? Расстроенный, он поплелся к выходу, как в конце длинного коридора заметил мелькнувшую родственную душу.

– Ассаламу алейкум, – Арик поздоровался с капитаном и не ошибся.

– Ва алейкум ассалам.

Капитан пригласил Арика в кабинет, угостил зеленым чаем и тот рассказал все что знал, слезно прося помочь.

– Это цыгане, – однозначно ответил земляк Арика, полжизни проживший в Казани. – Вот что, – капитан вызвал к себе молодого курносого сержанта. – Езжай на рынок. Привези цыганку. Лучше двух. Хотя... И одной хватит! С двумя ты не справишься.

– Есть, – обиженно ответил сержант и исчез за дверью.

– Одну привезут – уже хорошо, – капитан откинулся на спинку стула. – Беда с этой цыганщиной. Целым роем слетаются. Вчера одного парня на рынке обрабатывали. Обступили с трех сторон и давай верещать. Загипнотизировали, кошелек вытащили. Со свидетелями мы их взяли. У парнишки глаза осоловевшие, ничего не соображает. Гипноз... Тут в отделении через час отошел. Мы цыганку колоть... Вину признала, кошелек табор вернул. Паренька спрашиваю: будешь заявление писать? А он: если деньги вернут, то претензий не имею... Нет заявления – нет дела! Болван домой, а эти обратно на рынок! У тебя фотография девицы есть?

– Нет, – Арик почесал затылок. – Дома.

– Плохо! Что предьявлять будем? – капитан задумался и быстро нашел решение. – Дома есть кто? Позвони, пусть пришлют на телефон.

Пока воодушевленный Алексей метался между родственниками в поисках лучшей фотографии и скидывал ее Арику, в отделение доставили цыганок.

– Двух привез? – разулыбался капитан, глядя на сержанта, лицо которого пошло трещинами от расправившей гордости. – Пора тебе старшего давать. Расцарапа-

ли тебя... Состав преступления на лицо! Так... Одну отпущай на все четыре стороны. Придет цыган – сразу ко мне.

Оставшаяся в камере горбатая, беззубая цыганка осыпала всех ругательствами, насыпала порчу и предсказывала провал отделения полиции под землю.

Капитан оказался прав. Вскоре в отделении нарисовался молодой, вихрастый, нагло скалившийся цыган. Глазами он пожирал окружающих, а от его золотой улыбки по серым стенам бегали зайчики.

– Зачем бабушку взяли?

– Запомни это лицо, Будулай, – капитан протянул смартфон. – Она работает у моего друга, – кивнул в сторону Арика. – Передай барону, что эту лошадь надо вернуть. И избавь меня от лишней болтовни.

Капитан встал и подошел к окну, давая понять, что разговор окончен. Цыган уважительно посмотрел на спину полицейскому, фыркнул и ускакал.

– Вернет? – недоверчиво спросил Арик.

– Конечно! – успокоил капитан. – Одной лошади больше, одной меньше... Мы взяли эту старуху просто так, не за что – значит, дело важное. Просто так мы не беспредельничаем. Цыгане это знают и вернут ее. Даже если не у них – найдут... Они потерявших себя нутром чувуют...

Арик опять убедился в проницательности и профессионализме капитана. Дверь открылась, и в кабинет вошел молодой цыган, но этот раз он пришел не один. Рядом с ним стояла та самая нищенка с перекрестка. Грустная, растерянная, с потухшим взглядом... В ней с трудом угадывалась та веселая девчонка с фотографии, но это была Мария.

– Она? – недоверчиво спросил капитан.

Арик кивнул.

– Получите. Распишитесь. Больше не теряй! – довольный капитан пожал руку Арику и повернулся к цыгану: – Пойдем, Будулай. Тебя ждет награда. Как я от вас устал...

Арик усадил безропотную Марию на заднее сиденье уазика и поехал в деревню. Он не спешил, ехал осторожно, словно вез бесценный груз. Сердце пело, улыбка не сходила с его губ. Он сделал в жизни что-то важное, возможно, самый важный поступок. Арик позвонил Зине и радостно пропел: жизнь прекрасна, они возвращаются в Рублёво.

Мария вела себя спокойно, безразлично смотрела в окно, но стоило уазу свернуть с асфальта на большак – цыганская пелена начала спадать, разум и душа стали возвращаться в грешное тело. В Чертовидово она окончательно осознала: ее везут домой. Мария, словно птица в клетке, заметалась от двери к двери, но для бегства машина ехала слишком быстро. Показалась спасительная телега с клячей. Арик предупредительно притормозил, Мария дернула блокировку замка и выскочила на дорогу. Она бросилась бежать, прочь от неминуемого разоблачения, ужаса признания, собственной никчемной жизни. Ноги сами вывели ее к реке – решению всех проблем. Она заходила все дальше и дальше. Прохладные, невозмутимые воды Великой принесут ей облегчение и покой. Течение реки отнесет ее брэнное тело далеко от этих мест, туда, где никто не найдет. Воды сошлись над головой, пару мгновений, и все будет кончено...

Откуда-то сверху неведомые силы схватили утопленницу за волосы и потащили из воды. Мария пришла в себя на берегу. Она лежала лицом вниз, ее начало тошнить.

– Куда же ты, дуреха? – обиженно спросил Арик, сел рядом и стал снимать мокрые ботинки. – Жизнь ведь только начинается...

* * *

Сергей безучастно наблюдал за огромной мухой. Жирный бомбовоз, изучая обстановку, натужно гудел под потолком, затем медленно опустился на кухонный стол и, не обращая внимания на замершего хозяина дома, пополз к тарелке с хлебом. По краю белоснежной салфетки забрался наверх и скрылся из виду. Сергей посмотрел на неподвижные стрелки часов, перевел взгляд на занавески, обои и громко зевнул.

В дом влетела возбужденная жена.

– Слушай, не поверишь, – залепетала Лиза. – Там такое! У автолавки рассказали. Представляешь, этот узбек Машку нашел! Бабы плачут от радости, мужики водку закупают. Представляешь?! Чудо! Никто уж не верил... Сейчас обедать будем!

Сергей не сразу ответил жене. Он молчал, пока Лиза энергично вытаскивала покупки на стол.

– Ну и хрен с вами, – обозленно выдавил Сергей и, прищурившись, сквозь запыленное оконное стекло принялся разглядывать краешек реки.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

* * *

О, город грозно-одичалый,
Чуть оттеняющий орду,
Волк забегал в твои кварталы
И в восемнадцатом году!

Давно в твоей полярной лире
Смешались отзвуки земли,
Слова Европы и Сибири
В разноголосицу вошли.

Но, издыхая в дни блокады,
Ты вышел в путь по корке льда,
И ленинградцам были рады
Неведомые города.

Твоих детей усыновили
Кочевья или кишлаки,
Под вихрем азиатской пыли
Твои выросли ученики.

И самый дальний полустанок
Твоим преданием живет...
Но вечен погребальных санок
По Невскому неспешный ход.

И эти жесткие полозья,
И крепостного шпиля ось,
Все на сыром твоём морозе
Сроднилось, слиплось и сплелось.

Михаил Синельников родился в 1946 году в Ленинграде. Ранние годы провел в Средней Азии. Живет в Москве. Автор 29 поэтических сборников, сотен статей о поэзии, переводчик классической и современной поэзии Востока, составитель многих хрестоматий и антологических сборников. Стихи переведены на многие языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии и Турции. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат премии Бунина, премии Дельвига, премии Арсения и Андрея Тарковских, Государственной премии Таджикистана имени Рудаки и многих других отечественных и зарубежных премий.

* * *

Твой образ ледяной и отзвук твой хрустальный
Летят над темнотой убогих деревень,
Где в стылой тишине, похмельной и печальной,
Так душиен зимний сон, и просыпаться лень.

Но вспыхнуло окно, и хлопнула калитка,
Собака тявкнула, заблеяла овца,
Избавлено ведро от ледяного слитка,
Освобожден багор, сметают снег с крыльца.

И вот уж побежал в студеное поле лыжник,
И видит в этот миг, как небосклон зажгли,
Как перья уронив в урочищах неближних,
Жар-птица понеслась и брызжут хрустали.

ПОТОМСТВО ТИМУРА

Безумный Мираншах и приторный Шахрух,
Который засыпал на коврике молельном,
Но велико в веках потомство этих двух,
И шейх Омар живет в наследье нераздельном.

С кинжалом на слонов летел Халиль-султан
И трон поколебал, влюбившись в дочь устода.
Вгляделся Улугбек в небесный океан
И прелести Земли презрел для небосвода.

И отдавал Хуссейн поэтам сердца жар,
Бабур и сам слагал печальные газели,
Религии мирил и сочетал Акбар,
Чтоб все цветы цвели в его державном Дели.

И это Джахан-шах, что, сыном заточен,
Все взгляда оторвать не мог от Тадж-Махала,
Уж больше не жалел на свете ни о чем,
И скорбная душа в сиянье отдыхала.

От малабарских волн до Царского Села —
Повсюду разбрелись потомки Тамерлана,
И женщина одна всех царственной была...
Надев нательный крест, ей дали имя Анна.

СЫКТЫВКАРКА

Лесоповал в таежной Коми,
Рулады воющей пилы.

В тяжелом скрежете и гrome
Все время рушатся стволы.

Они могучи и корявы,
И содрогается земля.
Отходят к фабрикам составы,
Всё прибывают штабеля.

И снова лес, полярной сагой
Гудевший у студеных рек,
Проварят, сделают бумагой.
Но как ее недолог век!

И с блеклой, рыхлой после варки,
Легко желтеющей от слез
Бумаги этой, сыктывкарки,
Давно осыпался донос.

СТАРАЯ ЛЮБОВЬ

Отступили боль и злоба,
Из густых потемок вновь,
Августейшая особа,
Вышла старая любовь.

— Здравствуй, юности царица!
Нежность зыбкого лица,
Расцветая, золотится.
Этой власти нет конца.

Вихри снова пролетели
С опадающей листвой,
Выступает из метели
Неизменный облик твой.

И взаимности не надо,
На тебя я лишь взгляну.
Потерпи, моя отрада,
Поживи еще в плену!

* * *

Есть недосказанность меж нами.
Зияющая глубина,
Мерцающая под волнами,
Коль не захочешь, не видна.

Для надвигающейся ссоры
Найдутся поводы всегда,
Но прекращаются укоры,
И вновь смыкается вода.

Так изменились наши лица,
Так тяжело нам наедине,
Но то, о чем не говорится,
Так нежно светится на дне.

* * *

Как рыбой пахло Приаралье!
И к поездам ее несли,
И трепетало зазеркалье,
И удалялись корабли.

— Простимся же, сазан и жерех,
Большая сохлась чешуя,
Все море синее — в поверьях,
Все под песком, что видел я!

Так и душа в песках томится,
Страстями опустошена,
И лишь любви горит крупица,
Незаржавевшая блесна.

РАССКАЗЫ

КАЖДЫЙ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ СВОЙ РУДИС **Двойная жизнь Гарика Хадеры**

Гарик следил за собой. Сегодня суббота. Спешить некуда. Тщательно обработал ногти на руках. Осмотрел пальцы ног. Тоже кое-что подправил. Гарик не ходил дома в трениках с вытянутыми коленями, как это делали многие в середине шестидесятых. У него был тяжелый махровый халат. Израильский. А может, и бельгийский. Но уж не советского производства, это точно.

Подошел к трюмо. На него смотрело интересное, немного капризное — немного женственное лицо. Хорошо очерченные чувственные губы, причудливый изгиб бровей. Рейсфедером, как щипчиками, аккуратно выдернул из бровей пару волосинок, выбившихся из ряда, и длинную волосину, выросшую на ушной раковине. Маникюрными ножницами аккуратно выстриг пучки растительности в ушах и ноздрах. Вытащил новое лезвие безопасной бритвы «Нева». Станок, хромированный стаканчик для мыльной пены и помазок остались у него от погибшего на войне отца. Побрился, подправил виски. Освежил лицо одеколоном «Шипр», неизменным признаком элегантности того времени. Гарик знал, что этот аромат кружит головы юным красавицам. Осмотрел себя в зеркало: ни одного пореза — высший класс! Кожа чистая — ни угорьков, ни хотимчиков. Эх, причесочка уже поредела, рановато! А какой был в свое время кок!

Мой кок пропитан бриолином,
Сияет, словно антрацит,
И дудочки одеты с мылом,
Я — смерть для обалделых цып¹.

По советским меркам Гарик считался франтом. На работу одевался с иголки, но строго: длинный галстук, скромный, без пирамид и жирафов, и костюм фабрики Володарка. Когда был чуть моложе, слыл «стилягой» — на вечеринки и танцы ходил в шузах на толстой белой или желтой подошве, в широком на-два-раз-мера-больше твидовом пиджаке, в брюках-дудочках. С возрастом постепенно становился консервативнее в выборе облачения, тем не менее в его одежде всегда было что-то, о чем можно сказать: одет не как все. Импортная фланелевая рубашка без стойки, брюки на молнии, а не на пуговицах, а если не брюки, то

Саша Кругосветов — прозаик, публицист. Родился в 1941 году в г. Галиче Костромской области. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики. Публиковался в «Независимой газете», «Литературной России», «Российском колоколе», на многих интернет-ресурсах. Лауреат Московской литературной премии, Литературной премии имени В. Гиляровского, финалист премии «Нонконформизм-2016» и других. Автор 15 книг. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Равиль Валеев, <http://parnasse.ru/poetry/lyrics/town/stiljaga.html>.

джинсы. Последние появились совсем недавно, покупали их только у фарцы. Никогда не надевал на икры резинки для поддержания простых трикотажных носков. Доставал через знакомых (в магазинах такого не было) импортные носки, которые сами держались на ноге. Не носил «семейных» трусов, платинированного или байкового белья. Нижнее белье покупал у фарцовщиков, а зимой, за неимением теплых импортных кальсон, старался обходиться без них. В мороз — перебежками, от парадной до трамвая, от трамвая до проходной своего Гипролака. К подружкам и их одежде он предъявлял такие же «высокие» требования, особенно — в смысле белья. Так что девушке было непросто угодить этому доморощенному франту. И не только бельем. Потому, наверное, до сих пор и не нашел себе подходящей спутницы жизни. Он стремился не только хорошо одеваться, но и жить, как он говорил, «красиво». Любил, чтобы дома ему изысканно сервировали стол. Ложки, вилки, ножи должны быть только серебряными, сам старался есть в соответствии с правилами этикета. Раздражался, когда домочадцы неверно, по его мнению, пользовались приборами. На столе обязательно должны быть бумажные салфетки, даже если он заскакивал домой на минуту попить чай. Бумажных салфеток в доме всегда было много. Ведь в то время в стране победившего социализма не выпускалась туалетная бумага, в дело шли салфетки — не пользоваться же газетой, как все. Раздражало его и отсутствие в аптеках ассортимента изделий номер два. Перед самыми наиважнейшими свиданиями приходилось опять идти на поклон к фарце и раздобывать что-то поэлегантней.

Гарик был неглупым человеком. Понимал, что он немного нарцисс, а вот брутальность в его облике начисто отсутствует. Дожил — еще немного, и засветится тонзура. Для него это станет полной катастрофой. Был бы брутальным, пожалуйста — короткая стрижка, и никаких проблем. Придется в будущем завести усы. И в себе надо как-то понемногу воспитывать, растить брутальность. И воспитывал, и растил. Поэтому часто говорил нарочито грубо, резко, раздраженно, хотя на самом деле был человеком скорее мягким и ранимым. А вот раздражительность, пожалуй, была вполне в его характере.

— Лёля! Ты дашь мне завтрак? — закричал он, не выходя из комнаты.

Лёля — мать Гарика. Он называет ее или по имени, или по имени-отчеству — Еленой Максимовной. Мамой — только если очень рассердится. После войны осталась Лёля без мужа, без родственников, одна с подростком на руках. В Ростове-на-Дону. Узнала, что в Ленинграде ее двоюродный брат Леонид Львович только что развелся. Детей нет, хвостов нет. Инженер. Скромный, застенчивый, приличный человек. Работа есть, заработок — тоже, и жилплощадь в придачу. К тому же собой недурен. Высокий, кудрявый, только худенький очень. За время войны вообще доходягой стал. Активная Елена Максимовна — в Ленинград и враз женила на себе тихого, интеллигентного Лёнчика. Переехала с сыном к нему.

Для неудачливого Леонида эта женитьба стала неожиданным выигрышем в лотерею. Хохотушка Лёля обожала мужа, холила его, лелеяла. Подкормила — Лёня вообще красавцем стал. Умный, застенчивый красавец. Только немного бесхарактерный. «У меня самый красивый муж, — любила говорить Елена Максимовна и обнимала его прилюдно. Лёня застенчиво улыбался и гладил ее редкие рыжеватые волосенки. — А какой добрый, заботливый, какой умный! Ни у кого нет такого мужа».

Многочисленные сестры Леонида, их мужья и дети очень дружили до войны. А после войны — все остались живы — сплотились еще теснее. Жили врозь, их разбросало по разным районам, у каждой семьи — своя комната в коммуналке, но, по существу, сохранили «большую семью» своих родителей, ушедших к тому времени в мир иной.

Поначалу приняли Лёлю хорошо. Главное, чтобы брат был с ней счастлив. Очень скоро узнали ее дурной характер. Держалась лисичкой, ласковой хохотушкой. Ей нравилось стравливать родственников друг с другом, передавать гадости — «под большим секретом». Ласковая лисичка, ядовитая змея, наглая притворщица, беззастенчивая врунья — как это все сочеталось в одном человеке? С годами Лёля подурнела: расплылась, волосы стали еще реже, когда-то приятное лицо исказила гримаса постоянного недоверия и злобы. Нашептывала и мужу недобрые слова о сестрах. У того хватило ума не поддаваться на провокации. «Знаешь, Лёля, это мои сестры, они всегда помогали мне, не хочу больше ничего плохого о них слышать». В большой семье знали цену Лёле, но терпели ее. Ради брата.

Леонид не пытался стать Гарику отцом. Относился ровно. Старался помогать. Давал деньги подростку, потом юноше, не жадничал. Да и сейчас редко отказывал пасынку в просьбе. Но в жизнь его не вмешивался. Не поучал, не контролировал. Может, это и хорошо. Гарик почти не помнил отца, а к Леониду относился с большим уважением. Отцом называл редко, чаще — Леонидом Львовичем. Был благодарен, что тот в свое время приютил их с матерью, содержал все эти годы. Сейчас Гарик сам зарабатывал. И давно уже. А в свое время... Лёля в этом своем втором замужестве почти не работала. Инженеры тогда неплохие деньги получали, Леонид один содержал новую семью. Жили по советским меркам достойно, но все равно — достаточно скромно. В меру прижимистому Леониду удалось поэтапно с доплатой поменять свою убогую комнатку в коммуналке на отдельную квартиру, вначале крошечную, потом побольше. Теперь они жили лучше всех родственников. Имели трехкомнатную квартиру на третьем этаже без лифта. В доме времен социалистического конструктивизма на углу Чапаева и Скороходова. Комнаты хоть и небольшие, потолки низкие, но все равно — трехкомнатная квартира! У Гарики — своя комната, у родителей — своя, плюс — гостиная, неслыханный шик по тем временам!

Гарик вышел на кухню. Лёля хлопотала по хозяйству. Муж уже накормлен, теперь твоя очередь — иди, иди, сыночка.

— Лёля, какую гадость ты готовишь. За всю жизнь так и не научилась готовить нормальную пищу, как тебе не стыдно? Ты же не работаешь. Какой едой ты отца кормишь?

— Не нравится? Вот пусть тебя твоя Люда и кормит.

— Люда, в отличие от тебя, хорошо готовит. У нее вкусная пища: не пережаренная, не пересоленная, не переперченная, не сырая... А ты все экономишь, жарить протухшие яйца и осклизлые сосиски на провонявшем сале или прошлогоднем маргарине... Зачем ты вообще травмишь нас этим маргарином? На родном сыне экономить? А у Люды всегда все в порядке. И стол она умеет накрыть. И прибирает хорошо. Не то что у тебя: по углам — крошки, пыль... Немытые тарелки стоят до вечера, пока ты соберешься... Хоть бы мужа постыдилась, вместо того чтобы сюсюкать — Лёничка, Лёничка! — лучше бы дома навела порядок. Если б Люда стала здесь хозяйкой, все было бы чисто и аккуратно, а не хлев, как у тебя.

— Далась тебе эта Людка. Не вздумай ее на самом деле хозяйкой к нам привести.

— А чем тебе Людка плоха?

— Кто она такая, Людка эта? Без образования, работает товароведом в каком-то магазине. Канцелярском, что ли? Старше тебя на три года. Коротышка-замухрышка — полтора метра роста. Таких взрослых женщин не бывает в природе.

— Зато у нее все на месте, и мордашка очень даже хорошенькая.

— Что же тебя все так на гоек тянет? И Наташка твоя длинная...

— Я давно с ней не встречаюсь.

— Давно, две недели — очень давно. А Светка? Вчера только к ней бегал. Бегай, бегай, дело молодое, я не возражаю. Не пора ли уже остепениться? Неужели нельзя найти девушку из хорошей еврейской семьи?

— Где же ее найти? «Такую чистую, как мытая посуда, такую умную, как целый том Талмуда». Надо было тогда в Ростове оставаться, а не бежать, задрав хвост, в Ленинград. Там бы нашел.

— Все мать тебе виновата. Захотел, так и здесь нашел бы.

— А чего же ты ничего не говоришь тете Вере об ее Борисе? Он тоже все по какому-то не таким девчонкам бегаёт. «Не-из-нашего-круга». Можно подумать, мы — какие-то особенные. Говорят, собирается на хохлушке из украинской провинции жениться. Я, кстати, знаком с ней — очаровательная девушка.

— Разве тебя можно сравнивать с Борисом? Он младше на четыре года, а вон смотри, всего уже добился. Зарабатывает — аж двести пятьдесят в месяц, дай бог каждому, а еще на полставки преподаёт. На днях кандидатскую защищает. Чемпион Ленинграда, спортсмен.

— Я тоже приработок имею. Переводы с английского неплохие деньги дают. Иначе как бы я мог современно одеваться?

— А на работе? Чем ты занимаешься? Какие-то лаки, краски — стыдно людям сказать. Нет чтобы — ракеты, космос... На худой конец — электростанции, мосты... восемь лет работаешь, а все еще старший инженер.

Гарик не любил эти разговоры о работе, тем более — об успехах троюродного брата.

— Ну, хватит, хватит! Несешь, мама, всякую чепуху. Язык-то без костей. Ты не понимаешь, в какой стране мы живем? Куда с фамилией Хадера деться? Будто не знаешь, что мы здесь — люди второго сорта.

— У Боба фамилия тоже не очень — Романов, посмотришь в паспорт — совсем неподходящая фамилия для нашего пролетарского государства, это, однако, не мешало ему пробиться. Ты привык все на кого-то надеяться. Вначале на маму, когда я работала. Сейчас — на Леонида Львовича. Думаешь, я не знаю, что ты у него постоянно деньги клянчишь на новые шмотки?

— Хватит, Лёля, тараторить. Во-первых, деньги Лёне я отдам. А что касается Боба — он в какой отрасли работает? Ракетостроение. А я куда мог распределиться после Текстильного? Только в Гипроизолатор. Хорошо, что сейчас в Гипролак удалось перебраться. Здесь хоть платят получше.

— Боб хорошо распределился, потому что из Точной механики, потому что у него лучший балл на курсе. А ты в Текстильный пошел в свое время, потому что там конкурса не было. В другой вуз тебя бы с твоими тройками не взяли. А я своей глупой головой думаю, что и в Гипролаке можно неплохо зарабатывать. Только захотеть надо.

— Там, в оборонке, к нашему брату по-другому относятся. А я в этом институте — белая ворона. Хоть сто раз из штанов выскочу, все равно не стану человеком первого сорта. Вон к нам молодой специалист пришел — Слава Проваторов. Три года отработал — и вот, пожалуйста — руководитель сектора. У него сектор, а я — старший инженер без группы. Потому что он — Проваторов, а я — Хадера! На прошлой неделе объявили повышение зарплаты. Всем повысили, а меня в списке нет. Как же я здесь все ненавижу. Была бы возможность, уехал.

— Ешь, Гарик, ешь. Да не обижайся ты на мать. Я это все говорю для твоей же пользы. Кто у меня в жизни есть? Только ты да Леонид Львович. Брал бы пример с отчима. Работал честно всю жизнь, не хитрил, не воровал, жил скромно, копил. Вот у нас квартира теперь, у тебя отдельная комната. Жену приведешь, детишки появятся — еще одна комната у тебя будет. Небольшая, но все же комната.

— Надоели твои поучения. Помолчи уже. Неужели необходимо каждый раз объяснять, что происходит? Лучше посуду помой, наша кухня и так свинарник напоминает.

Наступило неловкое молчание. Лёля обиженно громыхла кастрюлями. Гарик пил горячий чай с лимоном. Дожевывая бутерброд с куском «Докторской» колбасы цвета пожелтевшей на солнце бумаги, он вспоминал тот неприятный разговор с начальником отдела о повышении зарплаты. Гарик, конечно, так просто это не оставил, он подошел к начальнику и с присущей ему прямоотой и смелостью спросил, почему его нет в списке на повышение зарплаты? Николай Николаевич, руководитель отдела, мягкий, интеллигентный человек, говорил с ним на этот раз очень резко.

— Знаете что, Хадера! Вам хоть раз задерживали зарплату? Нет. Вам хоть раз уменьшили премию? Нет. Вам хоть раз сделали замечание? Нет, нет и нет! А что хорошего вы сделали для коллектива? Ни одну работу вам поручить нельзя.

— А что? Было хоть-раз-такое, чтобы я с чем-то не справился?

— Вы, Игорь Валентинович, — хороший специалист. Только свою работу делаете вместо недели месяца, вместо месяца — полгода.

— Зато тщательно.

— Не знаю уж, тщательно или нет, а только я вижу, что вместо работы вы все время переводами занимаетесь. И другие тоже видят — не дураки.

— Разве проживет взрослый мужчина на зарплату старшего инженера? Платили бы хорошо, так и не занимался бы переводами.

— Если бы да кабы... Все по курилкам бегаєте...

— Да я не курю.

— Не курите, а бегаєте. Обсудите все международные события, косточки всем сотрудникам перемоете. Мне тоже достаётся, будто я не знаю. А при выезде на овощебазу все работают, картофель, морковь перебирают, а вы сидите для галочки, боитесь ручки свои испачкать, вон у вас ручки-то какие холеные, только что лаком ногти не покрываете.

— Да все так работают на овощебазе, только видимость создают. Вы ко мне несправедливы, Николай Николаевич.

— Несправедлив, несправедлив... Я из-за вас чуть выговор по партийной линии не получил, мне это надо? Секретарь парткома приехал на овощную базу вместе с директором и говорит мне: «Что это Хадера вырядился, как на танцы. Все работают, а он просто номер отбывает».

— Теперь будете указывать, как надо одеваться? Прошли те времена. Достали вы меня своей пропагандой.

— А вы — меня. Идите, Хадера, и работайте. И мой вам совет: поменьше выступайте, а то попадете под сокращение.

Вот такие довольно-таки неприятные воспоминания посетили ухоженную голову Гарика Хадеры, когда раздался телефонный звонок. Звонила Люда.

Люда — девушка Гарика. Одна из... Часто заскакивает к нему после работы. Иногда остается на ночь. Очень быстрая. Между делом успевает сообразить по хозяйству с десятков разных дел: сбегать за продуктами, что-то приготовить, сделать небольшую постирушку.

— Игорь, не ешь ты мамину стряпню. Разве это суп? Одна томатная паста. Я тебе сейчас что-нибудь приготовлю. Да нет, Елена Максимовна, я сама Игоря накормлю. А что у тебя из грязного? Я знаю, ты не любишь два дня носить одни трусики. Давай, давай постираю. Здесь на загрузку машины не потянет. Я вручную, как раньше. Елена Максимовна, что там у вас со стиркой? И ваше, и что там у Леонида Львовича? Давайте, давайте.

Лёля рада, любит прокатиться на шармачка. Тащит розовые штаны с начесом, нижнее белье Леонида, носки, кухонные полотенца.

Забезит, накормит, стирает, приберет — удобный человек. Гарик принимает все как должное.

— Какие планы на сегодня, Игорь?

— На сегодня? Послушай, Люда, на сегодня ты свободна.

— А как у тебя с обедом?

— У меня есть обед.

— Как с продуктами?

— Да не надо мне ничего, у меня все есть.

— Суббота, хорошая погода.

— Мало ли что суббота, мало ли что хорошая погода. Людочка, я тебе уже все сказал: я сегодня занят.

— Какие могут быть дела в субботу?

— Да, дела. У меня дела.

— А как насчет завтра?

— Завтра? Не знаю, созвонимся. До завтра еще дожить надо.

— Ты, наверное, опять к Свете собрался.

— Далась тебе Светка — это же Эллочка-людоедка. Знает только два слова: «хо-хо!» и «кrrрасота!».

— И чего же ты за ней бегаешь?

— Слаб человек, Людочка, слаб! Успокойся, я со Светкой не встречаюсь. Ко мне Аркадий приезжает, соученик из Ростова. Город покажу.

— Говори, говори. Ну, хорошо. Со Светой так со Светой. Все равно она тебя бортанет, как и Наташка. Кто твой характер терпеть будет?

— Ну, а если и к Светке, так что, ты возражаешь?

— Иди, иди. Ищешь себе приключений. Не мальчик уже. На прическу свою посмотри.

— Все, Люда, все. Свободна. Адё.

«А ведь и правда, кто, кроме нее, будет терпеть мой характер?» — подумал Гарик. В этот раз правда, он действительно вовсе не собирался к Светлане. Какая разница, однако? *Все события этого дня — перепалка с матерью, воспоминания о неприятном разговоре на работе, неуклюжая попытка отшить Люду — проходили как бы мимо него, словно и не его это была жизнь. С одной стороны — вроде злился, волновался, переживал, с другой — как будто все это происходило где-то далеко-далеко, будто совсем его не касалось.*

Надо бы развеяться, встряхнуться. Встретился с Аркадием, вызвонили Лариску, дальнюю родственницу Гарика. Лариске тоже почти тридцать, не замужем, почему не познакомить ее с Аркадием? Провели втроем весь день, болтались по городу, ели мороженое. Пообедали в хорошей кафешке. Говорили о высоком. Лариска любит ходить на выставки, в филармонию, посещает лекции в Эрмитаже и Русском музее. Ой, какая интересная выставка Рубенса, ой, какая интересная выставка Ван-Дейка! А в филармонии... Ах, как Мравинский дирижирует!

Гарика и Аркадия это не особенно интересовало. Их немного смешили эти ахи и охи. Лариска — некрасивая, нескладная, бедра широкие, на лице — толстый слой штукатурки, на губах — яркая помада, при всем при том что-то в ней все-таки есть, аппетитная женщина, ничего не скажешь. За разговорами об искусстве Лариске трудно скрывать горячий интерес к двум молодым мужчинам. А мужчины, конечно, — «за», почему не потискать любительницу искусств? «Что за милка, просто

чудо. Одни груди по два пуда». Маяковский, между прочим. Так что мы тоже культурные да начитанные!

Пошли в кино. Сели в стороне от других зрителей. Великовозрастные балбесы попробовали залезть под юбку Лариске. Та не возражала. Ответила, так сказать, взаимностью. Ручки шаловливые ответили взаимностью сначала одному, потом другому соседу. Потом болтались по вечернему городу. Аркадий был не против «продолжения банкета», может, и Лариска не против, а куда податься, в одну комнату с ее матерью в коммуналке? Погуляли и разошлись. В Советском Союзе, как известно, не было секса. Мужчины посмеялись, вспоминая маленькое приключение.

— Вот, говорят, считается хорошо, если у женщины большие глаза, — разглагольствовал Аркадий. — Глаза у Лариски большие, а впечатления не производят. Может, потому что навыкате? А барышня вроде не из робких.

— Какая там робость? Отбреет любого — так, что мало не покажется. Ах, ты это имел в виду? Конечно, она давно созрела для личной жизни, даже перезрела. Не хочешь жениться?

— Если б в Ростове, можно было бы подумать. А так... Далеко будет бегать целоваться. И жилплощади у нее всего ничего, считай, что нет. А сам-то ты что о ней думаешь?

— Да нет, несерьезно это. Не пара мы. Да и не хотел бы я, чтобы личная жизнь — у родственников на виду. У нас знаешь как? Все обо всем лучше всех других понимают. И на все случаи жизни советы готовы. Армянское радио спрашивают, можно ли изнасыловать девушку на площади? Нэт, нэльзя — советчиков много. Так и здесь.

Настроение у Гарика было неважное. Попрощался с Аркадием. Вернулся домой. Достал любимые «Двенадцать стульев». Эта книга появилась у него еще в пятидесятые годы, когда считалась запрещенной литературой. Теперь неизвестно, разрешена ли она. Во всяком случае, на полках магазинов и ни-у-кого-из-знакомых этой книги не найти. Гарик любил юмор, часто цитировал сценки Райкина: «может быть, может быть», «в грэческом зале, в грэческом зале». И словечки из «Двенадцати стульев» тоже. Обычно чтение шедевра Ильфа и Петрова утешало его и примиряло с жизнью. Но не сегодня. На душе тревожно почему-то. Больно уж все в этой книге похоже на нашу теперешнюю советскую действительность. Ничего не изменилось. Хорошо бы сейчас Людку под бочок. Он всегда успокаивался рядом с ней. А сейчас что делать? *В последние несколько дней ему снились эти страшные, пугающие сны. А вдруг он станет кричать, метаться во сне? Напугает женщину. Да и как он сможет все это объяснить?*

* * *

Кашил проснулся, как всегда, на рассвете. Ощущение, что он — какой-то «таинственный» Игорь², только что, несколько минут назад еще живший в далеком северном городе, постепенно рассеивалось. Вернее, он помнил ту, другую жизнь, но она почему-то отходила на задний план, отстранялась, отступала в какую-то затемненную нишу, будто это был только сон. Вот она здесь — его, Кашила, настоящая жизнь.

*Кашил походил по комнате. Да-да, у него теперь комната, удобная мебель, превосходная кровать. Был бы семейным, дали бы еще одну или несколько комнат. Когда три года назад его купила на невольничьем рынке *ludi gladiatoriae*³, ему дали небольшую каменную клетушку без окон. Дверь тоже отсутствовала, свет поступал через*

² Имя Игорь означает «тайна».

³ Школа гладиаторов.

дверной проем. А из если-можно-так-выразиться-обстановки — только куча грязного сена на полу. Сколько грязи, низости и жестокости он видел за эти годы!

Рядом с его комнатой лестница на второй этаж. Там живут: ланиста⁴, лекарь, массажист и наставники гладиаторов. Сейчас у Кашила есть окно. Через него виден тренировочный плац в окружении барачков, различных строений, в которых располагаются кухня, *satragium*⁵ для ремонта и изготовления доспехов, *spoliarium* — место, куда относят тела убитых на арене, другие строения. Вся территория лудия обнесена овальным забором и находится под неусыпным контролем ликторов⁶ — прокуратору Кипроса⁷ второй Спартак не нужен. Недалеко от школы — амфитеатр Куриум, где устраиваются гладиаторские бои, а дальше, до горизонта, без конца и края, — ярко-синий массив *Mare Nostrum*⁸.

Восемь лет назад Кашила⁹ взяли в плен его африканские соседи — банту, продали вначале зулусам, потом эфиопам, потом иудеям, народу Книги. Почему ланиста решил купить у евреев низкорослого бушмена?¹⁰ Кашил — крепкий, ладный. Но крошечный! В гладиаторы берут не просто рослых — огромных! Ланиста, толстый старый грек, понимал толк в мунеру¹¹, он решил: вот хохотать будут люди — карлик против великана, Давид против Голиафа! К тому же покупка «малыша» у евреев обоилась ему в сущие пустяки.

Его определили в ретиарии¹². У ретиариев нет ни щита, ни шлема. На левой руке, которая держит сеть, — кожаный рукав и металлический наплечник, защищавший плечо и голову. Из оружия — трезубец, или копье, или просто кинжал. Первый бой был с огромным фракийцем, вооруженным щитом и гладиусом¹³. На голове фракийца — шлем с изображением рыбы, железный нарукавник на правой руке, поножи и ремни на ногах. Гладиаторы подсмеивались над Кашилом перед его выходом. Особенно, аукторы¹⁴: «Не робей, Кашил, все встретимся в сполярюме». Стадион дружно хохотал, когда крошечный ретиарий появился на арене. Фракиец Нигидий Май вращал мечом, щитом, делал эффектные фигуры и выпады. Зрители ликовали. Казалось, Кашил обречен. Ему приходилось уклоняться, падать, отскакивать и даже отбегать. Зрители кричали: «Не беги, бушмен, сражайся и умирай! Бей его, Нигидий! Жги! Почему он так трусит мечей и ударов? Почему сам не хочет храбро убивать? Почему не умирает с охотой?» Они недооценили выносливость и звериную ловкость лесного человека. Цирк ахнул, когда сеть, брошенная Кашилом, опутала ноги Нигидия. «Не тебя ловлю, а рыбу; убегаешь зачем, фракиец?» — ядовито сказал африканец, рыбок — и гигант уже на спине, а Кашил — на его груди, и нож приставлен к горлу. Нигидий просит миссуса¹⁵. Зрители кричат, поднимают вверх сжатые кулаки, «меч в ножны!», спасают понравившегося им Нигидия.

Потом было много мунеру — с галлами, самнитами, с мурмиллонами. Двадцать пять побед. Кашил, известный своим ядовитым языком, никогда не отличался жес-

⁴ Владелец школы.

⁵ Мастерская.

⁶ Вооруженная охрана.

⁷ Медный остров.

⁸ Дословно: «Наше море», так римляне называли Средиземное море.

⁹ «Скрытый, невидимый» в переводе с бушменского.

¹⁰ «Лесными людьми» называли этих африканцев германские племена фризов и батавов, живших в те времена на территории современной Голландии.

¹¹ Гладиаторские бои.

¹² От слова *rete* — сеть.

¹³ Короткий римский меч.

¹⁴ Свободные люди, добровольно пришедшие в гладиаторы.

¹⁵ Пощада.

токостью. Сколько ему ни кричали *ingula!*¹⁶, он ни разу не добил поверженного противника. Девять ничьих. Проиграл четыре раза, но получил «миссус». Только у великого гладиатора Фламма было больше побед. Ну что сравнивать с Фламмом? Зрители четырежды требовали вручения ему деревянного меча как символа освобождения.

Кашил подошел к бронзовому отполированному зеркалу, покрытому тонким слоем серебра. На него смотрело довольно привлекательное, в чем-то детское лицо с узкими, раскосыми, немного монгольскими глазами и тонкими губами. Редкие волосы на щеках и подбородке. Кожа — светлее, чем у негров, красноватого оттенка. Кашил знал, что «лесные люди» рано старятся и умирают. Не живут дольше сорока лет. Ему тридцать. Выглядит неплохо. Но лицо уже все в морщинах. Немного детское и в то же время — в морщинах, вот ведь как бывает. И курчавая, в мелких колечках копна волос заметно поредела. Кошил следил за собой. Старался всегда выглядеть как золотая монета в шестьдесят сестерциев. Он достал кинжал — единственное оружие, которое разрешалось хранить у себя. Настоящее оружие хранилось в арсенале и выдавалось гладиаторам только перед выходом на арену. Положил на лезвие курчавый черный волос. Дунул — волосок разрезан лезвием на две части. Отлично! Намазал лицо тонким слоем жидкой глины и побрился. Вот это класс — ни одного пореза. Отполировал гладышем ногти рук и ног, пятки — шершавой пензой. Помылся. Вода всегда хранилась у него в страусовом яйце, оплетенном тонкими кожаными лентами. Как бывший житель пустыни, он понимал ценность воды и следил, чтобы она всегда была в наличии.

Сегодня суббота — свободный день. Нет ни тренировок, ни боев. Мунеру — завтра, а сегодня он свободен. Кашилу разрешалось покидать *ludi gladiatoriae*. Это ведь остров Кипрос, «медный остров», рабу некуда отсюда бежать. Все равно найдут и жестоко накажут. Кашил долго выбирал одежду. Того в городе ему, гладиатору и рабу, носить нельзя. Только на арене. В случае победы, при вручении пальмовой ветви. Он выбрал лучшую тунику с вертикальными пурпурными полосами и разноцветной вышивкой по краям, кожаный пояс, украшенный бронзовыми бляшками с изображением Ромула, сандали из лучшей кожи. На голову — кожаную ленточку с тиснением. Зашел к повару.

— Все спят по субботам, ты первый, Кашил.

— Спят лентяи. Только и думают, как бы набить брюхо и поспать. А придет день поединка «мунус» — и конец их жирному брюху. Воин должен много тренироваться и мало спать. Дай поесть.

— Это не проблема. Ячменная каша всегда есть. Может, хочешь бобов?

— Я ведь просил тебя приготовить «лесному человеку» личинок термитов или хотя бы пожарить саранчу. И даже дал тебе две половинки сестерция за это.

— Где я найду твоих варварских термитов? А саранчу ловить для тебя я уже стар. Забирай свои полсестерция.

— Давай и вторую половинку, старый хитрец. И корми поскорее этой ужасной затвердевшей ячменной кашей.

— Что-то ты разболтался больно, «лесной человек». На тебя это не похоже.

— Завтра мунус, завтра — великий день «лесного человека». Если римские боги не отвернутся от меня, если мое оружие будет иметь успех, я получу деревянный меч Рудис, я стану свободным.

— Глупец, что ты будешь делать со своим Рудисом? Все равно вернешься обратно в школу. Ты не сможешь жить свободным гражданином, ты умеешь только убивать.

— У меня есть деньги. Куплю дом, женюсь.

— Где ты найдешь женщину, которая согласится стать женой африканца? И чем ты станешь заниматься?

¹⁶ Добей!

— Буду толмачом. Я знаю языки. Африканские. Латынь, греческий. Иврит. Немного — языки галлов и саксов.

— Знаю, знаю, ты с великаном Саксом не разлей вода.

— Сакс научил меня языку своего племени.

— Ну, иди, раз решил. Не забудь — вечером объявят о поединках на следующий день. Ты должен вернуться до темноты. Иначе вместо Рудиса тебя ждут колодки и наказание каленым железом.

Кашил бродил по рынку Пафоса. Купил себе лакомства — жареных кузнечиков и личинки муравьев. Надо хорошо подготовиться к завтрашнему дню. Он вспомнил свою инициацию, тогда ему исполнилось двенадцать лет. Кашил дал клятву верности вождю племени. Съел, как и положено, шарик сгущенного млечного сока опийного мака. Танцевал вместе с шаманом и впал в неистовство. Он чувствовал такой прилив сил, что прыгал выше самой высокой пальмы.

На греческом рынке все есть. Купил шарик затвердевшего макового сока. Завтра он съест его перед самым главным сражением своей жизни. Глупые мурмиллоны! Кому из них по силам победить «лесного человека»? Кашил может на солнцепеке часами бегать и сражаться. Он не потеет и не устает. У него самые крепкие пальцы. Ни один богатырь не может натянуть тетиву бушменского лука. И попасть стрелой в глаз леопарду.

Посетители рынка узнавали Кашила. Его приветствовали, с ним шутили, его хлопали по плечу. Торговцы угощали его вином. Тем не менее он оставался для них человеком, который торговал своим телом, рабом, гладиатором... Одним словом — второй сорт. Им восхищались с оттенком презрения, которое могут себе позволить по отношению к рабу свободные граждане Римской империи. Пусть не патриции, пусть торговцы, пусть даже простые служащие, пусть бродяги, чернь, но — свободны-е-гражд-да-не! Это он увеселяет их, рискует своей жизнью на арене.

Мимо прошла молодая гречанка. Такого же роста, как невысокий Кашил. Он догнал ее, дотронулся до плеча.

— Люда, это ты?

Почему в его памяти возникло это незнакомое имя?

Женщина испуганно посмотрела на него:

— Какая Люда, что ты хочешь? Я не знаю тебя.

Схватила свои корзины и убежала. «Вот на такой женщине ты и должен жениться, Кошил», — сказал он сам себе. Гладиатор направился в район, где можно найти проституток. Обитательниц борделей звали *lirae*¹⁷, а сами бордели назывались *liranagia*. В лунанарий. Отдыхать так отдыхать. Незаметный вход с улицы. Женщины принимают на втором этаже, у входа в свои комнаты. Гречанки отказываются его принять. Местные женщины не любят африканцев — ходят слухи, что африканцы могут принести дурную болезнь. Гладиатор зашел в несколько лунанариев. В одном из них у порога комнаты его встретила еврейка с красной свечой в руке. Кашил вспомнил, как однажды один знакомый христианин сказал ему: «Красный цвет — символ стыда и бесчестия». Какой может быть стыд в борделе?

Он обратился к блуднице на иврите.

— Пожалуйста, я не возражаю, — ответила она безучастно. — Мне все равно: с черным или с белым.

Некрасивая, нескладная, бедра широкие, большие глаза навывкате. Лицо набеленное, щеки подкрашены киноварью, глаза обведены сажей. Губы — тоже киноварью, на языке лунанария это означает предложение оральной любви. Завязанный сзади красный

¹⁷ Волчица.

пояс, называемый *tamillare*, поднимает вверх почти оголенные груди иудейки. Груды крепкие, с рельефными сосками. Кошилу захотелось эту женщину.

— Меня зовут Аларра, — сказала она; его именем, однако, не поинтересовалась.

Он дал ей купленный за два сестерция здесь же, в борделе, спинтрий, бордельную марку, на которой изображена поза, в которой клиент хотел бы получить услугу.

— Здесь нарисована поза сзади. Нет уж, эти варварские африканские обычаи нам ни к чему. За этим иди к гречанкам. Если хочешь со мной, давай спинтрий за четыре сестерция и, пожалуйста, делай свое дело, как принято среди иудеев — лицом к лицу. А за два — только лишь оральная любовь.

Согласились лицом к лицу — за четыре. Маленькая комнатка украшена картинами совокуплений. Надпись: «*Nic habitat felicitas*»¹⁸. Короткое каменное ложе, на котором только истертый соломенный матрас. Любить на таком ложе тесно и неудобно. Кошил постарался скорее сделать свое дело. Не получил никакого удовольствия. Обещанное наслаждение обошло его стороной. Кошил — не из стеснительных. Тут же, при Аларре помылся, привел себя в порядок. Уходя от проститутки, вспоминал, как часами предавался любовным утехам с бушменскими женщинами, без усталости занимаясь делом-угодным-богам-плодородия-и-духам-лесным.

День клонился к вечеру. Вернулся до темноты.

Ланиста Децил Валент вызвал к себе Кошила. Прямая надменная спина, холодное враждебное лицо.

— Завтра бой с Саксом.

— Почему с Саксом? Мы же друзья.

— Ну и оставайтесь друзьями. Завтра венацио¹⁹. Выпустим на вас зверей.

— Ну и хорошо! Бушмен не боится зверей.

— Вряд ли тебе понравится то, что я скажу. Это будет африканский слон. Огромный самец.

— Разве могут два гладиатора завалить африканского слона?

— Вас будет десять человек.

— Для чего ты это делаешь, Децил? Это же смерть. Ты ведь знаешь, у меня завтра последний бой. Я хочу получить свою пальмовую ветвь, свой круг почета в тоге и свой Рудис.

— Мало ли что ты хочешь, вонючий пигмей.

— Я не пигмей.

— Дай руки.

Старый грек привязал руки Кошила веревками к колонне.

— У тебя свободы больше, чем у любого бойца моего *ludi gladiatoriae*. Хочешь еще свободы?

Ударил ладонью по лицу.

— Получи свою свободу. Нравится? — насмешливо и злобно сказал он.

Потом взял нож и стал размахивать им перед носом Кошила.

— Пигмей, грязный, вонючий пигмей! Свободы захотел, жалкий карлик? Ему захотелось свободы! Ты еще хочешь свободы, пигмей?

Бушмен ловко уворачивался от лезвия, однако руки, привязанные к столбу, сдерживали его движения, и один раз конец ножа все же чиркнул по плечу гладиатора. Как ни странно, это неожиданно успокоило ланисту. Калечить гладиатора перед боем не входило в его намерения. Он развязал веревки на руках Кошила.

— Ладно, не злись. Это не связано с тобой. Мне предложили хорошую цену за бой «идуущих на смерть» с дикими зверями и африканским слоном. Против слона будут де-

¹⁸ Здесь обитает наслаждение.

¹⁹ Гладиаторские бои с участием людей и животных.

сять человек. Мне надо менять состав. Вы все уже старики. И у меня больше не будет шанса получить за вас такие деньги. А ты вообще боец без будущего, на тебе много не заработаешь.

— А сколько побед я одержал?

— Ты все бегал и бегал. И не прикончил ни одного побежденного. Черни нужна кровь. Или жертва, или герой. Жертва из тебя пока не получилась. Удивляюсь, как ты каждый раз ускользаешь из рук смерти? А герой? Какой ты герой? Шмакодявка... Не нравится? Ну ладно — «крошка, крошка, девочка-подросток!» — так лучше? Хватит разговоров. Убьешь слона — получишь Рудис. Хотя ты этого и не достоин. Иди к лекарю. Пусть промочит рану, прижжет и помажет мазью. Что на руках, синяки от веревок? Ерунда, это тебе не мешает.

— Как я вас всех ненавижу!

— Ишь как заговорил. Если бы не завтрашний бой, наказал бы тебя колодками, а то и каленым железом. Иди уже. И поменьше нос задирай. А то передумаю и накажу все-таки — в назидание другим.

Бешенство и злоба душили Кашила. Децил Валент решил поставить бойца на место. Посмотрим, чья возьмет. Я убью слона. Я помню, как мы это делали в Африке. Возьму короткое копье и проткну его сердце. Кашил пошел к Саксу и перед сном долго о чем-то шептался с белокурым гигантом.

* * *

Наутро Гарик проснулся с головной болью. Смутно вспоминал сон. Боже, какая ерунда. Что за чушь мне снится? Надо взять отпуск на неделю и отдохнуть. Успокоить нервы. А это что? Почему-то простыня в крови. На плече неглубокая рваная рана. В точности такая же, как у Кашила. Запястья — в синяках и кровоподтеках. Отчетливо, реально до боли ощущал он веревки, стягивавшие и терзавшие его руки прошедшей ночью. Что бы это значило?

Весь день Гарик ходил как потерянный. О порезе никому не сказал. О странных снах — тем более, никогда никому не говорил об этих снах. В голову лезли навязчивые мысли. Завтра — последний бой, завтра все решится. Что решится? Чушь какая. А порез? Где я вчера мог порезаться и почему не заметить этого? Откуда синяки на руках? Какой-то заскок. Ничего такого не могу припомнить. В голове стучало: завтра все решится, завтра все решится. Он не мог отделаться от этой мысли.

Был очень тихим за завтраком. Лёля удивлялась: «Гарик, ты не заболел? Сам на себя не похож». Зашел в комнату Леонида. Долго расспрашивал его о нэпе, о доменной жизни, о войне. Позвонила Светка.

— Светка, до чего же ты глупа, заполошная моя, просто курица безмозглая. Тебе богатенький нужен. Тот, кто умеет гешефт делать. А у инженера откуда деньги могут взяться? Нет и не будет.

Не ругал Гарик подружку, не хамил, вежливо так попрощался. «Ах, Светка, Светка! Не нужен я тебе, — подумал он. — Да и ты мне, глупышка, тоже никак не нужна. Но какие ножки! И нижнее белье — трусики, лифчики, комбинации — все высший класс! У Людки, правда, тоже ничего». Людке позвонил сам. Сказал, что настроение неважное и чувствует себя не очень. «Сегодня я, Людочка, хотел бы побыть один. Извини». Погода была дождливая. Надел плащ, шляпу, поднял воротник, пошел гулять под гнилой ленинградской моросью.

Зашел к тети-Вериному Бобу. Тот жил в коммуналке в одной комнате с родителями. Борис, как всегда, работал — гонял какие-то формулы. Что-то считал, записывал.

«Творит, — с завистью подумал Гарик. — У него всегда было хорошо с математикой. Боб — человек рациональный, а я, видать, — иррациональный».

— Заходи, Гарик.

Борис немного удивился приходу Гарика. Они виделись редко, только по праздникам или семейным торжествам за общим столом. Сам Гарик до сих пор ни разу не заходил. Поговорили о том о сем. Ничего не значащий разговор.

— Вот я книжку принес — «Двенадцать стульев». Не читал? Бери, дарю.

— Спасибо, Гарик. Да вроде с этим уже нет проблем. Ильф и Петров издается, не то что в пятидесятые.

— Ну, не хочешь насовсем — возьми почитать. Потом вернешь. Пожалуйста, читай, сколько хочешь, возвращать не к спеху.

Гарик было не по себе. Бесцельно бродил он по городу до наступления темноты.

Опять это проснулось в нем. Вот оно, нечто! Мысли роились, копошились в его голове, с кровью и стоном переползали одна через другую. Было что-то фатальное в их непрерывном, мучительном и напряженном движении. Он не понимал, что происходит у него внутри, во втором, выросшем как инородная опухоль в голове, враждебном и неподвластном мире. Голову, грудь, сердце стягивала, сжимала тяжелая, медленная сила. Она не расходилась волнами, а билась в нераспутываемом, туго стянутом клубке. Внешний мир пожух, сжался и побледнел. Он постепенно отодвигался, удалялся расходящейся сферой и таял, теряя очертания. Гарик казалось, что он уже в стороне, вне этого мира. Нет, нет, он не станет поддаваться... Силы и злость борьбы не покидали его. Оглянулся по сторонам и увидел все, что было рядом: город, асфальт, стекла, шершавую, бугристую, блестящую воду, незнакомые лица прохожих.

Вдруг что-то произошло. Кровь хлынула к лицу, и прежде чем он осознал, что все-таки случилось, страх уже пылал в каждой клеточке его тела. Почему ты так испугался, чего тебе вообще бояться? Не будь кисейной барышней, вперед, догони, надо догнать этого человека. С надменной прямой спиной. Холодного, неприступного. Враждебное лицо затянато непроницаемой пеленой. Черный жесткий плащ не изменил его.

— Кого? Кого не изменил, кого он напоминает? Ланисту Децила Валента из вчерашнего сна?! Почему он не оставляет меня?

Незнакомец оглянулся, его взгляд блеснул осмысленно, насмешливо и злобно. Завернулся в плащ и слился с толпой. Гость из других миров, может быть, из преисподней? Вряд ли. Исчез, но будет следить... Чтобы «жаркое» не испортилось...

Что за ерунда! Не будь ребенком. Кто может в это поверить? Это ведь только сон, твой собственный сон. Децил Валент! Надо же такое придумать! Мои собственные видения. Меня же и пугают. Видимо, устал. Надо отдохнуть... На море, на море...

Он уже не мог сказать, что было сном — школа гладиаторов, грязь, низость и жестокость, то, что он видел во сне каждую ночь, то, что увидит сегодня, этой ночью, или сон — это его жизнь, всегда довольно приятная, довольно легкая, довольно скучная и одинокая. С однообразной работой, тошнотворными переводами на заказ. С бесконечной погоней за новыми юбками. Со смятыми постелями и запахом пота девушек, у которых, как правило, был один общий недостаток: они не умели хорошо мыться. Это тоже сон — моя довольно одинокая жизнь, маленькая каморка, в которой я заключен вместе со всей своей суетой, крошечный блошинный, местечковый мирок, в который врывались вначале сны, цветные, путанные, потом и люди из этих снов: Децил, повар, Кашил, гречанка с рынка, странная иудейка Аларра...

Вернулся домой. *Завтра все решится. Опять эта дурацкая мысль.* Завтра на работу — вот правильное умозаключение. Хотя, честно говоря, тоже настроения не повышает.

Как быть с плечом и руками? Как это объяснить? Настойчиво твердил сам себе старые аргументы: наверное, возился где-нибудь с приятелями, потом забыл. Он был издерган этими мыслями и выкручен, как мокрое белье. Рухнул в постель и в изнеможении заснул.

* * *

Проснись! Откуда-то издали мысль с тиканьем регистрировала, что язык незнаком, что обстановка непривычна, непонятно, что это за страна, но тело и голова ориентировались и понимали все, что происходит. Он без удивления оглядывал незнакомые предметы, людей, с первого взгляда узнавал их, как будто он уже владел каким-то древним знанием, давно знал этих людей и сейчас встречался со старыми друзьями. Он находился в подвале с каменными стенами, низкий потолок перекрывали огромные бревна. Лежал на клочках вонючего сена недалеко от каменных ступеней, ведущих наверх, к железной решетке, закрывающей мощно сбитую дверь. Сквозь щели входа мутный воздух прокалывали полосы света, играющие на мокрых от испарений, черных камнях. Вокруг он видел возбужденные лица друзей, таких же, как он, потных и грязных. Громко крича, они разбирали оружие, бранились, некоторые спокойно сидели по углам. Кто-то дергал его за ногу: «Проснись, Кашил!»

«Я — Кашил!» — мгновенно пронеслось в мозгу, мысль работала предельно четко. Организм производил ритмичную и быструю мобилизацию армии нервных связей, посылал сигналы сердцу, легким, мышцы сокращались и подбирали слабинку сухожилий, всё проверялось и готовилось для пронзительной жизни. Секундой мелькнула мысль о необычайной яркости ощущений; воспоминания прошлого, совсем недавнего сна, в котором он ощущал себя слабым, неуверенным в себе Игорем (почему Игорь — тайна, какая может быть тайна в этом Игоре?), становились ватными и неубедительными. Сомнения разрывались в клочья тумана и исчезали. Вот она жизнь, не сон — настоящая жизнь!

Почему он лежит здесь, в грязи? Наверное, вчера долго обсуждал с Саксом план предстоящего боя и остался здесь, чтобы оказаться утром ближе к арсеналу. А вот и Сакс, тянет его за ногу. И даже одет для боя. Так же, как и я. Вернее, раздет — на нем только треугольный кусок красной ткани, завязанный двумя концами спереди, третий угол подтянут, тоже спереди, под боевой кожаный пояс. Больше ничего не нужно, только оружие. Ухо оценило неясное «элефанте, элефанте». Итак, не львы. Африканский слон — это страшнее. Нужно выбрать оружие. Копье, и покороче.

Откуда-то вывалилось наполовину забытое воспоминание: страшный отчаянный удар по надвигающейся сверху, оскаленной маске хищника, предсмертный тоскующий всплеск ужаса и потом — жив! жив! — в теплой луже крови под телом мертвого зверя.

Сейчас все решится: жизнь, смерть, слава, позор, свобода! Только бы найти копьё покороче. Меч не годится. Его не воткнуть. Нужно ударить копьем двумя руками. Он видел, как диковинный черный карлик, африканский пигмей ростом еще меньше Кашила убивал на арене слона. Он погиб, тот черный человек, но я не погибну, я должен победить. Шарик опия за щеку — это тоже мне поможет.

Африканский слон был громаден и свиреп. Он стоял спокойно на стройных легких ногах и даже вблизи производил впечатление изящное. В этом слоне воплотилось все. Он должен искупить — и боль, и поражения, и слабость, пощечины и удары, холод и жару, скуку и мертвый покой. Борьба с ним превращалась в откровение и гениальную догадку. Конечно, Кашил был далек от понимания подобных слов, но

тем не менее он сумел все это почувствовать. Что-то взорвалось внутри него; шар крови лопнул мелкими брызгами, и в эту открытую настежь, с торчащими вперед ребрами грудь хлынул непривычно холодный воздух. Он открыл себя в этом мире. Каждая мысль, каждое движение становились уверенной, безоглядной догадкой и смелостью победителя. Поза его, легкая и непринужденная, словно скульптура, завершалась рукой шеи, твердо держащей сосуд головы. Какие-то сложные кольцевые мышцы энергично охватывали шары глаз, выдавливая пронзительный поток взгляда. В груди появилась вторая диафрагма. Края ее загибались вниз, а середина сферы поддерживалась мощным потоком воздуха. Плечи и шея вплотную прилегли к колышущемуся зонту диафрагмы, и мысль уверенно стояла на этом упругом основании, своей неожиданной собранностью освобождая тонкую лицевую мускулатуру для врожденного радостного оскала.

Мысль Кашила обволокла и заключила в себе необъятную громаду животного, гармонию его разнообразных и могучих движений, вес, давление на кости, сопротивление огромного кровяного насоса сердца, кровь, бурлящую в руслах его тела, тупую, налитую ненавистью мысль несломленного неволей гиганта, презрение к хрупким неказистым существам, во власти которых он находился. Слон стоял почти неподвижно, буковками глаз ощупывая и примеряясь к орущей, захлебывающейся толпе.

Где Сакс? Сакс, настал момент. Отвлекай его, заманивай, но в бой не вступай. Берегись хобота!

Ни единая мысль, ни сомнения не отвлекали Кашила, когда он крался к слону и скрылся под сводом его обширного брюха. Он ощущал только радость и трепет борьбы. Руки крепко держали короткое древко копья; глаз наметил далекую точку в пульсирующей складке кожи под левой передней ногой слона. Он сжался и пружиной кинул себя вверх. Все его существо аккумулировалось и вложилось в остроконечную вершину копья. Удар получился смертельным, он в этом не сомневался. Радость победителя засvistела в нем, он выпрямился, как в храме, и раскинул руки. Это было его последнее ощущение. Потом дикий вопль и рев где-то под куполом, черная пелена и хруст раздавленных костей.

Кашила вытащили из-под тяжелой туши слона. Он был весь в крови. Но еще дышал. Каждое движение вызывало нестерпимую боль. По указанию прокуратора принесли золоченые римские носилки на ножках, без балдахина. Положили на него героя. Раздались звуки трубы и рога. Началось чествование победителя. Толпа неистовствовала. Такого еще они не видели. Крошечный африканец завалил дикого африканского слона. Слон затоптал всех гладиаторов. Тяжело ранен, едва не погиб белокурый гигант Сакс. А этот недорослик один принял бой и убил зверя. Кашил лежал на носилках, под ним — роскошное белое полотно с золотой вышивкой по краям, залитое его кровью. Героя арены накрыли по пояс тогой триумфатора, тонким покрывалом, шитым из лепестков алых роз. «Кашил, Кашил! Рудис африканцу, Рудис африканцу!» — ревела толпа. На грудь Кашилу положили Рудис и пальмовую ветвь. Воины пронесли вокруг арены носилки с гладиатором. «Вот мой час, — думал Кашил, — настал мой час. Великая Римская империя не сумела сломить маленького раба из Африки. Мой час! Последние минуты жизни. Я умираю свободным. Еще немного... Отправляюсь в последнее путешествие. Не плачь, Сакс. Моя душа отлетит на родину, вернется в знойные пустыни и степи родной Африки. Там ей будет спокойно и хорошо. А сейчас, пока жив, я должен все сделать по-законам-моей-страны. Охотник, убивший зверя, должен отпить его крови». Кашил дал знак воину охраны подойти к нему, указал на поверженного великана. Гладиатор говорил с трудом, язык не слушался, но ликтор понял его. Поднесли серебряный кубок с кровью слона. Слезы счастья

текли по щекам Кашила. Он с трудом приподнял голову и одно плечо. Дрожащей рукой взял кубок и пригубил его. Темная густая кровь стекала по его подбородку и шее. Рука упала вместе с кубком. И кровь побежденного животного смешалась с кровью победителя.

* * *

Утром в комнате Гарика зазвенел будильник — пора на работу. Лёля услышала перезвон часов, встала — надо приготовить сыну завтрак. Вспомнила, что под утро ее разбудил какой-то грохот.

«Что-то случилось? Позже спрошу у соседей. Почему Гарик не встает? Совсем не хочет о работе думать. Одни девчонки на уме», — размышляла она, хлопоча у газовой плиты.

— Ауфштейн! — по привычке закричала она, как всегда, когда настало время разбудить сына. Обычно он отвечал: «Нихт ферштейн!» Сейчас в его комнате — тишина. Лёля открыла дверь: «Вставай, вставай, пора...» Слова застряли у нее в горле... Гарик лежал в своей кровати с раздавленной грудной клеткой. Нарядная импортная пижама и постель — все залито кровью. Он был без сознания, но еще дышал.

Несколько дней Гарик не приходил в себя. Когда очнулся, первым, кого он увидел, оказалась Люда.

— Никуда мне от тебя не деться, Людочка. Что со мной?

— Сотрясение, открытый перелом ключицы и нескольких ребер. Легкие почти не задеты. Но ты много крови потерял. Еще бы немного... А сейчас... В рубашке ты родился, Игорь. Врачи считают, что опасность миновала. Жить будешь. И к нормальной жизни вернешься. Лежи, Игорь, тебе нельзя так резко двигаться.

— Люда, ты можешь толково объяснить, что случилось?

— Не знаю. Это тебя надо спросить, где ты был, что случилось с тобой в ту ночь.

Гарик был еще совсем слабым. Врачи держали его в реанимации. Никого не выпускали. Только Люду. Она приходила каждый день, подолгу сидела. Приносила домашние сырники, котлеты, кефир, фрукты, что-нибудь вкусненькое. Дожидалась, пока он уснет, и только тогда уходила.

На душе было почему-то спокойно. Будто в его жизни что-то изменилось. А ведь действительно изменилось: тревожные сны, такие убедительные, так похожие на реальную жизнь, больше не посещали его. Может быть, покинули навсегда. Как знать? Но что-то из этих снов он иногда вспоминал, будто наяву грезил. Посмотрит на Люду, сидящую у его постели, и в голову приходит гречанка, которую он встретил на рынке в своем «киприото-греко-римском» сневидении. Заговаривают о родственниках, о троюродной сестре — в памяти всплывают крепкие груди Аларры. А вот начальник его по службе, Николай Николаевич, никак не напоминал ему жирного наглого грека Децила. Всплывали картины боя и последняя сцена — Кашил под брюхом слона. Выцеливает удар в сердце. Удар, который разрубит гордиев узел, решит все проблемы, уничтожит исполина, вставшего между ним, Кашилом, и его свободой. Весь свой гнев, всю ярость вкладывает Кашил в этот последний удар. Ноги и брюхо слона напоминают Гарика колонны и своды иудейского храма, которые Самсон обрушил на себя и на головы врагов. Гарик восхищается потрясающей дерзостью бушмена, повторившего, по его мнению, подвиг Самсона. Невысокий коренастый африканец убил в неравной схватке огромное чудовище, злобное и беспо-

щадное, одним ударом свалил мрачного гостя нашего мира, выходца из преисподней, исчадие ада, воплощение всемирного зла, принял на себя невероятную тяжесть адского зверя.

Закончилась ли двойная жизнь Гарика Хадеры? Удалось ли ему преодолеть свои комплексы, решить проблемы, на которые у него обычно не хватало пороку ни на работе, ни дома? Или эти комплексы, проблемы и сопровождающие их необычные сновидения еще вернутся к нему? Может случиться и так, что память о подвиге Кашила останется с ним на всю жизнь. И будет для него примером стойкости маленького человека, стремление к свободе которого не по силам сломить никаким империям — ни Великому Риму, ни Третьему Риму, ни пролетарскому «Советскому Риму»... Примером того, что каждый Кашил сможет получить свой Рудис, если он действительно этого захочет.

Сны и теперь посещали Гарика. Как каждого нормального человека. Обычные сны. Какие бывали когда-то раньше, в детстве. То он маму потерял. А то нашел — а это оказалась Люда. Смех, да и только.

Гарик попросил Люду принести ему в больницу гранат.

«Интересно, что в данный момент символизирует этот плод? — подумал он. — Может, это яблоко с райского дерева, которым Ева соблазнила Адама, — символ искушения и греха? *Кашил, кстати, считал красный цвет символом стыда и бесчестия.* Или вслед за древними будем считать гранат символом изобилия, долгой и счастливой жизни, символом супружеской верности и семейных обязательств?»

Он осмотрел нежные и сочные зерна граната, не стал вынимать их поодиночке, а надкусил плод, как яблоко. Брызнули мягкие зерна, сок стекал по подбородку и шее — темно-красный, вишнёвый с синеватым отливом гранатовый сок.

Гарик поправился, вышел из больницы. Николай Николаевич был с ним неизменно доброжелателен, лишь однажды посмотрел на подчиненного как-то особенно жестко, взгляд его при этом блеснул осмысленно, насмешливо и злобно.

Конец нашего рассказа кажется вполне счастливым. Хеппи-энд. Гарик женился на Люде и отрастил небольшие усы, за которыми тщательно следил. Вскоре ему повысили зарплату.

ФУА-ГРА — СЛОМАННОЕ КРЫЛЫШКО

Он говорит: «Бедный мой Дядюшка Виггили!» Это он про мою ногу. Так и сказал: «Бедный мой Дядюшка Виггили!..» Господи, до чего он был милый!

Г. Гэрис. Дядюшка Виггили²⁰

Настроение у Ани Бакшировой — из рук вон... Настроение... Какое, к черту, настроение? Полный упадок. Паника. Депрессия — можно и так сказать... Сволочь какая! Тоже мне, цаца... Не лорд... Даже не англичанин. Ну, хорошо — не сакс, был бы хоть английским евреем, как Майкл Норддингтон, к примеру. Этот же — и того хуже — простой ирландец, а туда же. Типа — «я тебя люблю, но женитьба в мои планы не входит». Интересно, кто к кому снисходить должен? Настоящая белая женщина из России или этот, без роду и племени?

²⁰ Старый хромым кролик Дядюшка Виггили Длинные Ушки — главный герой детских книг Говарда Гэриса, до сих пор любимых юными читателями США. Дядюшка Виггили страдал ревматизмом и поэтому ходил с костылем.

Между прочим, я долго колебалась по поводу этого Джея Уорда. Конечно, он сумел... Добился высокого положения — исполнительный директор Ид-энд-Рэйвенскрофт, не хухры-мухры — королевские портные. Плюс — свои магазины ширпотреба в Лондоне. У нас, в Питере, тоже пошивочные мастерские открыли. И Модный дом на Невском. Сам принц Майкл Кентский им покровительствует. Кстати, в начале девяностых котировался как вероятный претендент на царский престол — мог стать императором вся Руси; не стал... Но хорошо! Жаль, не по зубам мне. Майкл Нордингтон — тоже видный мужчина. Элизабет, Элизабет, его жена... старая корова. А этого Джея взяли исполнительным директором из милости... Не англичанам же трудиться, конкретными делами заниматься. Хотя Нордингтон, конечно... Но тот втерся — президент компании, член самых престижных лондонских клубов. А Джея — конечно, из милости. Хотя особнячок у него в Эспоме — ничего себе. Веснушчатая рыжая бестия. «Анечка, Анечка, я все для тебя сделаю». Руки целовал, ноги целовал.

Год я кантовалась у него в этом провинциальном Эспоме. Как дура... Ходила с ним на скачки. Ездил на белые ночи в Финляндию. Прикол такой — ночью в гольф играть. Размечталась, ненормальная. Строила из себя хозяйку, прислугу дручила, с соседями «дружила»... «Русская устраивает приемы», «русская любит гостей». Провинциальные болваны. Ничего не знают, не видели, ничего ведь не видели и знать ничего не хотят. У них, мол, и так все лучшее. Английская литература — лучшая. «Наш Шекспир — его одного уже достаточно». Английская живопись — лучшая, английские лошади — самые лучшие! Английский королевский дом — идеал! Тоже мне идеал — дубоватый принц Чарльз, который даже во время фотосессии не стесняется залезть себе в штаны и пощупать, на месте ли его яйца. Из-за этой вони Англии... Забросила... всех забросила... Там везде, даже на Трафальгарской площади, пахнет конским навозом — что хорошего? — хуже жрачки, чем в Англии... Трудно даже представить себе: жесткие — не прожевать — шницели с подгоревшими тостами, пережаренный бекон... Кофе и то делать не умеют. А знаменитый английский чай! Не случайно же... популярный анекдот: «Сэр, если это кофе, то я предпочел бы чай, если это чай, я предпочел бы кофе!» Кругом пивные бары — все стоят прямо в верхней мокрой одежде. Жуткий запах смеси пивных и человеческих испарений. Говорят, в Англии очень вежливые проститутки... мне-то какое дело? А театр? Один мюзикл — «Кэтс» или «Мизарабл», например, — крутят каждый день одно и то же по двадцать лет. И англичане ходят на эту жвачку...

А я... из-за этой вони Англии забросила своего верного Федечку... И Олю... Федя — ангел, Оля — конечно, не ангел, скорее — юная стерва. Но это же моя дочь. От детей не отказываются. Уехала на год, всех забросила.

Если просто прокатиться за рубеж, пожить в хороших отелях — у меня для этого Манфред есть, мужчина хоть куда. Неплохо покутили с ним во Франкфурте... И Миклош из Будапешта...

Всех бросила ради этого ничтожного Джея. Думала, стану наконец миссис Уорд, есть шанс попасть в высший свет. Ездить со своим водителем на приемы в Виндзор. А этот: «Извини, дорогая, женитьба не входит в мои планы».

Конечно, я — уже не девочка. Сорок пять — не двадцать пять. Но выгляжу ничего, очень даже ничего — стройная, белокожая... Подбородочек, правда, подкачал, чуть срезан, и носик великоват... Вот и складочка на животе... Да она у меня и в двадцать пять была. Уж всяко не хуже, чем их уродливые массивные англичанки. Белая женщина, настоящая белая женщина... Не просто — русская послушная Дуся... Это надо ценить... Каких кровей! — московская аристократия! Говорят, прав-

да, что фамилия Бакшировых от «бакшиш» — выгода, но это вранье, злые языки болтают. Папа при советской власти... Он в министерстве работал. Даже замминистра замещал два месяца. Мы все — папа, мама, сестра Аллочка — только по распределителям, ведомственным магазинам, закрытым санаториям... И раньше, и теперь...

У этого Джея я быстро навела порядок в доме, прислуга его теперь по одной половице ходит. Прежняя жена Джея, пусть земля ей будет пухом, распустила челядь, особенно черных... Никакого уважения. Молчать нужно и слушать, когда хозяйка говорит... Отвечать только: «Есть, мэм!», «Что угодно, мэм?» А этот: «В его планы не входит...» Наглость какая! Кто я такая, по его мнению? Наложница, приживалка, содержанка? Нашел дуру. Что мне надо было делать? — собрала вещи и умотала. Если б еще он собой был хорош или особо богат. И в постели — ничего особенно... Хотя начиналось все очень романтично. Что же мне теперь делать? Не красавица. На горизонте — пятьдесят, молодись не молодись — вот-вот пятьдесят! Неужели жизнь в немытой России с тоскливым Федькой — теперь мой удел? Столько поставила на этого рыжего... — и полный крах.

Аня, совсем раздетая, — в одних трусиках и туфлях на высоком каблуке — бродила с сигаретой по огромной спальне. Кольца и серьги остались в ванной. Паника, депрессия... Это еще не основание... чтобы не следить за собой. Замыла пятнышко на блузке, выщипала несколько волосков из бровей, восстановила привычную боевую раскраску — наблюдая со стороны, можно было бы предположить, что Анна собирается на важное свидание. Никуда она не собирается, не с кем ей теперь свидаться. Разве что с Федей... Но не для Феде наводила она марафет — для себя... Нанесла кисточкой розовый лак на ногти, аккуратно обвела лунки. Зазвенел телефон. Ноготочки на правой руке уже подсохли. Аня завинтила крышку на бутылке с лаком, взяла телефонный аппарат, перенесла на край постели. Поставила рядом пепельницу с окурками и недокуренной сигаретой. Левую — со свеженанесенным лаком — держала в воздухе, растопырив белые пальчики. Чтобы не испачкать простыню. Телефон отчаянно верещал, Аня правой взяла сигарету, не торопясь сделала две затяжки — не станет же она спешить из-за какого-то звонка! — только после этого сняла трубку.

— Ирка, ты, что ли? Да, я, Аня, кто еще? Мы тыщу лет не виделись. Да, я уже вернулась. Год, год я там прожила. На берегах Туманного Альбиона. Ну не так чтобы не получилось. Можно сказать, не сложилось. Как с мужем встретилась? А как? — нормально. Примчался в аэропорт, как бобик. Когда уезжала, тоже провожал. Сказала ему, что работа в Англии сложилась неплохо... Да он знает, мы же созванивались... И с ним, и с дочерью. Он деньги мне присылал. Сказала, что соскучилась по семье, по нему и все такое. Знает ли что-нибудь о Джее? Знает, конечно... они знакомы. Я брала его на презентации Модного дома. И на встречи с принцем Майклом. Знает... но не в этом смысле... Догадывается? А черт его знает — какая мне разница? Молчит. Пусть только попробовал бы пикнуть, не посмеет даже заикнуться. Встретил, как обычно. С цветами. Сапоги снимал, ножки целовал, ничего нового... Тоска. Хорошо, что есть куда вернуться. Я тоже — очень хотелось бы повидаться, подруга. Вспомнить годы молодые. Приезжай. Нет, это не там, где... У меня есть своя квартира. Отдельно от Феде. Забыла, что ли? — ты приезжала сюда пару раз. Видишь ли, подруга, я до Англии занималась медицинским оборудованием. Ну, не до Англии, давно... Купи — продай. Вот и купила квартиру, обставила... Оля тоже в курсе, бывает здесь иногда, а Федя — ничего... Мало ли что, если домой позвонишь и на Федю нарвешься... Не проговорись, дорогая. Когда остаюсь здесь, Феде говорю, что в командировке. Ты ведь за рулем? Вот адрес, приезжай. Для чего

квартира? Ну, мало ли для чего! Ты что, маленькая, что ли? Почему я должна все ему докладывать? В общем, давай рули, я приготовлю завтрак.

* * *

Ира Гнатова искала многоквартирный дом Анны до двух часов. Потом не могла найти подъезд, и Анне пришлось одеться и выйти ей навстречу. Ира объяснила, что ехала отлично — ни пробок, ни аварий, что она очень хорошо помнила дорогу, а потом запуталась, это когда свернула от Баррикадной.

— Не Баррикадная, а Беговая, пухлая ты моя малышка. Ты ведь уже здесь бывала.

Ира, мокрая, встрепанная, что-то невнятно пробормотала, бросилась назад к машине. Анна подняла воротник пальто из ламы, закурила и спокойно ожидала, повернувшись спиной к ветру. Подружка быстро вернулась, нервно вытирая салфеткой разгоряченное, потное, в красных пятнах лицо, но это ее почему-то не освежило. Аня со смехом сообщила, что завтрак сгорел к чертям собачьим — и омлет, и тосты с сыром, — но оказалось, что Ира по пути уже перекусила в какой-то уж-жасной шаверме.

— В шаурме — что это ты, малышка, запела на питерский лад? Почему не на работе, у тебя выходной, что ли? — спросила Анна.

— Да нет, просто у моего шефа Леши Витчанина, — помнишь такого олимпийского чемпиона? — у него абсцесс, и он сидит дома. Но вечером придут шведы, и я должна вместо него провести переговоры.

— Ты же просто переводчица.

— Да, но я неплохо знаю дела по биатлонной ассоциации и могу заменить Лешу с его согласия. А что такое абсцесс, ты не знаешь?

Аня бросила сигарету в грязный снег и сказала, что вообще-то не знает, но Ире не стоит волноваться — это не заразно.

— Ах, вот как! — деланно откликнулась встрепанная Ира, и они поднялись на лифте в фор-бед-рум-квартиру Ани.

— Ничего-о-о себе! — удивленно пропела гостья, оказавшись в холле просторной, с огромными стеклянными стенами квартиры, взлетевшей на невероятную высоту над новым московским микрорайоном. — Прошлый раз я попала сюда поздно вечером, все шторами закрыто, вот ничего такого и не увидела.

Через полчаса они уже допивали первую порцию «адвоката». И говорили, говорили... Так, как умеют говорить подруги, которые вместе учились в Московском университете, много времени провели в одной компании, вместе путешествовали и многократно оказывались соседками в отелях Домбая, Чегета, Бакуриани, Пицунды, Гагры, Нового Света и так далее, и так далее, и тому подобное.

Между ними установилась довольно прочная связь — многие важные события в их жизни происходили почти синхронно. В универ поступили в один год. Прилежная, старательная, приличная Ира — преодолев огромный конкурс — на филфак, на самый востребованный английский. У Ани — голова как часы и бэкграунд — семья, манеры, связи — будь здоров, но учеба ее никогда не интересовала. Шустрая, нахальная тусовщица, с трудом перебивавшаяся в школе с троек на четверки, она попала в конце концов — не без вмешательства влиятельного папы — на совершенно непрестижный в те годы экономический факультет.

Потом их посетили первые любовные порывы. Аню отчислили со второго курса, через три недели после того, как ее застали в лифте общежития со студентом-физиком Женей Беленским, — что она могла там делать в этом общежитии? Что она

могла делать в лифте со смешливым, ясноглазым блондином, вертлявым Женечкой? Пришлось опять подключаться родителям — надо же пристроить девочку, — Аню вместе с ее тройками удалось записать без потери курса в Институт стали и сплавов. Какая разница? «Где бы ни учиться, лишь бы не учиться!»

Ира тоже выбрала себе физика в качестве объекта обожания. Физики... Тогда стало модно увлекаться физиками. Лёнечка Славословский, правда, не совсем физик. Учился на компьютерщика в МИФИ. МИФИ — инженерно-физический; так что вполне можно считать его «физиком» — не «лириком» же! Лёня, золотой московский мальчик, стройный, с гибкой талией, аккуратной стрижкой и холеными черными полосками усов. Мама — известная московская поэтесса, отчим — лучший поэт советского авангарда, отец — ученый, профессор, завкафедрой в том же МИФИ. Какой перспективный мальчик! — вздыхала Ирочка, придававшая огромное значение близости ее «красавчика» к социальным лифтам. Ира просто млела... Ах, этот Лёнечка, умненький, хорошенький... С его перспективами будущей необыкновенной жизни на самой вершине социальной лестницы. Это казалось счастливым шансом... Но воспользоваться им не удалось. Не удалось благо-разумненькой Ирочке добиться устойчивого расположения Леонида, не удалось пробиться в желанный круг золотой молодежи, не удалось почерпнуть житейских благ из источников, учрежденных и установленных для нужд советских небожителей. Довелось ли ей хотя бы почувствовать волнующую ласку холеных Лёнечкиных ручек, удалось ли ей самой прикоснуться к мужским достоинствам «золотого» мальчика? Об этом история умалчивает. Факт тот, что продолжения не последовало, а может быть, и вообще ничего мало-мальски важного не случилось, однако остались какие-то воспоминания о сладких девичьих мечтах, предчувствиях и, возможно, еще кое о чем более конкретном.

Время шло — веселая московская жизнь, тусовки, поездки... Большая компания, где перемешались парни и девушки из Москвы и Ленинграда. Учились, работали, путешествовали, ездили в гости: москвичи — в Ленинград, ленинградцы — в Москву. Были и общие увлечения. К обеим подбивал клинья Вовка Легоступов — симпатичный спортивный парень, очень контактный, трепач, выпивоха, любитель прокатиться на дармовщинку. Серьезная Ира с возмущением отвергла его притязания: у этого балабола — ни денег, ни связей, ни перспектив. Кокетливая, разбитная Анечка тоже его всерьез не принимала, но отказалась ли она от соблазна так же, как консервативная Ира, этого нам теперь уже не узнать. Шутки, развлечения, дружеские вечеринки... Кончилась счастливая студенческая пора. Девушки уже два года работают, пора бы уже остепениться, тем более что замуж очень хочется... Аня спрашивает у подруг... Как так получается? Она, Аня, живая, кокетливая, игривая, ну подумаешь — складочка на животе... А бегают все за Вероникой Кетлинской — та даже усилий для этого не прилагает. За ней бегают толпами, а она, Ника, — ноль внимания! Почему за Никой? У меня сиськи не хуже, а ноги — точно лучше...

Словом, настала пора обзаводиться семьей. С кого из них двоих начать свой рассказ? Начну с Ани, она лидирует в этой паре. И мозги на месте, и кругозор, и напор... Напористая, неудержимая, словно современный локомотив. К тому же еще и паром пышет, как начищенный ретропаровоз. Аня присмотрела себе Федора из ленинградской компании. Скромный, из простой семьи, серьезный, трудолюбивый. Технар, аспирант, скоро защитится... Не красавец, конечно, но ничего себе... Даже Кетлинская к нему, похоже, интерес проявляет, абстрактный пока что... Надо вначале проверить в деле. Как мужчину. Хорошо ли будет исполнять супружеские обязанности — как без этого? Рванула в Ленинград... Проверила... В этом плане все подходит. Аня — быка за рога — и окрутила парнишку.

Значит, так, Федя. Вы здесь сидите в Питере и ничего не понимаете. Как в том анекдоте: «Вы здесь сидите и ничего не знаете, а перчик — это просто писк! — заявил царской семье юный инфант». Кому нужна твоя наука? Ну, защитишься, получишь прибавку сто рублей, будешь преподавать в институте... «Техника безопасности при использовании генераторов сверхвысокой частоты» — потрясно, суперувлекательно! Одно и то же до пенсии, а там: состаришься и умрешь — блистательная перспектива! А вот я как раз могу позволить себе в аспирантуру поступить. Какая разница — по какой специальности? Куда пригласят, там и буду писать. Пойду, наверное, в Автодор, буду исследовать... Научные основы укладки дорожного полотна! Почему не защититься? Да я вдвое быстрее тебя напишу... Потому что мой муж — тюха-матюха. А я — умная, способная и ничего в голову не беру, вот у меня все и получается. Легко! Конечно, будем жить в Москве. Квартиру папа сделает. А тебе надо идти работать в Совмин. Распределители, блага, санатории, поездки за рубеж. Когда рядом с большими деньгами — всегда согреешься. Ты теперь не должен думать о высоком и недостижимом. У тебя семья. Скоро у нас Оленька появится. Ты должен о семье думать. И не говори при людях: «Булка, парадное, поребрик». Сколько можно тебе повторять: «Батон, подъезд, бордюры!» Я вчера просто со стыда сгорела. Гости-то пришли — не последние, между прочим, люди. Будто ты не муж Анны Бакшировой, а какая-то дубина стоеросовая.

Ире приглянулся симпатичный инженер Валерочка из их компании. Да что там «интересный» — просто красавец! Приличный, серьезный парень. Не рвался в заоблачные выси, ему просто нравилось заниматься электроникой. На Первом шарикоподшипниковом. Уютная, пухленькая Ира ему тоже показалась. Правда, остается вопрос: кто кого выбрал? Говорят — всегда выбирает женщина, а мужчина только вид делает, будто он сам выбирает. В данном случае это был выбор Иры. Валера — конечно, неглупый, но звезд с неба не хватает... Станет семейным человеком — возьмется за ум. Я-то для чего? Направлю, подскажу... В крайнем случае и настоять смогу.

Так что наши девочки вначале влюблялись, причем не очень удачно, потом развлекались — более успешно, гораздо более успешно, потом вовремя стали замужними дамами — обе окрутили своих избранников, а потом обе подарили мужьям по дочке. Все у них складывалось правильно, все — как положено, вовремя, как и должно быть у московских девочек из хороших московских семей.

* * *

Аня говорила и говорила. Она уже изрядно выпила... И будто поток прорвало.

— Прям, клялась! А подружка твоя тут же и поверила, — Аня смачно зевнула, нехотя прикрывая рот ладонью. — Она прям при мне красилась. Ну, почти при мне. Чего, чего? Сигареты кончились?

Ира сказала, что у нее есть еще пачка, дурра-а-ацкая сумка, в ней никогда ничего не найдешь.

— Эта идиотка домработница, — произнесла Аня с каменным лицом, — часа полтора назад я положила прямо перед ее носом два мешка с продуктами, водитель привез. Вот увидишь, сейчас явится сюда и спросит, что ей с этим делать? Пришла с рекомендациями, я, говорит, жрец культуры, богиня голубого экрана, телевизионный режиссер... Все для нее сделала, умоляла, чтобы переехала сюда, комнату для нее выделила, ну и работай, неча разглагольствовать о высоком. Хочешь о высоком? Чо-ты-с-телевидяння-ушла, возвращайся — или не берут уже? Она не знает даже, как курицу приготовить. Свари бульон, а это отработанное птичье мясо, оно уже

ни к чему не годно, просто жвачка, его просто... теперь надо выбросить. Совсем сбилась с мысли, о чем это я?

Ира наконец нашла сигарету, закурила и рассказала, что речь шла об этой Нонне, то ли Шевченко, то ли Полтавченко...

— Ага, верно. Я же была у нее на свадьбе, а она красилась накануне. Такой, знаешь, дешевый черный цвет, что с нее возьмешь — провинциалка из Черновцов. Она же вышла замуж за этого Осика из Риги. Такой крошечный, корявый, помнишь его?

Ира ответила, что помнит, конечно, обычный задрипантый технарь — кандидатик. Ужасно некрасивый, верно?

— Некрасивый? Мамочка дорогая! Да он похож на немытого Вуди Аллена!

— Ну, ты и сказанула, здорово! — с трудом вымолвила она и снова пригубила от своего стакана.

— Дай-ка я еще налью, — сказала Аня и опустила на пол ноги в одних колготках. — Ох уж эта идиотка, которую я взяла прислугой. Чего только я не делала, ей-ей, чуть ли не целовалась с ней, чтобы она поехала в этот дальний район, почти что за город. А теперь жалею. Откуда у тебя эта янтарная штучка?

Ира сказала, что колье у нее еще со школы, от мамы досталось.

— Чертова жизнь, — продолжала вещать Аня, философски разглядывая пустые стаканы. — Мне бы хоть кто-нибудь хоть что-нибудь оставил, только то, что Манфред подарил, потом Джей, еще два серба за мной бегали... Так, ерунда какая-то, вообще нечего носить. Мама все Аллочке отдает, своей любимице. Если когда-нибудь свекровь откинёт копыта — и не дождешься, и взять с нее нечего, — она завещает мне, наверное, свои пожелтевшие вологодские кружева позапрошлого века.

Ира ехидно осведомилась о том, что раз ей светят вологодские кружева, то Аня теперь, наверное, ладит со свекровью.

— Шутить изволишь? — не то сказала, не то спросила Аня, уходя на кухню с пустыми стаканами.

— Я больше не хочу, слышишь? — крикнула ей вслед Ира.

— Как бы не так! Кто к кому в гости напросился? Кто опоздал на четыре часа? Теперь будешь сидеть, пухляшка, пока мне не надоест.

Ира хохотала, мотая головой, но Аня уже отплыла на кухню.

Аня все не возвращалась, и Ире стало скучно сидеть одной. Она подошла к книжному шкафу. Грустное зрелище — Шпанов, Шевцов, Панферов, Леонов, краткая история КПСС — в основном книги, изданные в советское время, взятые, видимо, из квартиры родителей. Для заполнения полок. Похоже на то, что книги никто не брал в руки со времени их переезда в эту квартиру. Квартира-то — не для чтения, для других утех... Ира провела пальцем по корешкам, посмотрела на толстый слой пыли на пальце, вытерла палец о палец, потом оба пальца — о подоконник. Заглянула в окно — вечерело, зимние вечера — ранние, мокрый снег охватило ледком, слякоть постепенно превращалась в гололед.

Села в кресло, вытащила зеркало из бездонной сумки. Долго рассматривала свои губы, подкладывая под них кончик языка. «Поперечных складочек, слава богу, пока нет, губы еще плотные, крепкие, — с удовольствием подумала она. — Мне губы еще как пригодятся. Надо сказать Аньке, что я сейчас невеста, ищу мужа. Из Валерочки моего все равно ничего не получится, так и просидит всю жизнь примитивным инженеришкой. Эта книга прочитана, останутся разве что воспоминания. Аня, как я понимаю, тоже невеста, опять в поиске. Хотя Федю далеко не отпускает, держит при себе, в горячем, так сказать, резерве. Чтобы не остаться у разбитого корыта. Честно говоря, Федечка ее — и так вполне себе разбитое корыто, совсем она

мужика в полное ничтожество превратила». Ира вынула помаду и аккуратно подвела губы.

— Гололедица началась, — сказала она вошедшей Ане. — Быстро ты управилась, не разбавляла, что ли? Плеснула, и все? Мы с тобой дошли уже, надо разбавлять...

— Крепость должна идти по нарастающей, — в руках у Анны маленький поднос, на нем два полных стакана. Анна оставила предательски качающийся подносик в левой руке, а указательный палец правой навела как пистолет на подружку. — Ни с места, делайте, что говорят, если вам жизнь дорога. И без глупостей — ваш дом окружен, у каждого окна снайпер.

Ира опять зашла от смеха и убрала зеркальце. Аня поставила стакан гостьи на небольшой столик, с трудом удерживая свой стакан на подносе. Неловко избавившись от подноса, она блаженно растянулась на диване со стаканом в руке и, как человек, много повидавший в жизни и знающий истинную цену людей, произнесла многозначительно:

— Догадайся, что моя режиссерка выкинула? Уселась тощим задом на кухонную табуретку и читает С-крын-н-никова... Ты не знаешь? Историк какой-то. Специалист по «крынкам», наверное... — Аня расхохоталась. — Я покачнулась и уронила пластиковую форму с кубиками льда, так она как зыркнет на меня: я, видите ли, своим не тактичным поведением помешала ей читать «высокоинтеллектуальную литературу».

— Все, моя милая, это последний, забей... Забей это в свою хорошенькую головку! — Ира взяла стакан. — Ни за что не догадаешься, кого я встретила на прошлой неделе. В главном зале ГУМа.

— Чего, чего, толстунчик? — Аня подсунула под руку диванную подушку. — Вахтанга, наверное.

— Кого-о-о? Это еще кто такой?

— Ну, Вахтанг Кикабидзе. Усатенький, в кино играет. Он еще потешно так поет: «Чита дрита, чита маргарита, да!»

— «Чито гврито, чито маргалито» — с филологом говоришь!

— Какая разница! «Людмилу Ивановну ха-а-чу!» — абаж-ж-аю Кикабидзе. Черт бы побрал эту хату, ни одной проклятой удобной подушки здесь нет. Так кого ты встретила в ЦУМе... Ну, в ГУМе, какая разница к фигам собачьим...

— Кетлинскую, она шла...

— Это какую Кетлинскую?

— Да Вероника Кетлинская, ты ее знаешь. Та, что с роскошным бюстом и тонкой талией. Представляешь... На один день приехала из Петербурга, и мы встретились. Чего ты гримасничаешь? Она же тебе всегда нравилась...

— Знаю, эта твоя Ника — кривляка, она мне тоже как-то попалась. Я сдуру решила подвезти ее до вокзала. Вот едем мы с ней, едем, а в это время мне Манфред звонит, представляешь. Говорит, приехал всего на неделю, скучаю, давай, любимая, быстро, жду тебя в «Праге». Ну, я, естественно, высадила Никушу. У нее чемоданчик совсем небольшой, показала, как до метро добежать, даже поцеловала на прощание. Так она, видите ли, обиделась, не звонит теперь, в Питере не захотела встретиться. Питер — это все-таки заштатный городок. Ну, и что — она, Ника, наверное, заговорила тебя, уболтала своими провинциальными байками?

— Вообще-то Ника не болтушка. Но знаешь, что она мне рассказала. Помнишь, когда мы по Закавказью ездили, там еще была пожилая пара. Валентина Ивановна и Николай Сергеевич. Журналисты в прошлом. Симпатичные очень. Они тогда нашу Нику «княгиней» величали.

— Тоже мне, княгиня захолустная. Такая же, как мой Федечка.

— Неправда, мне нравятся ленинградцы. А Вероника вообще красавица, видная женщина и держится достойно. Не знаю, чем она тебе насолила. Так вот, Николай Сергеевич написал ей, что Валентина Ивановна умерла. Что у нее какая-то болезнь случилась, вот она и умерла. Высохла вся — а весу у нее двадцать пять килограмм осталось, понимаешь? Как это ужасно!

— А мне-то что до этого?

— Аня, отчего ты такая злобная стала?

— Ты выпила, Ира, и несешь бог знает что. Ну что еще Ника рассказала?

— Рассказывала о семье, о муже, о сыне. У нее все хорошо, муж работает в академии, в общем, все благополучно. Рассказывала, что несколько лет назад, еще до замужества, ездила с подругой в Гагру. И там за ней увивался некто Гоча, местный ментовский начальник...

— Знаю я этого Гочу — амбал, красавец, сердцеед. Вообще-то наглец приличный...

— Так вот, он уговорил ее на лодке покататься, не на катере, а на лодке... Вдвоем понимаешь? На лодке, и чуть не изнасиловал... Представляешь, стоим мы в центре универмага, а она громко на весь зал вещает: «Чуть было не изнасиловал!», все оборачиваются. В общем, отвел лодку подальше от берега, она так испугалась, что даже кричать не могла. А потом на катере подъехали спасатели, потому что лодка далеко в море ушла, и она пересела к ним...

— Ну и дура. Сказала бы: извините, все в порядке, сейчас вернемся. Я бы такой случай не упустила... За мной ухаживал югослав... по типу этого грузина. Вообще югославские мужчины... Высокие, галантные, усатые. Ручки целует, всю тебя зацелует целиком... Даже мою некрасивую складочку на животе: «Ах, какая симпатичная складочка, очень даже желанная складочка». Подожди, подожди... — Аня услышала шаги в прихожей и громко спросила: — Это ты, Оля? Ты что, неужто решила мамашку навестить?

— Да нет, я забыла у тебя кое-что из своих вещей.

— Хорошо, не забудь тогда хотя бы дверь закрыть, забывчивая ты моя! — крикнула Аня.

— Оля пришла? Умираю, хочу посмотреть на твою красавицу дочь. Ведь я не видела ее... Ах, я свиношка, смотри, что я натворила, прости меня, Аннушка...

— Да оставь ты, сиди, не дергайся. Тьфу на этот гнусный ковер, терпеть ненавижу... Давай-ка я еще тебе налью.

Ира отстранила свой стакан:

— Я еще и половины не отпила.

— Не хочешь, брезгуешь компанией подруги... Дай-ка мне сигарету!

Ира протянула пачку:

— Страсть, как хочу ее видеть. На кого она похожа?

Анна закурила:

— На Вахтанга Кикабидзе, а может быть — на Гочу Гочаву из Гагры.

— Ну ладно тебе.

Анна дотянулась до пепельницы и поставила ее себе на живот.

— На Федечку, на кого же еще? Вылитый Федя, ген в ген. И дружит с отцом — просто не разлей вода. Папина дочка. Но Федька мой — страшила, а Оля — чистая красотка. Притом Федор — один к одному его матушка. Придется мне кошку гладкошерстную завести, норвежскую голубую. Чтобы в семье хоть кто-то оказался на меня похож. Куда ни помотришь — вокруг одни только Федьки...

— Сколько ей, уже двадцать есть? Так же, как и моей. У нее же, я помню, с глазами плохо. Не стало хуже?

— А я почему знаю? Она ничего не рассказывает. Взро-о-ослая... Линзы носит. Раз ночью ходит в сортир, в очко попадает — значит, видит.

Ира обернулась.

— Оля, какая же ты стала красавица, — она поставила свой стакан. — Ах, какие у нас ножки! Ну, ты меня помнишь?

— Как это не помнит? Кто эта тетя, Оля?

— Ну, ладно, мама, дурачиться. Ира Гнатова — вот кто, наша самая знаменитая переводчица, интерпрето...

— Ай, молодец, хорошая девочка! — сказала Ира. — Ну, давай поцелуемся, моя милая!

Оля оценивающе посмотрела на Иру, стала дурашливо чесаться.

— Прекрати паясничать, — сказала Анна.

— Ну, давай обнимемся, Оля, — повторила Ира.

— Не люблю обниматься и целоваться.

Анна скривилась и сказала презрительно:

— Ты, наверное, от своего толстого кавалера.

— Боже ты мой, у тебя есть мальчик!

— Какой мальчик — старый, жирный папик с голдой в два пальца толщиной.

— Во-первых, я из дома. Во-вторых — он не жирный, а большой и могучий. В-третьих, я с ним, возможно, расстанусь. Мы не виделись... недели две, наверное. Съездила с ним в Грецию, и хватит. А в-четвертых... Отстань от меня, что за привычка — вечно ты, Анна, лезешь не в свои дела. — Оля соорудила гримасу, ослабилась и высунула язык.

— Сейчас же прекрати, Ира спрашивает, есть ли у тебя мальчик?

— Есть у меня «мальчик», сорока с лишним лет.

— Нет, правда, это чудесно! — сказала Ира. — Твой друг, видимо, обеспеченный человек. Ты живешь у него?

В глазах Оли не отразилось ни тени восторга, прозвучавшего в голосе «знаменитой переводчицы».

— Нет, Анна купила мне квартиру. А вообще-то я дружу, с кем захочу.

— Расскажи о твоём друге.

— У него глаза зеленые, волосы соломенные, лицо — красное, пузо — белое, а руки — как две лопаты; глаза завидующие, руки — загребущие.

Ира закусил губу и в полном восторге качала головой.

— Какая же ты прелесть! Как его зовут?

— Амбал Амбалыч!

— Ну, хватит кривляться, Оля! Иди на кухню к Наталье. Пусть она тебя накормит. Ешь как следует. Посмотри на себя, ты же плоская, как селедка. Хочешь иметь грудь — надо хорошо питаться... А ты, как птичка — чуть клюнула и улетела.

— Мы не прощаемся, Оля, — пропела Ира, — мы ведь еще увидимся.

— Не засиживайся на кухне. Эта режиссерка Наташка — не ровня тебе. Она там у Наташки застрянет на два часа. Будет секретничать. Любит ее. Она же прислуга, а для Оли... будто медом намазана. Зачем ей она? Наталья — просто домработница. Не нашего круга человек. Оля неразборчива в знакомствах. Вообще неразборчива. Для нее, дуры, МГИМО открыто, а она, упрямец, в Плехановку рванула. Занимается танцами. Диско, хастл — разве туда придут мальчики из хороших семей? Что ей так нравится крутиться с плебсом? Теперь этот папик. Я ей квартиру купила, машину подарила, а она: «Отстань от меня, мама, не лезь в мою жизнь, не твое дело». С отцом при этом — душа в душу. Как это понять? Вон у тебя девочка — и за-

муж вышла за мальчика из хорошей семьи, и в аспирантуру поступила, и ребеночка уже завела.

— Зря ты ругаешь дочку. Мне твоя Оля очень даже понравилась. Взрослая, самостоятельная, интересная. У тебя что-то не получается, а ты на ней вымещаешь.

Анна вдруг вскочила, качнулась:

— Ддай-ка твой стакан!

— Хватит, ну, боже мой, хватит уже. Ведь меня ждут в Ассоциации биатлонистов... Как я за руль сяду... Витчанин — очень приличный парень, я не могу его подводить.

— Позвони, отмени встречу, скажи, что тебя изнасиловали в подьезде. Ну, хватит ломаться, давай стакан!

— Не надо, Анечка, нет, нет, нет! Ну, право слово. It's enough, I'm fed up!²¹ Подмораживает, а у меня резина лысая. Если я...

— К чертям собачьим, пусть весь мир замерзнет. Звони, подружка-пампушка. Скажи, что беременна, что у тебя схватки. Что ты уже умерла, что сейчас оформляешь свидетельство о смерти, завтра обязательно предъявишь... Ну, давай стакан.

— Ты как вихрь, как ураган! Где мой мобильник?

— Куда-а-а, куда-а-а... забра-а-ался этот него-о-одник? — пропела Анна и, пританцовывая, двинулась с пустыми стаканами в сторону кухни. — Где этот маленький, замечательный, перламутровый, мобильненький телефончик?

Повернувшись спиной к Ире и расставив руки со стаканами, она стала медленно покачивать бедрами, будто соблазняя невидимого кавалера. Ира хихикнула...

* * *

Прошло три с половиной часа после приезда Иры.

— Ты не знала настоящего Беленского, — мечтательно говорила Аня, лежа на ковре в расстегнутой рубашке, в колготках без юбки, закинув одну ногу на колено другой и держа стакан с ликером на голой груди, как раз посередине между двух округлых заманчивых холмиков. — Как он умел смешить меня! Я хохотала до слез. Помнишь тот последний вечер в Планерском, шел дождь, и ребята поставили кастрюли там, где протекала крыша. Мы тогда смеялись, ржали как бешеные, когда эта сумасшедшая Любка выскочила танцевать топлес в одних прозрачных кружевных трусах, а черный бюстгальтер она держала в руках и крутила им над головой.

Ира Гнатовна громко хрюкнула... Она растянулась на диване, откинув голову и опираясь подбородком на подушку, чтобы лучше видеть Анну. Стакан с «Адвокатом» стоял на полу рядом, и она придерживала его рукой.

— Женечка, Женечка, как же ты умел меня рассмешить. И при встрече. И по телефону. Он и письма мне писал. Я хохотала до упаду, когда читала. Из него это просто выскакивало, получалось как бы само собой. Подружка-пампушка, подкинь сигаретку несчастной, всеми брошенной пожилой женщине.

— Э-э-э, — закричала Ира, напряглась и снова рухнула на диван. — Не дотянуться! Извини, мне не дотянуться.

— Хрен с ней, с сигаретой. — Аня уставилась стеклянными глазами в потолок. — Я грохнулась в ванной и сломала предплечье. Он отвез меня в больницу, и доктора наложили гипс, рука на привязи оттопырилась, как крылышко. И он сказал мне: «Бедный, бедный гусенок — сломанное крылышко». Так и сказал: «Бедный, бедный гусенок». Какой он был милый, этот Женечка Беленский.

²¹ Достаточно, надоело! (здесь и далее англ.).

- Чувство юмора будто только у твоего Жени... У Феди что, нет чувства юмора?
- У Феди?
- Да, у Феди.
- Кто его знает, этого Федора. Любит смотреть «Крокодил», «Работницу», смеется. Карикатуры любит. Если не на начальство, — Аня сняла стакан, приподняла голову и отпила глоток.
- Этого мало, это еще не все, — сказала Ира.
- Чего мало?
- Если человек веселый и умеет смешить.
- Как это мало? Это как раз то самое. Что мы с тобой в монашки записались? Живем, Ириха! Надо жить весело, что еще надо?

Ирина захохотала:

- Не, чесна, ты меня уморишь, уже уморила...
- Боже мой, мама моя, ты говоришь, я тебя уморила? А вот он на самом деле был уморительный, до чего же он был уморительный! А иногда — ласковый и нежный, очень даже ласковый. Не липкий и назойливый, как все эти прыщавые студенты. Однажды мы ехали сидячим поездом в сторону Рыбинска. Это случилось как раз перед его поездкой в горы. Вагон не отапливался, и мы укрылись моим пальто. А на мне — пушистые вязаные рейтузы, помнишь, такие серые толстые рейтузы?

Ира кивнула, но Аня даже не обратила на это внимания.

- И вот его рука очутилась у меня на животе. Само так получилось — прямо внутри рейтуз. А он и говорит: «У тебя животик жирненький, но до чего сладкий. Прямо фуа-гра — сломанное крылышко». Но у меня тогда рука уже была совсем целая. А я спрашиваю: «Почему фуа-гра?» — «Потому что у тебя белая длинная шейка, как у гусенка, а сама ты такая вкусная — так бы и съел». А потом вошел проводник, подозрительно посмотрел на нас и почему-то погрозил пальцем. А Женя вдруг как закричит: «Выпрямитесь, стойте прямо, подтяните живот, раз уж вы надели железнодорожную форму. Где ваше достоинство? А не можете — идите работать ко чегаром!» Вот так он отчитывает проводника... но руку из рейтузиков не вынимает. Проводник вдруг скис, спекся, как говорят, и отвечает так растерянно: «Ну, если все в порядке, я пошел, спите, молодые люди».

После некоторой паузы Аня добавила:

- Конечно, это неважно, что он говорил. Важно — как, это действительно важно.
- А ты своему Федору рассказывала об этом?
- Феде? Вообще-то он знает о Женьке. Что был такой знакомый. Упоминала, даже фото показывала. Ну, не там, где мы вместе. А Федька... Знаешь, что он спросил? Кем тот работает? В смысле должности.
- А он закончил тогда универ? Да? Ну, и кем он работал?
- И ты, подруга, туда же...
- Ну что ты, к слову пришлось...

Аня рассмеялась. Смех у нее был очень женственный... Звонкий и одновременно грудной и глубокий.

- Женя считал, что он вообще-то продвигается по службе, но почему-то в обратном направлении. Перед самой той поездкой в горы он и вообще потерял работу в лаборатории, работал истопником в котельной, потом спасателем на лодочной станции. Много свободного времени... Ему это нравилось, читал разную литературу. Он сказал как-то, что если считать его военнослужащим от науки, то из знаков отличия у него остались только одна медная пуговица на пузе и следы от погон на обгоревших плечах. Так он сказал.

Аня посмотрела на Иру, та даже не улыбнулась.

— Разве не смешно?

— Почему не смешно? Смешно, — мрачно сказала Ира. — А почему ты ничего не рассказывала о Женечке своему Федору?

— Почему — потому! Этот Федя — деревянный тупица. Ходячая схема, а не мужчина. Вегетарианцем заделался, все свободное время... Капусту, морковку трет. Ему бы только морковь есть — в кролика превратился, скоро глаза красными будут. А ты, пампушка, небось деловой себя считаешь. Я — невеста, я — невеста! — передразнила она подругу. — Если еще раз выйдешь замуж, никогда не говори мужу о своих увлечениях. Поняла?

— Это еще почему?

— Слушай меня, я плохого не посоветую. Говори что угодно. Очень откровенно. Можешь даже цинично. Но только не правду. Правду — никогда, ни за какие пряники, даже под пытками. Предположим, ты рассказываешь, что был роман с хорошеньким мальчиком — скажи, что он был слащавым, если с могучим мужчиной — скажи: просто конь, бык-производитель, если с умным — скажи, что мужчина никакой, веселого назови балаболом, поэтичного назови наивным, смелого — развязным, решительного — авантюрным. А не скажешь — муж не простит, будет всю жизнь вставлять тебе шпильки. Выслушает тебя с умным видом, а потом будет пинать и попрекать при каждом удобном случае. Не верь, что он умный. Как бы он ни прикидывался. Не ведись. Держи свою линию. Иначе твоя жизнь превратится в ад. Вот так вот, деловая ты моя малышка. Жизнь прожила, а в мужиках разбираться не научилась.

Ира расстроилась, погрузстнела, подняла голову с диванной подушки и оперлась щекой на ладонь руки. Мысли путались, она напрягалась, но ей никак было не разобраться в «мудрых» советах подружки и совсем непонятно, в чем это она так и не научилась разбираться?

— Ты хочешь сказать, что твой Федор на голову слаб?

— А что еще я могу сказать?

— А разве он не умный? — пропищала Ирочка невинным голоском.

— Слушай, давай не будем портить друг другу настроение. Что попусту мусолить — умный, неумный — пустая болтовня...

— Чего же ты его охомутала?

— Боже мой, Господи, что она такое мелет? Да я-то почем знаю, почему я за него замуж пошла. Говорил, что любит Толстого и Паустовского. Что это его любимые писатели и они очень сильно повлияли на его жизнь. А потом оказалось, что ни одного их романа не прочел. А любит Николая Островского и Фадеева. То, что в школе впахивали. Вот, мол, написано о жизни настоящих людей. Только бы покрасоваться: «Вот это люди, вот это эпоха, потрясающая литература!»

— Тебе лишь бы гадости о муже говорить. Твой Федя — очень приличный человек. А литература эта... Что в ней плохого? «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия». Конечно, прошедшая эпоха, но ведь это наша история...

— Ни черта хорошего в этой литературе нет. Советская пропаганда, вчерашний день, можешь мне поверить, — сказала Аня, потом подумала и добавила: — У тебя хоть работа есть. А я осталась ни с чем. Хоть работа...

— У тебя ведь тоже работа, своя фирма по медицинскому оборудованию. А захочешь — пойдешь в Дорстрой, ты ведь кандидат «дорожных» наук... И вообще умная, все на лету хватаешь...

— Медприборы! Купи-продай, тоже мне дело всей жизни! А дороги... Щебень, геотекстиль, трамбовка, обочины, присадки, асфальт — как романтично! Не то что у тебя — симпозиумы, совещания, породистые люди, шикарный антураж...

— Послушай, нет, ты послушай меня. Может, все-таки расскажешь ему, что Женя погиб? Не сейчас — когда-нибудь. Не станет же он ревновать, если узнает, что тот погиб.

— А тебе-то это зачем?

— Да ни зачем. Просто непонятно. Какие у тебя могут быть секреты от Федора? Тебе же легче станет.

— Смешная ты, моя невинная малышка. «Деловая!» Легче, как же... Будет только хуже. Ну, он, к примеру, знает, что я встречалась с каким-то физиком. Зачем мне говорить, что тот погиб? Ни за что не скажу. Почему я должна ему говорить об этом? Глупая идея — исповедоваться мужу... Особенно такому деревянному. Он же из меня всю кровь выпьет. Знает, что был когла-то дружок — остряк доморощенный. Если и скажу, хотя это вряд ли, скажу, что дружок заболел и умер, не буду говорить, что погиб...

Ира подняла голову, потерла рукой за ухом.

— Ани...

— Чего тебе, пампушка?

— Почему ты не расскажешь мне, как Женя погиб? Ты знаешь, я никому не скажу... Честно-перечестно...

— Нет!

— Честное благородное, никто не узнает. Я тебя не выдам.

— Я знаю, ты расскажешь Вахтангу Кикабидзе или в крайнем случае — Гоче. Встретишь Вахтанга, отдашься — и все ему расскажешь.

— Ну, хватит трепаться, Ани, ты же знаешь — никогда и никому.

Аня села на пол, долила себе ликера. Поставила стакан между ног около ступней.

— Эх, был бы Женька жив... Может, все пошло бы по-другому. Хотя вряд ли. Рассмешить он умел... Но почему-то в жизни у него все шло в обратном направлении... О чем это я? А, да-да, жаль Женечку... Помнишь, он ведь занимался альпинизмом, как все эти чертовы физики. Его подбили братья Гришковичи «сбегать» на пик Коммунизма в Средней Азии. Может, и не Коммунизма, а Социализма, хрен разберет. Братья — крохотные, но сильные и опытные, вот он им и доверился. Еще с ними была женщина-спортсменка. Так вчетвером и пошли. Маршрут не подготовили, группу не зарегистрировали, никого не оповестили... А на третий день подъема началась пурга. Что там у них произошло — неизвестно. Но только после снежного шторма вниз спустились только двое — братья Гришковичи. Через год отыскивали тело женщины. А Женьку так и не нашли...

Аня наклонилась головой вперед, крепко сжала пальцами пустой стакан и заплакала. Ира съехала с дивана, подползла к Ане и стала гладить ей голову.

— Бедная моя девочка, не плачь, не надо...

— Разве я плачу? Да, да, понимаю... Зачем я плачу? Это было так давно. Теперь уже совсем плакать ни к чему. Что там за шум на кухне? Ирочка, сходи, посмотри, что они там делают?

— Хорошо, хорошо, я все сделаю. Только не плачь, обещай, что не будешь плакать.

Ира взяла стакан и, пошатываясь, пошла на кухню. Вернулась вместе с Олей. Аня откинулась назад, теперь она уже лежала на спине и сморкалась в платок. Не отнимая платка, спросила у дочери:

— Ну, что — все оговорили с Натальей, всем кости перемыли?

Ира заползла на коленях под стол, тщетно пытаясь разыскать непослушные, вечно исчезающие сигареты. Аня тем временем продолжала:

— Вещи-то собрала, ничего не забыла? Ну, говори, когда спрашивают.

— Я пошла.

Аня скомкала платок, с трудом села, схватила Олю за ногу.

— Дай ногу! Нет, ты сядь, слышишь... Поговори с матерью... Ответь мне. Опять к своему папику намылилась?

— Дался тебе мой папик, что ты знаешь о нем? Это необыкновенный человек... Ну, как тебе объяснить? Все равно ведь не поймешь... Он — человек слова, на него, по крайней мере, положиться можно... А ты все лезешь и лезешь, отстань — что хочу, то и делаю.

— Как же, необыкновенный — толстый, старый бандюган, наглец и проходимец. «Что хочу, то и делаю!» Это я для тебя все сделала.

— Тебя никто не просил об этом. Я не только учусь... В Райффайзенбанке работаю, зарабатывать получше, чем ты в Дорстрое, между прочим... Можешь все взять назад — забирай... Квартиру, машину... Возьми, раз тебе надо. Сожри, проглоти, только не лопни. Довольна? А с папиком моим... Успокойся, его уже нет. Он умер. «Умер» — твое любимое слово, не так ли? Его убили ассасины... Книги читать надо, не в деревне живешь... Он раздулся, как шар, и улетел... Короче, считай, что он для меня умер, довольна? — Оля выдернула ногу и выбежала на лестницу, хлопнув дверью.

— Конечно, я довольна, что мне делать? Всем, всем довольна. Я ведь для тебя, дочка, лучшего хочу. Ты же Бакширова, черт бы тебя побрал, ты должна жить достойно... Как положено Бакшировым. Мать для тебя не авторитет, для тебя авторитет служанка... деревянный папа, из которого я сделала человека, — кем бы он стал, если б не я? Тебе нужны эти дети люмпенов с танцулек, бандюганы-качки. Люмпены и дебилы, босяки и холопы. Недаром говорят: «холопское хамство». Твой папик — тот же люмпен, режиссерка — люмпен. Разве они в состоянии что-нибудь сделать сами, придумать, организовать? Им все: дай-дай-дай — мало, дай еще! Отнять и поделить... Тьфу-у-у! Она меня не слышит. Ушла... Кому нужна эта ваша демократия? Избирательное право надо оставить только тем, кто своей головой сумел чего-нибудь добиться в этой жизни... Мать родная уже не авторитет ей. Брось-ка мне сигарету, Ирочка! И давай еще выпьем.

Ирина подала сигарету.

— Оля — прелесть. Нет, ты только подумай, как она об этом папике — необыкновенный человек! Амбал Амбалыч! Глаза завидующие, руки агребущие — вот это фантазия! С характером девочка.

— С характером, да не в ту сторону характер этот. Сходи на кухню, налей нам. А лучше возьми всю бутылку. Не могу я туда идти, там противно так пахнет вареной курой... И не хочу я эту Наташку видеть. Тоже мне режиссер. Так у нас везде — никто не хочет делать обычную работу. А говорить и руками по воздуху разводиться... мы все мастера.

* * *

В половине двенадцатого зазвонил телефон.

— Алё, алё! Это ты, Джей? How are you? Черт бы тебя побрал, чертов ирлашка, мне спать пора, — а ему что до этого? — у него на три часа меньше, ему в самый раз, ему поболтать захотелось, языком почесать. What do you want? We have discussed already everything²². Ах, ты соскучился, мерзавец, ты понял, что ошибался?

²² Что ты хочешь? Мы уже обсуждали все это.

Конечно, ошибался! Ты осознал, хочешь, чтобы я стала полноправной хозяйкой особняка в Эспоме? Делаешь мне предложение? Well! I'm coming back²³. Приму ли я твоё предложение? I'll have a look, it depends... I'll see your behavior²⁴... Черт побери, скотина, согласился все-таки. Очнулся... Долго не понимал своего счастья, а теперь понял наконец... Конечно, вернусь. I'll take a flight and immediately call you! Kiss you, my darling!²⁵ Ну погоди, Джей. Побегашь теперь, теперь-то я с лихвой отплачу за это твоё «не входит в мои планы». Погоди, погоди. Стану миссис Уорд... Попробую еще и до Майкла добраться... Ну, конечно, не до принца — кишка тонка — а до Нордингтона... Почему бы и не попробовать?

Аня почему-то опять заплакала, размазывая по лицу слезы и остатки боевой раскраски. Отчего эти слезы? Все теперь хорошо! Анна успокоилась, привела себя в порядок, сняла трубку и решительно приступила к делу:

— Значится так, Федя. Ты уже дома, вернулся-таки? Праздники — левой? На такси? Да мне-то что? — будет сейчас, как маленький, все подробно объяснять... Молодец, молодец, Федя! Приеду утром... Собери мой чемодан. Все вещи, ты знаешь, что надо. Ну, конечно — не один чемодан, два больших чемодана! Куда, куда! Завтра приду и сразу полечу в Англию. Новый контракт, дурачок, — на несколько лет. Разберусь на месте — отпишусь, по скайпу поговорим. Буду вице-президентом фирмы... С фактическими правами президента. Вице-президент — но круче, чем президент. Кто от такого контракта откажется? Возьми мне билет на завтра... Ты сам и купишь. Виза есть. Как обычно, ты знаешь — бизнес-класс... Отвезешь в аэропорт. Так, нечего хныкать. Мне тоже нелегко, я же не плачу. Потерпи, я приеду через полгода... В отпуск. Смотри, чтобы здесь все было в порядке. За тебя я спокойна, ты все сделаешь правильно. Да, потерпи... В крайнем случае — любовницу заведи. — Как же, этот мозгляк даже на такую безделицу не способен... — Шутка. Ну, хватит, Федя, ты сам знаешь — так надо. — Аня рыгнула и продолжила: — А вот Оле придется помочь. По-мочь, засранец... Ну, ладно, извини, погорячилась; не выступай — это фигура речи такая... Ты с ней, с Олей, — душа в душу, вот и помогай... Все говорите и говорите друг с другом, ля-ля — тополя. А надо реально помочь девочке. Как чем? Избавить, например, от папика толстозадого. Не серди меня — все равно сделаешь, как скажу. Свяжешься с Василь Василичем. Ну, тот, к кому ты меня всегда ревновал. Я же не виновата, что нравлюсь ему. Я вообще нравлюсь мужикам... Да, он из каких-то органов. Не из ЧК. Контрразведка, наверное, или что-то в этом духе. В общем, скажешь ему, что надо поработать по Олиному папику. Он сам знает, что надо делать — найдет компромат, свяжется с кем нужно... с его женой, с органами, если потребуется... сообщит, что папик не дружит с законом — это самое простое, нарушения всегда найдутся... А может, и скелеты в шкафу... В общем, он умеет все это по-тихому обтяпывать. Федя, не серди меня. Уже поздно, я очень устала, слушай, что тебе говорят. Я не плачу, это нервный тик... Никаких расчетов. Мы с Василь Василичем свои люди. Скажешь, что Анна вернется с Туманного Альбиона, рассчитается натурой. Какой ты, Федька, распушенный — шучу я. Просто фигура речи... В ресторан с ним схожу, например. Причем за его счет. Понял, дурашка? Вообще-то я надеюсь на тебя. Чтобы все было готово, когда приеду... Ну, целую, до завтра. А Олю береги. Я тебе за Олю голову оторву. Кстати, ты пробовал когда-нибудь фуа-гра? Дурак! Ты даже не представляешь, как это вкусно. Почти так же вкусно, как быть моим мужем. Не понял? Тебе еще нравится спать

²³ Хорошо! Я возвращаюсь.

²⁴ Я посмотрю, это зависит от... Посмотрю на твоё поведение...

²⁵ Я возьму самолет и немедленно позвоню тебе! Целую тебя, дорогой!

со мной, болван, или уже все равно? Ну, так это почти так же вкусно. Гуд бай, мой друг, гуд бай! Когда умо-о-олкнут все пе-е-есни, которых я-я-я не знаю...

* * *

Опять зазвонил мобильник. Анна очнулась, посмотрела на часы: начало девятого... Не утро, еще вечер... Что-то я не поняла... Приснилось, что ли, про этого рыжего? Тьфу, даже вспоминать противно! Ира Гнатова спала на диване, уткнувшись лицом в подушку. Аня в темноте пыталась нащупать туфли — безрезультатно. В одних колготках, раскачиваясь, медленно и торжественно она двинулась в сторону истерично взвизгивающего телефона. Свет не включала...

— Алло... М-м-муженек аб-бъявился. Нет, я на работе... Слушай, я не могу отсюда выехать, придется здесь переночевать. У нас есть служебные ап-п-партаменты. Приехала Ира Гнатова, она загородила выезд, а ключ... Видимо, уронила в грязь. Мы двадцать минут ползали в снегу — ничего не нашли. Кому я десять минут пытаюсь что-то объяснить? Конечно, я забрать тебя не смогу, сам, сам... Доберись, как можешь. Водителей отпустил? Вот это зря! А что, товарищи по работе не могут подвести увважаемого замначальника отдела министерства? Вовка с Артемом, например. Ах, вот как — жаль, жаль! Знаете, что, мальчики, встаньте шеренгой — раз-два-левой, левой! А ты — за командира... Острию? Ничего я не острию — нервный тик, у языка тоже бывает нервный тик, в общем, на нервной почве — хватит рассусоливать, отбой, мой милый, чао-какао!

Аня не совсем уверенным шагом возвратилась к окну, нашла бутылку, вылила остатки в стакан, вдохнула, выпила залпом, вздрогнула, передернула плечами — бр-р-р! — и плюхнулась на кушетку.

Кто-то включил свет, Аня очнулась.

— А, это ты, Натахен? Ужин будет чуть позже, что-то я не в форме.

Высокая, голенастая Наташа стояла в двери, свет освещал ее сзади — то, что делалось в столовой, Наталье было видно не особенно отчетливо.

— Ваша гостья уже ушла, Анна Дмитриевна?

— Нет, пока — она, похоже, тоже не в форме. Так что попозже... и на двоих. Я имею в виду ужин. А может, и не будет ужина.

— Да я спросить хотела. Моему мужу нельзя переночевать здесь? Ему завтра на работу можно не так рано, как обычно, а погода — сами знаете, хуже некуда. Мы в моей комнатке разместимся... Без проблем.

— Не поняла, а где он, здесь, на кухне? У вас, Натхен, все без проблем, никаких, на хрен, у вас нет проблем.

— Так что — нельзя?

— Нет, нельзя. Что, у меня гостиница?

— Не поняла.

— Чего тут понимать? Ему ночевать здесь нельзя. Потому что это моя квартира. Квартира, а не гостиница.

Наташа застыла, она, видимо, ожидала другого ответа.

— Хорошо, Анна Дмитриевна. Как скажете, — задумчиво сказала она и удалилась на кухню.

Анна повернулась в сторону прихожей. На пороге лежал одинокий Олин сапог. Видимо, выпал из сумки, когда Оля вырывалась из объятий матери. Анна подняла его, долго рассматривала, потом с силой швырнула в сторону выхода. Сапог глухо ударился о косяк и шлепнулся на пол прихожей. Аня включила в столовой свет

и долго держалась рукой за выключатель, будто боялась упасть. Так она простояла минуту, уставившись стеклянным взглядом на свой мобильник, потом отклеилась от выключателя, торопливо взяла телефон и села в кресло.

— Оля, ты уже дома? Сегодня одна, не пошла к своему папику? Вот это правильно. Да знаю я ваших папиков. Всё самоутверждаются. Этот твой... Чтобы сказать потом друзьям: «Ездил на Родос с малышкой на двадцать лет младше меня». Небось, как и все, бегаёт в клуб «Сто пудов», не знаешь? — ну, где за умеренную плату можно взять невообразимую толстуху. Ему баба нужна в сто пудов. Или десять по десять. Не такая же тощая селедка, как ты. Да еще и злобная. Ишь как на мать бросаешься... Думаешь, я тебе плохого желаю? Твой папик — такой же люмпен, как и твои прыщавые мальчишки на танцульках. Чего ты туда таскаешься? Балерины из тебя все равно не получится. И от папика твоего тоже ничего хорошего не дождешься. Разве что дурную болезнь подхватишь. Лучше бы он умер. А ты не злись... И не кричи. И нечего рыдать, мать тебе дело говорит... Я хочу, чтобы ты счастлива была... Чего молчишь? Бросила трубку, стерва!

Анна потушила свет, стала у двери в освещенную прихожую, долго смотрела на сапог дочери, потом рванулась к нему, за что-то зацепилась, упала, ударилась рукой о косяк. Вначале боли не почувствовала. Внезапно боль охватила всю ее руку — от кисти до плеча, как тогда в молодости. Не вставая, она вытянулась вперед, схватила сапог, судорожно прижала его к себе. Кашляла, икала, плакала, слезы ручьем лились на пыльное кожаное голенище.

— Бедный, бедный гусенок — сломанное крылышко! Бедный гусенок! — повторяла Анна снова и снова. — Бедное фуа-гра — сломанное крылышко!

Поставила сапог у стены — аккуратно, подошвой вниз, вытерла рукой пыль с голенища. Снова прижала сапог к себе, гладила и целовала светло-серое голенище. Почему она все бежит куда-то, не может остановиться? Когда это все кончится? Ну, дал ей разворот Джей. Обидно, конечно... Что ей этот Джей... Ирлашка никудышный... Ничего-то она к нему не чувствует. И никогда не чувствовала. Наташка, режиссерка, — приличная, интеллигентная — чего на нее бросаться? А Оля... Дочка ведь... Пытается своим умом жить. Ну, не хочет она, как я. О Феде и говорить нечего. Все-то я его грязью... А он видит и понимает. Золотой человек... Любит меня, принимает такой, какая есть. Взбалмошную, с капризами, закидонами... Кто еще такую терпеть будет? И что это за речь у меня, откуда это все взялось, будто продавщица из сельмага... — Пошатываясь, вернулась в столовую, стала будить Иру Гнатову.

— Что? Кто это? — Ира резко поднялась и села на диване.

— Слушай меня, Ирочка, дорогая, — Аня шептала, сбивалась, всхлипывала, снова повторяла. — Слушай меня... Помнишь наш первый вечер в университете? Первый вечер... Маринка, моя тогдашняя подруга, сшила мне платье из матрасной ткани. Сделала складочки на красных полосках и прострочила... Получилось, будто марлевка в рубчик... И по фигуре так подогнала, и сточка, и погончики... Эта моя тезка — Анька Камозо, которая считалась первой красавицей курса, — она пришла в красном платье, размалеванная, как кукла... с ярко-красной помадой... За ней тогда увивались Жариков и Батулин, баскетболисты из команды мастеров... А Батулин — еще и боксер! Оба — дубины безмозглые. Выступали — красовались, все для нее, для Аньки Камозо. А она глаз на мое платье положила, да так напирает, и говорит мне очень нахально — мол, марлевка из Франции, зачем тебе она? — куплю за тридцать баксов. Тогда это считались деньги о-го-го, будь здоров! А я ей... как врезала: не расстанусь с платьем ни за какие деньги, вот и все! В тот вечер я всем мальчишкам нравилась, а девки завидовали. Тогда и Женька, он уже работал, на вечеринку прибежал. Целовались в вестибюле, он мне в сто раз был

милее, чем эти «центровые» Жариков с Батуриным. А Камозо напоследок сказала мне, что платье старомодное и таких платьев уже никто не носит. Я вернулась домой и весь вечер проплакала, не знаю отчего. То мне казалось очень обидным, что платье немодное, а то, наоборот, чувствовала себя счастливой от того, что все на меня смотрели на вечеринке, и Женька мне очень понравился, — Аня схватила Иру за плечо, встряхнула раз, другой, встряхивала несколько раз и спрашивала умоляюще: — Ира, Ирочка, я была тогда хорошая, ну скажи — правда ведь — я была тогда хорошая?

Казалось — на всю квартиру, на всю лестничную площадку, на весь слякотный, заснеженный и заледеневший новый московский микрорайон разносился истерический крик, переходящий в пьяное рыдание:

— Ну, скажи... Скажи, Ирочка... И-и-р-рочка! Правда ведь, ведь я тогда хор-р-р-ошая была?

* * *

В половине двенадцатого вновь зазвонил телефон. На самом деле, не во сне. Но это был Джей. Как в том сне.

— Ани, дорогая, я бы хотеть you быть host мой castle.

— Соизволил, мерзавец? Вот так-то. Заруби себе на носу — Бакшировы всегда добиваются своего.

Джей ничего не понял, он ведь почти не говорил на русском.

— What is мерзантайбл? No difference! Хорошо, хорошо, дорогая! No сомневаться — Джей сделать всё тот, что Ани хотеть...

Евгений ЭРАСТОВ

* * *

Скрип уключин замшелой калитки.
Запах мокрой и прелой листвы.
Под ногами повсюду улитки —
Партизанки мои, недобитки
Вылезают из мокрой травы.

И на каждой промокшей дорожке,
От беседки до ржавых ворот —
Хрупкий панцирь, бордовые ножки,
Этот слизистый нежный испод.

Я ведь тоже, как вы, бестолковый,
О вселенской мечтал глубине!
Из валторны своей известковой
Вылезать не хотелось и мне.

Как я чувствовал холод эфира,
Горевые потоки воды,
Пустоту бесконечного мира,
Окружающей этой среды.

Капиллярный стреноженный шорох,
Густоту поэтических строк.
...Как листвы неприкаянный ворох
Поднимает шальной ветерок!

Ты со мною, дождливое лето —
Густопсовый, родной чернозем!
Пролетай, дорогая комета!
Далеко нам до скорости света,
Но мы тоже куда-то ползем...

Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Публиковался в журналах «Волга», «Москва», «Дружба народов», «Звезда», «Наш современник», «Новый мир», «Сибирские огни», «Подъем», «Юность» и др. Автор шести поэтических и четырех прозаических книг. Живет в Нижнем Новгороде.

БАТЮШКОВ В ВОЛОГДЕ

Есть времени предел и бренной жизни срок.
Опавшую листву осенний ветер гоняет.
Не воин, не поэт, тем боле — не пророк,
Безумный Батюшков по Вологде гуляет.

Ему, несчастному, давно уж наплевать,
Что муза не велит вотще листы марать,
И сдваивать слова, и грызть в истоме перья.
И слез не нужно лить, не нужно горевать,
Входить к спесивому редактору в доверье.

Представить нелегко — пустая голова!
Ужели сладкия рождалися слова
В коробке костяной под старомодной шляпой
С щербатым утлым ртом и ямами глазниц?
...В бездумье бродит он и молча смотрит ниц.
А вскоре встретит смерть с ее шершавой лапой.

* * *

Как бездонно ты, русское горе!
Буйный ветер хохочет в ночи.
Мне бы жить, как синичка за морем —
Песни петь да клевать куличи.

И на волны глядеть втихомолку,
Позабыв про шальные ветра.
Знать, что в Туле живет перепелка —
Ни кола у нее, ни двора.

Вспоминать, как в Германии пестрой,
Средь ухоженных древних земель,
Возле готики, мрачной и острой,
Хитроумный, как граф Калиостро,
Длинноклювый живет журавель.

Как терновник пострижен красиво!
Как богат и спокоен народ!
Он из кружек, поставленных криво,
Допивает баварское пиво
И сосиски уныло клюет.

На дородную смотрит супругу,
На дворцы, на резные мосты.

...Я пойду через русскую вьюгу
На ограды глядеть да кресты.

В вечном поиске здравого смысла
Не сойти б ненароком с ума!
А над кладбищем зимним повисла,
Как проклятие, вечная тьма.

Мне б туда, где никто не догонит!
Мне б забыть про земную юдоль!
Буйный ветер над кладбищем стонет —
Это отзыв на русский пароль.

ЗВУК

Не поймешь, где конец, где начало.
Как дела твои, Маленький Мук?
Столько дней ничего не звучало,
Только сосны ветрами качало,
А теперь вдруг прорезался звук.

Этот звук — чуть дрожащий, волнистый,
Вроде тонкой альтовой струны.
Услыхал его шмель бархатистый,
Бойкий дятел на ветке сосны.

Муравьишка лесной удивился
И застыл в придорожной пыли.
Звук, наверное, с неба пролился,
А быть может, из влажной земли.

Этот звук так настойчиво льется!
Уступает ему темнота.
Я уж думал, что он не вернется,
Что сковала уста немота.

Что поток, ледяной и жестокий,
Заглушит тебя, время щедрот.
Но бессмертны небесные токи!
...Этот звук — нутряной, одинокий,
Все покоя тебе не даёт.

* * *

Я видел Эльбу, и Дунай,
И медленную Влтаву.

Теперь сиди и вспоминай
Свою любовь-забаву.

И Днепр, где склон заполонил
Каштан широколистный,
И тихий Дон, и тухлый Нил,
И Волхов летописный.

В глухом, заброшенном краю,
Где дух сосновый, чистый,
Я гимны прежние пою —
Ветлугу нежную мою
И Керженец тенистый.

Но почему так дорога
В краю, где мокнет пижма
И преют влажные стога,
Кривая речка Шижда?

А помогли мне, видит Бог,
Запомнить это чудо
И на березе рыжий мох,
И дятел красногрудый.

* * *

На пороге смерти добровольной
Алчной императорской ночи
По бульварам Вены своевольной
Резвые порхают скрипачи.

И наставник в музыкальной школе
Педантично смотрит сквозь очки,
Как летят шестнадцатые доли.
Снова забывают про бемоли
Учениц ленивые смычки.

Глядя в криворукие потемки,
Штрауса играя на балах,
Рыжеусых Габсбургов потомки,
Сказочной империи обломки,
На дунайских кружатся валах.

Помыслы о Сербии отбросив,
Забывая козни при дворе,
Престарелый кайзер Франц-Иосиф
Слышит звуки скрипок на заре.

Страшные настанут перемены.
Разжиреют платяные вши.
По бульварам сладострастной Вены
Будут рыскать пьяные сирены,
У солдат выманивать гроши.

Что шалавам ушлая команда
Деспотов, садистов, палачей?
В шкафчике у дяди Фердинанда
Тысячи замочков и ключей.

Есть часы, но сломана кукушка.
Кровью перекроена страна.
Жалкая австрийская игрушка.
Штыковая жуткая война.

Глад и мор гуляют по планете,
От приказов сохнет голова.
Ничего нет вечного на свете -
Только эта музыка жива.

Антон ЗАНЬКОВСКИЙ

ЗУБЕРМЕНСЧ

Повесть

1.

Кто-то взялся было чистить апельсин, да передумал — так и остался висеть оттопыренный шмат белой подкладкой наружу. И на этой засохшей уже, годной в чай цедре обозначим ландшафт: леса с полянами, реки с холодной рыбой, озера с лилиями, воздух с черными мухами и золотой пылью. Все это можно залить кипятком, настоять и выпить, если ты бог и тебе все нипочем, но мощную лупу взял простой великан и видит, как бабка Дзычиха, выпятив горб, собирает в помятые ведра содомские яблоки, которые давеча выкопала из жирной земли, из мягкой цедры, и рассыпала по двум прямоугольникам огорода, разделенного полосой тропинки, что ведет к старой гнилой копанке с четой дохлых ежей на дне. По сторонам огородных площадок должны быть соседские огороды, но давно их заимел сорняк, и кое-где лишь, по правую сторону от Дзычихиных грядок, торчат стебли земляной груши, топинамбура, из которого Фитиль гнал не самогон даже, а другую какую-то боль, но не теперь. А теперь он рассыпал гвозди возле пасеки, чтобы отыскать гожий транзистор; гвозди, винты, гайки, паяльная смола, кусок воска, ржавый напильник, шпингалет, шмат синей изоленды — среди них должен обретаться транзистор. С сим перечнем вещей Фитиль находится северней Дзычихи в прямой улице Епифановки, а южней Дзычихи струится сине-зеленая линия реки — на берегах ее разбросаны купальщики, рыбаки, ракушки. В промежутке между рекой и старухой ширится луг, где ветер разбросал семена душистых трав. В травах рассыпаны сухие кузнецы с прыгучими ногами, и сверчки, и ящерицы, и волосатые пауки. Северней от Фитиля раскиданы лесные горелки, обугленные кости кабанов, лосей и птичек. Еще северней стоит Погореловка, воссозданная из шлакоблоков и ламината. Другие селения валяются кое-как в лесостепи, храня людей и тараканов от неогороженных пространств.

Автор перестал быть богом, он превратился в орбитальный спутник.

Ориентация: норд; трасса М-4: фуры, щебень, бензин, курево, попутчики, придорожное кафе «У Алишера», загадочная надпись «Развал-схождение». Хвойные деревья темнеют и заостряются по мере приближения к северу — так человек заостряется от южного пигмея к скандинаву. И вдруг повесть устремляется вниз — это русские горки — к земле, к подошвам, к щербатому асфальту кирпичного города, который только что размазан был у кромки картографической суши бесформенной инфузо-

Антон Владиславович Заньковский родился в 1988 году в Воронеже. В 2007 году переехал в Санкт-Петербург. Прозаик, философ. Печатался в журналах «Acta eruditiorum», «Апокриф», «Нева», «Опустошитель», в научных сборниках «Деконструкция», «Четвертая политическая теория», размещал статьи на украинских аналитических сайтах. В настоящее время живет в Индии.

рией, к ботинкам оксфордам безвестного Зубермана З. Он идет, щеголяя изысканной тенью, отбрасывает ее, мужскую расстегнутую тень со светящейся солнечной прорезью для единственной пуговицы — американское солнце фасона. Коричнево-малиновые узкие шерстяные брюки Захара и твидовый пиджак цвета гнилой сливы ловко складываются в пиджачную пару; на нем черная бархатная рубашка с перламутровыми пуговицами, и манжеты ее, французские манжеты с нахальными запонками в виде миниатюрных глазастых яичниц (желтые самоцветы в серебре) перепачканы женской влагой: только что Захар окунал руки в женщину так, как сейчас окунает в карманы.

И теперь Кирха, невыспавшееся дитя, сонно тянет с блюдца сизую виноградину и губы в вермут окунает, чувствуя еще в себе Зубермана, хотя он уже идет к любовнице и не думает о Кирхе — он ее тактильно обоняет, слушает ритмичные колыхания телесных токов: послевкусие долгих соитий.

Так идет безвестный Зуберман, утомленный анатом, с цедрой в кармане. И если приколоть Дзычиху иглой невероятного циркуля к плодоносным грядкам, а другой его конец отвести на сорок градусов, то грифель циркуля как раз будет торчать из Зубермановых штанов. Из точки А в точку В: от жены к любовнице, от красивой и умной фемины к второсортной гризетке, от тридцать шестого размера к тридцать девятому, от третьего размера к нулевому, от запрещенных изысков любви к трудовым будням миссионерских радений — с Васильостова, где молодоженам купил квартиру родитель Кирхи, идет он в захиревшие кварталы (зачем?)...

— Да он присушенный! — предполагает Дзычиха, обирая узловатыми пальцами длинные ростки с фиолетовой картофелины.

...в кварталы, где неумытая шпана водит хороводы вокруг подожженных мусорных контейнеров и забивает крыс камнями. Заключение в скобки вопрос, этот ЗК повести, этот тюремщик, обречен коротать срок до скончания истории — такова эсхатология рассказа. «Зачем?» — не голем ли это с табличкой во рту: вытащишь ее — и великан распадется комьями еврейской глины. Хотя амнистия возможна, то есть ответ на вопрос, ответ, ломающий скобки, так что они падают лодочками (как препятствия в примитивной компьютерной игре), тесня буквы по левую и правую сторону строки, но лишь в том случае, если читатель доживет до последних страниц.

* * *

Где тоскливые пони катают по кругу детей и те треплют их пресловутые челки, где стела торчит ногтем и виднеются кирпичные развалюхи, где памятник Петру Клодту пижонится возле театральной мастерской, где конюшни пахнут сеном и навозом, а художники на пленэре растворителем и маслом, — здесь шагает Зубермэнш; джентльмен за котельной упражняется в цигун, а Зуберман шагает мимо, вдоль академической стены, за которой студенты с длинными кистями — белка, пони, соболь — танцуют перед мольбертами под аккомпанемент учительских наставлений:

— Так, заканчивайте бродить! Уже должен здесь стоять и работать, а он приходит, явление народу, как будто у него там это все прекрасно! Вот эти вот чуть-чуть старайся, старайся сейчас взять вот в целом. У вас ушко не доделано и височной линии нет. Скуловая кость... вот так смотришь с расстояния, и я, например, не вижу той версии, которая должна быть. Раз у вас тут фрагмент появляется, надо посмотреть касания, касания более темные чуть-чуть. Такое ощущение

ние, что это у вас внутренняя часть бедра, а надо, чтобы тут казалось, что тут пошире. Понимаете? Понимаете, о чем я говорю? Вы вот до этого дошли, до этой тени, а вот где, где граница? Граница внутренней поверхности бедра? Второе посадите чуть-чуть. Щечная поверхность. Все-таки голова, она потемнее, чем в целом, понимаете? Много одинаковых, однообразных... и, надеюсь, в процессе? И, конечно, лоб вот здесь: тут такая шишка, даже у новорожденных такой нет. Посмотрите, сравните, сравните его ширину. Хорошо, что вы делаете хорошо... надо еще будет поработать. Вы принесли копию? Что значит «не знали»? В субботу я тоже вас ждал! Что я должен вам говорить, когда я буду? В субботу я ожидал, в понедельник — пожалуйста, я пришел! Надо закончить. И копию уже надо показать, потому что отдельная оценка за копию. Здесь тоже еще очень много работы. Зоя, вы пропускаете, закончили бы, и все. Вот эту разницу между боковой поверхностью и фронтальной — решить. Кубик, мы можем решить кубик. Вот это тень, а вот это свет на боковой поверхности. Посмотрите — тень, начиная с этого, с этого уголка. Вот это все попадает в тень, это — свет. Можем кубик нарисовать под драпировкой.

Так говорит струйка звука сквозь трещинку в штукатурке огромного здания, говорливый сквознячок в зазор двухсотлетних кирпичей академии, а Зуберман внемлет, прислонившись волосатым ухом к стене...

— Вот еще один деятель! Иди в столовую погуляй. Пришел бедный с этими. Ты приехал? да? на велосипеде? Преодолевал, наверное, как Ломоносов, да? Учиться вот так! Да, когда последние дни нечего выставить, а он наушники слушает. Я б тебе вообще эти наушники выбросил бы с третьего этажа! Так что, Кать, это просто вот от сердца. К вам у меня нет абсолютно никаких претензий, просто хотелось бы, чтобы был вот тот же результат, который вы заслуживаете и можете его получить, потому что технически у вас все есть. Как бы вот чуть-чуть, может быть, не хватает сейчас, вот, может быть, поздно начали, надеялись, может быть, на свои запасы. Знаете, у каждого художника есть, у каждого есть свой какой-то такой запасик. Сейчас не хватило по этим задачам, которые не хватило. Они стали сложнее, видите, сложнее. Вы впервые, мне так кажется, что вы впервые, мне так кажется, может, я ошибаюсь, вы впервые пробовали с фоном работать — это шаг, это шаг, в общем-то. Сколько можно на белой бумаге работы делать? Надо же задачи ставить разные и найти для себя какой-то... Это тоже, это очень близко, это так, как рисовали в 50-е 60-е 70-е 80-е годы рисовали, я вам показывал эти образцы, у нас висели образцы, это рисовали с фоном обязательно, потому что это та же задача, что в живописи, только цвет добавляется, а вы анализируете не только пропорции, но и тон, глубину, касания. Это тоже... Сейчас я вот с вами разговариваю. Хотелось бы чуть-чуть погасить вот эту, плечо, вот штрихи вот эти, тут вы правильно, очень хорошо сделали, здесь бы хотелось вот такие вертикальные, может быть, вот до такой степени, вот продолжить, вот здесь, вот не трогать, а здесь хорошо палка. Все так, как мы у Юры попробовали.

Зуберману надуло в ухо, он идет сквозь садик Румянцевым Победам (туркам вход воспрещен!), идет мимо вспененных Ростральных фаллосов, пешком по мосту переходит, минует Зимний дворец, широкую площадь, желтизну правительственных зданий. Высоко над Исаакием повис аэростат, и некий папа объясняет чаду, как отличить его от дирижабля. Невский проспект пьянит гущей подвижных предметов: живая и неживая материя перемещается, ловко избегая столкновений. День пузырится людьми, пенится бодростью городской суеты — так перекись водорода шипит на ранке. У Каткиного садика к пиджаку Зубермана подходит белая блузка,

и коротко стриженная девушка со вздернутым носиком, вооружившись улыбкой блестящих влажных губ, обращается к Захару:

— Здравствуйте! Мы проводим социологический опрос. Не могли бы вы ответить на два вопроса?

— Опрос, вопрос... рифма не очень, но я согласен.

— Почему вы пришли сегодня на Невский проспект?

В искреннем затруднении Захар склоняет голову, но вдруг решает действовать ва-банк и говорит неправду:

2.

— Мы с приятелем частенько сидим возле окна вон в том кафе через дорогу, наблюдаем разную всячину и делаем выводы. Вот, например, чтобы умертвить вас, — Зуберман хирургично смерил девушку взглядом, — достаточно проколоть сантиметра на три. Правда? Ну, смотря, конечно, в каком месте. Во всяком случае, достаточно совсем чуть-чуть повредить человека, чтобы, по крайней мере, сбить его с прямого пути. Ergo: человек и его траектория весьма уязвимы. Не забывайте о препятствиях: автомобили, троллейбусы, другие пешеходы. Право же, удивительно, что мы друг с другом не сталкиваемся, что в нас есть такие настройки, которые позволяют обходить друг друга. И только иногда кому-то наступают на ногу.

— Должно быть, вы философ? Кстати, это второй и последний вопрос. На него желательно ответить коротко: ваша профессия...

— Если верить известным ходунам, то удивление есть первая ступень философии, но я только переводчик. А вы слишком спешите. Вы, наверное, приезжая, да? Две минуты на исходе, но ведь я тоже имею право отнять у вас минуты две, правда? Чтобы честно было. Я не договорил еще. Да и вам нелегко суммировать все сказанное, чтобы четко определить цель моего пути.

— Вы пришли посидеть в кафе с приятелем, разве не так?

Даже некоторые прихвостни Екатерины расслышали смех Зубермана, а прохожие туристы из Поднебесной недоверчиво оглянулись.

— Вот все вы так, — заговорил Захар, отдышавшись, — это, знаете, как если бы я сегодня вечером рассказывал... да вот хотя бы приятелю своему: подошла ко мне девушка в черном нижнем белье и давай спрашивать, зачем я на Невский пришел. Ведь на вас черное, просвечивает. Блузка белая, а бюстгальтер черный. Это так модно, я знаю. Но ведь на вас не только бюстгальтер, правда? Если я вдруг забуду упомянуть все остальные детали вашего наряда, то выставлю вас черт знает в каком свете.

— Спасибо вам за две минуты. Очень интересно поговорили, но мне еще надо пятьдесят анкет заполнить. До свидания! Вы очень милый.

— «До свидания» — это хорошо звучит. Кстати говоря...

— И даже на красный свет ходят, — продолжал Зуберман сутки спустя рассказывать уличной вопрошательнице: она дала свой телефонный номер и согласилась выпить с Захаром чайку в кафе на Невском.

Первым делом она призналась, что ее зовут Дарина, и похвасталась студенческим билетом Академии художеств. Барышня была ничего себе, а запах ее, смешанный с запахом краски, растворителя и неплохих прохладных духов, говорил Зуберману о многом: о хорошем состоянии ее родителей, о том, что девушка не страдает невинностью и водит автомобиль. Так что Зуберман продолжал:

— Удивительно, одну венку надрезать, казалось бы, и получишь фонтан крови. Жизнь колеблется на спичечной головке или как пламя свечи на сквозняке.

Зубермановы рассказы возымели успех: Дарина пригласила Захара к себе в театральную мастерскую при Академии художеств, то есть просто-напросто в подвал с голыми кирпичными стенами, где второкурсники делали макеты декораций, дописывали портреты, порой ночевали, порой выпивали с преподавателями. Одну из трех комнат приспособили под кухню, но и здесь стояли мольберты; в других комнатах были диванчики, но Зуберман пренебрег ими.

— Ведь это же чудовищно интересно! Правда? Две расы: мужская и женская, намеренно так сделанные, что одно подходит к другому. У тебя есть недостаток, у меня — излишек, — говорил Захар, поглаживая Дарину, уже обрызганную его липкой некошерной смолой.

С некоторых пор, вместе с трехлетним сыном, в театральной мастерской жила Валентина, и ее пьяный бывший муж раз в три дня приходил скандально мириться, чем навлекал на Валентину недовольство остальных студентов, но в этот вечер Валентины с Мишкой не было. Этим воспользовалась Дарина, возжелавшая познать Зубермана.

Зуберман пренебрег ими — посадил Дарину в кухне на стол, заваленный эскизами, чашками, красками; возле приоткрытого окна, так что свежая крапива росла на уровне лица и Клодт поодаль щеголял ботинками. Дарина уже вцепилась в его волосы и сама принялась неистово любить, двигая бедрами, и в этот миг надо же было мальчику побежать от памятника смотреть свежую травку! Слава Эроту: отец не увидел того, что увидел его малолетний сын, заглянув сквозь стекло в подzemелье и вытоптав крапиву под окном: ее аромат овеял суматоху любовников, когда Зуберман пытался заслонить Дарину собой, а себя — пиджаком. Они долго смеялись, и запах молодой травы держался в комнате.

— Ведь это же чудовищно интересно! Правда?

* * *

После того как Зуберман условился о встрече с Дариной, он двинул дальше по Невскому, не нарадуясь своему остроумию, — так ловко девушку сумел закадрить, пользуясь только лишь искренним, непреложным удивлением, высказав просто-напросто себя наизнанку. Напомним: он шел от жены к любовнице, от королевских креветок следовал он к постной кашке. Он думал, что рискует потерять обеих, хотя рисковал потерять жетон метрополитена, дырявя пальцем брючный карман. И ни с каким другом на Невском не должен был встречаться — это он просто так наврал Дарине. Захар фланировал, изучая встречные физиономии, но, как ни вглядывался, не видел хороших прямых линий Юпитера и Меркурия на лбах. Почему он знал эти линии? Потому что уже полгода сотрудничал с издательством «Ex nihil lux». Издательство возглавлял сарацин Феррах, с которым Захара свела его знакомая филологиня Дабасова. Она спасительницей вынырнула из мира в минуту крайнего отчаяния Зубермана, как это всегда и бывает. Когда Захар уже хотел было утопиться в кастрюле, а не варить в ней гречу.

— Что делать? Придется переводить идиотскую книгу по хиромантии, — разводил Захар руками, наблюдая за полетом трезвонкой мухи вокруг жениной головы.

За перевод ему хорошо заплатили, лучше, чем в издательстве «Алфавит», крупнейшем в стране, для которого Захар перевел дневники Монтерлана. Вскоре Феррах подкинул ему опус по физиогномике.

— Теперь я знаю, что у тебя пророческий дар, — говорил Зуберман Кирхе, — вот у тебя на лбу рядом с корнем носа четыре линии. Значит, ты духовно одаренный человек, неколебимый в своей религиозной вере и способный к древним языкам.

Вскоре Захар освоил метопоскопию — технику гадания по линиям лба. Вот почему, фланируя по Невскому, Захар изучал встречные физиономии на предмет хорошей линии Юпитера, но — тщетно. Так он глазел и всматривался и наконец пришел к беде водителей — к «зебре» на площади Восстания, где вечно восстают зеброходы, каждую четверть часа устраивая великую пешеходную революцию: бодрой гурьбой переходят улицу на красный революционный свет. Надо сказать, лицо Зубермана выражало скорее омерзение, чем отрешенность, но вдруг что-то поползло, поползло по его лицу, на котором все линии планет были извилисты, как орнаменты рококо, — и расползлось удивлением встречи: мы стояли посреди Невского, машины визжали сигналками, водители захлебывались бранью, а мы жали руки друг другу. Моя линия Юпитера на редкость ровна, так что Захар был рад встрече, если не со мной, то с линией — точно.

— Так, — сказал Зуберман, — твоя линия Юпитера указывает на богатство, благоразумие и добрый нрав. У людей с такой линией резкий и сильный голос, так что все сходится.

— Так, — сказал Зуберман безвестный, — если мы сейчас пойдем на Третью Советскую в «Три лилипута» и выпьем там три бутылки грушевого сидра, вместо того чтобы я пошел дальше к женщине, а ты к черту... это как, нормально? Ты не подумаешь, что я скрытый содомитянин, потому что предпочел тебя любовнице?

Я познакомился с Захаром в Москве, на вступительных экзаменах в Литературный институт. Стоя под козырьком институтской парадной, абитуриенты озабоченно курили, созерцая летний дождь. Какой-то взлохмаченный ящер, скорчив презрительную мину на добром лице так, что черты исказились, брови ошетинились, а нос вздулся негром, сплюнул окурок и спросил, кто пойдет с ним за пивом. Докуривая сигарету после нервного вступительного диктанта, я ответил на вызов, и мы, щеголяя цитатами, побрели под дождем в сторону Тверской. Вскоре мы уже сидели в отделении милиции за «распитие в общественном месте», но продолжали беседовать о литературе модерна и философии постмодерна; милиционеров мы попросту не замечали, а те вполголоса переговаривались и заполняли свои бумажки, стараясь не мешать нам. Впервые я встретил человека, который впечатлил меня своей эрудицией. Самоучка и умница, он обладал редким вкусом, саркастично изъяснялся и ни к чему не относился всерьез: рассуждая об Эмпедокле, он мог сказать что-то по-гречески, а потом зловеще рыгнуть, изображая тот самый вулкан, что выблевал сандалий философа. Вскоре, из-за винных возлияний, мы успешно провалили последний экзамен. Захар отправился в Чуйскую долину, а я вернулся в Петербург. Несколько лет он блуждал в пространствах, женился, развелся, уехал в Финляндию, но вскоре сбежал обратно в Россию с новой женщиной, Кирхой, которая из-за него бросила учебу в Хельсинки.

Мы зашли в кафе «Три лилипута», где еду и напитки подавали в огромной посуде, а вилки и ножи раскладывались наподобие антенн так, что можно было подцепить прибором юбку официантки. После третьей бутылки Зуберман решил ответить на телефонный звонок, хотя до этого не обращал внимания на призывы.

— Отвечу наугад: если Кирха, то пойду обратно домой, если Дана, то пойду к ней.

Из Захарова телефона раздались мужские вопли; очевидно, звонил кредитор. Он тотчас сбросил вызов и решил идти к Дане.

— Теперь я перенервничал, так что домой не вернусь. Деньги я ему не отдам. У него круг на линии Юпитера, что предвещает утрату богатства. Сам виноват — отрастил себе круг, скотина!

За те два часа, что мы пробыли в кафе, мне только изредка удавалось вставить слово, но я с интересом выслушал пересказ Захарова дня, тем паче что знакомство

с Дариной, а главное, техника знакомства наполнили этот день своеобразной «Зубермановой» аурой.

3.

Из «Трех лилипутов» я отправился напрямик к Дабасовой; от Захара она отличалась разве что полом: оба принадлежали к тому роду людей, у которых порвана какая-то важная внутренняя перегородка, так что они скорее скользят, чем идут по жизни — эти фигуристы бросают с поразительной легкостью людей и города, меняют профессии, убеждения, стиль одежды. Захар родился в Курске, жил в Москве, потом в Хельсинки и, наконец, в Петербурге, он не получил порядочного образования, но был всесторонне образован; женился не по своей воле, а в результате несчастного альковного случая. Кирха выкинула плод уже после свадьбы, когда Зуберман смирился со своей новой ролью семьянина. Вместо того чтобы скорбеть о полусмерти недоробенка, молодожены поехали в свадебное путешествие в Китай. Кирха благоволила изменам Зубермана, потому что адюльтер смягчает нрав, но себе позволяла немного, так что Захар носил совсем маленькие изящные рожки, как у молодого бычка или Моисея; вишневые косточки лишь однажды попали на плешивую голову Зубермана и дали рожки ростки — в тот день, когда о любви просил и так жалобно плакал, валяясь у Кирхи в ногах, ее друг детства, всю жизнь в Кирху влюбленный; она стерпела его щекотливые конвульсии, погладила по мокрому от пота голове, поцеловала в слезный нос и выпроводила; добронравный Зуберман в это время пил пиво в пабе за углом и стыдился, что не прибрал носки.

Зато нашелся повод встретиться, чтобы никогда уже не встречаться, с одноклассником по фамилии Возняк: он возник в какой-то электронной заводи, когда Захар бесполезно болтался в сетях, словно никчемный. Возняк, влекомый большим магнитом цивилизации, тоже переехал в Петербург, потому что здесь появилась вакансия: денежный резон, не гений места, призвал Возняка. И вот нашлась минутка, когда одну неприятность можно было перемешать с другой в ведре поганого дня. Возняк подъехал к пабу на какой-то заморской машине, без пиджака, но в олимпийке и штанах с верблюжьими коленками. Их разговор коснулся ничего, проехался по школе, осунулся и сник в неискренней улыбке. После второй кружки темного пива Захара понесло по волнам приятной ностальгии: он пытался высказать словами запах воспоминаний о солнечных улицах детства, о воздушном пьянстве дворов, когда ленивые собаки, скамеечные люди, ароматы плавяного асфальта, новой одежды, сентябрьских тополей — все кружилось вместе с качелями солнышком и залетало футбольным мячом на козырек подъезда, где уже собралась веселая компания бутылок, шприцев, окурков и плевков, так что мяч вторгался к ним внезапным ревизором и пугал, как Гоголь тетку. Пытался высказать, но делал это напрасно: чувства Возняка были вышколены, и вороны никогда не подлетали к его окну с надеждой, что их пересчитают, а сам Возняк старался не ронять мыло в душе, как хороший гражданин своей решетчатой страны. Захару было все равно, если на уроке его ругали за рассеянность, ведь оранжевая рябина в каплях дождя и шорох шариковой ручки Шуваловой Маши побуждали его созерцать, а не пересчитывать скучные числа. Бодрый день за школьным окном — машины, каблуки, собаки — влек нестерпимо, поэтому Зуберман часто прогуливал уроки, а Возняк — если только боевые командиры класса — Петя Зарепин и Серега Авдеенко — приказывали прогулять, ведь коллективное действие сглаживает вину единиц, как быстро поняли школьники, потому что были детьми своей родины. И теперь

Возняк знал цену собственным полетам — это цена хорошего виски, который отправлял его в Шотландию душевной свободы, где можно было даже отплясывать в кругу нормальных парней.

1. Что чувствовал и проживал Возняк во время встречи с Зуберманом?

а) Боль в паху, вызванную чрезмерным приливом крови вследствие тяжелого приступа ночного онанизма, сопровождавшегося просмотром порнографии с элементами садизма. Другие, плохо заметные ощущения обитали в пригороде его души: повышенное давление глазного дна, сухость губ, легкая сердечная аритмия.

б) Он хотел, но не мог выпить пива — запрещали правила дорожного движения, — а вместо него пил минеральную воду из дорогой бутылки швейцарского производства.

с) Дешевый мотив популярной песенки уже второй день не шел из головы Возняка, как тот ни пытался справиться с ним: задерживал дыхание, пил воду мелкими глотками, просил напугать, колот себя иголкой, читал бабушкин заговор от чертей. Припев, одолевший Возняка, был таким:

Только этого, этого,
Только этого, этого,
Только этого, этого мало-о-о.

д) Старался подавить неприятные детские воспоминания, которые будила в нем невнятная речь Зубермана.

2. Что чувствовал и переживал Зуберман?

а) Холод пивной кружки, мягкое сиденье стула, твердую столешницу, красную перечницу.

б) Питье чешского пива (объем 0,5, алкоголь 4,0 %), которое бармен Володя слегка разбавил водой (H₂O с примесью хлора, не больше 5 % от общего объема напитка), возбуждало в нем вкусовые, обонятельные и осязательные ощущения.

с) Холод стекла пивной кружки казался Захару твердым и фиолетовым, поэтому он вспомнил черничные губы Анечки Миллендорф — с ней он целовался в разгар знойного термидора 1418 года Хиджры. Губы Анечки дружили с дубами, осинами и другой флорой деревенских предместий, но буколические дебри внутренних мыслей не мешали Захару в то же время вспоминать вслух школьную пору городского детства и другие поцелуи — с Юлией Пингвин — в подъезде шестнадцатизэтажного дома: с этой особой он целовался спустя месяц после того, как это делал Возняк, только на четвертом этаже, а Возняк — на втором. Возняк использовал особую технику: языком он достигал Пингвиновых гланд, но девушка этому противилась, ее тошнило, тогда как Зуберман, неумелый целовальщик, не проникал глубже последних резцов, кося языком вбок. Юля Пингвин была совсем не похожа на Анну Миллендорф, которую Захар целовал годом позже (глубже и ловчее) — эту разницу девиц 33 переживал скорее в цветах, чем в геометрических фигурах.

д) Захар хотел чем-то оправдать путаность своей речи, и ему помог Кант, который в предисловии к одной из «Критик» просит извинить его за дурной слог, о чем вспомнил Зуберман и стал собой доволен. «Зачем, зачем, зачем я все это говорю пустому, ненужному человеку? Какой злой демон откровенности наматывает мой язык на свои стальные спицы?» — вдруг подумал Захар.

Думал ли Зуберман о своей жене во время встречи с Возняком?

Нет. Мысли о Кирхе, бледные ростки мыслей пытались пробиться сквозь жирный глиняный слой иных представлений, нагло пользуясь предложением неприбранных носков (о которых Зуберман помнил, которыми он мучился, которых он стыдился!), но были вовремя выполоты и не оставили того привкуса, что мог бы стать

родственником (посаженым отцом, свояком или тестем) мнимому утюгу — вероломному захватчику тревожной фантазии какой-нибудь менструирующей домохозяйки, вышедшей по делам.

Что еще переживали однокашники? Чем завершилась их встреча?

Вдобавок ко всему Возняк был смутно недоволен той переменной, какая произошла с Захаром со школьной поры, а Зуберман был недоволен тем, что Возняк был чужд переменам и оставался все тем же ребенком, только забасил и несказанно вздулся. Вскоре Возняк бесцеремонно заговорил по телефону, не стесняясь грубых слов, а Зуберман снял обувь и взлез на стул с ногами, сложив их в сидхасану. Затем, допив третью кружку пива, Захар заметил, что линия Сатурна у Возняка слишком уж искривлена, и незамедлительно ретировался — сделал вид, что идет в клозет, а сам вышел вон, оставив одноклассника платить по счету.

* * *

Венера не терпит либерализма, Эрот склонен к диктатуре — эти двое решили подшутить над Захаром. Когда наш брючно-пиджачный герой, бодрясь и сияя, воротился домой, не встретив на пороге заплаканного и жалкого любовника жены, то он первым делом, как всякий чистоплотный джентльмен, отправился в ванную, чтобы умыться лицо и вымыть руки. Кирха в это время готовила ужин, потому что хотела сгладить вину. Захар вошел домой незаметно, и в ванной, вытираясь светлым полотенцем, он гадал, каким стилем сейчас улыбнется ему Кирха: может быть, слегка печально, устало, словно бы говоря: «Это было так скучно, но пришлось. Ты же понимаешь»; или весело, шаловливо, притворяясь шкодливой девчонкой; или изобразит обычность, ничегоособенность. Зуберман не хотел увидеть что-то подобное, потому что предугаданные манеры — внебрачные кумовья разочарований; нехорошо, если Кирха повторит в яви то, что Зуберман представляет в уме. Поэтому он вышел из ванной, все еще промокая в полотенце свое плотное каучуковое лицо, пропитанное свинцовыми дождями Петербурга, слезами давно забытых женщин и одеколонами ойкумены, — вышел, бубня в утиральник: «Вот я сейчас думаю, как ты мне улыбнешься. Есть несколько вариантов, и все они банальны. Но сейчас ты в таком положении, что соригинальничать сложно. Мимика человека не так уж разнообразна... Знаешь, очень неприятно на середине реки вдруг достать ногами до дна... А я только что обедал черт знает с кем в олимпийке». Проморгавшись из тьмы полотенца, Зуберман сфокусировал глаза и запнулся: смущенная Кирха глядела на него с ужасом, омерзением и мольбой — это был очень сложный взгляд, глубокий, с подводными течениями, с горячими и теплыми ключами. Зуберман решил было, что дело кончилось кошмаром: этот неудачник ее извращенно изнасиловал, и теперь придется убить или изувечить беднягу, а самому сесть в тюрьму, но Захар быстро понял, что мимический шедевр жены навеяло не прошедшее время, а самое настоящее, словно бы в эту минуту Зуберман предстал в обличье кафкианского жука.

— Что такое со мной?

— Полотенце, Захар...

Бедный Зуберман, как любой куртуазный мужчина, редко бросал вещи на пол, наоборот, он всегда поднимал платок, если его обронила дама; поднимал всякие монеты, как то: пятьдесят копеек, рубль, пять рублей и десять рублей, однокопеечные; пяти- и десятикопеечные монеты Зуберман не поднимал с земли, ибо считал это ниже своего достоинства, и даже если такая мелкая монета выпадала из его неловкой руки, когда Захар покупал что-нибудь, он пренебрегал ей, чувствуя себя при этом рас-

точительным и гордым Борджиа; он поднимал книгу, если та падала с полки, изредка поднимал раскиданные носки, как свои, так и Кирхины. Но в этот раз Захар Зуберман не поднял, а, наоборот, бросил какую-то вещь, предмет (возможно, белый) — полотенце на пол — и побежал (есть хорошее слово «стремглав», родственное стреле, пронзающей мглу) обратно в ванную.

Вопросы к тексту:

1. Почему Кирха так странно посмотрела на мужа?
2. В чем могло быть испачкано полотенце?
3. По вашему мнению, станет ли Захар есть ужин, который приготовила для него Кирха? Если нет, то почему?
4. В следующей строке впишите в пробелы между запятыми, чем было пропитано лицо Захара: , , ,

* * *

Единственной причиной ссор Зуберманов и спорадических приступов ревности был дендизм Захара, его любовь к дорогим костюмам. Кирха недоумевала, зачем Захар чистит и гладит брюки, зачем выбирает ткань для нового пиджака и возится с невероятными узлами галстука. Сама Кирха всю жизнь донашивала платья и кофты младшей сестры, не красилась, не душилась. Дендизм Зубермана казался ей предательством, лицемерием, ведь именно Захар избавил ее от чувства ответственности перед семьей, заставил бросить ненавистный институт, уйти из презренной конторы, причем взамен предложил бытие на грани продуктового бедствия и коммунального банкротства. С тех пор как Кирха забеременела, ее отец, Андрей Валентиныч, стал отдавать дочери большую часть хорошего государственного жалованья, потому что хотел внуков. Он даже успел купить молодоженам дряхленькую квартирку на Васильостове. А потом случился выкидыш, и Андрей Валентиныч перепутал свое искреннее горе с мнимой трагедией дочери, так что еще больше расщедрился. Пока папаша носил траур по внукам, заливая горе горькой, Зуберманы взрывали в Поднебесной красные петарды и пили зеленый Би Лочунь. Промотав таким способом все деньги, Зуберманы воротились домой, где моему другу пришлось взяться за переводческую халтуру. Помимо основных европейских языков, он знал арабский, но смеялся мне в лицо, если я предлагал ему заняться серьезной работой. Великих философов он переводил из баловства, ради шутки. Как-то раз он прислал мне по электронной почте фрагмент какого-то арабского перипатетического трактата. Как оказалось, его автором был малоизвестный персидский философ, а перевод сделал сам Зуберман. Фрагмент по моей просьбе опубликовали в одном из университетских изданий, но Захару было плевать на это. Можно представить, как я разозлился, когда узнал, что Дабасова снабжает Зубермана эзотерическим ширпотребом! Но что мне оставалось делать? Я шел к Дабасовой не для того, чтобы кинуть перчатку, — я хотел взять у нее денег на электричку. Захар уже напоил меня хорошим сидром и подкинул деньжат на корм Блэку, моему среднеазиатскому другу, который замерзал на цепи в далеком садоводстве Жи-ши, где я обитал с некоторых пор. Я знал одно: там, в Жи-ши, где ветер завывает в ельнике и лязгают сосульчатými зубами призраки снеговиков, помирает с голоду пес Блэк, верный сторож моей голодной бессонницы. Ведь я дошел до того, что стал питаться консервами, хотя все еще брезговал отнимать корм у собаки.

4.

Фигуристка Дабасова жила в коммунальной квартире на улице Радищева, в семиугольной грязно-розовой комнате с эркером; мебель частью была советская, частью досоветская, имелось старинное зеркало в форме продолговатой дорожной лужи: оно вращалось на подставке, так что можно было созерцать отражение потолка. Кровати не было: Дабасова спала на раскладушке, а для встреч с фаворитами приспособила отрез шинельной ткани, который она расстилала на полу, а потом складывала обратно; в комнате было несколько стульев и шахматный стол, до того старый, что навевал мысли о клопах и подагре.

Дабасова провела меня в комнату по тусклому многодверному коридору, взобралась на раскладушку и принялась надевать мужские носки. На столе гнил виноград и каменели останки печенья. Я заметил, что платье моей подруги, надо сказать, слишком короткое для ее увесистых ног, словно нарочно было подобрано в тон винограду. В одном из семи углов комнаты, вдали от светлого эркера, на стене висел чудовищный модуль, он был похож на парашютиста, который запутался в ветвях дерева и повис беспомощной мухой.

— Мулат с развитой мускулатурой... не ожидал от тебя такого. Кстати, их обычно завешивают покрывалом или держат в отдельном помещении, — сказал я, не без стыда разглядывая чудище с напряженным фаллосом.

— Хо-хо! Откуда ты знаешь? Ты же против модулей? — усмехнулась Дабасова.

— А ты его тряпочкой протираешь? Сейчас специальные ароматические растворы появились, всюду о них гудят. Слушай, а зачем ты спишь с этим манекеном, у тебя же куча любовников?

— Я не ханжа и люблю экспериментировать.

— Угощайся! — предложила Дабасова, заметив, что я интересуюсь столовым гнильем.

— Я бы не отказался от чая.

— Я могу расстелить ткань. Попьем чай на полу, хочешь?

— Нет, спасибо. Лучше так.

Дабасова заваривала чайные пакетики, поэтому обычно я приходил к ней со своим чаем, но в этот раз было не до лунцина.

— Ты не боишься, что на том конце невидимого провода сидит какой-нибудь жирный сифилитик в объемных очках?

— Ну и что? Я же сама выбираю внешность. Вчера закачала в свои электронные очки эйдол Юрия Скарцезо, — ответила Дабасова не без кокетства.

— Поздравляю! Теперь представляешь себя Джулией Низадзаки? Если серьезно, то я боюсь, что тебя когда-нибудь задушат. Ты слышала о насилии во время виртуальных контактов?

— Но я же сама регулирую напряжение мускулатуры модуля. Я не дура!

— Убийцы умышленно втираются в доверие, а потом душат наивных Дабасовых.

«Я ему так доверяла! Мы переписывались полгода. Ваша честь, я не такая, чтобы соглашаться на следующий день после знакомства. Этот подлец так понравился мне, что я даже не стала менять его внешность на эйдол моего любимого Дориана Седжвика. А потом, когда мы оговорили все допустимые способы... вы понимаете? Да, да, подонок! (Кричит в сторону обвиняемого.) Я все тебе разрешила, но ты даже не стал... вцепился мне в горло, когда я увеличила напряжение мускулатуры. Я чудом успела отключить модуль. Я уже задыхалась!»

— Это очень опасно. Представь: он ласкает тебя пальцем... и вдруг засовывает руку по локоть! Такое уже случилось.

— Ты дурак, Смольский! Я не связываюсь с идиотами. Я вообще-то его купила, чтобы с Женей играть, когда он в командировке.

— А Женя с собой возит модуль?

— Напрокат берет в магазине. Ты просто ханжа! И тебе самому, наверное, хочется попробовать.

— Ага, попробовать какого-нибудь извращенца, который пришлет мне в личный кабинет фотографию Дженетт Сислоу. Спасибо, обойдусь! А тебе не противно, что твой Женя обрабатывает электронную бабу?

— Но он же представляет меня! — от возмущения Дабасова вскочила, но потом снова опустилась на табурет.

— Он может представлять кого угодно: в его распоряжении коллекция эйдолов. Он может предпочесть свидание в виртуальном клозете или заплеванном подъезде, а ты в это время будешь отдаваться ему на Лазурном побережье.

— Кстати, уже выпускают потеющие модули. Хо-хо! Но я брызгаю свой дезодорантом Жени. А еще специальные модули придумали для инвалидов. Ты знаешь Алену Дибашенко?

— Нет.

— Она победила в номинации «Мисс планета». Недавно Алена призналась, что занимается интимной благотворительностью. Это когда инвалидам оказывают виртуальную секс-помощь. Даже для парализованных специальные модули изобрели. Я считаю, что это правильно. Гуманизация общества.

В последних ее словах была особая серьезность. Я не стал делиться с Дабасовой мыслями на этот счет, потому что хотел еще взять у нее денег. Я понял: чем дольше я задерживаюсь у нее, тем больше у меня шансов раздобыть на проезд, а самый быстрый способ преодолеть сто километров — лечь вместе с ней на пол; если бы я поспешил уйти, то не добрался бы в Жи-ши даже к утру. Так неподвижность помогает перемещаться в пространстве. Это подобно бегу Алисы по стеклянным полям Зазеркалья.

— Слушай, ты можешь уколоть себе палец иголкой или дать мне сто рублей?

— В смысле? Я поняла. Тебе опять нужны деньги. Хорошо, я тебе дам, но с условием.

Я поднял брови: пьешь это зелье из пакетиков, а Дабасова еще условия ставит — экая наглость! Но в конце концов я добился от нее помощи — трюк с иголкой удался. Хотя пришлось еще читать оригинальный опус Дабасовой о Гуссерле и слушать ее песни на немецком языке. В ее голове как будто бы переливалась ртуть из одной полости в другую, оставляя недолговечные подтеки в виде мыслей, — это была система перекрестных ссылок, гипертекст, в котором нет ни центра, ни последовательности, ни окончательных выводов. Стиль мышления Дабасовой можно было понять по ее лицу, выражения которого менялись со скоростью полета стрекозы. Нельзя было сказать, красивая она девушка или нет: порой Дабасова казалась хорошенькой, порой напоминала засохшую корягу с кадыком. Иногда, широко раскрыв глаза, она смотрела куда-то сквозь стену, потом вдруг скидывала руки, дергалась в сторону всем телом, делала нелепый круг по комнате, могла выдать книксен и порхнуть феечкой; то же самое в ее текстах — бег на лыжах помешавшего аспиранта с кафедры онтологии и теории познания по заросшим травой железнодорожным рельсам. При этом она была уверена в том, что мыслит предельно логично и лаконично.

Когда я уже собрался уходить, Дабасова вдруг схватила меня за руку. Я взял ее ладонь и стал разглядывать линии.

— Кстати говоря, развилка на конце линии печени, обращенная к запястью, грозит человеку насильственной смертью из-за его собственных преступных действий.

В ответ Дабасова смешно запрокинула голову, закрыла глаза и подставила губы для поцелуя.

5.

Льет и льет дождь, словно твой Девкалион с ума сошел, улицы превращаются в реки, так что и книга уже готова распухнуть, но вдруг какие-то маленькие работники, скрытые за форзацем, взялись откачивать воду прямо в жилетный карман читателю.

Я следовал по Литейному проспекту в сторону Витебского вокзала, и мне чудилось, будто изящное насекомое с щекотными лапками, готовое пасть под ударом моей руки за право оставить след на стекле дня, преследуя меня, осыпает моросью, как пылью. Города похожи на морскую гальку: намокая, становятся красивей.

Нищий у Владимирского собора помахал мне вслед, когда я обернулся. Приметой того, что знаешь город, служит перечень знакомых лиц: две-три героиновых проститутки, несколько попрошаек, коллекция старух ветошниц и саксофонист на площади, а также ночные лошадицы, готовые усадить в седло даже тех, кто не может передвигаться и на своих копытах без посторонней помощи; эти местные старожилы со временем становятся рухлядью и грязью подворотен, сливаются с атмосферой города, его лимфой — это и есть душа пространства, вечное в преходящем, Достоевские слезы твоего квартала, где ливень впечатлений притаился в опасном стакане горького чая.

Что касается быстрых автомобилей, современной рекламы, порой дребезжащей, порой тихой и глянцевой чепухи, то наше время не так уж сильно отличается от других эпох, как это может показаться; суть главного отличия лежит на поверхности, в сфере вещей — именно здесь лучше всего заметен нынешний перелом, а лучше сказать, «выворот». Недра вышли наружу: железная руда, нефть и ее производные — из этого и состоит «современность», повсюду колышется начинка Земли. Мир вывернут наизнанку, чувствительным людям это претит, но есть и патологоанатомы — любители поковыряться в том, чему место внутри. Этих поклонников техники называют сингапурцами. Современность вовсе не порочна, не бездуховна, она неестественна, как мозг на лице или сердце под мышкой. Мраком подземелья светятся все технические приборы, машины, бетонные постройки, поэтому современным людям свойственна подавленность, о которой не знали еще в восемнадцатом веке. Индустриализация подарила нам почти безграничную «свободу», загнав нас под землю, а вернее сказать, выпустив подземелье наружу.

Можно, конечно, продолжить рассказ, демократично переведя взгляд на первого встречного: их много здесь, уличных, вокзальных, всех неописанных, неопикуемых — все они лишь подразумеваются, но не живут в страницах; они как тени, как еле слышные шаги несуществующего пешехода, ведь автор не играет сам с собой на огромном футбольном поле, он пишет и дышит среди сотен живых и тысяч мертвых людей, которые в любой момент могут потребовать и себе чуточку места; запросто можно было бы поближе познакомиться вон с тем бородачом у входа или с этой смазливой дамочкой (уж мы бы дотошно изучили все ее кружева и секреты!), но электричка вот-вот уйдет, убежит из-под носа, как фраза от сонного писателя.

Замешкался с... сын: долго вытаскивал сдачу из-под окошка, за которым сидела татуированная кассирша; в это время мой карман завибрировал — звонил 33 (облака, бабочка, две пары женских грудей или, может быть, распятие?), уговаривал

приехать к нему, чтобы успокоить Кирху и забрать ее с собой в Жи-ши... Сгоряча он пообещал мне, что оплатит такси до садоводства, но потом одумался и стал уверять, что песик потерпит и до утра. «Без тебя все рухнет!» — возопил Захар и бросил трубку, то есть расколотил ее об стену, судя по звуку. Делать было нечего, я полон предрассудков: люди важней собак и прочая ерунда в этом духе — так что спиной вперед прошел пять метров, словно и не подходил я к этой кассе, развернулся, уперся в грудь охраннику и вышел вон с вокзала. А ровно через сутки я снова стоял в очереди за билетом, но уже с Кирхой и вспоминал о своем стареньком студенческом, который был давно просрочен и не у дел; пришлось раскошелиться по полной цене, но какая мне разница? — деньги-то Зубермановы. Кирха уже успокоилась, перестала всхлипывать и мокрить лацкан моего пиджака, хотя губы остались надутыми бывшей похотью слез. В электричке она съела сальный пирожок и запила чаем, который наливает пригородная баба мерзлым ездокам. Потом машинист по всем вагонам продребезжал заклинание, перечислил запреты, пожелал счастья, и мы двинулись в темноту. Но текст не дышло, у него своя голова на плечах, так что перелетим назад, как бодрые гуси волшебных историй.

Я прискакал к Зуберманам с надеждой вымыться после Дабасовой и поесть, чего мне в Жи-ши не светило. Мое тамошнее бытие начинало меня пугать, я точно не справлялся с бытом: печка дымила, каждый день отравляя меня древесным чадом; воды не хватало, и первые заморозки ударили по мне, когда однажды утром я обнаружил в кухоньке рядом с входом огромную грудку грязных, вмерзших в жирный лед тарелок; дерьмо за Блэком я греб лопатой, а собственный горшок опорожнял в яму; колодезная вода сгнила, и ведра были упущены, газовый баллон испустил дух, дрова иссякли; в единственном магазине, удаленном от меня на километры, меня считали гурманом: я перепробовал все виды шпрот, разномастную кильку, рыбные паштеты (сорок рублей за штуку), а также знал толк в китайской вермишели, которую изящно сервировал в плоских черных тарелках. Когда я пришел голодный, Захар предложил недожаренной свинины, водки, гороху. Я умирал, изо всех сил не думая о бедном псе, и старался не представлять, как с голодухи он шамкает свой хвост.

Зуберманы жили в протекших казематах Васильостова, и дверь их была за кирпичным прорубом в сырой зеленой стене Осьмнадцатой линии — в трещине жили они, как тараканы поэзии. Вот и комната: серые обои в узорах ар-нуво, три стула без ножек — седло да гнутая спинка — возле самодельного столика из четырех брусков и стекла, на полу циновки, матрас; вещи Зуберманы хранили в шкафу на кухне, где стояла обделенная вниманием газовая плита и грудился разный хлам; а бумажных книг в этом доме не терпели, так что комната казалась пустой. Две фигурные доски со струнами, останки фортепьян, висели на кривых стенах комнаты. Веселая голая лампа свисала чуть ли не до пола, светила белесо. Захар, крестом распятив руки, играл на струнах, что позволял метраж его комнаты; и в этот раз тоже, обратившись твидовым задом ко входу, где мне отперла заплаканная Кирха, Захар набренькивал что-то глухое да так и попятился ко мне с объятиями, перепугав.

Зуберман стал потчевать меня скоромной пищей, а Кирха удалилась в темный угол, где села с видом крайней мученицы, смирившейся и безнадежной. Захар налил себе и мне подогретой водки, но беседа наша терялась в недомолвках; скорее из ухмылок и шепотков, подмигиваний и кивочков я понял, что к чему. Захар, как я догадался, хотел встретиться с одной из любовниц у себя дома, а жену спроводить. Он подтвердил мои домыслы, когда Кирха наконец-то убежала в кухню, в истерике топчя полы, как ежик. Оказалось, что жена его вдруг осмелела и, предав

свои идеалы, стала ревновать, буянить и в знак протеста даже порвала на нем рубаху. А Захару негде было встретиться с Дариной: в художественной студии жила безвыездно Валентина с Мишкой, воюя с бывшим супругом, а поездки домой к Дарине обходились Зуберману целой приключенческой историей. Она жила в отдельном трехэтажном доме, который стоял недостроенным во дворе, где рядом был еще такой же дом, но не пустой, а с родителями Дарины: окна домов напрямую встречались, а занавесок в новом доме, куда Дарина выселилась, нарочно поссорившись с родными, не было. Как не было и речи о том, чтобы привести Захара в дом явно: отец являлся владельцем ружья и горячего нрава, а мать — больного сердца. Хотя их дочь и блудила с тринадцати лет, она делала это скрытно: загляни мама несовершеннолетней дочке, которой и в кино-то ходить не положено было, в сумочку, и нашла бы там какие-то таблетки, резинки, зеленые окурки, но посчастливилось не видеть. А Дарина была так рассудочна с отрочества, что пользовала всё и всех умеренно, так что лишь раз и вовремя наведалась к женскому врачу, сумев не сделать маму бабушкой. Но Захара вполне скрыть не сумела. Однажды, везя его к себе ночевать, на дороге она встретила отца, который ехал навстречу и тут же позвонил в салон ее автомобиля: «Какого оборванца ты везешь?» Соврала, что однокурсника, а потом скрывала Захара в чуланчике за вешалкой, когда кто-нибудь входил к ней в дом. На подъезде Захару вообще пришлось лечь на заднем сиденье и накрыться непросохшим холстом, так что испачкался в краске. А дома — не все же в чулане сидеть — он ползком и перебежками преодолевал оконные проемы, полноценно существуя только в промежутках стен, где мог и выпрямиться. Ужинать пришлось сидя на полу, пригибаясь даже, а то и лежа, по-античному; и пиршество закончилось как должно.

Вся эта история мне не понравилась. Во-первых, потому что Захара больше волновал пространственный сюжет, чем любовный: куда интересней ему было расположение домов и участников этой игры в прятки, чем сама Дарина; так было и с Даной, которую он держал из баловства: потому что там, на Лиговке, где жила эта девушка с ломкими ногтями, в ее доме, на ее этаже каким-то чудом поселился его, Захара, первый учитель физкультуры — заездом из детства. Зуберману нравилось встречать физкультурника и здороваться с ним, нравились его черные усы и плотная фигура атлета. Учитель, зная, что Захар приходит к женщине, всегда кокетливо ему улыбался при встрече, а иной раз бросал гадкую шуточку: «Ну что, не зря я тебя отжиматься гонял, а?» — и хлопал Захара ниже спины. Для ЗЗ все это было таинственной шизофренией судьбы, которая иной раз выдает такую гримасу, что делается смешно и дико. Во-вторых, рассказами о приключениях с Дариной он выдал свою ложь: оказалось, что он знался с ней не меньше двух недель, а не познакомился сегодня...

Впрочем, я не осуждал Захара, потому что — я знал это — он был способен любить, просто не нашел женщины впору: и Кирха, и Дана, и Дарина — каждая была хороша по-своему, но Зуберманово сердце принадлежало кариатиде дома двадцать семь по улице Врангеля. Сюда Захар приносил цветы и подарки: конфеты, фрукты, мармелад, но хладнокаменная дама была непреклонна, так что дары потребляли местные ветошницы; ей, кариатиде, он предпочел всех своих женщин, принадлежа им телом, не душой; к ней приходил он в белые ночи прибалтийского лета, в темные дни петроградского ноября. Но лишь однажды, как рассказывал Захар, кариатида удостоила его поцелуя, сойдя со своего постамента волшебным вечером в канун Великого Юла.

Наутро после водки, когда мы все проснулись в половине четвертого дня, Зуберман предложил выпить чаю. Достал японский чугунный чайник и две пиалы с пляшущими аистами; насыпал в деревяшечку плоские зеленые опилки, шершавые

и ребристые; прогрел чайник кипятком, бросил в него лилипутские весла, и те, очутившись в горячей бане, заблагоухали жареными тыквенными семечками.

— А еще у меня есть кое-что, смотри!

Захар достал из кармана оранжево-белую сохлость и положил себе на ладонь. Я приблизился рассмотреть. Это была апельсиновая цедра, но с каким-то действием на поверхности: мелкие крапины чуть заметно перемещались на белой изнанке. Вдруг я заметил, что обычная цитрусовая прожилка скорее напоминает голубой ручеек в нитку толщиной. Я вытащил из кармана очки для чтения, навел стеклышко на цедру, и передо мной развернулся мир: холмы, река и бусина деревни выявились предельно отчетливо; какая-то старуха, согнувшись в три погибели, что-то выкапывала, другие человечки ходили взад-вперед по берегу; даже нечто похожее на самолет, размером с мошку, пролетело над местностью и, обогнув загиб апельсиновой корки, скрылось, оставив дымную полосу выхлопа. Но вдруг Зуберман сжал этот мир в горсти, занес над чайником и метко бросил в благоуханный ад. Я вздрогнул, когда Захар залил все кипятком и закрыл чугунный чайник крышкой.

— Какая невысказанная жестокость! — воскликнул я с досады.

— Эта жестокость оправдана вкусом, попробуй, — Захар наполнил мою пиалу. — А когда ты протрезвеешь благодаря этому чаю, то все они станут частью твоей трезвости, навсегда.

— Но какой ценой! — я продолжал возмущаться, хотя чай был и впрямь потрясающий.

Мы еще пили чай и горячую водку, затем я получил от Захара спасительные деньги и стал прощаться с ним, дожидаясь нерасторопную Кирху. И вот, счастливо обилеченные, мы уже садились в легкую электричку, сулившую позднее паломничество в страну Ленинградской области.

6.

Глупый, судя по строению черепа и выражению лица, некрасивый пассажир в спортивной одежде (это был тот случай, когда мускулатура не уступает жиру и голова от этого делается плоской, так что экземпляр, глядишь, захрюкает) оглядел мой костюм неодобрительно, словно заподозрил в нем тайную жизнь; и не зря, ведь наряд мой был с родословной, буквально каждая его нить имела историю.

Исповедуя вертикаль, минуем ботинки, чья судьба коротка, как шнурки, и связана с легендарным блошиным рынком, где Ты купила свой розовый макинтош.

Брюки — товарищеский дар Захара, в будущую среду им исполнилось бы сорок лет (фабрика «Рьяная большевичка»); ненашенные, лежали они в коробе таинственной пенсионерки, Зубермановой родственницы, под грудой волшебного скарба. Захар получил их в годы лютых бедствий: грубое желто-зеленое сукно, широкие штанины, руки в карманы входят по локоть — Зубермановы штаны...

Новейшая часть моего костюма — пиджак; я приобрел его в магазине для немущих денди «Зоя и Зой», куда мы ходили когда-то выбирать Тебе красное платье.

Жилетка Твоего отца. Я помню свадебную фотографию, одну из тех цветных, но выжженных временем до ало-желтой бледности, где Твой отец младше меня, где Твоя мать с предприимчивым огоньком во взгляде; жилетка видна под растегнутым фракком. Я не носил ее, потому что Ты ненавидишь коричневый цвет. Сзади на жилете смешные сборки, он короток мне, так что пиджак можно снять лишь в компании близких друзей и с условием, что надел ремень вместо подтяжек. Порой, когда выступаю с докладом или просто нахожусь в обществе, я боюсь, что Ты появишься вдруг и потребуешь вернуть жилетку, которая все еще пахнет свадебным «Советским» шампанским.

Рубашка длиною в роман, приятно колется ее жесткая темно-серая шерсть. Я ношу ее с шестнадцати лет, чуть меньше половины жизни; я выудил ее из сундука Ликиной бабушки. Мне нравилось, что была порвана в локте моя «пиратская рубашка», но Ты пришила заплатки на обе руки: из добрых побуждений, но против моей воли — формула Твоего стиля. Ведь Ты знала, какую службу сослужила мне эта прекрасная дыра, когда я разыграл драму биполярного расстройства у психиатра в военкомате: порванный локоть хорошо дополнял образ лохматого психопата, страдающего мучительной бессонницей, вегетарианством и буддизмом костного мозга. А что такое Лика? Кто такая Гликерия? Прежде всего это арбузные благовония, аромат которых всюду ее провожал. Над нами смеялись торговцы восточными штуками: «Где видели вы кейфующего араба в арбузном дыму?» Лукерью помыслить нельзя без этого запаха, как о Тебе нельзя подумать без дождливой хандры, так что должен быть и рай арбузных благовоний, и рай Твоей хандры с рекой вермута. Чем отличаются женщины? По-разному обходятся с гранатом: одни его и в рот не берут, другие сплевывают косточки, а третьи разжевывают косточки до сладкой кашицы и, не стыдясь, глотают.

Узкий коричневый галстук в горошину: отчим привез его из Лондона лет тридцать назад, а я научился завязывать необычным узлом «троица». Ты не любила галстуки, пиджаки, усы и сигареты, и вскоре беда постучалась в нашу дверь Пятой симфонией Малера, поэтому Тебя больше нет в перечне персонажей, Ты нарочная условность, шутка. Ты не существуешь. Читатель только теперь, заметив срок годности, узнает, что рассказ несвежий, в его кармане лежит выстиранная и выцветшая купюра другого государства; картина висит за стеклом, на котором какой-то шутник нацарапал свои инициалы, — так читают повторный перевод с третьего языка, так мать оказывается приемной, так обманутая уборщица изо дня в день поливает пластмассовые цветы каблучным курам на смех, так в шоколадном яйце находишь пакость. Вот так и я подсунил плесневую историю, словно голубой сыр, я подкинул ее, как студент жеваную жвачку в профессорский карман добротной шерсти.

Засим имелась ночь, у билетерши на лбу имелись две ровные линии. «И кто проложил ей эти рельсы?» — подумал я, вынимая билетик. Так вышло, что Кирха свой успела скатать в мягкий круглый катышек и теперь развертывала его в надежде, что там сохранились данные проезда; контролерша искренне пыталась прочесть дату на билете, но та стерлась, изошла в комканый прах. «Придется вам оплатить хотя бы половину пути», — сказала добрая женщина с чековым аппаратом на груди. Плохи были наши дела. Я стал доставать Зубермановы гроши, но Кирха запротестовала: «Тебе еще собачку кормить». Я представил себя каким-то грудастым Буддой с присосавшейся аптекарской пиявкой по кличке Блэк. Что мне оставалось делать? Захар велел глаз с жены не спускать, и я собирался буквально исполнить его пожелание, не делая исключения для бани, но мои планы рухнули: Кирха уже направилась к выходу, решив сесть на первую обратную электричку, и я не мог запретить ей. Возвращаться обратно вместе с Кирхой было выше моих сил, если учесть, что денег на полный билет в Жи-ши мне бы теперь не хватило, вернись я в город, потому что мы потратились на сальные пирожки с поганим чаем...

Поезд остановился, Кирха махнула мне вялой рукой, улыбнулась правым углом несчастного рта и сгнула в сырости платформы. Я сразу же позвонил Зуберману, хотя Кирха заверила меня, что домой возвращаться не будет, а поедет к друзьям. Захар даже не удивился такому повороту событий, сонно пробубнил что-то вроде: «Жизнь без начала и конца, нас всех подстерегает случай» — и первым сбросил вызов. Нищее убожество в полуперчатках дополнило мой холодный вагон, машинист набирал скорость.

Теряя компанию, чувствуешь приятную легкость, и ясность освеженной совести может прислать квитанцию с перечнем вопросов. Зачем ты замусорил свою жизнь этими ненужными людьми? Зачем прыгаешь с места на место, словно земля горит под ногами? Дешевое вино, глупые женщины, лишние разговоры — все самое дрянное, какая-то пыль бытия. Забился тараканом в паркетную щель и ждешь у моря погоды, словно ты не герой, а нежить в подтяжках! И вот появляются тревожнейшие приметы крайней подлости: оправдываешь себя тем, что ежедневно читаешь Пруста! Как ты вообще оказался на краю ночи в садоводстве Жи-ши? Заманчивое объявление: бесплатное жилье с подвохом собаки, которую нужно кормить, — вонючий сыр в бесплатной мышеловке. Такими вопросами можно заболеть, когда остаешься один, но мне было плевать на это, я порвал квитанцию. Все эти душевные терзания гроша ломаного не стоят, и если что-то там гудит на заднем плане сознания, то стоит включить погромче зарю детских воспоминаний, задымить голову ароматом свежих городов и очнуться в каком-нибудь рябиновом сентябре, который пахнет асфальтом и каштанами, на площадке возле синей школы; вот мальчик с разбега ударяет по мячу, и тот летит полосатой сферой, увеличиваясь в страничную ширь, и вдруг бьет читателя прямо в лицо, в кровь разбивает губы.

7.

Идет влево, цепь поднимается с земли, напрягается, дергает; идет вправо, цепь тащится по дерьму, напрягается, душит; грызет цепь, пытается лапой стянуть ошейник. Ночью — вой, днем — тяжелый, голодный сон. Свободный кот сидит в двух метрах от будки, поймал голубя, дразнится, не угощает; так бы и хрустнул в пасти, а птичка на закуску. Что ему стоит превратиться в синего джинна и, напялив цилиндр и галстук-бабочку, обратиться ко мне, спящему пассажиру, с такими словами: «Я ждал тебя первую ночь и клялся, что буду верным тебе всю жизнь, если ты придешь и накормишь меня. Я ждал еще целый день и вечером поклялся, что твою жизнь буду ценить выше своей. Но вот я ждал еще ночь и еще день... и вечером я поклялся, что убью тебя!»? И я просыпаюсь с чувством вины и чувством пустого вагона. Хорошо спать на ходу под нежный дребезг железа, и так не хочется вставать и выходить на холод, но такова жизнь! Меня благополучно выплюнуло во тьму, и я побрел по направлению какого-то школьного правила, которое вдруг стало поселением — не слишком-то широким, не шибко людным, отнюдь не шикарным, — и если местные жильцы все ели жирную селедку, то потому что — Север.

Фонари вдоль дороги, звездный ковш да луна — вот и все освещение; мелодия ночного лая не менялась с античных времен, хотя еще раньше, как свидетельствует Псевдо-Гераклит, собаки «голос имели другой, похожий на стрекот цикады, что даже страшнее казалось, чем лай современных нам сук». Кто-то идет впереди, кто-то шествует сзади, и даже ночной велосипедист обгоняет тебя. Яблоки в высоких суфийских шапках снега в темноте не видны. Слева и справа дома вдруг сменяются лесом: жилия древесина — с людьми, живая — с птицами на ветвях.

Так я следовал от станции по невзрачному селению, которое заканчивалось мостом через бурую северную речку. Десятиминутный ход через тьму как форзац «Книги мертвых». Потом я свернул на тропинку, ведущую в садоводство Жи-ши, фонарик мой сломался, я ускорил шаг и стал считать повороты — четырнадцатый мой, у сломанной колонки. Где-то здесь зарубили мальчишку. Но я сбился со счета и пошел не туда, в дремучие пролески, в проулки, мимо однообразных финских дач и русских недостроек. Заплутав почти всерьез, я решил дождаться недалекого

утра под елочкой, но снова расслышал знакомый лай и зашагал на него. Я блудил и подбирался к дому тишком, чтобы ухо какой-нибудь безымянной бездомной псины не шелохнулось и не навлекло на меня гнев бесхозной защитницы вольного простора, наобум сторожащей косые заборы. «Когда найдешь ты свой последний дом...» — наивная строчка пошленького поэта; знал бы он, где строят иные дома, в каком тенистом прилесье громоздят загороди. Нашлась уныло проскрипеть оградная калитка, я звякнул ключами в темноте и заметил на пороге черную глыбу с двумя красными звездочками — она бросилась на меня с возмущенным, обиженным лаем.

Среднеазиатская овчарка любит того, кто ее кормит. Когда меня знакомили с Блэком, я видел одни лишь зубы, огромную пасть и глаза, налитые красной ненавистью: он рвался ко мне так, что чуть не перевернул будку. Потом я его накормил, но долго еще обходил конуру, не полагаясь на привязь. Однажды я отлучился в город, и Блэк меня успел позабыть, так что пришлось кидать ему печенье, чтобы пройти в мой Баскервиль-холл.

Кот, фаршированный голубем, только разжег аппетит, и порванная цепь лежала возле рыжего хвоста, решительно превосходя его длиной; по закону великой симпатии моя шея тоже не была коротка, и ее оцепляло серебро. Точный прыжок и несколько верных укусов свалили меня наземь, и я, минуя ужас и боль, как бы со стороны слышал, пока руки слабели в пушистых объятиях и с каждым ударом я все глубже увязал кулаком в черной зыбучей шкуре, слышал неподкупный надрывный визг. Потом в ушах задрезжал грузовой лифт, призрачно заныл старый холодильник, мама, ласково обняв сиреневый ком сладкой ваты, напутственно подмигнула с земли, а я покатился вниз головой по вычурным петлям русских горок. Кровавый пузырь, как детская жвачка, вышел у меня изо рта вместе с обильной розовой пеной и полетел, полетел вслед за мной, подхваченный ветром все выше, и выше, и выше, — кровавый пузырь над миром; а навстречу ему надулся другой, вспух над горизонтом — Гелиос.

Текст чувствует, что близок его сон без сновидений; остается только внутренняя сторона обложки, где можно еще что-то записать, а потом — черная тьма переплета. И верстовой столб «конца», мимо воли автора, красуется древней надписью одной из погибших империй:

Фабрика «Светоч» ЛПО «Бумага»
Записная книжка
Арт. 1508. Цена 22 коп.

Татьяна ШЕПЕЛЕВА

ЗЛОЙ ЯЗЫК

Но у искусства злой язык — шершавый,
Развоенный, бессовестный, больной...
Прямая речь не может быть прямой —
Извилисты пути такой забавы,
А отступать и поздно, и нельзя...
Такая уж коварная стезя.

Се — Имярек. Он горд и счастлив тем,
Что одержим горючим и пьянящим.
Он прошлым, будущим и настоящим
Шуршит. Тасует множество морфем,
Сдает и... Просыпается.

Зачем?

Как утверждают, человек — письмо.
Я не согласна — хуже. По привычке
Я смахиваю пыль: бюро, трюмо...
«Из всех искусств нам, — что-то там, — кино», —
Мы произносим. И берем в кавычки
(Не слишком дорого, достаточно темно).

О, вдохновение! О, мука! О, тоска!
О, небо! О, дурная бесконечность!
О, эта левая нога! О, эта правая нога!
О, неизбежность!
О, беспечность!

В ЗИМНЕМ ГОРОДЕ

В зимнем городе снег
Разделил нас на черных и белых,
На пушистых и голых,
Немых и восторженно-смелых,
На гриппозно-морозных,
На лыжно-коньковых и квелых,
Спиртуозно-веселых
И так — беспричинно-веселых,

Татьяна Александровна Шепелева родилась в 1968 году в Воронеже. Окончила исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета, работает в Областной юношеской библиотеке им. В. М. Кубанева, заведует сектором внедрения новых информационных технологий. Публиковалась в региональной печати, коллективных сборниках, университетских альманахах ВГУ и ВГПУ. Автор двух книг стихотворений. Живет в Воронеже.

Беззаботно-скользящих,
Смеющихся, плачущих, спящих,
Барабанно-стучащих,
Хрустящих,
Зубами скрипящих,
Тех, кто падает,
Мерзнет,
Взлетает, и вьется,
И бьется...
«Огонька не найдется?»...
Конечно, найдется. Найдется.

НА ХОД НОГИ

Теперь последнюю, давай — «на ход ноги»,
Прощаться больно, но реветь не буду.
Мне на пороге что-нибудь солги...

Я дверь закрою, вымою посуду —
Две стопки, две тарелки, вилки две...
Вот так всегда — на выход, да с вещами.
Сесть, покурить... Соломенной вдове
Не так-то просто жить без обещаний.

И будет ночь, железная кровать,
Все повторится... Простыни в горошек...
И будет снова за окном сиять
Луны начищенный,
Округлый
Медный
Грошик.

ОБЫДЕННОЕ

Неделя выдалась ленивой и скупой,
Протяжной, словно песнь болотной птицы;
Часы тик-такали, скрипели половицы,
Стучали клавиши... «Ну, шевелись, тупой!»

На паутинках узелков не счесть —
Модельки новостных череспосолиц.
А паучка назвали сенокосец,
За что такое прозвище? Бог весть.

Вода из крана капала в стакан,
Бубнил тихонько пресловутый ящик...
Пусть растворимый, пусть ненастоящий,
Но все же что-то...
В Чили ураган...

Последние сто жизней мне везло.
Жужжала муха, билась о стекло,
Перегорела лампочка в подъезде...

Опять всю жизнь мы прожили не вместе.

ВРАЧБОГ

Время изношенных рук и изогнутых спин...

А. Ряскин

На изношенных сердцах — по рубцу;
И мозоли, и мозги — все не в счет.
Буйну голову сложить молодцу,
А повинную — и меч не сечет.

Пить за здравие сплошной витамин
Не грешно ли? Да повадки не те;
За изогнутыми спинами — сплин,
За горбатыми — по гроб в хомуте.

Костылями обнуляя итог,
Я сумею перемножить нули.
Исцели меня, великий Врачбог,
Навсегда меня, навек исцели.

Из палаты и в палату не раз,
Не болит — уже и то благодать.
Дай нам всем... А ведь и всем-то не даст...
Все одно тебе, Врачбог, — исполать!

ЭПИСТОЛЯРНОЕ

А может, и правда, разбиться,
Как лодка о кафельный быт?..
Любовь ничего не боится —
Кастрюли, блины, профицит.
Такое нелегкое дело —
«Белить своего потолка»,
До блеска, до писка, до мела,
Как пальцем крутить у виска.
Проснуться? Вернуться? О, Боже!
Куда там! Зови — не зови!
Что пишут? Все то же, все то же —
О чистой и верной любви,
О мире, что вечно распорот,
А лучше бы, больше о нем —
О «вороне-ежике» — город,
Где есть такой «улицадом»...

У осени шапочка лисья,
А время идет и идет,
И скоро осыплются листья,
А там и опять Новый год...
Здесь рощи, и кущи, и тыщи,
И вещи, и мороси, и...
Здесь белый brutальный котище
Обходит владенья свои,
По-прежнему машут и пляшут,
По-прежнему сеют и жнут,
А те, кто и нашим, и вашим,
По-прежнему ждут и не ждут.
Здесь линии ливней и будней,
Асфальтовый «шиношуршат»,
И как-то не стало безлюдней —
Все так же визжат, дребезжат...
Не то чтобы четко и внятно,
Но вроде никто не забыт...
Письмо? Пустячок, но приятно,
А город поймет и простит.

МАДАМ БИЖУ

...Что мы такое?
То-то и оно.
Обидно, а когда-то так мечталось...
Еще чуть-чуть! И ах, какая жалость,
Что впереди досадно и темно,
И позади ни капли не осталось.

Лишь был бы хлеб да теплое жилье...

Ни слова больше!
...Точка, точка, точка...
И я — не я — всего лишь оболочка,
И ты — воображение мое.

Ланфрен — ланфра... березовые почки,
Безденежье, бронхит и камень в почке...

Ни слова больше! Ты заткнешься, мать?!
Что мы такое?
Господи, опять!..

Светает. У соседей конский топ
И запах браги.
«Мишенька простужен!» —
«А что, на завтрак то же, что на ужин?» —

«Не ресторан!» —
«Смотри, Маринка, — клоп!»
Прошло полжизни...
«Мойся, остолоп!» ...
...Прошло полжизни, словно утекло,
Потом еще чуть-чуть, еще немного,
Контентом обросла моя берлога,
Что мы такое, как не барахло?

Обыденность, обыденность, mon cher,
Клубки и кошки, вилки и кастрюли...
Опять же, звон посуды, например.
Зачем нам этот мир, не потому ли,
Что легче отпереться, чем признать? —
Раскаянье виновно, так сказать.
Что мы такое? Grande illusion?
Зерно абсурда, снегопад в июле?

За окнами светло,
Мне снится сон —
Мадам Бижу, сидящая на стуле.

Владимир АРРО

БУДНИ ОФЕЛИИ

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гусев, режиссер
Рудик, его помощник
Мальва, актриса-любительница
Муратов, ее муж
Зинаида, подруга Мальвы
Твердохлебов, актер
Клавдий, владелец кафе
Пани Бланка, барменша
Нюша, подавальщица в кафе
Самарий Ильич, аптекарь
Морев, доцент института

Участники студии:

Горацио
Розенкранц
Гильденстерн
Полоний
Лаэрт
Регина
Лорды, леди и офицеры

Действие первое

Кафе в южном русском городе. Просторное помещение с антресолюю, огороженной балюстрадой. Под нею бар с высокими табуретами. На переднем плане и на отшибе, в уютных закутках, несколько столиков. К моменту впуска зрителей в зал кафе уже работает, играет тихая музыка популярной радиостанции, сидят посетители, кто-то входит, кто-то выходит через стеклянную дверь (это могут быть и актеры,

Владимир Константинович Арро родился в 1932 году. Писатель, драматург. Автор 15 книг прозы. В 1976 году стал писать пьесы для театра. Первая — «Высшая мера» — была поставлена в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Большой общественный резонанс в 1982 году вызвал спектакль Московского театра имени В. В. Маяковского по пьесе «Смотрите, кто пришел!». Автор пьес «Колея», «Трагики и комедианты», «Сад», «Пять романсов в старом доме», «Синее небо, а в нем облака». С 1989-го по 1993 год возглавлял Ленинградскую писательскую организацию. Избирался депутатом Ленинградского — Санкт-Петербургского Совета (1990—1993), председателем Комиссии по гласности. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Член ПЕН-клуба.

и служащие театра, и рабочие сцены). Барменша ведет тихую беседу с аптекарем, сидящим на высоком стуле возле стойки бара. От стола к столу ходит распорядитель Рудик, вежливо о чем-то напоминая. Официантка Ньюша, заглядывая в блокнотик, делает подсчеты. Все тихо и благочинно, пока не появляется Гусев. Он входит стремительной, по-актерски пластичной походкой «от бедра», вызвав шевеление за некоторыми столиками. Он и слова не сказал, а всё поменялось. Видно, что его ждали. Рудик задвигался решительнее, барменша прервала беседу. Музыка умолкает. Шипит кофеварка. Гусев, оглядев зал, присаживается за один из столиков, за которым уже кто-то сидит.

Рудик. Уважаемые посетители, а какая погодка сегодня клёвая, вы обратили внимание? Как хорошо пройтись по свежему воздуху! Докушаем и — на бульвар!..

Барменша. Уважаемые посетители, мы таки закрываемся на спецобслуживание. А может, на технический перерыв, я знаю...

Рудик. Благодарим за внимание. Очень было приятно с вами!

Барменша. Приносим свои извинения. А?.. Конечно, откроемся снова. Чтобы так жила... (Смеется.)

Рудик. Заходите часа через два... Будем ждать с нетерпением.. Ньюша, получите с клиента.

Ньюша ходит между столиками, выражая нетерпение и настойчивость. Впрочем, некоторых посетителей она оставляет в покое, и те спокойно продолжают беседу, курят. Барменша управляет рукоятками кофеварки, кофеварка урчит, окутывается паром. Гусев беседует со своим визави. В глубине зала кафе ставят скромную черную ширму.

Барменша (возвращаясь к аптекарю). Вы можете смеяться, но я в этот момент, когда Гусев входит, немножко волнуюсь. Всегда приятно иметь дело с талантливым человеком. Кое-кто говорит, что он гений.

Аптекарь. Он тоже?

Барменша. А кто еще?

Аптекарь. Все говорят, что Шекспир.

Барменша. А да, это вне обсуждений.

Аптекарь. Я прочитал пьесу «Гамлет».

Барменша. Да? И что?

Аптекарь. Мне пьеса понравилась.

Барменша. Вот как? Я рада.

Аптекарь. Правда, там так много людей умирает, что мне стало смешно. Возможно, что автор на такую мою реакцию не рассчитывал.

Барменша. Скорее всего, нет. Ньюша, отнесите Гусеву его кофе.

Аптекарь. Между прочим, вы заметили, что там все начинается ядом и кончается ядом. Этот Шекспир понимал, что главное в жизни — фармакология.

Ньюша с чашкой кофе отходит к Гусеву.

Барменша. Вы — старый циник, Самарий Ильич, вот вы кто.

Аптекарь (пожимая плечами). Не такой уж и старый.

Барменша. Между прочим, обратите внимание, за крайним столиком возле дверей.

Аптекарь. Кто?

Барменша. В сером свитере грубой вязки.

Аптекарь (*оглянувшись*). И что?

Барменша. Муж нашей Офелии.

Аптекарь. Этой милостивой брюнетки, перед которой все распускают хвост?

Барменша. Фи. Старый сплетник.

Аптекарь (*пожимая плечами*). Ну, если вы настаиваете, что старый...

Барменша. Извините. Вот он машет мне. Он такой дружелюбный, положительный... чего ей не хватало?.. (*Отвечает на приветствие.*)

В дверь стучат.

Рудик. Закрыто, закрыто, друзья мои!.. Театр-кафе по регламенту имеет право на репетицию! Через пару часов с новыми силами распахнем и дверь, и наши сердца. Да, да, будем вам рады!..

Барменша. Если хотите знать, она строгих правил. Они в разводе. И вот он берет отпуск и приезжает из Петербурга, чтобы повидаться с ребенком. Ребенок, конечно, целый день с бабушкой и очень любит отца. Отец любит ребенка. Бабушка любит обоих, а точнее сказать, всех троих. Но счастья так и нет.

Аптекарь. Вот это драма, я понимаю. А она кого любит?

Барменша. До сих пор всё в тумане.

Аптекарь. В пьесе написано, что Офелия любит Гамлета.

Барменша. Между трагедией театра и комедией жизни могут быть расхождения, Самарий Ильич, чтоб вы знали. Вот сейчас вы поймете.

Мимо стойки проходит Гусев.

Я могу на одну минуту завладеть вниманием господина режиссера?

Гусев. Вне сомнений, пани Бланка! (*Подходит.*)

Барменша. Познакомьтесь. Это Самарий Ильич. Он аптекарь.

Гусев. Да, конечно. Кто же в нашем городе не знает Самария Ильича. Начиная с подросткового возраста...

Аптекарь (*перебивает*). Как всегда, к вашим услугам.

Барменша. Гусев, скажите, у вас есть проблемы с печенью?

Гусев. К сожалению!.. А что, заметно?

Аптекарь (*вглядываясь в его лицо*). Если я не ошибаюсь, у вас гепатит «А» в начальной стадии.

Гусев. Так вы подтверждаете?

Аптекарь. Таки да.

Барменша. Господин Гусев, это не о вашей ли печени на днях тут убивалась одна молодая особа? Она просила помочь ей достать довольно дефицитное лекарство... С названием, если мне память не изменяет, ревивидон. Импорт пониженной доступности.

Гусев. Возможно, что-то такое было.

Барменша. Она уши всем прожужжала. Но оказалось, господин Гусев, что ревивидон такое же средство от печени, как клизма от кашля.

Гусев. Что вы говорите?

Аптекарь. Да, к сожалению. Мы хотели ей объяснить, но она уже с кем-то договорилась и поспешно ушла. Может быть, вы напутали?

Барменша. Нет, Самарий Ильич, он не напутал. Гусев, вы знали, что это средство против зачатия.

Гусев (смеясь). Ну, конечно, знал! Это же шутка, пани Бланка!.. В театре шутят. В театре играют!

Барменша. Хорошие шутки! А к ней, между прочим, муж приехал. Что он может подумать, а, Гусев?

Гусев. Это розыгрыш, пани Бланка. И больше ничего. И не берите в голову. Вот увидите, она не обидится. (Отходит.)

Барменша (качает головой). Ай-яй-яй!.. Поди разберись. А я бы смертельно обиделась. И перестала иметь с ним дело. Будь он хоть трижды гений. Так надсмехаться над девушкой, вы только подумайте...

Аптекарь. Фармакология и шутки вообще, чтоб вы знали, две вещи не совместные.

Нюша (с антресолей). Пани Бланка, тут один раздолбай не хочет платить.

Барменша. Чего?

Нюша. Я знаю?.. Говорит, не имеет чем.

Барменша. Нюша, спросите, а что он имеет оставить в залог? Золотые часы он имеет? Или серебряный портсигар?

Нюша. Да ну его! (Смеется.) Да-да, сейчас... как же!.. Руки-то уберите!..

За столиком, смеясь во весь белозубый рот, сидит Клиент в линялой курточке, лысый, с трехдневной щетиной.

Он щипается!.. (Смеется.)

Барменша. Спросите, что он вообще хочет?

Гусев. Нюша! Иди сюда.

Барменша. Или он хочет вздремнуть на диване?

Нюша, спустившись по лестнице, подходит к Гусеву.

Гусев. Давай счет. (Берет у нее счет, рассматривает.) Он что, и вино пил?

Нюша. А то! Два фужора красного.

Гусев. Фужера, Нюша. Держи... (Расплачивается.) В следующий раз вина ему не давай.

Нюша (в сторону Клиента). И проваливай!

Гусев. Да черт с ним, пусть посидит.

Клиент. Кофе неси... хрюша! (Хохочет.)

Нюша. Вот тебе! (Показывает кукиш.)

Гусев. Принеси ему кофе. Двойной. Да покрепче.

Барменша (аптекарю). Так вот он сидит... Это я о муже Офелии. Ему надо было платить за гостиницу, а вы ж понимаете, какие у него отпускные, я вас умоляю. И тогда — что, как вы думаете?.. Тогда теща, душевная женщина, ставит ему в кухне раскладушку. Можете себе представить, чем это все закончилось?

Аптекарь. Они снова сошлись?

Барменша. Самарий Ильич, я надеялась, что вы более тонкий знаток женской психологии...

Аптекарь. Опять разошлись?

Барменша. Конечно! Офелия собрала рюкзачок и ушла из дома.

Аптекарь. А он?

Барменша. А он взял раскладушку и пришел сюда. Ну, и что, я его выгоню?

Аптекарь. Можно себе представить... Скажите, а роль Клавдия кому выдана?

Барменша. Нашему Петру Кузьмичу, владельцу кафе. Он же и спонсор всего представления! Что вы!.. Такой дефицит!.. А что, Самарий Ильич?

Аптекарь. Да так, ничего.

Гусев. Не вижу Офелии! Рудик, кого еще нет?

Рудик. Кроме Офелии, вся труппа в сборе! (Участникам.) Ребята, мигом!.. Освобождаем сценическое пространство!..

Сдвигают столики к стенам.

Барменша. Она таки не придет. И правильно сделает.

Гусев. Рудик, пошла работа над текстом!

Рудик. Внимание! Текст! Осве-жаем!..

Студийцы, стоя в центре зала с тетрадками в руках, замыкаются — каждый в конце своей роли. Глаза их подергиваются поволокой, губы непроизвольно шевелятся, странный трепет овладевает чертами лица. Кто-то, сделавший выбор, всё для себя решивший, рубит пространство рукой, кто-то машет ею, как большевик на трибуне, иные раскачиваются, нащупывая тайные ритмы сценического поведения.

Аптекарь (наблюдая студийцев). Скажите, пожалуйста, совсем как в синагоге.

Пауза. Лишь неясное бормотание.

Рудик. Медитация!..

Костюмы ложатся к ногам исполнителей, они остаются в черных трико, босиком. Возникает скопище ломаных, хрупких, как бы стеклянных звуков, извлекаемых из ксилофона. Позже вступает кларнет.

Студийцы медитируют, каждый в меру своих возможностей и разума. Все находится во власти произвольных движений, вызванных нервной судорогой, или лукавством, или воображением. Продвинутые движутся в полном забытьи, как сомнамбулы. Слышны бормотания, всхлипы, вскрики, рыдания. Новички им подражают. Подавальщица Нюша, наблюдая всё это, раздражается смехом — раз, второй... Рудик на нее шикает.

В конце медитация подчинена строгому ритму, чередованиям силы звука, приливом, отливом, и становится похожей на общий танцеобразный ритуал. (Продвинутый автор подцепил это на медитации в театральной студии Токийского университета «Васэда». Они, кстати, уверяли, что так начинать репетицию завещал Станиславский.)

Гусев. Камертон!

И вот звучит голос Джона Гилгуда в роли Гамлета (или в иной шекспировской роли). (Тут автор не выступает в роли глашатая нового, а глубоко ретрограден. Странное дело, в Ленинграде 60-х годов, по сю сторону глухого «железного занавеса», в кинозале Дворца культуры промкооперации по утрам демонстрировались иностранные фильмы без перевода в помощь гражданам, изучающим иностранный язык. Языка я не изучал, но к зарубежному кино питал пристрастие. Так довелось увидеть Гамлета с Джоном Гилгудом, голос которого до сих пор стоит у меня в ушах.)

Студийцы тем временем одеваются.

Гусев. Осветители?

Голоса. Здесь! Здесь!..

Барменша. А ее таки нет. *(Качает головой.)*

Гусев. Ставим свет первой сцены. *(Подходит к аптекарю, негромко.)* Господин Шварцман, можно ваш плащ ненадолго?

Аптекарь. Мой мантиль? Я прихватил его, поскольку вечерами прохладно... Да-да, одалживайтесь!

Гусев. Благодарю.

Барменша. Гусев, я не согласна с вами. Вы не обидитесь? Вы же знаете, я всегда говорю то, что думаю. Пусть будет немного бархата, кружев, всяких там тюрюлю, я знаю... Для глаза же приятно. Дайте уже отдохнуть людям, так всё надоело...

Гусев *(смотрит на плащ)*. Вы совершенно правы, пани Бланка. Но пока бархата нет, вы позволите плащ?

Барменша. А что делать? Вся жизнь прошла под присказку: сойдет и так.

Гусев. Спасибо.

Гусев становится посреди зала лицом к стене. Голос Гилгуда стихает.

Пошла фонограмма!

Звучит Прелюдия Баха, гаснет все освещение, в темноте возникает луч света, который проецирует на стену огромную тень Гусева в накинута на голову плаще.

Крупнее!.. Еще... Чуть-чуть не в фокус... пусть будет размыто... Вот так хорошо.

Тень движется.

Веди меня, веди... ме-едленно... вот та-ак...

Гусев делает несколько шагов и останавливается.

Куда ведешь? Я дальше не пойду.

С антресолей доносится голос Клиента, новизна которого привлекает внимание всех участников студии.

Голос. Так слушай.

Гусев. Я готов.

Голос. Уж близок час мой,
Когда в мучительный и серный пламень
Вернуться должен я.

Гусев. О бедный призрак!

Голос. Нет, не жалея меня, но своей душой
Внимай мне.

Гусев. Говори, я буду слушать.

Голос. И должен отомстить, когда услышишь.

Гусев. Что?

Голос. Я дух, я твой отец,
Приговоренный по ночам скитаться,
А днем томиться посреди огня,

Пока грехи моей земной природы
Не выжгутся дотла... *(Здесь и далее перевод Б. Пастернака.)*
Гусев. Ну, и так далее... *(Наверх.)* Спасибо, Олег! Свет в зал!

Аплодисменты. Дольше всех хлопают Нюша. Барменша с аптекарем тоже хлопают.

Барменша. Но вы не думайте, Гусев — не Гамлет. Почему-то он считает себя дублером. А настоящего Гамлета, так чтоб принц датский, царских кровей, пока еще нет. Говорит, что он нам скоро представит. Я только не знаю, где он его возьмет. Принцы на улице не валяются. До областного смотра осталось два месяца. Но, похоже, мы остались и без Офелии. *(Сама с собой.)* А что, мне больше всех надо? Остались и остались...

Возвращается обычное освещение. Но на прежних местах уже не просто посетители кафе, а участники спектакля, принаряженные, как им кажется, по моде эпохи принца датского.

На антресолях — король Кла в д и й, он же спонсор спектакля и хозяин кафе, с которым до этого беседовал Гусев. У него роскошная шевелюра до плеч, королевская осанка. Нет, он не типичный бизнесмен, он «новый русский», но с «чертовщиной». На лестнице Полоний и Лаэрт. Внизу — Горацио, Розенкранц и Гильденстерн, а также всевозможные лорды, леди и офицеры.

А за стойкой бара, скромно потупясь, стоит не барменша, а королева Гертруда в мантии и в короне. Лишь Аптекарь, Нюша и Клиент на антресолях остались в своих костюмах. Клиент, облокотившись на перила, молча наблюдает за тем, что делается внизу. Гусев, возвращая плащ аптекарю, замирает перед Гертрудой.

Гусев. Та-ак... Восхитительно.
Барменша. Из гардероба мадам Червонной.
Гусев. Ваше величество, я поражен. *(Делает ей придворный поклон.)*

Аптекарь с немым изумлением смотрит на королеву, а затем, прихватив свой плащ, начинает пятиться к выходу.

Барменша *(величественно)*. Самарий Ильич, останьтесь.

Аптекарь кивает и возвращается на свой табурет. Гусев обходит медленно артистов в сопровождении Нюши.

Гусев. Ну, и принарядились... Розенкранц, это что?
Розенкранц. Плюмаж.
Гусев. Нюша, что это?
Нюша *(пожимая плечами)*. Я знаю?.. Петушинный хвост какой-то..
Гусев. Вот видишь, Нюша не верит. И я не верю. Нюша у меня будет как Станиславский. *(Двигаясь дальше.)* Гильденстерн... Это?..
Гильденстерн. Камзол такой. Так написано.
Гусев. Веришь?
Нюша. Еще чего!
Гусев. Не верит. Рудик, возьми на заметку. Нюша Гильденстерну не верит. Дальше!.. *(Поднимаясь по лестнице.)* Очаровательно! Каков Лаэрт! И шпагу достал. Молодцом. Ему поверим.

Лаэрт. Рад стараться!

Гусев (Полонию). А это кто?.. Да вас и не узнать, товарищ Полоний!

Полоний. Стараемся!

Гусев (входит в антресоли. Оглядев Клавдия, закрывает лицо ладонями). Ваше величество! Глаза слепнут! Буйство фантазии. Кто бы мог подумать! Откуда?..

Король (скромно потупившись). Были кое-какие резервы. В каптерке секции фехтования покопались...

Гусев (Нюше). Как?

Нюша. Умереть-уснуть.

Аптекарь. Вот этот биндюжник-першерон будет играть короля?

Барменша. Да. А что вас так волнует?

Аптекарь. Тихий ужас.

Барменша. Но он выставил такое условие. Теперь у нас так: у кого деньги, тот и король.

Гусев. Ваше величество, вы представляете, если бы я включил в смету нашего представления костюмы эпохи, сколько понадобилось бы бархата, сколько парчи, шелка, батиста... А поддельные драгоценности! А дорогие сердцу каждого простака аксессуары и прочий реквизит. Да-а, вам пришлось бы раскошелиться. Я же прошу у вас как генерального спонсора, если хотите, продюсера проекта всего лишь тридцать метров благородного черного бархата для ширм. Это что, вас разорит? Или вы хотите удивить жюри конкурса черной бумагой?

Клавдий. Да, но... я несу большие убытки...

Гусев. Вы отказываетесь от престола?..

Клавдий (испугавшись). Нет!.. Я не в этом смысле... (Достаёт калькулятор, что-то бубнит. Гусев отходит.)

Аптекарь. Но как вас угораздило стать королевой?

Барменша. А я знаю? Он предложил, и я согласилась. Какая бы женщина устояла, вы можете мне сказать? Немного побуду, какая разница... За те же деньги. Тем более что играть будет прима из областного театра мадам Червонная — вы ее знаете.

Аптекарь. Кто же ее не знает.

Барменша. Ну, вот. А я королева на черный день.

Гусев (опершись о балюстраду). Милостивые дамы и государи! Благодарю вас, вы очень старались. Подавальщица Нюша при виде вас пришла в неопишуемый восторг, то есть чуть не уписалась...

Нюша. Гусев, получите!.. (Замахивается.)

Гусев (уворачиваясь). Пардон, мадемуазель!.. (Всем.) Ваши наряды еще больше пришлись бы по вкусу обитателям областной психиатрической больницы. Розенкранц, продемонстрируйте ваш плюмаж. За что вы обесчестили соседского петуха?.. Вы что, не могли догнать страуса?.. О боже. (Спускаясь вниз, на ходу.) Единственная моя надежда на то, что вы не хуже английских матросов шхуны «Дракон». Когда после многодневного плавания, достигнув берегов Африки, капитан увидел, как от распущенности, безделья и пьянки погибает его команда, он принял решение ставить «Гамлета». И матросы разыграли его на палубе своего корабля за здорово живешь!

Барменша. Что вы говорите!..

Гусев (внизу). Да-да! Можете мне поверить! А мы что с вами — глупее? Или бес-таланнее? Или пить не умеем? Разыграем не хуже. Нюша, веришь?

Нюша. Верю!

Гусев. Вот и я не сомневаюсь. А теперь я вам наконец представлю человека, который сыграет принца Гамлета. Одну минуточку!..

Гусев отходит к мужу Офелии Муратову.

Барменша (в смятении). Как?.. Это Муратов?.. (Переглядывается с аптекарем, тот пожимает плечами.)

После недолгих объяснений Муратов снимает с себя свой свитер и отдает его Гусеву.

(Муратову.) Благодарю вас, сэр!.. Итак, прошу любить и жаловать, — Гамлет, принц датский! (Подбрасывает скомканный свитер до балюстрады.)

Безмянный Клиент, лысый и с многодневной щетиной, тот, что препирался с Ньюшей, выпрямился, уже в свитере, у балюстрады, улыбнулся — рот до ушей — и помахал рукой. По залу пронесся вздох разочарования. Повисла пауза.

Гусев. Что, не нравится?.. А вы думали какой? Кудрявый? Да?.. Прекрасно-задумчивый? В берете со страусиными перьями? В белых чулках? Читали вы, черт возьми, Шекспира или нет? Камзол Гамлета был порван, чулки спущены до щиколоток и в пятнах, выражение лица дико! Он был дебошир и сквернослов. Недаром помирали со смеху матросы, подмастерья и извозчики.

Рудик (страстно). А с матерью? С Офелией как обращался? Как с потаскухами. Да он просто подонок!

Гусев. У вас дома не так?

Рудик. Не так.

Гусев. Ну, хорошо. Только не выступайте... Я буду говорить. И так, Олег Твердохлебов, новый член нашей команды, можно сказать с уверенностью — в будущем ее лидер. Мы вместе учились в Москве. У нас есть кое-какие совместные достижения. Были и ошибки, разумеется... Но поражения от победы ты сам не должен отличать. Так ведь, Олег? Мы и не отличаем. А?..

Твердохлебов. Нет-нет. Всё перепуталось. Пораже-побе-пораже!..

Гусев. И снова «побе»!.. Что касается музыки, то монолог «быть или не быть» он исполняет под гитару, как в восемнадцатом веке, когда его превратили в романс. Гитары не было, разумеется в Дании в интересующее нас время, но были струнные — щипковые и смычковые — лира, рота, фидла... Какая-то тагельхарпа, черт бы ее задрал. Ну, будем считать, что гитара им всем наследует. Так что с появлением Твердохлебова у нас есть твердый шанс взять первенство на областном конкурсе в нашей номинации и показаться в Москве. Я ждал его, пока нянькался с вами, ждал в полной уверенности, что... Кстати, Твердохлебов, могу я сказать, где ты ошивался последние два года, пока я тебя ждал?..

Твердохлебов. Ради бога!

Гусев. Он работал над ролью. Над ролью, заметили?.. Но в тюрьме.

Общий вздох удивления.

Барменша. Хорошенькое дело.

Гусев. Да-да!.. Идеальные условия для работы над ролью, как я понимаю! Но не рекомендую!.. Он был настолько самодостаточен, настолько погружен в роль, что не нуждался в партнере. Он сам себе был партнером. Так, Твердохлебов?

Горацио. А на шпагах он тоже дрался сам с собой?

Гусев. А это мы сейчас проверим. (Выдергивает шпагу из ножен Розенкранца и посылает ее наверх, Твердохлебову. Тот ловит и спускается по лестнице вниз.)

Гильденстерн передает свою шпагу Гусеву. Противники сходятся. Идет бой на шпагах по всем правилам театрального искусства, сопровождаемый возгласами студийцев и визгом Ньюши в самых рискованных местах. В итоге Твердохлебов выбивает шпагу у Гусева. Ньюша страстно вцепляется и осматривает руку Гусева в надежде обнаружить ранение и залечить его.

Гусев. Цел, цел!.. Спасибо, Ньюша, довольно. Мы видим, что этот вид искусства партнера все-таки предполагает. Так, Твердохлебов? Хотя на это соглашался, вероятно, не всякий сосед по камере. А может быть, вертухай?

Твердохлебов. Ну, ладно заливать... Какая камера? На поселении я жил. *(Поднимается на антресоли.)*

Гусев. Да, да, конечно, на поселении! Не так уж много за ним и числилось. Удар, превышающий пределы самообороны.

Твердохлебов. И хватит об этом!

Гусев. Ну, ладно. Не сердись, Олег! Группа в шоке. Он вам расскажет еще. Его опыт бесценен для актера.

Рудик. Вы хотите сказать, уголовный опыт?

Гусев. Рудик, вы талмудист и начетчик, как говорили в дни моей молодости... Много вы поняли. Гамлет был трагический мыслитель. И жил тоже, кстати, в тюрьме. Под названием Дания. И был аристократ духа. И глубоко порядочный человек. Таков и Олег Твердохлебов. У вас будет уйма поводов в этом убедиться. И только обстоятельства, сложившиеся в Эльсиноре...

Твердохлебов *(перебивает, негромко и буднично)*. Последнее время — а почему, я и сам не знаю — я утратил всю свою веселость, забросил все привычные занятия, и действительно, на душе у меня так тяжело, что эта прекрасная храмина, земля, кажется мне пустынным мысом этот несравненный полог, воздух, видите ли, эта великолепно раскинутая твердь, эта величественная кровля, выложенная золотым огнем, — все это кажется мне не чем иным, как мутным и чумным скоплением паров. *(В руках у него оказывается гитара, тихонько наигрывая, он спускается вниз. Обходит участников спектакля, останавливаясь то перед одним, то перед другим.)* Что за мастерское создание — человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего!

В это время в кафе появляется Мальва, застывает возле стеклянной двери. За спиной у нее рюкзачок.

А что для меня эта квинтэссенция праха? Из людей меня не радует ни один; нет, также и ни одна... *(Обращаясь к Мальве.)* ... хотя вашей улыбкой вы как будто хотите сказать другое.

Мальва. Да!

Пауза. Участники спектакля превращаются в обычных зрителей, зачарованных наступившей их импровизацией. Внезапно роль у Твердохлебова, выразительно на него посмотрев, перенимает Гусев.

Гамлет. Офелия? — В твоих молитвах, нимфа,
Все, чем я грешен, помяни.

О ф е л и я . Мой принц,
Как поживали вы все эти дни?
Г а м л е т . Благодарю вас; чудно, чудно, чудно.
О ф е л и я . Принц, у меня от вас подарки есть;
Я вам давно их возвратить хотела;
Примите их, я вас прошу.
Г а м л е т . Я? Нет;
Я не дарил вам ничего.
О ф е л и я . Нет, принц мой, вы дарили; и слова,
Дышавшие так сладко, что вдвойне
Был ценен дар, — их аромат исчез.
Возьмите же; подарок нам немил,
Когда разлюбит тот, кто подарил.
Вот, принц. *(Передает аптечную упаковку.)*
Г у с е в *(с церемонной улыбкой)*. Прости меня, Офелия, прости!.. *(Падает на колени.)*
М а л ь в а *(пожимает плечами)*. Да?.. Не знаю, что мне делать.

Пауза.

Б а р м е н ш а *(громко)*. Ну, пусть она простит!
М а л ь в а . Офелия прощает вас. А Мальва — нет!
Б а р м е н ш а . Правильно, правильно!.. Гусев, это справедливо.

Все бурно аплодируют. Возгласы восхищения, среди них — Ньюшин: «Верю! Верю! Верю!» Короткое затемнение.

Кафе снова открыто для публики. С улицы время от времени кто-то заходит. Надо ли говорить, что лучшие столики заняты студийцами. Нет недостатка клиентов и за стойкой бара. Вскоре на галерею поднимутся Гусев и Твердохлебов и займут столик у балюстрады, в стороне от всех.

За столиком Мальвы Зинаида.

З и н а и д а . И это у вас Дания, не пойми какой век?..
М а л ь в а . Всё условно, Зина... Кстати, Гусев говорит, что «Гамлета» каждая эпоха играла по-своему. И всегда достоверно.
З и н а и д а . Да. Гусев для меня в этой аванюре самая загадочная фигура.
М а л ь в а . Ну, Гусев... Ему дано от Бога. Он по-своему гениален. Сколько придумано — это же фейерверк. Я даже вижу иногда, до чего ему скучно с нами.
З и н а и д а . Ну, с тобой всё ясно... Для него лично от итогов конкурса много зависит?
М а л ь в а . Да почти всё.
З и н а и д а . Значит, он скоро может сделать вам ручкой. Вон как твой Муратов мне делает.

Из своего угла ей, улыбаясь, машет Муратов.

М а л ь в а . Вполне вероятно.
З и н а и д а . Но это же вам невыгодно.

Мальва. Что, вытолкнуть на поверхность Гусева? Да, по-моему, мы всё должны для этого сделать.

Зинаида. Ну, Мальва, ты неисправимая альтруистка.

Мальва. А я люблю одержимых.

Зинаида. Я вижу. *(Отвечает на приветственный жест Муратова.)* Не подойду. Перебьется.

У стойки Барменша и девушкика.

Барменша. Рудик, можно тебя?

Рудик подходит.

Рудик, это Регина. *(О девушке, сидящей за стойкой.)* Скромная интеллигентная особа. Не замужем. Ты же видишь. Рудик, пусть она будет в студии.

Рудик. Но у нас больше нет свободных ролей.

Барменша. Ей не нужна роль, я тебя умоляю. Тебе нужна роль?

Регина *(кокетливо)*. Смотря какая.

Рудик. Нету никакой. В пьесе вообще дефицит женских ролей, вы же знаете.

Регина. И у вас дефицит, подумать только...

Барменша. Хорошо, толпа там есть?

Рудик. Есть.

Барменша. Вот пусть она побудет в толпе. У нее дома неважные жилищные условия.

Рудик. Пойдемте.

Регина. А как я буду одета?

Рудик. Никак! В купальном костюме.

Регина. А мне что тут играть?

Рудик. Ящерицу! Рептилию!

Регина. Нет, кроме шуток!

Рудик. Гадюку, готовую ужалить!

Регина. Ну, прекрати! У меня каскад хорошо получается.

Рудик. Какой каскад?

Регина. А вот этот. *(Показывает опереточный «каскад», который лучше всех исполняла когда-то забывенная Гликерия Васильевна Богданова-Чеснокова.)*

За столиками шум, смех, кто-то хлопает.

Гусев *(смеется)*. Пусть остается! Мало ли что... как дело повернет.

Рудик *(его передергивает)*. Оставайтесь, черт с вами. *(Отходит.)*

Рудик подсаживается к столику Гусева.

Рудик. Идут и идут!.. Я говорю: вы знаете, что здесь вы будете нужны весь, целиком. Это схима. Это как масонская ложа. Да-да. Мы понимаем. Гусев, может быть, довольно массовки?

Гусев. Пусть пока пробуют. Перенастраиваются. Будет кастинг. Отберем.

Рудик. А тут один чувак вообще меня уморил. Я спрашиваю: чем занимаетесь? Он говорит: земные недра. Я говорю: вы геолог? Копаю, говорит, но неглубоко. Где,

спрашиваю, работаете? В тресте, говорит. Ну, а что производите-то? Слышишь, Гусев. Могилки! — отвечает. Могилки!.. *(Смеется.)*

Гусев. Натуральный могильщик? Отлично! Пусть приходит с напарником!
Рудик. Я так и сказал.

За столиком Мальва и Зинаида.

Зинаида. Ну, в общем с бывшим мужем понятно, обратно ты его не возьмешь.

Мальва *(вздыхает)*. Нет... Понимаешь, Муратов хороший, ты знаешь. Искренний. Но он же пресный, Зина!.. Совсем несоленый. Одни и те же примочки, еще наши школьные, эти гитарные излияния — «солнышко мое», два-три стишка, ну, не могу я так!.. Он в ступоре, в нем как будто что-то известкуется и навеки затвердевает.

Зинаида. Ну, ты даешь. Он же молод.

Мальва. Нет, это на всю жизнь, я знаю этот тип: все, что в нем есть, то и будет. Они не меняются.

Зинаида. Сурова ты, подруга.

Мальва. Да, наверное. Если бы не развод, может, я бы и потерпела ради Славика, а так...

Зинаида. Что?

Мальва. Кажется, что судьба дает еще один шанс.

Зинаида. Он имеет имя?

Мальва. Еще не знаю.

Зинаида. А я знаю одно хорошее имя. Сказать?.. Оглянись на стойку...

Мальва *(оборачивается)*. А, ну, понятно...

Зинаида. Арсен Леопольдович Морев. Опять спрашивал. Почему, говорит, ваша подруга зачет не идет сдавать. Кстати, ты собираешься?

Мальва. Ай, мне как-то всё равно...

Зинаида. Что?.. И доцент?

Мальва. Да.

Зинаида. Но почему, Мальва? Недурен собой. Одинок. Блестящий насмешливый ум.

Мальва. Они ни во что не верят, эти насмешники. А я без веры не могу.

Зинаида. Во что?

Мальва. Не знаю... Вообще без веры.

Пауза.

Зинаида. Ты бы подошла.

Мальва. Да?.. Надо?..

Зинаида. По законам вежливости...

Мальва. Хорошо, пойду. *(Мальва встает и отходит к стойке.)*

За стойкой доцент и Мальва.

Доцент. А-а, какая встреча!.. Вообще Магомет не должен идти к горе... Но если вы подошли...

Мальва. Добрый вечер, Арсен Леопольдович.

Доцент. Добрый. *(Барменше.)* Рюмку ликера, пожалуйста!

Мальва. Это вы для меня?..

Доцент *(делает успокаивающий жест)*. Ни о чем не спрашиваю. Верю, что всё читали. Обо всём думали. Кто еще на курсе так знает поэзию?

Мальва. Мне неловко перед вами, Арсен Леопольдович... Я столько пропустила.

Доцент. Ладно, ладно, давайте зачетку... *(Расписывается в зачетной книжке, которую Мальва тут же убирает в карман рюкзака.)* Теперь вот что, Офелия. Нет, мне больше нравится Мальва. Давайте выпьем по глотку. День рождения у всех бывает, у доцентов тоже.

Мальва. Да?.. Я вас поздравляю.

Доцент. Спасибо.

Чокаются и пьют.

Как вы смотрите на такую перспективу: берем такси и едем ко мне. Там сидит у меня одна компания, я, по сути дела, за вами.

Мальва. Но у меня же репетиция.

Доцент. Как, вот это — всерьез?..

Мальва. Да.

Доцент. Не ожидал.

Мальва. Почему?

Доцент. Не знаю, но... Вот это содержание жизни?..

Мальва. Арсений Леопольдович, не надо, а?

Доцент. Что?.. А, да... Пардон, мадам... пардон!.. Конечно, не надо. Не мое это дело. *(Пауза.)* Что, совсем не надо?

Мальва. Совсем.

Пауза.

Доцент. Что ж... Камин затоплю!.. Буду пить... *(Встает, разводит руками.)* Хорошо бы собаку купить. Кто автор, кстати?

Мальва. Бунин, естественно.

Доцент. Похвально, похвально!.. *(Провожает Мальву до ее столика, где сидит Зинаида.)* Хорошего вечера!.. Но институт не оставляйте, Офелия! Гамлет достигнет и бросит. А образование останется. Захаживайте!.. *(Кланяется обеим и уходит.)*

У дверей Гусев заступает ему дорогу.

Гусев. Господин Морев! Здравствуйте!

Доцент. К сожалению, и до свидания. Я ухожу.

Гусев. Что ж так мало гостили? Не желаете ли попробовать нашего ремесла? Может быть, ценные советы дадите.

Доцент. Ну, что вы... А вы — берете прямо с улицы... и в Эльсинор?

Гусев. Что ж в этом странного. Жизнь и есть Эльсинор.

Доцент. Да? Такая концепция?.. Похвально.

Гусев. Ну, так как?

Доцент. Если честно, никогда не верил в любительский театр.

Гусев. Мы не театр. Мы — театр-кафе. Мы — студия. Пробуем. *(Улыбается.)* Дерзаем. Вскрываем творческие потенциалы. Кстати, у вас неплохие данные. Красивый тембр. И вот эти... шипящие... Я слышал ваше чтение Пастернака. Мы могли бы с вами подготовить концертную программу для областной филармонии.

Доцент. Даже так? Спасибо. Боюсь, не в коня корм!.. Адьё!.. *(Уходит.)*

За столиком.

Зинаида. Какой-то он печальный ушел в свой день рождения.

Мальва. А что я могла сделать?..

Пауза.

Зинаида. Но ведь вас что-то связывает.

Мальва. Ничего нас не связывает!.. Пару раз провожал... Попытался поцеловать... *(Вдруг горячо.)* Зинка! А чего им от меня надо? Тщедушная! Грудь — в зачатке! А?.. Бёдра едва намечены...

Зинаида. Кто тебе сказал? Ну, кто?.. Ты божественно сложена. Кое-какая субтильность имеет место, но это ведь так пикантно!.. Просто Бог создавал тебя с преувеличенным чувством меры... Слушай!.. Неужели Гусев? Да?.. Он? Так я и знала.

Мальва. Что ты знала?

Зинаида. Разве может артистка не влюбиться в своего режиссера. А он разве может не унижить ее, не подмять под себя... Какая пошлость.

Мальва. Ты не так поняла.

Зинаида. Как могла.

Мальва. Ты толкуешь по-своему, как привыкла. Влюблена, влюблена... А если не влюблена?..

Зинаида. А как?

Мальва. Почитаю как бесконечно творческую личность. Преклоняюсь перед фанатизмом, бескорыстной отдачей...

Зинаида. Не хватает только боготворю.

Мальва. Да нет, Зинка... Всё это слова. Жалею его. Горит на работе. Зачем? Вокруг толпа идиотов. Фанатично верит, что из каждого можно вытащить серебряную струну творчества и заставить звучать. И они ему верят, идут за ним в ущерб своим житейским удобствам и выгодам. И я иду!.. И я верю!.. И жалею его...

Пауза.

Зинаида. Дура ты, дура. Жалею всегда и означало люблю... *(Пауза.)* Ох, не жалую я Гусева. Не верю ему. Но что с тобой поделаешь.

Мальва. Понимаешь, зашла тут на днях, попросил сварить ему кашу. Лежит один, печень схватило, кругом кавардак, ну, знаешь, как бывает у холостяка... Прибрала, помыла посуду... Кашу сварила. Овсянку...

Зинаида. И — пожалела?

Мальва. Ну да, пожалела... Тогда он это и сказал. Ну что, говорит, в тебе такого... а так нужна!..

Пауза.

Зинаида. Хорошо сказал, сволочь. А потом предал?

Мальва. Да.

Зинаида *(после паузы)*. Какая ты дура! *(Встает.)* Пошла. Через двадцать минут урок. *(Целует ее и уходит.)*

К столику Гусева подходят Розенкранц с Гильденстерном.

Розенкранц. Гусев, у нас такая идея: отрастить усы.

Гусев. Да хоть бороды. Всё равно все будут в масках.

Рудик. Вы слышите, все будут в масках!

Гильденстерн. А почему?

Гусев. А куда ты спрячешь протокольное выражение своей физиономии? Оно у тебя знаешь какое? *(Подавальщице.)* Ньюша, покажи!..

Ньюша показывает. Общий смех.

Гусев *(о Розенкранце)*. А у него?

Ньюша показывает. Общий хохот.

Розенкранц *(обиженно)*. А что, матросов набирали в палате лордов?

Гусев. Нет, конечно. Но дело не в этом. Я пошутил. Это концептуально. Потому что «Гамлет» — трагедия масок. И лишь двое не спрячут лиц — он и Офелия.

Гусев подсаживается к Мальве.

Гусев. Тебе спасибо, что приняла розыгрыш. Слышите, студийцы! Всех касается. Больше импровизируйте! Играйте хеппенинг, перформанс! Живые картины!

Мальва. И все-таки, Гусев, ты негодяй.

Гусев. Так ставишь вопрос? Что ж... ловлю себя на том, что раскаиваюсь. Но раз не простила... Ну, тогда пусть мой розыгрыш будет в счет форы, которую я тебе дал.

Мальва. Какой форы?

Гусев. Строго говоря, я не должен был назначать тебя на Офелию.

Мальва. Почему?

Гусев. А то ты не знаешь. Для этой роли ты недоразвитая.

Мальва. В каком смысле?

Гусев. В том самом. Чувственно зажатая. Не сексапильная.

Мальва. А... да, с этим плохо. А то ты не знал.

Гусев *(заслонившись ладонью, шепотом)*. Но почему тебя все хотят? А? Начиная с меня?.. *(Смеется.)*

Мальва. Ну, не паразит ли?! *(Кидает в него что-то со своей тарелки.)*

Гусев. Нет, в самом деле. Доцент Морев из пединститута. Чего он тут ошивался?

Мальва. Это насчет зачета.

Гусев: Ты ж понимаешь!.. Да у него на лбу написано, что он вожделеет.

Мальва. Не твое дело!

Гусев. Ты романтическая дуреха. Ничего не смыслишь в Офелии. Ты должна быть уличной девкой, грубой и чувственной.

Мальва. Да, но я думаю...

Гусев. О чем — меня не интересует! Твоя голова пуста, и это меня устраивает.

Мальва. Но у меня есть душа.

Гусев. Нет! Забудь. Ты инструмент в моих руках. Мне нужны твоя пластика, мимика, интонация и тембр твоего голоса, музыкальность, чувство ритма и чувство меры. И, черт возьми, сексапильность!.. Ну, на нет и суда нет. Ни о чем не думай и, упаси тебя Бог, не переживай. Ты нужна мне без сознания.

Мальва пристально смотрит на него. Пауза.

Не понимаешь?.. *(Не выдерживает ее взгляда.)* Ты чего?

Мальва. Ничего.

Гусев. Ты слышала, что я сказал?

Мальва. Нет.

Гусев. Почему?

Мальва *(после паузы)*. Ты мне мешаешь...

Гусев *(смутившись)*. Я говорю: мне нужно твое подсознание.

Пауза.

Мальва. Как это, Гусев?

Гусев. Это как желание, когда оно закипает там где-то и его ничем не унять. Отпусти его, перестань болтать, перестань думать, раскрой его, ну?.. *(Кричит.)* Отвори, черт возьми!..

Пауза. Публика в кафе замерла, ожидая исхода.

Мальва *(понижаясь)*. Хочешь, я покажу тебе сцену безумия?

Гусев. Рано. *(Встает.)* Накапливай. Я всё равно разбужу тебя, вот увидишь. *(Отходит.)*

Стойка бара.

Барменша. Я смотрю, вы тоже увлеклись нашим делом.

Аптекарь. Мне интересно узнать, что у вас из этого выйдет.

Барменша. Выйдет то, что завещал господин Шекспир.

Аптекарь. Да, я знаю финал. Упаси Бог вас от такого финала!.. Но мне всё время кажется, что могут быть неожиданности.

Барменша. Хуже, чем он завещал, быть не может.

Аптекарь. Кто знает.

Барменша. Вы просто пуганый старый еврей, вот вы кто.

Аптекарь. Этого не отнимешь!.. Еврей. Пуганый. Но, повторяю, не старый.

Смеются.

Гусев *(подходя)*. Вялые, вялые, вялые!..

Барменша. Кто, господин Гусев?

Гусев. Все! А у нас в двадцать два начинается сцена мышеловки.

Аптекарь. Есть десяток антидепрессантов, которые мы отпускаем без рецепта, хотите, я назову?.. Повышают тонус.

Гусев. Нет, дело не в этом. Нужен эмоциональный удар. Их надо встряхнуть, вздернуть, взнуздать, черт возьми!.. Я хочу с вами посоветоваться, пани Бланка, вы не против? (*Аптекарью.*) Извините!

Барменша и Гусев отходят в сторону.

Аптекарь. Я покамест откланяюсь. (*Уходит.*)

Муратов ставит раскладушку возле своего столика и укладывается на ней. Аптекарь останавливается возле Муратова.

Аптекарь. Молодой человек, не сочтите за бесцеремонность. Из самых дружественных побуждений мужской солидарности хочу поделиться с вами своим наблюдением. Сердце Офелии на данную минуту свободно. У вас нет соперников. Вам не стоит отчаиваться. Я бы на вашем месте продолжил борьбу. Но более мобильным способом, чем этот. Мое почтение. (*Уходит.*)

Муратов некоторое время оторопело полулежит на раскладушке, а затем удобно сворачивается калачиком.

Стойка бара.

Барменша. Я попрошу всех внимания.

Рудик. Алё! Делаем глубокий вдох... и замираем.

Барменша. Рудик, нам не до шуток. У нас происшествие.

Все понемногу притихли.

Пропали деньги.

Рудик. Всем оставаться на своих местах.

Голоса. Что за черт! Где?.. Откуда?.. Много денег?..

Горацио. О злодеяние! — Эй, закройте двери! Предательство! Сыскать!

Рудик. Да, Горацио, блокируйте дверь. Никого не выпускайте и не выпускайте.

Барменша. Дневная выручка. Рассортирована, упакована, приготовлена для инкассатора.

Розенкранц. Тут этот... старик только что вышел...

Рудик. Аптекарь?

Розенкранц. Ну... Тусовался возле раздачи...

Барменша. Если вы имеете в виду Самария Ильича, то я бы советовала больше мне на глаза не являться! (*Гневно.*) И духу вашего смердящего чтобы возле меня не было!..

Рудик. Нет, Самарий Ильич вне игры!

Горацио (*от двери*). Тут этот... Гамлет ломится.

Рудик. А вот этого впустите.

Впускают Твердохлебова. Он, сопровождаемый взглядами, поднимается на антресоль.

Гусев. Ну?.. Что скажете?

Голоса. У нас этого не было... Разве было, пани Бланка?

Барменша. Не было.

Гусев. Заладили: не было, не было!.. Когда это случилось?

Барменша. В пределах минут двадцати, четверти часа...

Гусев. Вызывать полицию?

Голоса. Вызывать!.. У нас этого не было. Не-ет!.. Бутылку, бывало, махнут, а выручку... Не-ет... У нас не бывало такого. *(Смотрят на антресоли.)*

Нюша приносит Твердохлебову еду и выпивку на подносе.

Нюша *(вниз)*. Я не верю вам! Вы все врете, врете!.. А он не врет. Отвяжитесь от него! *(Садится в ногах у Твердохлебова, всех награждая презрением.)*

Твердохлебов. Спасибо, ласочка. *(Выпивает и ест.)*

Гнетущая пауза.

Барменша *(упавшим голосом)*. Я дико прошу извинения. Деньги нашлись. Я виновата... *(Пауза.)* Пятнадцать минут технический перерыв. Вот выручка в ридикюле. Рудик, можете взять на свое попечение, покуда я посещу туалет?

Рудик. Разумеется, пани Бланка, будьте спокойны. Мы все покараулим.

Пани Бланка достает чистое полотенце, всхлипывает, долго сдерживается и наконец, закрыв лицо полотенцем, рыдает. Поспешно уходит. Человека три застывают у кассового аппарата, как в почетном карауле.

Гусев. Вы — бездари, толпа идиотов! Это эксперимент! Это модель нашего душевного состояния! Совершенно преступление. Верить или не верить? Быть или не быть? Пигмеи! Ничтожества! Задели дружескую привязанность пани Бланки! Стыд какой!.. Подумали на Твердохлебова, чтобы мозги свои чадающие не затруднять. Как же, уголовное прошлое... Прямая дорога... Ваши мозги работают как желудок собаки Павлова. По первой сигнальной системе. Откликаются на лампу. А то, что он мой друг... А то, что его здесь не было в последние минут сорок... Кто подумал на Твердохлебова, подымите руки.

Рук никто не поднимает.

Врете, все подумали! Вот и полиция наша такая... *(Уходит на антресоли. Всем, вниз.)* Идите по домам, ребята, делайте своих близких счастливыми. Не теряйте времени, зарабатывайте. Разбирайтесь со своими проблемами, зачем вам мировые? Все равно ни хрена не поймете, только запутаетесь. *(Подсаживается к Твердохлебову.)*

Все снова расходятся по столикам, разнося с собой главные сенсации дня и продолжая их обсуждать. Возвращается пани Бланка посвежевшая, но все же угнетенная. Достает косметичку и делает умеренный макияж, в основном с помощью пудры. А затем приступает к обычным делам. Тем временем на антресоли вызревает новая сенсация, известная пока лишь двоим.

На антресоли.

Гусев *(вниз)*. Пани Бланка, простите меня, нечестивого... *(Пауза.)* Ну?.. Простите?.. Барменша. Бог простит.

Пауза.

Гусев. Мальва! Поднимись, пожалуйста.

Мальва легко взбегает на антресоль.

Садись. Есть новость. Твердохлебов принес. Она пока для нас троих. Осилишь?

Мальва. Ну, если доверяете, то, значит, у меня нет другого выхода. Осилю.

Гусев. Я уже говорил вам о печальной участи всех партнеров в творчестве артиста Твердохлебова. Вы настолько ему надоели, что он вас аннигилировал. Точнее сказать — поглотил. Выучил все ваши роли. Получился моноспектакль. Он и жнец, и швец, и на дуде игрец.

Мальва. Как?.. А Офелия?..

Гусев (*машет рукой*). Он и Офелия.

Мальва. Это правда?

Твердохлебов. Увы!

Гусев. Есть такие уроды... Кстати, их оказалось не так уж мало. Короче говоря, в Праге через пару недель открывается европейский фестиваль моноспектаклей. «Гамлетов» целых три штуки. А вообще десятка два названий из пятнадцати стран. Твердохлебов только сейчас узнал, что министерство включило его в заявку вместо кого-то. Я их понимаю. Твердохлебов в этом жанре — номер один. Никто его двухлетнее отсутствие всерьез не принимает. Подумаешь, драка! Творческая командировка. Он у них на особом учете.

Мальва. Всё понятно. Мы остаемся без Гамлета.

Твердохлебов снимает свитер, отдает его Мальве, разводит руками.

Твердохлебов. Спасибо. Не заслужил.

Мальва. А кто будет?.. Извини, Гусев, как постановщик ты гениален, но Гамлетом так и остался — техническим. Может быть, потому, что ждал этого господина... Сдерживал себя?..

Гусев. По разным причинам. А теперь слушай дальше.

Мальва. О, господи...

Гусев. В заявке, в графе «Участники» значится исполнитель плюс режиссер.

Мальва. Странно. Значит, режиссера он еще не аннигилировал?

Гусев. Ну, после фестиваля большой европейский тур. Сама понимаешь... Хоть словом с кем-то перемолвиться надо... Как ты думаешь, что сей господин по факсу вписал в графу «Режиссер»?

Пауза.

Мальва. Чего тут думать... Ежу понятно.

Гусев. Но ведь не все и умные-то поймут.

Мальва. Значит, наш областной... накрылся медным тазом... (*Всхлипывает.*)

Пауза.

Гусев. Могу остаться. Как скажешь, так и будет. Ты ведь у нас знаешь кто...

Мальва. Пошел к черту.

Гусев. Ну, прости. Я и так в долгу перед тобой.

М а л ь в а *(утирая слезы)*. Ой, Гусев, как я за тебя рада...

Пауза.

Г у с е в . Это правда?

М а л ь в а . Да. *(Пауза.)* Когда ехать?

Г у с е в . Сегодня... Точнее — сейчас. Чтобы успеть с паспортами.

М а л ь в а . О, господи... *(Пауза.)* Прощаться не будешь?

Г у с е в . Упаси Бог.

М а л ь в а . Не надо. Для нас всё это забава. Верить-не верить. Для тебя — судьба.

Сидят молча.

Г у с е в . Спасибо тебе... *(Пауза.)* Ну, с Богом! Прикроешь?

М а л ь в а . Прикрою. Сцену сумасшествия можно?

Г у с е в . Можно. Сама не свихнись.

М а л ь в а *(в слезах подходит к нему)*. Гусев... *(Жарко целует его.)* Я люблю тебя.

Гусев покрывает ее лицо поцелуями. Твердохлебов отходит к балюстраде. Машет Ньюше, улыбается. Она отвечает.

Т в е р д о х л е б о в *(наигрывая на гитаре)*.

Не верь, что солнце ясно,

Что звезды — рой огней,

Что правда лгать не властна,

Но верь любви моей...

В нижнем зале кафе.

Разыгрывается пятая сцена четвертого акта (фрагментарно, в том объеме, который необходим режиссеру). Простоволосая и босая Офелия в присутствии королевы и короля обнаруживает свое безумие. Студийцы то подыгрывают ей, то просто подчитывают текст. Незамеченными Гусев и Твердохлебов покидают кафе.

О ф е л и я *(заканчивая)*. Я надеюсь, что всё будет хорошо. Надо быть терпеливыми, но я не могу не плакать, когда подумаю, что они уехали...

Р у д и к *(подсказывает с текстом в руке)*. ...Когда подумаю, что они положили его в холодную землю...

О ф е л и я , ...Когда подумаю, что они уехали, что их больше не будет с нами... *(Горько плачет.)*

Пауза. Все переглядываются.

Р у д и к . Кого не будет?..

М а л ь в а . Гусева и Твердохлебова.

Р у д и к *(после паузы)*. Пани Бланка, Аптекарь здесь?..

Пани Бланка качает головой. Мальва трясется в рыданиях, утирается.

К о р о л ь . Почему их больше не будет?

М а л ь в а . Подайте мою карету! — Покойной ночи, сударыня; покойной ночи, дорогие сударыни; покойной ночи, покойной ночи. *(Королю.)* Потому что они уехали в Прагу. *(Отходит.)*

Слышны шум и свист проходящего поезда.

(Подходит к лежащему на раскладушке Муратову.) Муратов, вставай!

Муратов, проснувшись, садится. Мальва бросает ему свитер.

Пошли домой.

Муратов одевается, собирает раскладушку, идет вслед за Мальвой.

Затемнение.

Действие второе

То же кафе через несколько дней. Здесь мало что поменялось, но внимательный взгляд все же уловит несколько новых деталей. Если раньше за каждым столиком стояло не больше четырех стульев, то теперь за некоторыми, особенно теми, что в сторонке, может быть и пять, и шесть. И мужские компании за ними более чем оживленные. Где в карты играют, где в домино, попивая пиво из жестяных банок. Вот и музыка звучит не такая, как прежде. То был Бах, а ныне какое-то разбитое танго. Ну и, наконец, пани Бланка. Если прежде ее лицо светилось добродушным юмором и она готова была подбросить шутку-другую в общую атмосферу веселой озабоченности, то сейчас ее острые взгляды, устремляемые то к одному концу кафе, то к другому, содержат устойчивое выражение тревоги.

У стойки с чашкой кофе сидит Мальва. Пани Бланка ведет с ней беседу, то удаляясь от нее, то возвращаясь к ней. К Мальве подходит Студиец в театральном костюме, в маске.

Студиец. Подгнило что-то в Датском государстве. А?.. В масть?.. (Не дождавшись ответа, отходит.)

Барменша (подходя). Чего он хотел?

Мальва. Да кто ж его знает.

Барменша. Вчера, когда я закрывалась на перерыв, пришла Бошка, дайте, говорит, мне денег в долг, в универмаге есть лайковые перчатки на осенний сезон моего размера. Я ей говорю: так купи мне тоже! Наверное, она занесет, мне хочется посмотреть какие. Может быть, я их надену и уже смогу поехать в гости в Варшаву. А за тем столиком опять пьют пиво из банок. Лучше бы играли в подкидного дурака.

Мальва. Можно делать и то и другое.

Взрыв смеха от многолюдного столика.

Барменша. Ты подойди к ним, намекни, что пиво у нас не пьют. Я им уже говорила, но мне иногда лучше смолчать. (Отходит.)

Входит Аптекарь, направляется к стойке.

Аптекарь (*усаживаясь*). Здравствуйте. Как ваше самочувствие, уважаемые дамы?

Мальва. Вполне... Ничуть не тревожит.

Барменша. Вам покрепче, Самарий Ильич?

Аптекарь. Средний... Да. Уже с порога чувствуешь, как всё изменилось.

Барменша. А что?

Аптекарь. Не передать. Атмосфера. Запах.

Барменша. Увы! К сожалению, пахнет пивом. Скоро будет совсем как в пивной. (*Подходя с чашкой.*) Я решила поставить на диск какую-нибудь успокаивающую музыку... Вот старое аргентинское танго... По-моему, очень душевное. Я правильно сделала?

Аптекарь. Вполне. Но энтропия тем временем накапливается, имейте в виду.

Барменша. А что это?

Аптекарь. Разруха.

Барменша. Даже от танго?

Аптекарь. Даже если будете их манной кашей кормить с абрикосовым вареньем.

Барменша. Скажите, пожалуйста!.. (*Мальве.*) Нет, не ходи. Ты для них раздражитель... Вроде участник заговора...

Многолюдный столик. В параллель — стойка бара.

Из-за столика, за которым сидят Полоний, Горацио, Розенкранц и Гильденстерн, выходят два придворных и начинают танцевать, вернее, туго топтаться, не отходя далеко от пива.

Барменша. Танцуют... Это полезно?

Аптекарь. В какой-то мере.

Барменша. Я так и подумала.

Аптекарь. Вот видите, а этого в тексте нет.

Барменша. Вы что имеете в виду?

Аптекарь. У господина Шекспира.

Барменша. Ну что ж... Всего не предусмотреть. Хоть он и был гений.

Полоний. Я всё вольтанул с ответом, а теперь написал: мы приедем! А чего ж. Мы с моей Татьяной вольные люди, молодые пенсионеры отныне... А там, на Селигере, сейчас подлещик клюет!.. Во такие! Туши свет!

Горацио. Так то лещ!

Полоний. Я ж говорю, нет худа без добра.

Розенкранц. Как нет добра без худа.

Горацио. Диалектика!

Полоний. Но вам, студентам, впереди — разгул! Погоди, еще благодарить будете этого, Твердохлебова...

Горацио. Не, ну, скажи, есть же люди!.. Пришел и за один день всё разрушил. Всё ж старались. Плохо ли, хорошо ли, но стара... Скажи, ты старался?

Розенкранц. А то!

Горацио. Ну, так и получалось. А теперь всё куда?..

Розенкранц. В унитаз.

Горацио. Без промаха!

Гильденстерн. А сколько бабла можно было заработать за это время! На одной клубнике в сезон!..

Горацио (*Полонию*). Слышь, пришел и разрушил... Да за такие дела надо морду бить. Хоть он и Гамлет... (*Машет рукой.*) Пани Бланка, всё в ажуре!.. Всё тип-топ.

Полоний. И вот, понимаешь, у них дом у самого озера. В обрез воды... С веранды можно закидывать, не отходя от самовара.

Горацио. Ну что тут скажешь... Надо ехать.

Студиец (*подойдя*). Прогнило что-то в Датском государстве. Разве нет?

Горацио. Иди, иди!.. И так тяжело.

Барменша. Как мне их жалко — все потерять в одну секунду: роль, положение, всё, чем наполнялся день, чем жила душа.

Аптекарь. Мечты. Иллюзии!.. Между прочим, иллюзии, грёзы — очень важная часть человеческого самоощущения.

Барменша. Я вас понимаю. Типа: «Ты меня уважаешь?..»

Аптекарь. Нет. В акте самооценки.

Барменша (*подумав, но не найдя объяснения*). Ай-ай-ай!.. Куда им теперь ходить? Чего ждать?

Аптекарь. А главное — во что верить?.. Это — главное!.. Вы меня понимаете?

Барменша. Я вас понимаю.

Аптекарь. Это глубокий стресс с тяжелыми последствиями...

Барменша. Что вы говорите? Какими?

Аптекарь. А я вам скажу! Депрессиями, фобиями... вплоть до душевного расстройства... Только это между нами...

Барменша. Ах, боже ж ты мой!.. Пусть лучше танцуют...

Звучит музыка. Мальва решительно приближается к столу и, сделав книксен, приглашает на танец Горацио. Тот идет с готовностью. К ним присоединяются и остальные участники застолья. И вот посреди зала живописная группа — два молодых человека в средневековых костюмах, со шпагами, и несколько вполне подвыпивших прощелыг с хорошей телесной пластикой в затрапезных летних одеждах исполняют страстное аргентинское танго группой и соло, а также в паре с молодой обольстительной партнершей — поочередно.

Барменша с Аптекарем аплодируют. Аплодисменты раздаются и с других столиков. Но нет в них веселья.

Мальва возвращается к стойке. Музыка продолжает звучать.

Барменша. Бесподобно! Вы сама грация, Мальва! Дело наладится. А, Самарий Ильич?

Аптекарь. Увы. Всё впереди. Процессы гораздо более глубокие. По-хорошему, им надо было бы не танцевать, а всем вместе пойти в баню, в бассейн, я знаю?

Барменша. Вам виднее, вы медик. Вам и положено быть скептиком. А я вижу в прошедшем и хорошую сторону. Вчера Ольга и Прохор Метелкины плакали тут... Клялись, что никогда больше не оставят ребенка на круглосуточных яслях... Одной слезинкой ребенка меньше будет — это что вам, не результат? (*Смахивает слезу.*)

Аптекарь. Они что-то затеяли...

Компания переносит свой столик на середину, и к нему присоединяется тот, где забивали «козла». Среди них владелец заведения, бывший король. В знак того, что всё в прошлом, он собрал роскошную свою шевелюру в пучок на затылке и схватил резинкой. Он уже неплохо выпил. Пустые банки из-под пива катаются у них под ногами. Никого это не волнует.

Король (*читает по тетрадке с усилием, как выпивший человек*). Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн!

Не только тем, что вас мы рады видеть,
Но и нуждою в вас был причинен
Столь спешный вызов, Вам уже известно
Преображенье Гамлета: в нем точно
И внутренний и внешний человек
Не сходен с прежним.

Горацио. Да пошел он!.. (*Машет рукой*). Пани Бланка, всё под контролем! Всё тип-топ!..

Людей прибывает. Выпивки тоже.

Барменша. Пусть двигают.

Рудик (*Мальве, у стойки*). Я думаю, надо что-то сплывающее, какую-то скрепу...

Мальва. Не увлекайся.

Рудик. Нет-нет. (*Направляется к компании.*)

Барменша. Куда он пошел...

Рудик (*с ходу*). Ребята, проводим конкурс! Кто больше помнит афоризмов из Гамлета, время пошло!

Студиец (*тут как тут*). Подгнило что-то в Датском государстве!

Горацио. Нет в Датском королевстве подлеца, который не был бы отпетым плутом. Вот это верно! Как Гусев.

Розенкранц. Слова, слова, слова!..

Пауза.

Рудик. А еще?.. Ну, что, заклинило?

Горацио. Да пошло оно! (*Рвет тетрадь, подбрасывает листы.*) Илло!.. Хо-хо!..

Король. И ты пошел в жопу, шестерка!.. Закладывал нас оптом и в розницу.

Рудик. Никого я не закладывал! (*Поспешно отходит.*)

Король (*рвет тетрадку*). Илло! Хо-хо!..

Все (*подхватывают*). Илло!.. Хо-хо!..

Нюша (*от стойки*). И я не верю!..

Листы летят в воздух и за другими столиками. Кто-то прошел колесом, какой-то атлет идет на руках. Вновь принятая Регина делает «каскад», а затем танцует канкан. Кто-то «степует». Король между тем, пошатываясь и икая, отходит.

Стойка бара.

Аптекарь. Ну, началось.
Барменша. Что ему там надо?

Рудик возвращается.

Рудик. Не срослось.
Барменша. И не ходи!

Рудик. Всё равно надо перехватить инициативу. Гусев это умел. (Мальве.). Мать, давай возьмем всё в свои руки. Пока не разбрелись. Пока не остыло!

Мальва. Что — всё?

Рудик. Студию! Тебя слушают. Я бы мог предложить концепцию...

Мальва. Даже так?

Рудик. А почему нет?

Мальва. И что? В чем фишка?..

Рудик. Фишка в том, что все приклатненные... С хрипотцой, понимаешь?.. Это сегодня канаает. Вкрадчивые, скрытно-угрожающие... Вон как сейчас. Всем понравится, вот увидишь.

Мальва. Господи, Рудик!.. Откуда это в тебе? Ты ж не такой.

Рудик. Нет.

Мальва. Ну, тогда походи еще, пострадай..

Общий стол. В параллель — стойка бара.

За столом после очередной выпивки поют, положив друг другу руки на плечи.

Все. Не верь, что солнце ясно,
Что звезды — рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви моей...

Куплет повторяют, потом еще раз и так без конца, каждый раз всё жалостливее, пока кто-то не раздражается рыданиями. (Вместо этого может быть исполнена песня «Позабыт, позаброшен с молодых, юных лет...») Начинается общая истерика: бессмысленные крики, рыдания, пение, декламация, возгласы. А что может быть трагичнее мужских рыданий? Возникает также агрессия, пока неизвестно на кого направленная, но способная вмиг вылиться в драку. Возле стойки плачут барменша, Мальва и Нюша.

Аптекарь. Ну, я пошел..
Барменша. Матка Божка, помоги ему!
Мальва. Куда это?..
Барменша. В пекло! Ему больше всех надо.

Аптекарь подходит к столу, на него не обращают внимания. Он трогает кого-то за рукав и предлагает выпить таблетку. Тот с готовностью пьет и снова возвращается к кутежу. Так аптекарь, оставаясь незамеченным, обходит всех участников разгула и всем дает таблетку, а также глоток воды из припасенной бутылочки, не получая ни одного вопроса: от чего и зачем? Обслужив таким образом всех, аптекарь возвращается к стойке.

Барменша. Самарий Ильич, вы герой. Я так за вас боялась.

Аптекарь *(пожав плечами)*. Вполне рутинная процедура. Для этого не нужно быть ни фармацевтом, ни героем.

Однако накал страстей не уменьшается, и теперь всё кафе гудит угрожающе, пока не наступит очередная разрядка.

Барменша. Погодите... Мальва, это не к тебе?

В кафе появляется доцент. Оглядевшись, он направляется к общему столу.

Доцент. Я приветствую честную компанию.

Полоний. Будем здоровы. *(Поводя рукой)*. Лучшие актеры в мире для представлений трагических, комических, исторических, пасторальных, пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагико-комико-историко-пасторальных, для неопределенных сцен и неограниченных поэм... Для писанных ролей и для свободных — это единственные люди. А вы кто?

Доцент. Арсений Морев. Доцент института.

Розенкранц и Гильденстерн. Это наш учитель. Здравствуйте, Арсений Леопольдович!

Доцент. Мое почтение!

Полоний. Ах, учитель!.. Садитесь, учитель. Дайте выпить господину учителю. Итак, чему учите?

Доцент. Да бросьте вы!.. Сам зашел поучиться. Господин Гусев намерен пригласил подумать о концертной программе... Кстати, он здесь?

Полоний. А где же ему быть. Гусев!..

Горацио. Гусев! Тут к тебе пришли поучиться... Он научит.

Полоний. Этот научит!..

Горацио. Гусев, ты куда завалился? Может, прикорнул где. У нас бывает. Один давеча раскладушку приволок, в уголке поставил. У него жена тут по прозвищу Офелия. Очень он ее ревнует к нам ко всем. Вот он лежит, значит, один глаз закрыт, а другой жену отслеживает...так и буравит... А сам, что характерно — с ней разведен!

Полоний. А вы по какой части пришли поучиться, позвольте узнать? Концерты давать в каком жанре намерены? Песня, пляска или художественный свист?

Доцент. Как вас, простите, по имени?

Полоний. Можно просто — Полоний.

Доцент. Ах, так? Давайте, господин Полоний, обойдемся без церемоний. Какие концерты?.. Ну, что вы! Есть грех, читаю иногда Пастернака студентам. Вот ваш Гусев услышал... А что же это он не идет?

Полоний. А любит, чтоб хорошо позвали. Вы сами его позовите, может, проймет.

Доцент. Гусев!..

Горацио. Нет, вы по-гусиному. Га-га-га-га!..

Все смеются. Смеется и доцент, но тень беспокойства уже скользнула по его лицу.

Доцент. Ну, хорошо, я пойду. Наведаюсь в другой раз. Передайте ему привет.

Полоний. Нет, без Пастернака вы не увидите. Не отпустим. Читайте.

Доцент. Вы что, всерьез?

Полоний. Вполне.

Доцент. Так прямо... в принудительном виде.

Полоний. А как мы читаем? Бывает, вовсе не хочется. А ему вынь да положь.

Горацио. Да не по единому разу!

Доцент (*встает*). Ну, с ним разбирайтесь сами. А я человек вольный. Сам решаю.

Резко встают Полоний с Горацио. Тут же поднимаются со своих мест Розенкранц с Гильденстерном. В мгновение всё застолье оказывается на ногах. То же происходит и за стойкой бара. Розенкранц с Гильденстерном делают «шаги наголо» и становятся по обе стороны доцента.

Господа, а в чем дело?

Розенкранц. Арсений Леопольдович, вы под охраной.

От стойки к доценту поспешно подходит Мальва, молча предлагает взять ее под руку.

Мальва. Прошу вас.

Оба поворачивается, чтобы идти к дверям.

Доцент (*Мальве*). Пойдите!.. (*Полонию*.) Вам правда так хочется, чтобы я почитал? Вы любите Пастернака? (*Смеется*.) Извольте. Но в сокращенной редакции, договорились? (*Выходит из-под охраны*.)

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложение,
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ.
Как жаль ее слёз. Я святого блаженней.

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значенье своем подымалась...

В тот день всю тебя от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Когда я упал пред тобой, охватив
Туман этот, лед этот, эту поверхность
(Как ты хороша!) — этот вихрь духоты —
О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнуто.

Благодарю вас. Польщен. До свидания. (*Кланяется Мальве и стремительно уходит из кафе*.)

Полоний. Ну вот, пожалуйста, припечатал!.. Как трагик в провинции драму Шекспирову...

Горацио. А?.. Какие стихи?..

Пауза. Мальва возвращается к стойке.

Аптекарь (*Мальве, privately*). А вы знаете, у меня сложилось впечатление, что он читал для вас.

Мальва (*холодно*). Все может быть.

Аптекарь. Это было неплохо. (*Отходит.*)

Барменша. Самарий Ильич, это кризис?

Аптекарь. Нет еще, к сожалению! Что я могу поделать? Вот если бы была драка...

Барменша. Ой, что вы такое говорите!..

Аптекарь. Но это была бы хорошая разрядка. Но раз нет драки — пусть уж они кричат.

Барменша. Это — им. А что вы порекомендуете нам?

Аптекарь. Терпение. Выдержку. И по глотку коньяку.

Барменша. О Мать Божья!.. (*Наливает аптекарю рюмку.*) Я бы сварила для них бульон, если бы знала из чего. Ньюша, может быть, ты сходишь на рынок?

Аптекарь. Не морочьте ей голову. Ваш бульон никому не нужен.

Мальва. Что-то они затевают...

Горацио. Где король?

Полоний. А хрен его знает. Дрыхнет где-нибудь.

Горацио. Турниры обычно назначает король.

Полоний. Ну, нет короля, что я могу сделать.

Горацио. Но есть королева!

Полоний. Королева — виват!

Все. Виват!

Горацио. Пани Бланка, побудьте слегка королевой.

Барменша. Так я же дублерша! Настоящая королева — мадам Червонная.

Горацио. Но ее же нет!

Аптекарь. Соглашайтесь.

Барменша. Так. Я согласна.

Полоний. Тут важно сохранить легитимность власти.

Барменша. Что я должна делать?

Горацио. Наденьте мантию.

Барменша одевается и тут же меняется в лице.

Хорошо. Наденьте корону. Отлично! Фанфары! (*Громко.*) Ее величество королева Дании!

Середина зала. В параллель — стойка бара.

Звучат фанфары — настоящие или их имитация — все равно это волнующий ритуал. Королева выходит на середину зала.

Королева (*негромко*). Я должна что-нибудь говорить?

Горацио. Объявляйте турнир.

Королева (*величественно*). Объявляю турнир!

Горацио. На шпагах.

Королева. На шпагах!

Горацио. До первой крови.

Королева. До первой... Что?..

Г о р а ц и о . Ну, что-что. Есть такой вид турнира — до первой крови. Бьются парами, по жребью. Всё честно, пани Бланка! Ну, что тут такого?

К о р о л е в а *(гневно)*. Я за-пре-щаю! *(Уходит, ворча.)*

Г о р а ц и о . Ну, нет. Уже объявлено. Да вы не волнуйтесь! Дальше дело не пойдет!.. Только до первой. Ведь так, доблестные рыцари?

Г о л о с а . Та-ак!..

Барменша возвращается за стойку и снимает королевское облачение. Вид у нее негодующий.

Б а р м е н ш а . Во что вы меня втянули? Я не собираюсь быть им прикрытием. Я сейчас же вызываю полицию!

А п т е к а р ь . Ну, погодите!.. Это успеете. Не это сейчас важно.

Б а р м е н ш а . А что важно?

А п т е к а р ь . Подготовиться, чтобы оказать первую помощь.

Б а р м е н ш а . Вы слышите, что он говорит? Вот так всегда мужчины, стоит их только похвалить, назвать героем. Ему мало героизма... Он хочет прославиться!..

В центре зала тем временем устраивается площадка для ристалища.

Г о р а ц и о . Я предлагаю так. Сначала дерутся обладатели шпаг — Розенкранц и Гильденстерн. Потом пары по жребью. Потом победители пар. Потом победители победителей... Согласны?

Г о л о с а . Согласны!..

В стороне под руководством Полония бросается жребий. Желающих много, целая очередь.

Б а р м е н ш а *(аптекарью)*. Самарий Ильич, пойдите вмешайтесь, может, не поздно еще остановить.

А п т е к а р ь *(раздраженно)*. У меня другая профессия, пани Бланка. Я занят своим делом. *(Кипятит воду. Рвет белую ткань на ленты. От кофеварки вздымается пар.)*

Б а р м е н ш а *(негодующе)*. Ну, вы посмотрите на него, он занят делом!

Г о р а ц и о . Участники первого тура, на исходную!

Идет красивая театральная схватка между Розенкранцем и Гильденстерном. Все посетители, а их много, кроме студийцев, охвачены азартом. Раздаются возбужденные возгласы, вскрики, вздохи и — поверх всего, в самых драматичных местах — визг Ньюши. Розенкранц выбивает шпагу у Гильденстерна.

Г о р а ц и о . Победил Розенкранц! Пара вторая! Передать оружие! Владеть умеете?

Г о л о с а . Умеем!

Вторая пара — кто-то из свиты, те, что танцевали друг с другом танго — тоже проводит бой без происшествий. Но партнер, проигравший схватку и не израсходовавший запасов агрессии, набрасывается со шпагой на ширму и протыкает ее несколько раз.

Г о р а ц и о (*истошно*). Сто-оп!.. Стой!..

Полоний, догадавшийся о причинах тревоги своего компаньона, тоже кричит. Оба, ни живы ни мертвы, почему-то на цыпочках приближаются к ширме при полном общем молчании.

П о л о н и й. Умереть-уснуть.

Складывают ширму. За ней лежит человек.

Г о р а ц и о. Это король.

Полоний бросается к нему, прикладывает ухо к груди.

Г о р а ц и о (*дрожащими губами*). Умереть?.. Уснуть?..

П о л о н и й. Уснуть.

Г о р а ц и о. Слава богу!.. Мог бы и получше устроиться. (*Обессиленно.*) Турнир окончен.

Г о л о с а. Как окончен?.. А кто победитель?..

Г о р а ц и о. Победитель король. Слава королю.

Б а р м е н ш а (*перекрестясь*). Слава Королю!.. А то ведь могли проткнуть, как Полония.

А п т е к а р ь. Вот видите? Обошлось...

Б а р м е н ш а. Ну, наконец кончилось это?..

А п т е к а р ь. По-моему, нет.

Б а р м е н ш а. Вы издеваетесь!

А п т е к а р ь. И не думаю.

Б а р м е н ш а (*повышая голос, неизвестно к кому обращаясь*). Нет, вы издеваетесь над людьми! Заманили и бросили! Как вам это понравится?.. Без надежды, без веры! Эй вы, где ваша совесть! Они же верили вам! Они шли за вами, бросив своих детей! А теперь они больше вам не нужны? И куда им? На улицу?..

А п т е к а р ь. Это вы кому?

Б а р м е н ш а (*подумав, всплеснув руками*). А я знаю?..

М а л ь в а. Что ж они за люди такие, что их пальчиком помани, они и поверили?

Б а р м е н ш а. А Эльсинор?

М а л ь в а. Да не было никакого Эльсинора! А если был, так что там хорошего? Кровь, доносы, предательство. Нашли царство справедливости — Датское королевство. Отсохните вы от него! Забудьте!

Б а р м е н ш а. Мальва, вы мне не рассказывайте за Данию! Дания — хорошая цивилизованная страна! Чтоб вы знали, их король спас своих евреев от истребления!

М а л ь в а. Пани Бланка, вы путаете времена!

Б а р м е н ш а (*машет рукой*). Ай!.. Во все времена одна и та же история...

А п т е к а р ь (*Мальве*). А разве вы не поверили в Датское королевство?

М а л ь в а. Нет! Мне не нужно верить. Я сама оттуда.

Б а р м е н ш а (*растерявшись*). Ах, оттуда?.. А мы отсюда! Разве ж человек отсюда может без веры? Без надежды какой-никакой?..

А п т е к а р ь. Ну, вот нам еще не хватает впасть в истерику. Пани Бланка, примите. (*Дает ей таблетку.*)

Барменша. Что это?.. А, один черт. *(Проглатывает лекарство.)*
Аптекарь. Мальва, вы тоже. И вы, Нюша.

Горацио с Полонием расталкивают короля.

Горацио. Король ты или не король?
Король *(подняв голову)*. Я — король. Клавдий.
Горацио. Первый.
Король. И последний. *(Роняет голову.)*
Горацио. Ну, так командуй! Покажи власть.
Король *(лежа)*. Принести выпивку!
Горацио. А закусу?
Король. И закусь!
Полоний. Слушаюсь, ваше величество! *(Уходит к столу.)*
Горацио *(королю)*. Нет-нет, пойдите к столу. Так нехорошо, лежа... Не по-королевски. *(Помогает ему подняться.)*

Король поднимается с посторонней помощью. Срывает резинку, распускает волосы, силится вернуть себе осанку. Компания снова усаживается вокруг стола.

Полоний. Пей, король! Тебе сегодня выпал счастливый жребий! Здоровье короля!
Горацио. Король сегодня тешится и кутит,
За здоровье пьет и кружит в бурном плясе;
И чуть он опорожнит кубок с рейнским,
Как гром литавр и труб разносит весть
Об этом подвиге. Таков обычай.
Все *(хором)*. Таков обычай!

Едва король опоражнивает стакан, раздается оглушительный гвалт — бьют в подносы, колотят кулаками по столу, звенит посуда, трубят, восклицают, орут. И вдруг — звучат настоящие фанфары, бьют литавры, звонят колокола.

Голоса. Король виват! Виват король! Вива-ат!.. Пей, Дания! Тюрьма народов! Долой тюрьму! Да здравствует король!.. Урр-ра-а!.. За Россию!.. «Спартак» — чемпион! Долой королей!.. Крым — наш!.. Вперед, Россия-а!.. Да здравствует король!..

Аптекарь. Вот это, кажется, уже началось...

Барменша. Тихий ужас!..

Аптекарь. Теперь только терпение!.. И не удивляться ничему!.. Слышите? Так надо!..

Мальва, решительно зайдя за стойку, начинает какую-то деятельность.

В зале колотят в подносы, бросают стулья, пляшут, ходят на руках, делают «каскад» и наконец опрокидывают стол. Кто-то, особенно ловкий, раскачивается на люстре.

И вот тут в центре зала появляется Мальва в подоткнутом платье. Под мышкой у нее швабра, в руках таз с водой. Воду она выплескивает прямо в середину безумствующей компании.

Г о р а ц и о . Что такое?..

М а л ь в а . Уборка!

Мальва начинает яростную работу шваброй, прямо под ногами безумцев. Следом появляется Нюша тоже со шваброй и ведром воды, которую с треском выплескивает на пол. Вторая швабра тоже начинает бешено двигаться, так что мужчины то и дело подпрыгивают, отскакивают.

Г о р а ц и о . Черт знает!.. (Отряхивается.)

М а л ь в а . Давай уноси!

П о л о н и й . Так мы же сидим...

М а л ь в а . Уноси, я сказала!..

Полоний, пожав плечами и призвав кого-то на помощь, уносит перевернутый стол. Кто-то из разгульных начинает поднимать банки из-под пива, разодранные тетрадки и бросать их в бумажный мешок. Гулявшие в центре рассаживаются теперь по периферийным столикам, унося с собой свои разрушительные инстинкты и склонность к беспределу, которые в тех безлюдных углах оказываются невосстребованными. В середине зала остаются лишь две трудолюбивые миловидные девушки в подоткнутых платьях, что дает возможность желающим любоваться стройностью их ног. Вполне кстати к их ритмичным движениям оказываются звуки старого меланхолического танго «Мне бесконечно жаль твоих несбывшихся мечтаний», которое пани Бланка вовремя поставила на допотопный проигрыватель, так что иногда даже можно задуматься: работают девушки или танцуют.

В какой-то момент, когда все успокоилось и забрезжила утраченная было свойственная этому месту гармония, дверь с улицы отворилась и в кафе вошел Гусев. Вошел как-то буднично, по-деловому, ни на что не отвлекаясь, как служащий, который приходит перекусить в обеденный перерыв. Он проследовал к стойке бара, где и уселся на высокий табурет спиной к залу. Пани Бланка как ни в чем не бывало поставила перед ним чашку кофе и что-то еще в стакане.

Какое-то время в кафе всё оставалось как было, но вот музыка внезапно оборвалась, и возле дверей появились Горацио и Полоний, беседуя на ходу.

У двери.

П о л о н и й . Так вы не видели его лица?

Г о р а ц и о . Нет, как же, он шел, подняв забрало.

П о л о н и й . Что, он смотрел угрюмо?

Г о р а ц и о . В лице была скорей печаль, чем гнев.

П о л о н и й . И бледен иль багров?

Г о р а ц и о . Нет, очень бледен.

П о л о н и й . И смотрел на вас?

Г о р а ц и о . Да, пристально.

П о л о н и й . И ни раскаяния, ни стыда...

Г о р а ц и о . Ни тени.

П о л о н и й . Жаль, что я не был там. Меня б забрало. Я б дал по этому забралу.

Продолжая беседовать, уходят на свои места. Мальва и Нюша также присели за чьи-то столики в глубине зала, так что середина его, вымытая, темная от воды, осталась совершенно свободной.

У стойки бара.

Трудно сказать, что происходит в зрительном зале, когда на всем пространстве сцены царит тишина. Все будто застыли, как восковые персоны: студийцы за дальними столиками, где-то среди них Мальва и Ньюша, у себя за стойкой пани Бланка и вроде бы ни к чему не причастный аптекарь Самарий Ильич. И как центр композиции, сутулой спиной к залу режиссер Гусев, от которого и исходит напавшее на всех физическое оцепенение, гнетущая тишина и даже душевная тяжесть. Может, все кончилось и зрителям пора хлопнуть? Нет. Все ждут, что будет дальше.

А дальше вот что. Из какого-то источника рядом с Гусевым возникают ломкие, как бы стеклянные, знакомые нам по таинству медитации звуки. Звуки эти какое-то время россыпью висят в воздухе как бы без цели и без причины, никем не узнанные и не востребованные, просто сами по себе. И тогда поверх них начинает звучать прихотливая, как будто вовсе не управляемая мелодия кларнета. Но вот в середине пространства появляется Мальва в черном трико и отпускает свое тело следовать этой музыке и еще какому-то тайному чувству, проснувшемуся в ней от этих звуков. Постепенно рядом с Мальвой возникают другие фигуры, и наконец пространство сцены привычно заполняется студийцами. Идет ритуал медитации, якобы завещанной театру Станиславским.

Гусев так и сидит отрешенно, ко всему спиной, сутулясь.

И вот в притихшей музыке возникает голос Джона Гилгуда с классическим монологом. Некоторое время все слушают. А потом не спеша к залу на вертящемся стуле оборачивается Гусев. Он в черной маске. Никто и не удивляется. Лишь Ньюша подбегает к нему, делая радостное открытие.

Ньюша. Умереть-уснуть. Это же Гусев! Ему стыдно. Он покраснел! (Осторожно снимает с Гусева маску.) Ой, посмотрите на него, он плачет... А почему-то я ему верю...

Хаотические движения индивидуальной медитации превращаются в общий ритмичный танец, почти «Болеро», исполняемый всеми с удовольствием и рвением, как в бродвейских мюзиклах.. Может быть, голос Гилгуда звучит над этим, может быть, Прелюдия Баха. Но что-то очень большое и важное в жизни людей, что рождает надежду и веру.

Занавес.

Андрей ДМИТРИЕВ

* * *

Афанасий — готовится в путь — проверяет запасы,
собачьи упряжки, конскую сбрую, лук и стрелы.
Глядит на Пульхерию тепло и участливо,
гладит ей волосы — с запахом белой омелы —
у большого окна, за которым уже облетает октябрь.
Пульхерия — собирает мужа в дорогу —
подает ему чистый кафтан — держит кафтан, словно дитя,
отдаваемое на милость Богу.

— Афанасий, — говорит Пульхерия.
— За морем — такие песни, такие травы, такие птицы.
Принеси мне немного этого легковерия
на блюде заморском — цвета синего ситца —
в руке, огрубевшей от ветра и океанской соли.
Принеси мне благоухание иной, запредельной природы
на крыльях плаща, под которым вздыхают, как совы,
твои строгие хвойные чащи, где тропу нахожу год от года
все увереннее, не боясь медведей мужского сердца.
— Пульхерия, — говорит Афанасий.
— Дальний путь предстоит — вот и солнце вспорхнуло с насеста —
стало добрым знамением. Себя мечом опоясав,
отправляюсь в дорогу. Принесу тебе дивное диво —
исхожу полсвета и назову твоим именем землю —
и море, и небо, и птицу в ветвях иноземной ивы —
а вернусь — будет память о том самым пьяным зельем.

То шел Афанасий, то плыл, то скакал верхом —
проникал в чрево мира, продирался сквозь его космы
и колтуны. Двигался — то диким полем, то быстрой рекой,
а над ним — простирался зодиакальный космос
в искристой золе путеводных звезд.
— Пульхерия, — мысленно говорит Афанасий.
— Я так далеко от тебя, что кажется, будто Земля потеряла ось
и крутится дальше без толку и без внутреннего согласия.

Андрей Дмитриев — редактор отдела экономики газеты «Земля нижегородская». Публиковался в газетах в журналах «Нева», «Гвидеон», «Журнал ПОэтов», «Зарубежные задворки», «Европейская словесность», «Нижний Новгород» и других. Лауреат премии имени Бориса Пильника (2010). Шорт-лист XIV Открытого Международного Волошинского конкурса (2016), шорт-лист IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря-2014», дипломант межрегионального конкурса «Наималы» (2014) и международного конкурса «Мирсконца-2015», проводимых музеем В. Хлебникова в Астрахани, лонг-лист международного интернет-конкурса «Эмигрантская лира-2015».

— Афанасий, — мысленно отвечает Пульхерия.
— У нас тут дожди, а мне кажется, то — мои слезы.
Пусть обойдут тебя стороной кровожадные звери,
пусть минуют болезни, пусть щадят жара и морозы.
Каждый день — выхожу на дорогу и смотрю, не идешь ли ты —
живой-невредимый, а вижу только макушки елей,
качающиеся на ветру в дымке сгущающейся темноты,
к которой глаза привыкают еле-еле.

Афанасий вернулся спустя три года —
зажег в тихой горнице свет, посмотрел на Пульхерию,
взял ладонь ее в руки — дубленные холодом,
коснулся ладони губами, что обветрены лютым севером.
— Пульхерия, — говорит Афанасий.
— Я вернулся, увидев весь многоликий мир.
На руках своих я принес тебе запахи моря и нереально прекрасных
нездешних растений — возьми.
— Афанасий, — отвечает ему Пульхерия.
— Все эти годы я видела дивный сон,
как идешь ты по берегу, в который трудно поверить,
и зовешь его моим именем. Взошла тысяча солнц —
и вот я проснулась, а ты все повторяешь: Пульхерия.
Сойди же на берег, сойди наконец-то на берег,
на обетованный свой берег...

* * *

Мы любим весь этот мир —
всю его пунктуацию и фонетику,
весь его кориандр и тмин,
весь его быстрый бульон из пакетика.
Крановщик видит из башни платоновский котлован —
заметенный первым, но яростным снегом,
но и он влюблен в эти недостроенные слова,
сказанные искренним человеком
при попытке к бегству. Крановщик — пишет стихи
в блокнотик, подаренный представителем банка
при оформлении очередного кредита. Стихи — что-то вроде «апчхи».
Из башни крана видно, как роет собака
мерзлую землю в надежде найти вожделенный мосёл,
прикопанный прошлым летом. Рифма «кровь-любовь» —
вращает старое колесо,
под которым земля бьется в нас покрытым асфальтом лбом.
Однако тут все по-честному — рубит сплеча душа.
Бывает, прочтет Катерине, а та — впечатлительная егоза —
распахнет навстречу свои большие глаза
и выдохнет: как же строчка последняя хороша.

Мир этот — вместителен — в нем урожай стрекоз
пополняет восторженные закрома.
В июле на даче сидит Иван — влекомый рекой —
и снасти готовит, рассчитывая не меньше, чем на сома.
И планета по форме — плод, и дыхание — пар земли,
и сам Иван — зеленый побег.
Речная вода — блестит на мели
и ждет т, что придет человек.

Даже сейчас — когда все вянет и чахнет —
есть импульс жизни — в чтении по слогам.
Открываются чакры —
и вряд ли по пустякам...

* * *

Город всплывает со дна —
вот уже показались мачты и крыши,
и в одном из окон она шепчет «да»
так, что весь космос слышит.
Вот показались извилины —
будто бы строгий ум —
на деле — лишь закоулки. Сколько же вылили
сюда кубометров воды прежде. Шум
возрождает традиции трасс.
Мокрый асфальт — нечему больше всплывать —
и выносит потоком нас
на пешеходные острова
безопасности. Здесь недавно ходили рыбы.
Вот — следы чешуи в черном желобе
тротуара, вдоль которого рифы
хранят обломки судов, не отвечая, как прежде, на жалобы...

Город всплывает со дна —
по перископ, по рубку, по ватерлинию.
Мы сами так часто ныряли сюда,
что это и наше усилие.

* * *

Он играл на губной гармошке у входа в метро —
мог на шарманке, но проблемы с транспортировкой —
габариты шарманки не позволяют быть свободным и ловким
в тесном автобусе или вагоне — да и, в общем-то, это — старо.
Выдувал и вновь набирал воздух в легкие —
собачьи вальсы — и иные гудки внутреннего тепловоза,

что на полном ходу прошел полустанок вчерашней прозы.
Гуляли кисти, вздрагивали локти.

Монеты — в шляпе — пешеходный жест
случайной вежливости. В переходе — ошутим сквозняк,
ведь и на этом импровизированном рубеже —
воздух еще не иссяк.

Игра в подземке — как ужение карася.
«Семь сорок», — просит седой и сутулый Исаак,
в кармане мелочи поискав.

* * *

— А вы правда волшебник? —
спрашивает мальчик у доктора
в белом халате, что занят оценкой ущерба,
нанесенного гриппом, сидя вполразворота
к детскому торсу и прикладывая стетоскоп
к тощей груди. Доктор — шурит зеленый глаз
в линзе очков и отвечает тихо — чтоб
придать моменту таинственность: да-с,
молодой человек — именно так,
можешь считать, что я — добрый маг,
дыши, а теперь — не дыши,
покажи язык, раскрой-ка пошире рот —
ну вот —
шансы твои хороши...

А за окном — холодало, день становился короче.
Все сморщилось в серый комок — покатило прочь.
И мальчику было понятно, что этот сбивчивый почерк
в желтеющем бланке — заклинание, которое в силах помочь
конкретно ему — такому худому и беззащитному.
Ведь даже папа шутит: мальчик-с-пальчик.
И он, видимо, любит сказки. «Дыши, а теперь — не дыши» — кому
удалось не дышать всех дольше? Летом — на даче —
нырял в неглубоком пруду и тоже останавливал диафрагму,
но надолго не получалось — связь с небом и с воздухом
велела вернуться — всплыть и вобрать мощной тягой
насущенный глоток кислорода — с рыбьим возгласом
обретения мира. Доктор — закончил писать на бумаге
и отдал ее маме. Мама — сказала «большое спасибо!» и мягко
взяла сына за руку, направившись к выходу, а у мага —
появилась улыбка — похожая на робкий рассвет.
— А вы правда, вы в самом деле волшебник? —
спросил снова мальчик, но не расслышал за дверью ответ —
мама спешит — ей не до чудес совершенно...

* * *

— Не будем о смерти — ее всегда слишком много, —
сказала старушка соседке на скамеечке у подъезда.
— Каждый год в это время я вспоминаю проселочную дорогу —
раскисшую в зябкой грязи, обрамленную рамками полуголого леса,
а там — вдалеке — клочок у земли отвоеванной жизни —
избы, зовущие криком черных квадратов,
и надо идти маленькими ногами по этой разверзшейся жиже,
беря кое-как в охапку младшего брата.
Мне кажется, будто иду до сих пор —
вязнет сапог, и всхлипывает вода,
как провинившийся в чем-то ребенок — уже вижу забор
крайнего дома, но дойти не получится никогда.

Соседка молчит — у соседки не сварен суп,
не куплены крупы и соль, не оплачен счет за квартиру,
но она вспоминает маленькую стрекозу,
засохшую между оконных рам в каком-то далеком-далеком мире —
мумия лета ушедшего все еще носит крылья,
хоть и бессильные, и веснушчатой девочке
это кажется просто глубоким сном. Ну вот и поговорили.
Старушки встанут с ими любимой скамеечки.

СТИХИ ИОСИФУ БРОДСКОМУ

M'incantava la sobrietà di quelle vetrine...

Как витрины одежды мужской
нас тогда манили,
И я словно шагала
в его башмаках гигантских,
В зеркалах отражаясь,
мерила куртки широкие
И рубашки с закатанными рукавами.
Запах его лова,
свитера и пижамы присваивала.
Одеваясь мужчиной
и руки в карманах держа,
Счастье свое ощущала,
ну, и следила искоса
За повадкой его,
за манерой речи,
За манерой куренья,
за мыслью о мироустройстве
И о сдвигах истории...
И смеялась, смеялась, как он.
Я любила, любила...
Это он разделил мою жизнь
На периоды...
Рядом с ним — золотой был период.
Хрупкость моя его силой была. Но однажды
Звук пощечины был как куранты на площади. Я
Убежала тогда, не желая сказать: «Извини».

Венеция, 5 июня 1985

Аннелиза Аллева — поэт, эссеист, переводчик. Родилась в Риме, где и живет по сей день. Окончила курс славистики на филологическом факультете Римского университета. В начале 80-х годов получила годовую стипендию на стажировку в Ленинграде. Опубликовала восемь поэтических сборников, из которых два, «L'oro ereditato» (Золото в наследстве, 2002) и «Istinto e spettri» (Инстинкт и призраки, 2003) вошли в шорт-лист итальянской премии «Виареджо» и последний «La casa rotta» (Сломанный дом, 2010) получил премию «Sandro Penna». Ее стихи, воспоминания и эссе о Пушкине, Толстом, Цветаевой, Бродском и Борисе Рыжем были напечатаны по-русски в журналах «Звезда», «Нева», «Новая Юность», «Новое литературное обозрение», «Стороны света» и «Литературной газете». Постоянный участник международных семинаров переводчиков русской классики в Ясной Поляне, Тарханах, Елабуге, а также симпозиумах по современной русской литературе в Петербурге, Москве и Грузии.

Снится, как горничная вошла
и твой взгляд зацепила. И был
День покупок в Венеции. И была
Плесень Венеции
у тебя на спине и на том покрывале — плесень.
Мне светло, мне светло, когда вижу тебя, любимого,
Сквозь сияние лунное.

Рим, февраль 1998

Mie lettere d'amore a te...

Письма мои к тебе
Как молочные зубы или цветы полевые
И безножные, с легкими лепестками,
Сорванные и подаренные...
Или ягнята жертвенные
Лучших дней моей жизни...
Письма мои к тебе...
Они были словно младенцев волосы,
Как их ушки, таинственными они были.
Письма стали твоими, стали родней твоих слов.
Ты читал их, как пил из стакана воду.

Четона, июнь 1998

Una pagina intatta come l'alba...

И страница утренняя как заря...
На заре ты мои посещаешь сны
С одеялом в пыли,
и я встряхиваю его.
И постель вдруг оказывается
среди прочих постелей вдруг.
Переезжаешь... другая заря... и с ветром
От меня вновь уходишь волною мысленной,
Оставляя на белой странице утренней
То, что во сне тебя окружало.

Монте-Кастелло-ди-Вибио,
август 1998

«Continua, continua», mi disse un tratto...

«Продолжай, продолжай», — вдруг сказал мне
Голос твой властный, когда я ходила
Утром по коридору, после того, как ты умер.
Голос твой был как град
или алмазы с неба.
Появилось наследство и отскочило тотчас.

Рим, 16 января 1999

Un legame si scoglie come un nastro, o corteo...

То, что нас связывало, ленте подобно рвется.
Было: письма мои на языке неродном.
Было: стоянка такси
на той площади, где я жила.
Ночь была, и я к нам позвала свою комнату.
Первая близость была
и расставанье первое.
За машиной твоей
потянулась вслед пиния.
Комната вниз вдруг спустилась
и, куда я поеду, спросила.
Помню, как рвал ты и рвал
Прежних писем конверты,
а я адрес новый
По слогам диктовала.
Комната ныне заброшена,
Пиния так и осталась склоненной.

Рим, 1999

Da sempre mi sono costruita un sosia...

И всегда я придумывала двойника
Вместо тебя,
и к нему обращала стихи свои.
Был ли он вторым ты,
не могу сказать.
Иногда, на твою фотографию глядя,
Я чужим тебя вижу.
И у меня был двойник,
моя тень, что жила одиноко
В голой квартирке, жилье запущенном,
С серым креслом одним в середине комнаты.
Твой двойник приходил
и сидел у нее, а она
Изучала глаза его
и мечтала о бархате цвета
Его глаз, чтобы меньше грустить без него.
А теперь
с той поры, как тебя нет на свете,
Двойники наши вместе
где-то живут до сих пор
Под именами другими,
но какими и где — я не знаю.

Рим, 4 ноября 1999

Vagavo per stanze d'albergo a Venezia...

Я ходила по номерам гостиниц
Венецианских и некоторые узнавала.
А в один собиралась войти,
но с порога увидела
Человека в оковах, лежащего на полу.
Был он полуживой, на волхва из вертепа похожий,
С бородой и голодный.
Миро и ладан я ему не вручила. Ушла
К знакам былого,
того, что исчезло, прошло.
Сонному сторожу я отдавала свой ключ,
Прикрывала дверь комнаты
и глаза закрывала ладонями,
Приходя в сознание постепенно.

Рим, 2000

Questa notte hanno montato il teatro...

Этой ночью под окнами у меня
Театр установили.
Я была недовольна: шум! шум!
В простыне привидением я на постели ворочалась.
Ну, а после ты мне явился вдруг
Человеком из театра, его работником.
Между нами всегда была как бы сцена.
В жизни ты обожал блистать,
Полумраком окутанный...
Я же всегда просила
Отдыха, отдыха...
Ты, напротив, хотел света рампы.
Вот и сегодня — время игры, твое времечко.

*Монте-Кастелло-ди-Вибио,
август 2000*

Con gli anni ho saputo che mi amavi...

И спустя много лет
я узнала, что ты любил меня.
С той поры много осеней прошелестело,
Много листьев осенних прошелестело по ветру,
И на вешалке накапливались пальто,
Исчезавшие после с приходом лета.

Вешалка с плечиками рифлеными,
В ритме с сезонами она существует во времени.
Часто, часто я спрашивала ее
О тебе. И она, этим летом, совсем пустая,
«Да, любил», — мне сказала.

Рим, сентябрь 2000

Eravo in albergo. Tu eri assorto...

В том гостиничном номере
ты был погружен в сожаленье
О прошедшей любви,
а меня ты не видел в упор.
Встреча без встречи была,
но потом
В моей дреме, во сне моем
ты отыскал уголок
И прервал расслабленье.
Ловким был, устремленным,
а после каким-то рассеянным.
И мне снится все время
все тот же сон.
В нем тебя я зову,
в нем ты всегда одинаков.
Словно книгу на тех же словах открываю я
О лимоне подгнившем
на блюде каком-то с вмятинами.
И обоих их я
все пытаюсь очистить тщетно.

Рим, осень 2000

Перевод Сергея СТРАТАНОВСКОГО

Сергей Георгиевич Стратановский родился в 1944 году в Ленинграде, в семье филолога-классика, переводчика с древних языков. Стратановский Георгий Андреевич перевел на русский язык «Историю» Геродота и «Историю» Фукидида. С. Г. Стратановский учился на филфаке Ленинградского университета, был учеником знаменитого фольклориста В. Я. Проппа и знаменитого исследователя русского Серебряного века Д. Е. Максимова. С 1993 года и по настоящий момент выпустил 10 стихотворных книг в России, две в Италии, две в Польше, одну в Великобритании и одну во Франции. Отдельные стихи переведены на английский, болгарский, голландский, иврит, итальянский, литовский, немецкий, польский, финский, французский, чеченский, шведский и эстонский языки. Лауреат 10 литературных премий. Живет в Санкт-Петербурге.

Наум СИНДАЛОВСКИЙ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ЗАКУЛИСЬЯ

1

Несмотря на то, что в допетровской Руси при царских дворах предпринимались отдельные попытки устройства театральных представлений, театра как такового не было. Профессиональных актеров и постоянных театральных трупп не существовало, а бродячих артистов, скоморохов и других лицедеев ни церковь, ни государство не жаловали, считая их выступления бесовскими играми. В фольклоре сохранилось предание, записанное П. Н. Столпянским, о первом и неудачном появлении в Петербурге странствующих цыганских актеров. Когда Петру доложили, что в Петербург приехали плясуны, балансеры и фокусники, представляющие разные удивительные штуки, то царь будто бы сказал полицмейстеру Девиеру: «Здесь надобны художники, а не фигляры. Я видел в Париже множество шарлатанов на площадях. Петербург не Париж: пусть чиновные смотрят дурачества такие неделю, только с каждого зеваки брать не больше гривны, а для простого народа выставить сих бродяг безденежно перед моим садом на лугу; потом выслать из города вон. К таким празднествам приучать не должно. У меня и своих фигляров между матросами довольно, которые на корабельных снастях пляшут, головами вниз становятся на мачтовом верхнем месте. Пришельцам-шатунам сорить деньги без пользы — грех».

Как известно, первый театр в Петербурге был создан стараниями сестры Петра I Натальи Алексеевны. В Литейной слободе, где находился ее дворец, она устроила «комедийную хоромину» для всех «прилично одетых людей». Вход в театр был бесплатным. Театр назывался Русским. Но директором его был назначен московский немец Фиршт. Любил посещать театр и Петр. Однажды Фиршт задолго до 1 апреля объявил, что в этот день в его театре будет «небывалое представление». Все места были раскуплены заранее. Приехал и царь. И вдруг вместо представления опустился транспарант с надписью крупными буквами: «Первое апреля!» Петр не рассердился. Он встал и обратился к зрителям со словами: «Что ж, нечего и ждать! Поедем домой. Пошутит над нами немец!» Затем весело рассмеялся и уехал.

Наум Александрович Синдаловский родился в 1935 году в Ленинграде. Исследователь петербургского городского фольклора. Автор более двадцати книг по истории Петербурга: «Легенды и мифы Санкт-Петербурга» (СПб., 1994), «История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах» (СПб., 1997), «От дома к дому... От легенды к легенде. Путеводитель» (СПб., 2001) и других. Постоянный автор «Невы», лауреат премии журнала «Нева» (2009). Живет в Санкт-Петербурге.

Театр Натальи Алексеевны просуществовал недолго. В 1716 году она умерла, и ее затея прекратила свое существование.

Основателем первого профессионального русского театра стал Федор Волков. Федор Григорьевич Волков родился в 1729 году в Костроме, в семье костромского купца. В 1750 году Волков основал собственный театр в Ярославле. Скоро о театре от кого-то услышала дочь Петра I императрица Елизавета Петровна. Последовал приказ доставить ярославцев в Петербург. Первоначально их разместили в Смольном доме, а затем — в Кадетском корпусе. Там и развернулся талант Волкова как актера и организатора. Он собрал группу товарищей, знавших французский язык, и они стали друг перед другом декламировать монологи из трагедий Расина и Корнея. Затем решили разыграть всю трагедию. Зрители были в восторге.

Елизавета Петровна, внимательно следившая за их представлениями, решила, что пора представить актеров двору. Согласно преданию, она, желая сделать сюрприз придворным, велела тайно доставить артистов в Зимний дворец. Сюрприз вполне удался. Все приглашенные были абсолютно уверены, что увидят итальянскую интермедию.

Городской фольклор приписывает Федору Волкову видную роль в «революции 1762 года», как тогда высокопарно называли дворцовый переворот, в результате которого Екатерина свергла с престола своего мужа императора Петра III. П. А. Вяземский записал предание, согласно которому находчивый Волков выручил Екатерину в первый же день переворота. Во время присяги на верность новой императрице в Измайловской церкви нужно было прочесть манифест о восшествии на престол. К ужасу Екатерины, манифеста не оказалось. В спешке и суете о нем просто не подумали. На мгновение под сводами церкви воцарилось тревожное молчание. В это время из толпы вышел молодой человек, как ни в чем не бывало вытащил из кармана сюртука лист бумаги и начал читать. Как потом оказалось, бумага была совершенно чистой, а экспромт обыкновенного в таких случаях содержания исполнил актер Федор Волков.

Как пишет Вяземский, Екатерина достойно наградила артиста, выручившего ее из беды. Она назначила ему значительный пенсион «с обращением оного на все потомство его». Между тем, по другой легенде, Екатерина была еще более щедрой. Она будто бы возложила на Волкова орден Андрея Первозванного и предложила ему стать кабинет-министром правительства. Как следует из легенды, Волков отказался от всех этих почестей, сохранив за собой единственное право — право доступа в кабинет императрицы без всякого доклада.

Умер Волков, простудившись во время маскарада в Москве, который ему было поручено устроить в дни коронации императрицы Екатерины II.

При Екатерине II театральное искусство переживает необыкновенный для того времени расцвет. В Петербурге дают регулярные представления постоянные театры: итальянский, французский и немецкий. На гастроли приглашаются известные зарубежные актеры.

Интерес иностранных актеров, певцов, музыкантов к гастрольным выступлениям в Петербурге проявился рано. Зарубежные театральные труппы и отдельные европейские знаменитости считали Петербург вполне достойной площадкой не только для сколачивания капитала, но и для создания актерской репутации в Европе. Ко второй половине XVIII века гастролеров стало так много, что Екатерине II пришлось даже ограничить время концертных сезонов великим постом. Только при Александре I запрет на ограничение частично был снят. Гастроли разрешались в осеннее и даже зимнее время. Полностью ограничения исчезли только в царствование Николая I. Тогда, после открытия Павловского вокзала, в столице начался в полном

смысле слова гастрольный бум. Популярность зарубежных гастролеров была невероятной. О своем отношении к их выступлениям петербуржцы любили рассказывать словами Дени Дидро, который будто бы в бытность свою в Петербурге всегда сидел в театре, зажав глаза. «Я хочу, — якобы говорил он, — слиться душой с душами действующих лиц, а для этого мне глаза не нужны; на них действует мир вещественный, а для меня театр — мир отвлеченный».

Многие гастролировавшие в Петербурге иностранные актеры оставили свой след в петербургском городском фольклоре. Так, рассказывают, что знаменитая итальянская певица Габриели запросила у Екатерины II за два месяца своих выступлений в столице 5 тысяч дукатов. «Я своим фельдмаршалам плачу меньше», — попробовала возразить императрица. «Отлично, ваше императорское величество, — отпарировала певица, — пусть ваши фельдмаршалы и поют». Императрица сдалась.

Чаще всего в фольклоре сохраняется память о необыкновенной находчивости и остроумии иностранцев. В Петербурге гастролировал великий польский скрипач Генрих Венявский. Его популярность была так велика, что каждый уважающий себя петербургский аристократ почитал за честь пригласить музыканта к себе. Однажды некий «покровитель искусств» добился-таки согласия скрипача заглянуть к нему на чашку чая. «Кстати, — как бы мимоходом сказал он Венявскому, — прихватите с собой и скрипку». — «Благодарю вас от имени скрипки, — ответил Венявский, — но она чая не пьет».

Иногда встречи с Петербургом оставляли в душах актеров и неприятный осадок. Сохранилась легенда о французском актере Верне. Однажды он прогуливался по Невскому и повстречал Николая I. Тот узнал актера и остановился поговорить с ним. Но как только император ушел, Верне пригласили в полицию и стали допытываться, о чем он разговаривал с русским государем. С того дня Верне стал уклоняться от встреч с Николаем. «Что это вы, сударь, от меня бегаете?» — спросил его как-то царь. «Ваше величество! Говорить с вами честь, конечно, великая, но сидеть за нее в полиции я больше не собираюсь».

Широкое распространение получили крепостные театры, актеры которых считались собственностью их хозяев. Одним из самых известных в России был театр графов Шереметевых, в котором играла Прасковья Ивановна Жемчугова. Ее настоящая фамилия — Ковалева. Жемчугова — театральный псевдоним. В то время было модным давать актерам сценические имена, образованные от названий драгоценных камней. Известны актерские фамилии Гранатовой, Хрусталева, Сердоликова. Под своей новой фамилией Прасковья Ивановна вошла не только в историю русского театра, но и в родовую биографию графов Шереметевых. С 1779-го по 1798 год она выступала в подмосковном театре Шереметевых в Кускове. Кроме актерского мастерства, Жемчугова обладала прекрасным сопрано. Была хорошо образованна. Знала французский и итальянский языки.

В середине 1790-х годов в жизни Жемчуговой произошли неожиданные перемены. В нее страстно влюбился владелец усадьбы граф Николай Петрович Шереметев. В 1796 году, после воцарения Павла I, Шереметев переехал в Петербург. Вместе с ним в столицу прибыла Жемчугова. Попытки узаконить совместное проживание успехом не увенчались. Павел отказал в праве Шереметева обвенчаться со своей бывшей крепостной. Обвенчались тайно. Только с воцарением Александра I разрешение на брак было получено. Но и тут не обошлось без фольклора. Правда, официально. Была придумана легенда, согласно которой происхождение Параша Ковалевой велось от некоего польского шляхтича по фамилии Ковалевский. Наконец начали готовиться к свадьбе. Перестраивали дворец на Фонтанке. Пристраивали так называемый «Свадебный флигель». Но случилось несчастье. Вскоре после рождения

сына Прасковья Ивановна умерла. Граф был в отчаянии. Установил в саду «Фонтанного дома» бюст своей любимой, но жить в Петербурге уже не смог. Вернулся в Москву. Основал знаменитый Странноприимный дом, будто бы в память о Жемчуговой.

Прах крепостной актрисы Параша Жемчуговой под фамилией жены графа Н. П. Шереметева Прасковьи Ивановны Шереметевой покоится в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры. Мраморный саркофаг над ее могилой выполнен мастером К. Дрейером. В 1809 году, всего на шесть лет пережив любимую жену, скончался и сам Николай Петрович Шереметев. Видимо, памятуя о том, что пышные похороны, устроенные им умершей супруге, были демонстративно проигнорированы большинством сиятельных знакомых графа, он завещал похоронить себя в Петербурге, рядом с женой, «в простом гробе» и без торжественных церемоний.

А старинные стены «Фонтанного дома» до сих пор хранят память о своей молодой хозяйке. В саду живы две липы, по преданию, посаженные лично Прасковьей Ивановной, хотя оба дерева явно более позднего происхождения. И как утверждают современные обитатели Шереметевского дворца, время от времени в дворцовых покоях можно встретиться с мелькающей тенью бывшей крепостной актрисы, ставшей некогда женой обер-камергера двора его императорского величества графа Шереметева.

Под приподнятою бровью
 Взгляд, почуявший беду.
 Тень божественной Прасковьи
 В Шереметевском саду.
 Что случилось, то случилось.
 Приподняла эту бровь
 То ли царская немилость,
 То ли графская любовь,
 То ли зависть, что повисла
 Над влюбленными стеной.
 Не положено актрисе,
 Паче бывшей крепостной.
 Граф низвергнут и низринут,
 Отлучен от светских врат.
 А быть может, это климат
 Петербургский виноват.
 Так-то так, однако правил
 Нет для тех, кто взаперти.
 Не успел подумать Павел,
 Как женитьбу запретил.
 И монаршему решенью
 Шлет Параша свой ответ,
 Становясь сначала тенью,
 А потом сойдя на нет.
 Но столетие промчится,
 И уже в саду видна
 Ассирийская царица
 Иль татарская княжна.
 Ни серебра на ней, ни злата,
 Ровным счетом ничего.

Но... наследница Ахмата,
И фамилия его.
И стихи подобны струнам,
И величье на лице.
Нет, не зря ее фортуна
Поселила во дворце.
И найдется ль в мире лекарь,
Что излечит до конца
Боль Серебряного века
В век железа и свинца.
Все и просто, и непросто.
Тень Поэта, говорят,
С Комаровского погоста
Перешла в Фонтанный сад.
Что добавить к этой теме?
Пусть врачуют нас в бреде
Две божественные тени
В Шереметевском саду. *

2

В 1828–1834 годах от здания Александринского театра к Фонтанке была проложена новая улица, первоначально названная Новой Театральной, а затем — Театральной. Улица образована всего лишь двумя однотипными трехэтажными парадными зданиями, построенными архитектором Карлом Росси. Первые этажи этих зданий занимали роскошные магазины, во втором и третьем находились жилые помещения, гостиницы, Министерство народного просвещения. В народе эти дома прозвали «Пале-Роялем», или «Palais Royal», что в переводе с французского означает «королевский дворец». В 1836 году одно из зданий претерпело внутреннюю перестройку, после чего в него въехало Театральное училище, основанное императрицей Анной Иоанновной в 1738 году как «Танцевальная школа».

Театральное училище резко изменило, как сейчас бы сказали, имидж улицы. Нравы, царившие в училище, добродетельной чистотой не отличались. Еще в то время, когда оно находилось по старому адресу, на Екатерининском канале, 93, о нем рассказывали самые невероятные небылицы. Чтобы ограничить общение воспитанниц с их поклонниками, которые постоянно дежурили на набережной, окна в спальнях были устроены высоко от пола, а стекла в нижней половине окон были покрашены белой краской. Более того, подоконники были так узки, что на них невозможно было встать даже одной ногой. Но и это не помогало. Говорили, что тогдашнему директору императорских театров А. Л. Нарышкину для исправления нравов танцовщиц даже пришла идея построить при училище домовую церковь. Сам Александр I, говорят, одобрил эту идею. «Танцы — танцами, в вера в Бога сим не должна быть колеблена», — будто бы сказал он.

С переездом на Театральную улицу в поведении юных воспитанниц ничего не изменилось. Гвардейцы под видом полотеров, печников и других служителей проникали в будуары девиц и оставались там на ночь. Летом они просто влезали в окна, которые балерины оставляли открытыми. Прижитые дети впоследствии становились воспитанниками Театральной школы. Театральную улицу в Петербурге открыто называли «Улицей любви».

* Автор стихов, отмеченных знаком *, — Н. А. Синдаловский.

Сохранилось полулегендарное свидетельство, как Пушкин в молодости, еще в то время, когда училище находилось на Екатерининском канале, «живописно забрасывая полу модного плаща за плечо», не раз прохаживался по противоположной стороне канала, стараясь обратить на себя внимание мелькавших за окнами театральной школы полувоздушных теней танцорок, как в то время называли балерин.

В пушкинское время воспитанницы Театрального училища не раз становились причиной громких скандалов, заканчивавшихся порою смертельными поединками на полях чести, как высокопарно называли тогда глухие площадки на окраинах города, на которых с пистолетами в руках сходились непримиримые дуэлянты. Осенью 1817 года в Петербурге состоялась самая громкая дуэль, известная в истории как четверная, или «квадратная». В ней участвовали известный бретер и завязатый театрал А. И. Якубович, штаб-ротмистр кавалергардского полка В. А. Шереметев, поэт и композитор А. С. Грибоедов и приятель Грибоедова, камер-юнкер, граф А. П. Завадовский.

Виновницей драматической дуэли стала премьерша петербургского балета Евдокия Истомина. Шереметев был гражданским мужем Истоминой. Однажды они поссорились, и Истомина уехала от него. В это время ее случайно увидел Грибоедов и пригласил пить чай к Завадовскому. На следующий день Шереметев и Истомина помирились, и она призналась, что накануне была у Завадовского. Тот немедленно вызвал Шереметева на дуэль. А приятель последнего Якубович, узнав о двусмысленной роли во всей этой истории Грибоедова, также вызвал на дуэль и того. Поединок между Завадовским и Шереметевым, в результате которого последний был смертельно ранен, состоялся тогда же. Дуэль между Якубовичем и Грибоедовым пришлось отложить. Но и она состоялась. Только произошло это через два года в Тифлисе. Таковы были нравы гвардейской и великосветской молодежи. Излишне говорить, что все участники этой любовной истории были его хорошими знакомыми.

Другой скандал разразился в связи с похищением воспитанницы училища Софьи Кох, приглянувшейся корнету лейб-гвардии Гусарского полка А. Е. Вяземскому. Впрочем, девушка сама согласилась на побег. Похищение наделало в Петербурге много шума. В городском фольклоре сохранились на эту тему многочисленные народные куплеты, два из которых мы приводим:

Мне рассказывал квартальный,
Как из Школы театральной
Убежала Кох.
В это время без Кохицы
Все за ужином девицы
Кушали горох.
Но все, сколько ни гадали,
От прислуг одно узнали
Под конец угроз —
То же, что сказал квартальный,
Кох из школы Театральной
Вяземский увез.

В 1804 году руководителем балетным отделением Петербургского театрального училища при Императорских театрах стал Шарль Дидло. Дидло был одним из крупнейших французских хореографов конца XVIII — начала XIX века. Он родился в Стокгольме в семье балетмейстера. Учился в Париже. Первый балет сочинил

в 14 лет. Первую собственную постановку балета осуществил в Лондоне. В 1801 году по приглашению директора Императорских театров Н. Б. Юсупова приехал в Петербург.

В Петербурге Дидло поставил 50 балетов, к абсолютному большинству из которых сам придумывал оформление и костюмы. Кстати, именно он впервые отменил парики у актеров на сцене и ввел в балетный обиход трико телесного цвета. Название этого балетного костюма произошло от фамилии чулочного мастера Трико, которому Дидло их специально заказал. По мнению современников, это выглядело чуть ли не революцией в хореографии. Дидло был подлинным новатором танца. Так, одним из его нововведений был танец на пуантах.

Дидло жил на собственной даче на берегу реки Карповки. Он любил принимать гостей. В разное время на его даче перебивали все петербургские и заезжие знаменитости. Здесь же Дидло проводил занятия со своими ученицами. Характер его был сложным, и, как утверждали многие, он был «легок на ногу и тяжел на руку». Вместе с лестным прозвищем Байрон Балета, которым его щедро осыпали газетчики, для балетных он был и Грозным, и Крепостником. По воспоминаниям актера В. А. Каратыгина, «синяки часто служили знаками отличия будущих танцовров».

В конце концов Дидло поссорился с князем С. С. Гагариным, бывшим в то время директором Императорских театров, и в 1829 году был вынужден покинуть Петербург. Однако существует легенда, которая героизирует поступок великого балетмейстера. Согласно легенде, после ссоры с Гагариным Дидло был посажен под стражу. И тогда будто бы в полной мере проявился свободолюбивый, гордый характер гениального иноземца. «Таких людей, как Дидло, не сажают», — будто бы сказал он и, отбыв арест, сам подал прошение об отставке.

3

В 1775—1783 годах в центре так называемого Карусельного места, где регулярно проходили конные игры, известные как «Карусели», по проекту архитектора Антонио Ринальди было построено здание Большого, или Каменного, театра. В 1800-х годах его перестроил архитектор Тома де Томон. Художественная иконография старого Петербурга свидетельствует, что это было одно из самых прекрасных сооружений города. Однако в 1811 году, в ночь с 31 декабря на 1 января Большой театр сгорел. Разрушения были столь значительны, что к восстановлению его уже не возвращались. «Нет ничего более: ни лож, ни райка, ни сцены — все один партер», — будто бы сказал питерский острослов Нарышкин не на шутку встревоженному императору Александру I. Не обошлось и без советов, где можно найти средства на восстановление театра: «Надобно лишь уволить французских актеров и балетных артистов; одного их жалованья хватит на все с излишком».

Впоследствии на месте сгоревшего Большого театра возвели здание Петербургской консерватории.

В 1847—1848 годах на площади, к тому времени уже Театральной, на самом берегу Крюкова канала по проекту главного архитектора Дирекции петербургских театров А. К. Кавоса возводится театр-цирк с большой круглой сценой, приспособленной для «конских представлений акробатов и вольтижеров». Кроме цирковых представлений, на этой сцене часто ставили патриотические спектакли с джигитовкой и ружейной стрельбой. В 1850 году на арене театра-цирка, как его тогда называли, была поставлена военная драма с участием «двуногих и четвероногих артистов». Драма называлась «Блокада Ахты». Рассказывали, что на вопрос проезжавшего ми-

мо театра императора, что идет в этот день на сцене, часовой, боясь сказать царю двусмысленное «ах-ты», ответил: «„Блокада Ахвы“», ваше величество».

В 1859 году театр-цирк сгорел. В следующем году его восстановили, но уже исключительно как театр. Ему присвоили имя жены императора Александра II Марии Александровны. С тех пор он стал Мариинским. Ленинградцы называли его Мариинским даже тогда, когда этот факт его истории старались вычеркнуть из людской памяти всеми силами государственной пропаганды и идеологии. Между собой ленинградцы называли его: «Мариинка» или еще проще и человечней — «Маринка».

Но вернемся в XIX век. Популярность театра стремительно растет, а среди завязанных театралов приобретает гипертрофированные формы. Спектакли Мариинского театра становятся достоянием городского фольклора. Вот как издевались над молодыми меломанами, путаница в головах которых восхищала питерских остроумцев:

Удивительная драма
Эта «Пиковая дама»,
А особенно то место,
Где Сусанин и Невеста,
Потряся пистолетом,
Убивают Риголетто.

Особенной популярностью пользовались спектакли Мариинского театра среди студенческой молодежи. С вечера, накануне представления, уже выстраивались длинные очереди в кассу. Всю ночь на площади перед театром было многолюдно и шумно. Эти опасные ночные сходки вызывали неудовольствие властей. И тогда, рассказывает предание, кому-то пришла в голову спасительная мысль. Однажды утром, за полчаса до открытия кассы, у входа в театр появился городской и начал раздавать номерки, причем не согласно очереди, что установилась с вечера, но кому какой попадет. Этот номерок давал право на приобретение билета на спектакль. Вскоре стало ясно, что при таком порядке нет никакого смысла занимать очередь за год. Ночные сходки прекратились.

В 1935 году театру присвоили имя С. М. Кирова. В просторечии он стал называться «Кировским». Но в артистических и околотеатральных кругах пользовались успехом две аббревиатуры: ТОБИК, то есть Театр Оперы и Балета Имени Кирова, и ГОЛТОБ — Государственный Ордена Ленина Театр Оперы и Балета.

Забегая вперед, скажем, что в советское время в сложной системе идеологического воспитания трудящихся масс в духе марксизма-ленинизма Кировскому театру отводилась особая роль. Он должен был демонстрировать всему миру небывалый расцвет советской культуры, ее неоспоримые преимущества перед западной и показывать те неограниченные возможности, которые предоставляет советская власть творческой интеллигенции. Но добиваться этого с годами становилось все труднее и труднее. Театр никак не желал быть рекламной витриной социалистического строя. Более того, после каждой заграничной гастрольной поездки труппа Кировского театра недосчитывалась одного-двух своих артистов. Как правило, это были не самые худшие. После того как в Париже остался Михаил Барышников, Ленинград облетел анекдот: в Кировском театре во время антракта желающие могут приобрести конфеты «Мишка на западе». Ленинградцы хорошо помнят знаменитую марку шоколадных конфет «Мишка на севере», которые всегда были в дефиците и полакомиться которыми можно было разве что в театральных буфетах во время антрактов.

Рассказывают, как перед одной из заграничных поездок труппы ее директора вызвал к себе первый секретарь обкома КПСС Г. В. Романов. «Почему после каждой

поездки вы недосчитываетесь нескольких человек? — раздраженно, едва сдерживаясь, спросил хозяин города. — Почему от вас уходят актеры?» — «Это не от нас уходят, а от вас», — будто бы ответил директор театра.

Вместе с тем Мариинский театр всегда оставался гордостью города. Не всегда это выражалось прямолинейно, чаще — опосредованно. Так, например, бесталанным артистам присваивалось насмешливо-ироническое звание: «певец (или артист) с Мариинского подвала». Да и в микропонимике самого театра более всего сохраняются имена таких деятелей Мариинского театра, которые составили его нетленную славу: «Фойе Направника» — в память о Эдуарде Францевиче Направнике, бывшем в 1860-х годах главным дирижером театра. А сам театр называют «Домом Петипа», по имени Мариуса Петипа, поставившего во второй половине XIX — начале XX века в Мариинском театре более 60 балетных спектаклей.

4

Гордость и славу Мариинскому театру на протяжении всей его истории создавали такие выдающиеся балетные и оперные имена, как Анна Павлова и Матильда Кшесинская, Вацлав Нижинский и Михаил Барышников, Алла Шелест и Федор Шаляпин. Неудивительно, что они становились любимыми героями и постоянными персонажами городского фольклора. О них судачили и сплетничали, о них говорили и спорили, их возносили и низвергали. Но именно благодаря этому их хорошо знали и о них долго помнили. Мы расскажем только о той мифологии, которая со временем приобрела общегородской характер и стала составной частью петербургской культуры. О некоторых из них мы уже говорили в наших очерках о петербургской мифологии на страницах «Невы», но контекст настоящего повествования позволяет нам обратиться к их прославленным именам еще раз.

Ведущая балерина Мариинского театра Матильда Кшесинская, о которой современники говорили столь же восторженно, сколь и неприязненно, на самом деле была наиболее яркой звездой петербургского балета на рубеже XIX и XX веков. Она происходила из широко известной в Европе театральной семьи. Дед Матильды Феликсовны был знаменитым скрипачом, которого современники сравнивали с самим Паганини, отец — танцовщиком, а мать — актрисой. На выступления Матильды Кшесинской сходилась буквально «весь Петербург». Но бурные, неистовые аплодисменты восхищенной ее мастерством и дарованием театральной публики не могли скрыть от петербургской молвы ее вздорного характера обыкновенной и весьма изощренной интриганки. Директор Императорских театров В. А. Теляковский писал о Кшесинской как о «нравственно нахальной, циничной, наглой балерине, живущей одновременно с двумя великими князьями». А сама Кшесинская этого не только не скрывала, но при всяком удобном случае этим обстоятельством пользовалась. Не случайно вместе с прозвищами Королева Пуантов и Великолепная Матильда в Петербурге ее называли Мадам Эпатаж и Самодержавный Каприз.

Правда, при этом не надо сбрасывать со счета и другие легенды, по-другому характеризующие великую балерину. Рассказывают, что когда один из великих князей, в то время наследник престола Николай Александрович однажды предложил ей руку и сердце, то она решительно отказалась, хорошо понимая, что в этом случае будущему императору «вместо родительского престола пришлось бы удовольствоваться лишь тронном царя Польского». И вопреки тому, что о ней говорили в петербургском «свете» и за кулисами театра, принять такую жертву Матильда якобы отказалась.

Известно, что у Матильды Кшесинской была любимая племянница Целина. Девочку можно видеть на многих фотографиях из семейного альбома балерины. Если верить городским легендам, то Целина вовсе не племянница, а ее собственная дочь от Николая II. В качестве доказательства приводятся многочисленные временные и хронологические совпадения.

В 1904–1906 годах в Петербурге по проекту модного в то время архитектора, одного из наиболее ярких представителей петербургского модерна А. И. Гогена Кшесинская построила особняк. Здание поражало современников утонченной роскошью и сдержанным уютом интерьеров, свободной внутренней планировкой помещений и живописной асимметричностью наружной композиции, смелым и неожиданным сочетанием новых и традиционных отделочных материалов.

Несмотря на то, что историкам известен документ, согласно которому Матильда Кшесинская внесла 88 тысяч рублей собственных денег на строительство своего особняка, в Петербурге до сих пор живет легенда о том, что Николай II, будучи уже императором, одаривал свою прекрасную фаворитку многочисленными особняками. Один из них будто бы находился в Крыму, другой — под Петербургом и, наконец, третий — напротив Зимнего дворца на Петербургской стороне. Между Зимним дворцом и особняком Кшесинской будто бы существовал даже подземный ход. Надо сказать, что некоторая доля правды в этих слухах все же была. Во-первых, по оценке современных историков, в начале XX века строительство такого особняка должно было стоить не менее одного миллиона рублей, что вряд ли было по силам балерине императорского театра, даже если она и была Кшесинской. И во-вторых, в Петербурге был хорошо известен другой особняк, на Английском проспекте, 18, который монарх и в самом деле подарил Матильде Федоровне.

Судьба особняка Кшесинской была типичной для советского периода отечественной истории. В апреле 1917 года в него въехали большевики. В пустующем особняке разместился Центральный комитет партии большевиков и так называемая Военная организация РСДРП, или «Военка», как ее называли в народе. Тогда же, согласно легендам, во дворе особняка были зарыты огромные деньги, будто бы полученные большевиками от германского генерального штаба для организации революционного переворота в России. Между прочим, через 80 лет эта фантастическая легенда трансформировалась в предание о том, будто бы этот клад зарыли не большевики, а сама Матильда Кшесинская перед бегством из Петрограда.

В 1909–1910 годах рядом с особняком балерины, на участке № 4 по Большой Дворянской улице архитектор Р. Ф. Мельцер построил особняк для известного промышленника и торговца, владельца лесопильных заводов, члена совета петербургского учетного и ссудного банков В. Э. Брандта. Непосредственное соседство особняков Брандта и Кшесинской породило в Петербурге легенду об интимной связи их владельцев. Особенной популярности легенды среди обывателей способствовал бронзовый барельеф на стене особняка Брандта перед боковым входом в дом балерины. Огромный, размером чуть ли не в дверной проем барельеф изображает молодого человека в охотничьем костюме и юную даму с большим католическим крестом на груди. Кавалер приглашает даму войти в дом. В изображенных легко узнавались хозяева обоих особняков, тем более что между зданиями, ныне отделенными друг от друга глухой каменной стеной, в прошлом, говорят, существовала калитка. Изображение было столь реалистичным, что домыслить недостающее было делом нехитрым. С известной долей условности этот чудом сохранившийся до нашего времени барельеф можно считать своеобразным памятником Кшесинской.

В феврале 1917 года Матильда Кшесинская, потрясенная крушением монархии, которой она была искренне предана не только по убеждениям, а и по родству,

а она была замужем за великим князем Андреем Владимировичем, покинула Петроград и поселилась в Европе. С 1920 года жила во Франции. Там она пристрастилась к игре в рулетку. В память о печальных событиях 1917 года ставила только на цифру 17, за что французы ее так и прозвали: Мадам Дизсептьем (dix-sept — семнадцать).

Кшесинская прожила долгую жизнь и скончалась во Франции, в возрасте 99 лет, не дожив нескольких месяцев до своего столетия. Покоится русская балерина Матильда Кшесинская на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем под фамилией Романовская-Красильская.

Другая легендарная балерина Мариинского театра Анна Павлова, согласно официальной историографии, происходила из бедной семьи и была дочерью рядового солдата и обыкновенной прачки. Сама о себе она говорила более чем скупое, а об отце вообще никогда не упоминала и не любила своего якобы родового отчества «Матвеевна». Будто бы сама настаивала на варианте «Павловна», производя его из собственной фамилии.

Из раннего детства балерины известна легенда о том, что подлинным отцом девочки был видный банковский, промышленный и общественный деятель, московский меценат Лазарь Поляков. Так это или нет, с полной уверенностью сказать невозможно, но многие до сих пор считают, что «заслуги Лазаря Полякова перед русским балетом неопределимы».

Впрочем, в Мариинском театре бытовала и другая легенда. Она утверждала, что настоящим отцом великой балерины был уроженец Евпатории караимского происхождения Шабетай Шамаш, носивший в Петербурге имя Матвей. Он происходил из семьи потомственных музыкантов. Приехав в Петербург, он открыл собственное прачечное заведение. Там и познакомился с будущей матерью балерины, Любовью Федоровной Павловой. Поскольку крымских караимов власти не жаловали, то об этом родстве говорилось шепотом.

Есть еще одно, правда, косвенное подтверждение происхождения балерины. Когда в январе 1914 года скончался Лазарь Поляков, в русской печати появилась небольшая заметка, где говорилось, что «после долгого отсутствия и, к сожалению, на очень короткое время прибывает в Россию по весьма печальному обстоятельству знаменитая русская балерина Анна Павлова». Никто не сомневался в том, что она приехала проститься со своим отцом.

Впервые Анна Павлова появилась на петербургской сцене в 1899 году в балете «Спящая красавица». Она исполняла маленькую, почти незаметную роль виллы Зюльны. Однако уже тогда была отмечена публикой. Хотя и довольно странным образом. Если верить одной петербургской легенде, на том первом ее спектакле присутствовала известная в театральном мире графиня Бенкендорф. Будто бы именно тогда эта «старая ведьма», как называли престарелую графиню в балетном закулисье, напроорочила будущую судьбу юной танцовщицы. «Эта от нас упорхнет, — вещала она в антракте, — у нее крылья будут лебединые. А любовь свою она найдет через тюрьму. И судьба знаки станет ей подавать. Даже перед смертью знак будет». И действительно, все три пророчества «старой ведьмы» в конце концов сбываются.

Между тем роль Одетты в «Лебедином озере», о чем долго мечтала юная Анна, ей так и не удалось станцевать. Зато Михаил Фокин, застав однажды Анну вконец разобиженной и расстроенной, за одну ночь сочинил для нее хореографический этюд «Умиравший лебедь» на музыку Камиля Сен-Санса. Очень скоро эта балетная миниатюра прославит Анну Павлову на весь мир. Как и предсказывала графиня Бенкендорф, на крыльях сен-сансовского лебедя Анна «упорхнет» из России. В 1909 году по приглашению Сергея Дягилева она станет участвовать в его париж-

ских «Русских сезонах». С 1910 года Анна Павлова гастролирует во многих странах мира с собственной труппой. Так исполнилось первое предсказание старой графини: из России Анна Павлова «упорхнула».

За границей Анна неожиданно узнала, что ее давний, еще петербургский поклонник Виктор Дандре, от предложения руки и сердца которого она в свое время отказалась, арестован в России. Дандре принадлежал к старинному дворянскому роду французов-эмигрантов, занимал в Сенате очень высокий пост, был холост, имел блестящее образование, огромное состояние и неотразимую внешность. Кроме всех этих достоинств, Виктор увлекался искусством и считал очень модным и престижным покровительствовать балерине. Положение мецената и тайного любовника блестящей балерины Анны Павловой его устраивало. Но когда Анна осознала, что она вовсе не возлюбленная, а обычная содержанка и ничего другого ей не светит, женская гордость оказалась сильнее любви и балерина порвала отношения с Дандре.

И вот она узнает, что этого человека обвинили в крупной растрате казенных денег. Анна тут же бросила все свои дела, возвратилась в Петербург и неожиданно явилась к Дандре в тюрьму. Там, как и предсказывала петербургская ведунья, она вдруг поняла, что без Дандре жить не сможет. Анна внесла огромный залог и избавила своего возлюбленного от тюрьмы. Затем они тайно покинули Россию и, едва оказавшись за границей, будто бы так же тайно обвенчались. Так сбылось второе предсказание театральной пророчицы.

И, наконец, третье, самое странное пророчество о неких таинственных знаках, которые судьба станет подавать в конце жизни ставшей уже всемирно знаменитой балерине. Если верить преданиям, Анна Павлова «всю жизнь не любила красные розы». Она с откровенной неохотой принимала их от поклонников, осторожно обходила букеты ярких роз в цветочных магазинах, пугливо остерегалась цветущих кустов роз в садах и парках. Об этом хорошо знали ее друзья. Одна из ее русских подруг во Франции даже высадила в своем саду специально для Анны роскошный куст белых роз. Однажды, находясь в гостях у подруги, благодарная Анна залюбовалась прекрасными белоснежными бутонами и не заметила, как приблизилась к ним на опасно близкое расстояние. Вдруг она вскрикнула от боли. В палец вонзился шип. Ничтожная капля алой крови так поразила балерину, что она тут же вспомнила старое пророчество. «Это знак судьбы, о котором говорила графиня, — воскликнула она. — Мы теперь с этой розой одной крови». Через несколько дней подруга Анны, прогуливаясь по саду, пришла в ужас, обнаружив, что «куст белых роз покрылся белыми наростами». В тот же день ей сообщили, что во время гастролей в Гааге скончалась великая русская балерина Анна Павлова.

Сохранилась легенда о том, что, умирая, Анна Павлова попросила принести ей костюм лебедя. Если это так, то остается только удивляться тому, как правы были современники, называя великую балерину Вечно Живым Умиравшим Лебедем.

На самом деле Анна Павлова скончалась от пневмонии. Несмотря на желание балерины вернуться на родину, урна с ее прахом находится в закрытом колумбарии крематория Голдерс-Грин, в Лондоне. Рядом с ней покоится прах ее верного друга, мужа и импресарио Виктора Дандре.

Кроме Мариинского театра, в котором служила Анна Павловна, память о ней сохраняет ныне малоприметный дом № 21 на Английском проспекте, построенный в 1909–1910 годах по проекту малоизвестного петербургского зодчего А. А. Бернардацци. В свое время этот дом в народе назывался «Домом-сказкой». Такое прозвище он получил за причудливое смешение различных романтических стилей — от намека на готику до псевдорусского. Сочетание яркой мозаики и природного

камня в облицовке фасадов позволили архитектору создать на фоне рядовой застройки старой Коломны волшебное зрелище, напоминавшее ослепительную театральную декорацию.

Близость Мариинского театра в значительной степени определила состав первых жильцов этого примечательного дома. В основном это были театральные служащие и актеры. Здесь жила и великая русская балерина Анна Павлова, давшая дому еще одно фольклорное имя: «Дом Анны Павловой». Бывали здесь балетмейстер Михаил Фокин и поэт Самуил Маршак, крупнейшие профессора консерватории, композиторы, актеры, режиссеры.

В блокадном 1942 году в доме произошел пожар, который за несколько дней уничтожил большую часть здания. Тушить было некому. Послевоенный ремонт свелся к возведению стен на старом фундаменте, без восстановления внешнего облика. Строгая, более чем скромная архитектура отстроенного дома уже ничем не напоминала сказочную композицию, рожденную в живом воображении зодчего. Однако воспоминания о «Доме-сказке» столь устойчивы, что и сегодня жители Коломны именно так называют ничем не примечательный дом на углу улицы Декабристов и Английского проспекта.

Арсеналы закулисной мифологии балетного мира, наделенного особым вниманием сильных мира сего, продолжали пополняться и в советское время. Иногда они принимали скандальные, драматические, а то и трагические формы. В середине 1920-х годов ленинградская театральная общественность была потрясена слухами о смерти талантливой молодой балерины, восходящей звезды, с которой многие связывали будущее всего ленинградского балета, Лидии Ивановой. Она была дочерью петербургского инженера и домохозяйки. В Мариинском театре ее партнером был знаменитый впоследствии Джордж Баланчин, в то время известный как Георгий Баланчивадзе. Ее высоко ценил композитор Дмитрий Шостакович. Поэт Михаил Кузмин писал, что имя Ивановой было дорого всем, кто интересовался будущим русского искусства, а Анна Андреевна Ахматова долгие годы хранила ее фотографию и отзывалась о ней как «о самом большом чуде петербургского балета».

Летом 1924 года Лидия Иванова при самых таинственных обстоятельствах погибла. Лодка, на которой она каталась со своими спутниками, столкнулась с пароходом «Чайка» в самом устье Фонтанки. Некоторые пытались объяснить ее гибель интригами и происками влиятельной в то время балерины Ольги Спесивцевой, которая будто бы видела в Ивановой серьезную соперницу. Ходили разговоры о том, что организатором замысла Спесивцевой был ее гражданский муж Борис Каплун, хотя на самом деле ни Каплуна, ни Спесивцевой в то время в Петрограде вообще уже не было. Спесивцева уехала за границу, а Каплун был переведен в Москву. Да и в близких отношениях они уже не состояли. У Спесивцевой был другой поклонник. Другие утверждали, что в гибели девушки виновны люди из окружения самого хозяина Ленинграда Григория Зиновьева. Будто бы директор театра лично пригласил танцовщицу покататься по Неве на катере. При этом загадочно добавил, что будут «солидные люди из губкома и ЧК». Иванова согласилась, хотя, возможно, приглашение и выглядело приказом, которому девушка не могла не подчиниться. В театральных кругах хорошо знали, что в семье она воспитывалась в строгих «патриархальных правилах» и не могла так просто согласиться на авантюрное приглашение.

Была, впрочем, и еще одна легенда. Она утверждает, что в гибели Ивановой замешан сам начальник ленинградской ЧК Иван Бакаев. Будто бы он добивался благосклонности молодой балерины, но получив решительный отказ, поклялся

жестоко отомстить ей. Будто бы по его распоряжению и была организована авария, в результате которой Иванова погибла. Косвенно это подтверждает еще одна легенда, весьма популярная в то время. Как известно, тело Ивановой так и не было найдено. Но легенда утверждает, что это не так. Будто бы некий водолаз отыскал труп несчастной, и он оказался с простреленной головой.

На следующий день газеты сообщили о гибели балерины. Тут же родились новые легенды. Согласно одной из них, Иванова была изнасилована, а затем утоплена. По другой легенде, к смерти Ивановой приложила руку «секретная полиция». Дело в том, что Иванова в составе дягилевского «Молодого балета» должна была выехать на гастроли в Европу. Через много лет Баланчин уверял, что «Лида знала какой-то большой секрет и ее не хотели выпускать на Запад».

Во все эти легенды искренне поверил безутешный отец погибшей. Целых три года он требовал проведения хоть какого-нибудь расследования, но каждый раз, как утверждает фольклор, дело прекращалось по звонку «всемогущего Зиновьева». Наконец отчаявшийся отец обратился к только что прибывшему в Ленинград на постоянную работу С. М. Кирову. Тот будто бы вник в суть дела и направил его прямо к заместителю председателя ГПУ Генриху Ягоде. Ягода пообещал разобраться, но через несколько дней, приехав в очередной раз в Ленинград, будто бы сказал одному из высокопоставленных начальников: «Уберите это дело — иначе мы вас уберем, как полено с дороги».

Ко всему сказанному остается добавить, что незадолго до смерти в жизни Лидии Ивановой, или Лиды, Лидочки, как ее называли в театральных кругах, произошли два события, которые затем были истолкованы как пророческие. Во-первых, незадолго до гибели она сделала запись в дневнике: «Мне хотелось бы иногда быть одним из тех звуков, которые создавал Чайковский: чтобы, прозвучав мягко и грустно, раствориться в вечерней мгле». И во-вторых, всем запомнился один из самых успешных ее номеров — «Вальс-твист» в постановке Баланчина, в котором танцовщицу «преследовала и в конце концов настигала Смерть».

В советское время на сцене Театра оперы и балета имени С. М. Кирова, как тогда назывался Мариинский театр, о чем мы уже говорили, блистала одна из выдающихся балерин XX века, талантливая ученица А. Я. Вагановой легендарная Алла Яковлевна Шелест. В театре она служила с 1937 года, после окончания Хореографического училища. Исполнила запоминающиеся партии Параша и Царицы бала в балете Р. М. Глиэра «Медный всадник». До сих пор восхищаются ее партии в балетах «Спартак», «Пламя Парижа», «Маскарад». Она вполне заслужила подлинную любовь ленинградцев. В народе ее нежно называли одним воздушным именем — ШелестАлла. Ее называли «самой романтической фигурой в русском балете середины XX века». Ей посвящали столь же прекрасные каламбуры: «Оттепель настала, ало тало стало».

Особенно ярко проявился талант Аллы Шелест в постановках выдающегося советского балетмейстера Леонида Яковсона. В хореографических миниатюрах, поставленных им по мотивам скульптур Огюста Родена, она представляла то сдержанно-страстной в «Вечном идоле», то поэтичной в «Поцелуе», то щемяще-трогательной в «Слепой».

Из оперных певцов наибольшей славой, популярностью, а значит, и повышенным вниманием городского фольклора пользовался один из крупнейших оперных певцов конца XIX — первой трети XX века Федор Иванович Шаляпин. Впервые в Петербурге Шаляпин начал петь в оперных спектаклях в саду «Аркадия» в 1894 году. С 1895 года выступал одновременно на сценах Мариинского театра в Петербур-

ге и Большого театра в Москве. Во время частых приездов в Петербург останавливался в одном и том же номере известного «приюта артистической богемы» — в гостинице «Пале-Рояль» на Пушкинской улице. В артистических кругах этот номер был известен под названием «Шаляпинский клоповник». «Он жил в Пале, он пел в Рояле», — остряли над Шаляпиным петербуржцы.

О голосе Шаляпина ходили легенды. Бывая у Репина на его даче в Куоккале, Шаляпин любил что-нибудь спеть. Сохранилась легенда, что его голос был хорошо слышен на железнодорожной станции, за два километра от дачи. В народе утверждали, что когда Шаляпин пел, от звука его голоса гасли свечи. «В стране три чуда: Царь-колокол, Царь-пушка и Царь-бас», — говорили в народе. О нем рассказывали анекдоты. Согласно одному из них, однажды Шаляпина спросили: «А где ты работаешь?» — «Да я пою», — ответил он. «Мы все поем. А делаешь-то ты что?» Согласно другому анекдоту, однажды Шаляпин ехал на извозчике. Тот был под хмельком и всю дорогу горланил песни. «Ты чего это распелся?» — спросил Шаляпин. «А я всегда пою, когда пьян», — ответил извозчик. «Ишь ты — сказал Шаляпин, — а вот когда я пьян, так за меня Власов поет». Власов был солистом Большого театра и часто дублировал Шаляпина. Рассказывают, как однажды Шаляпин должен был выступать с концертом в ресторане. Ему обещали прислать извозчика. Но забыли. Тогда он нанял извозчика сам. Но куда ехать, не знал. Заехал в один ресторан: «Я у вас не пою?» — «Нет. Но если вы не возражаете...» Он спел и поехал искать свой зал. В другом ресторане повторилось то же. Так он спел за вечер четыре раза, так и не доехав до того, где его ждали.

В Петербурге известны адреса, которые фольклор связывает с именем Шаляпина. Это доходный дом Р. Е. Вега по набережной Крюкова канала, 14 — так называемый «Дом с атлантами», построенный архитектором С. О. Овсянниковым в 1912—1914 годах, в котором будто бы жил Шаляпин, и особняк Д. А. Котлова на Старо-Парголовском проспекте, 8 (ныне проспект Мориса Тореза), возведенный в те же годы архитектором Н. И. Товстолесом. «Шаляпинскими» называют в народе и бани на Большой Пушкинской улице Петроградской стороны, которые будто бы любил посещать певец.

В то время его квартира находилась тут же, неподалеку, на Петроградской стороне, на Пермской улице, 26 (ныне улица Графтио). Здесь жила его «вторая», петербургская жена Мария Валентиновна Петцольд. По сути, Шаляпин был двоеженцем. И жил на два дома. Когда пел в Москве, то жил с Иолой Игнатьевной, когда в Петербурге — с Марией Валентиновной. И обе знали об этом. И обе принимали его таким, как есть. И вот что любопытно. Еще задолго до знакомства Марии Петцольд с Шаляпиным ее муж, рано ушедший из жизни Эдуард Петцольд, подарил ей однажды на день рождения фотографию знаменитого певца, в которого она, юная в то время дама, заочно влюбилась. Знать, судьба.

После Октябрьской революции коллектив Мариинского театра избрал Шаляпина руководителем художественной частью. Революцию Шаляпин воспринял с искренним энтузиазмом художника, которому она, революция, обещала полное раскрепощение личности. Однако романтический образ революции все меньше и меньше соответствовал повседневной реальности, с которой приходилось сталкиваться ежедневно. Все больший размах приобретал «красный террор». Ни на один день не прекращались обыски. Часто приходили к Шаляпину. Искали золото, бриллианты. Конфисковали серебряные ложки и вилки. Забрали «двести бутылок французского вина». Сохранилось предание, что однажды Шаляпин пришел к председателю Петросовета Зиновьеву и сказал ему: «Я не против обысков, но нельзя ли обыскивать меня в удобное для меня время, с восьми до девятнадцати, например?»

Как-то раз Федор Иванович встретился с художником Константином Коровиным. «Мне сегодня выступать перед конными матросами. Скажи мне, ради бога, что такое конные матросы?» — «Не знаю, что такое конные матросы, но знаю, что уезжать надо», — будто бы ответил Коровин.

В 1922 году Шаляпин уехал за границу. Отплыл на пароходе «на лечение, отдых и гастроль». На родину не вернулся. Умер во Франции. В музее-квартире Шаляпина на улице Графтио висит портрет певца кисти художника Александра Яковлева. В свое время портрет находился в Москве. Если верить семейной легенде, рассказанной дочерью Шаляпина Ириной, в день смерти ее отца картина треснула.

В 1984 году прах певца, талант которого так и остался непревзойденным, был перенесен из Парижа в Москву. А в петербургской городской фразеологии сохранилась идиома «Шаляпин непризнанный». Так иронически подсмеиваются над людьми, исполнительское мастерство которых вызывают сомнения у окружающих.

5

Не менее популярным было в Петербурге и драматическое искусство. Мы уже говорили о театре во дворце Натальи Алексеевны и о театре Федора Волкова. В 1828—1832 годах по проекту архитектора К. И. Росси в Петербурге возводится величественное здание драматического театра. Театр был назван Александринским в честь жены императора Николая I Александры Федоровны. В советское время театр носил имя Александра Сергеевича Пушкина, однако питерцы всегда продолжали называть его «Александринкой». В начале 1990-х годов театру официально вернули его историческое имя — Александринский. Начало каждого театрального сезона актеры театра по недавно сложившейся традиции отмечают возложением цветов на надгробие императрицы Александры Федоровны в Петропавловском соборе.

На уровне второго и третьего этажей главный фасад театра украшает глубокая лоджия с колоннадой коринфского ордена. Над колоннадой парит квадрига, управляемая древним богом искусств Аполлоном, работы скульптора Пименова. В артистической среде известно обиходное прозвище Аполлона — Кучер с Александринки. С ним связана одна любопытная театральная примета, имеющая хождение среди «избранной», привилегированной публики Александринки. Если во время антракта тебе доверят ключи от застекленных дверей театрального фойе на балкон, ты можешь загадать свое самое сокровенное желание, и оно непременно исполнится, если ты выпьешь бокал шампанского, поддерживая при этом ладонью гениталии одного из коней квадриги Аполлона.

Над скверами и над рынками,
Над сполохами огней
Кучер с Александринки
Гонит своих коней.
Стремительные, как грозы,
Рвутся из-за кулис.
Бледнеют метаморфозы,
Исполненные на бис.
Квадрига по небу мчится,
Распугивая воронье,
Над медной императрицей,
Сподвижниками ее,

Над куполами храмов,
Назначенными на слом,
Над большевистским хламом
И над имперским злом.
И над толпой стоустой
Гарантией вечных уз
Языческий бог искусства
И предводитель муз. *

Как правило, в старом Петербурге в дни театральных премьер и бенефисов к подъезду Александринки выстраивалась длинная очередь карет и экипажей. Среди «золотой молодежи» того времени существовало убеждение, что ходить пешком в Александринский театр неприлично. Говорят, предприимчивые питерские извозчики специально ставили кареты вблизи театра, буквально в нескольких шагах от него. Здесь они нанимались столичными щеголями и лихо подкатывали к входу в театр.

Спектакли Александринки высоко ценились в обеих столицах, хотя профессиональная ревность не исчезала никогда. Одно театральное предание рассказывает, что когда в Александринском театре готовились к предстоящим гастролям М. С. Щепкина, актер Боченков, игравший те же роли, что и Щепкин, и очень боявшийся соперничества, мрачно шутил: «В Москве дров наломали, а к нам щепки летят». В околотеатральных кругах время от времени можно услышать притчу о спектаклях по пьесе А. С. Грибоедова «Горе от ума». За всю долгую историю представлений этой комедии, говорят, не было ни единого спектакля, на котором хотя бы один из актеров не запутался в тексте. Вот уж действительно горе...

Ведущим драматическим актером и любимцем петербургской публики был потомственный артист Василий Андреевич Каратыгин. Вместе с ним на сцене Александринского театра выступали его мать и отец. В городском фольклоре Каратыгин остался благодаря многочисленным театральным анекдотам и байкам, главным героем которых выступал острый на язык и талантливый трагик. Вот только некоторые.

Однажды летом в Петергофе был выездной спектакль Александринского театра. За неимением других мест актеров временно разместили в помещении, где обычно стирали белье. Побывавший на спектакле Николай I поинтересовался у артистов, всем ли они довольны. Первым отозвался находчивый Каратыгин, легко каламбуя и смешивая понятие ласки как проявления теплых чувств с полосканием белья: «Всем, ваше величество, всем. Нас хотели полóскать и поместили в прачечной».

В другой раз, придя во время антракта на сцену Александринского театра, император обратился к артисту: «Вот ты, Каратыгин, очень ловко можешь превратиться в кого угодно. Это мне нравится». Каратыгин, поблагодарив государя за комплимент, согласился с ним и сказал: «Да, ваше величество, могу действительно играть и нищих, и царей». — «А вот меня, ты, пожалуй, и не сыграл бы», — шутиливо заметил Николай. «А позвольте, ваше величество, даже сию минуту перед вами я изображу вас». Добродушно настроенный царь заинтересовался: «Как это так? — пристально посмотрел на Каратыгина и сказал уже более серьезно: — Ну, попробуй». Каратыгин немедленно встал в позу, наиболее характерную для Николая I, и, обратившись к тут же находившемуся директору Императорских театров Гидеонову, голосом, похожим на голос императора, произнес: «Послушай, Гидеонов, распорядись завтра в 12 часов выдать Каратыгину двойной оклад жалованья за этот месяц». Государь рассмеялся: «Гм... Гм... Недурно играешь». Распрошался и ушел. На другой день в 12 часов Каратыгин получил, конечно, двойной оклад.

Этот анекдот в Петербурге был, пожалуй, самым популярным. Известны его разные варианты. По одному из них, Каратыгин будто бы за хорошее изображение императора получил от него ящик лучшего французского шампанского.

Однажды, во время похорон писателя Полевого, Каратыгин каламбуром остановил Фаддея Булгарина, который хотел ухватиться за ручку гроба: «Уж ты довольно поносил его при жизни».

Каратыгину приписывают и другие каламбуры, адресованные плодовитым, но бездарным авторам театральных водевилей. Об одном из них он сказал: «Лучше бы он писал год и написал что-нибудь ГОДное, чем писал неделю и написал НЕДЕЛЬ-НОЕ». Другому обратившемуся к нему актеру с вопросом: «А помнишь ли ты мою пьесу?» — он ответил: «Еще бы! Я ведь злопамятный».

В другой раз, по поводу драмы «В стороне от большого света», Каратыгин будто бы сказал: «Первое действие драмы происходит в селе, второе — в городе, все же остальное написано ни к селу ни к городу».

Каратыгина похоронили на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Согласно одной из легенд, он был положен в гроб живым и перед смертью будто бы даже приподнялся. Как утверждают жизнерадостные театралы, это будто бы была его последняя искрометная шутка.

В 1835 году на сцене Александринского театра дебютировала Варвара Николаевна Асенкова. Она родилась в театральной семье. Ее мать была воспитанницей Театрального училища и долгое время выступала на петербургской сцене. Современники утверждают, что Варвара Асенкова была «грациозная, миловидная, с лукавой улыбкой на устах» артистка, которая особенно хорошо выглядела в водевилях, где исполняла так называемые роли с переодеванием: юных маркизов, юнкеров, малолетних королей. В то же время она была первой исполнительницей таких значительных драматических ролей, как Софья в комедии Грибоедова «Горе от ума» и Марья Антоновна в гоголевском «Ревизоре».

Как и положено, Асенковой увлекались, ее любили, из-за нее случались скандалы. Согласно литературному анекдоту, дошедшему до нашего времени, героем одного такого скандала стал Пушкин. Вот текст этого анекдота: в санкт-петербургском театре один старик сенатор, любовник Асенковой, аплодировал ей, тогда как она плохо играла. Пушкин, стоявший близ него, свистал. Сенатор, не узнав его, сказал: «Мальчишка, дурак!» Пушкин отвечал: «Ошибка, старик! Что я не мальчишка — доказательством жена моя, которая здесь сидит в ложе; что я не дурак, я — Пушкин; а что я тебе не даю пощечины, то для того, чтоб Асенкова не подумала, что я ей аплодирую».

Надо сказать, что этот старинный анекдот сохранил для потомков одну исключительно любопытную и немаловажную деталь. Первоначально Асенкова и в самом деле не вызывала восторга избалованного петербургского зрителя. Ее подлинный талант проявился гораздо позже. И Пушкин, который впервые увидел ее на сцене всего лишь за полтора-два года до своей гибели, когда Асенкова впервые только появилась на александринской сцене, имел все основания быть недовольным ее игрой.

Согласно легендам, у Асенковой был сын, отцом которого петербургская молва считала императора Николая I. Впрочем, император был далеко не единственным поклонником знаменитой актрисы. В нее был влюблен граф Яков Иванович Эссен-Стенбок-Фермор. Если верить фольклору, то именно благодаря этому обстоятельству Невский проспект обогатился таким заметным сооружением, как Пассаж. Будто бы граф построил его в честь актрисы и на том месте, где он в последний раз ее видел.

Умерла Асенкова рано, в возрасте 24 лет, от чахотки. Ее смерть вызвала в Петербурге целую бурю толков и пересудов. Говорили, что она приняла яд, не выдержав травли завистников, среди которых главной была Надежда Самойлова. Так это или нет, судить не нам, но после смерти Асенковой все ее роли перешли к сопернице.

Талантливой актрисой Александринского театра была одна из лучших исполнительниц ролей в пьесах русского классического репертуара Мария Гавриловна Савина. По воспоминаниям современников, Савина обладала совершенно несносным характером. В театре, признавая ее безусловный талант и в глаза называя Царицей Александринки, за глаза окрестили Генеральшей. И именовали не по фамилии, а по имени-отчеству: Мария Гавриловна, как это принято для императриц. Директор Императорских театров В. А. Теляковский не однажды признавался, что в Александринке «два директора — один он, тайный советник, а другой Савина, явный советник, первый говорит то, что заблагорассудится, а второй делает то, что хочет». Между тем о признании ее таланта среди театралов говорит поговорка, рожденная в ее время: «Фраки в Петербурге шьют три раза в год: на Рождество, на Пасху и на бенефис Савиной».

При всей своей внешней озабоченности судьбами товарищей по профессии, а она занималась широкой благотворительной деятельностью, и по ее инициативе было основано Убежище для престарелых актеров, известное как Дом ветеранов сцены, Савина не терпела никакого таланта не то что рядом, а даже вблизи себя. Рассказывают, что однажды на каком-то французском спектакле Савина, глядя на сцену, откровенно говорила: «Хоть бы один такой мужчина, как эти, в Александринке», на что, впрочем, ей тут же отпарировали: «Хоть бы одна такая женщина, как эти, у нас в Александринке». Как на это отреагировала Савина, неизвестно, зато все хорошо знали, что по ее вине из Александринского театра ушли такие бесспорные мастера сцены, как Стрепетова и Комиссаржевская. А в кулуарах частенько можно было услышать, что «злодейка Савина каждый день на завтрак съедает по молодой актрисе».

Между тем и вне театра Савина оставалась признанным лидером актерского мира. В ее доме на Фонтанке, 38 устраивались званые вечера, где за чаем с постными капустными пирогами, которые неизменно подавала горничная Василиса, читались новые пьесы, высмеивались классики и злословили актеры. На следующий день многие искрометные шутки, рожденные в доме гостеприимной хозяйки, становились достоянием городского фольклора. Если верить фольклору, от тех вечеров с капустными пирогами родилось название знаменитых внутритеатральных шуточных представлений — капустники.

С 1975-го по 1991 год Ленинградским театром драмы имени Пушкина, как в то время назывался Александринский театр, руководил Игорь Олегович Горбачев. Так случилось, что именно при нем прославленный в прошлом театр превратился в один из символов общественного и художественного застоя. На ярком фоне театральной жизни Ленинграда тех лет, представителями которой были театральные коллективы Н. П. Акимова, И. П. Владимирова, Г. А. Товстоногова, театр Горбачева являл собой образец скучного консерватизма и выразительной безликости. В народе его прозвали «Корыто Горбачева». В ту пору в народе были популярны две стихотворные строчки, посвященные знаменитому памятнику Екатерине II:

Слева дом культуры,
А сзади дом халтуры.

По левую руку императрицы, как известно, находится один из символов петербургской, а в то время ленинградской культуры — Публичная библиотека, а позади —

Театр драмы имени Пушкина, который тогда называли «Домом халтуры», по аналогии с широко распространенными в Ленинграде центрами городской самодеятельности — Домами культуры.

Между тем Игорь Горбачев был одним из любимых актеров советских партийных бонз. Награды сыпались на него, как золотой дождь. Остроумнейшей Фаине Григорьевне Раневской петербургская молва приписывает слова, оброненные ею по случаю очередного награждения Игоря Олеговича: «За создание в искусстве образа довольного человека».

По мистическому совпадению последней постановкой Горбачева в пушкинском театре была пьеса Н. А. Островского «Не все коту Масленица». И этот грустный факт личной биографии актера петербургский фольклор расценил как шутку, сыгранную с ним безжалостной, но справедливой судьбой. Название спектакля было откровенно двусмысленным.

Случайно или нет, но уход Горбачева из театра совпал с изменением политического строя в России. На дворе был 1991 год.

6

В 1960—1970-е годы в Ленинграде упомянутое нами выше имя Григория Александровича Товстоногова, возглавлявшего Большой драматический театр имени А. М. Горького с 1956 года, стало символом возрождения театрального драматического искусства. Количество упоминаний его имени в повседневном обиходе советской интеллигенции в то время могло быть сравнимо с количеством упоминаний имен партийных и государственных советских деятелей на радио, телевидении и в газетах.

Биография Товстоногова полна таинственных загадок и романтических легенд. Так, согласно одним справочникам, он родился в 1913 году, в то время как другие утверждают, что год его рождения — 1915-й. Будто бы при поступлении в институт он сам себе «скостил два года». Считается, что родиной Товстоногова является Тбилиси, между тем сам Товстоногов говорил, что родился он в Петербурге, на Фурштатской улице. В то время отец его учился в Путейном институте. Только потом его, совсем маленького, увезли в Грузию. Витает легенды и вокруг фамилии Георгия Александровича. Будто бы его мать, будучи, как она считала, девушкой полной, потребовала от жениха заменить в фамилии Толстоногов букву «л» на «в». Толстоноговой ей быть не хотелось. Так, если верить фольклору, появилась знаменитая фамилия Товстоногов.

Овеян романтической легендой и его неожиданный переезд из Грузии в Ленинград. Согласно грузинским легендам, однажды его «спустили с лестницы в Тбилиси за попытку увести чужую невесту». Если это действительно так, то надо благодарить «случай» за то, что Товстоногов стал таким, каким мы его знаем.

До Товстоногова ленинградский Большой драматический театр, основанный в 1919 году в здании бывшего Апраксинского, или Суворинского, театра, влачил довольно жалкое существование. Театральная публика его не жаловала. Будто бы руководство театра даже писало письмо первому секретарю обкома КПСС с просьбой «проложить трамвайные пути» к входу, чтобы зритель пошел в театр. С приходом Товстоногова надобность в этом отпала. Театр приобрел поистине новое дыхание. Каждая его постановка становилась событием культурной жизни Ленинграда. «Пять вечеров», «Прошлым летом в Чулимске», «Идиот», «Мещане», «Король Генрих IV» и многие другие спектакли становились легендами. Билеты на

спектакли достать было просто невозможно. Задолго до первого звонка набережная Фонтанки на много сотен метров от театрального подъезда была заполнена желающими попасть в театр. Лештуков мост через Фонтанку, что находится перед зданием театра, прозвали «Нет ли лишнего билетика?»

Очень скоро коллектив театра понял, как ему повезло. Одновременно с Георгием Александровичем на должность директора в театр пришел Георгий Михайлович Коркин, и тогда, как об этом в эфире Петербургского радио вспоминала актриса Нина Ольхина, среди актеров заговорили, что их вдруг наградили сразу двумя Георгиями, и они стали «Георгиевскими кавалерами всех степеней». Самого Георгия Александровича называли Святым Георгием.

Между тем на репетициях Товстоногов был строг, часто непримирим, не терпел возражений. Его побаивались. До прихода Товстоногова неофициально признанным лидером в театре считался актер Виталий Полицеймако. С режиссерами было трудно. Они не приживались. Их не очень жаловали, да и они общего языка с актерами не находили. И тут сам Полицеймако, глядя на Товстоногова, вдруг примирительно сказал: «Ну, хватит есть режиссеров», на что Товстоногов будто бы отпарировал: «Я несъедобный». С тех пор вражда между актерами и режиссером прекратилась. Товстоногова полюбили и стали уважать все без исключения. Чаще всего его мнение становилось последним и окончательным. «Любимый тиран», — за глаза говорили о нем актеры. В театре наступила, как они говорили, «добровольная диктатура». А в пору работы Товстоногова над спектаклем по роману Достоевского «Идиот» Георгий Александрович получил от ленинградцев еще более ценную награду. Имена автора романа и создателя спектакля ленинградцы поставили в один ряд и стали произносить вместе, превратив их в замечательный каламбур: «Достоногов и Товстооевский».

Любопытна фольклорная история происхождения уважительного театрального прозвища Товстоногова — Гога. Одни говорят, что это связано с его грузинским прошлым. Будто бы так, по-домашнему, называют в Грузии всех Георгиев. Другие утверждают, что когда Товстоногову что-то не нравилось, он начинал издавать звуки, похожие не то на громкий хохот, не то на оглушительный гогот, отчего и называли его Гогой. Так или иначе, но и те и другие в один голос утверждали, что «Нет бога, кроме Гога».

Ныне Академический большой драматический театр заслуженно носит имя Георгия Александровича Товстоногова. А формулой высшей оценки творческой деятельности стало восклицание: «Товстоногов отдыхает!»

В «Алмазный венец Товстоногова», как называют созвездие актеров, которых воспитал и с которыми работал Георгий Александрович, входили такие выдающиеся актеры, как Евгений Лебедев, Иннокентий Смоктуновский, Павел Луспекаев, Ефим Копелян, Сергей Юрский, Кирилл Лавров, Татьяна Доронина и многие другие. Благодаря некоторым из них петербургская мифология обогатилась блестящими образцами городского фольклора. Вот только несколько примеров.

Всем памятен голос актера Ефима Захаровича Копеляна за кадром в телесериале «Семнадцать мгновений весны». Именно тогда у него появилось новое, народное имя, которое, надо полагать, навсегда сохранится в арсенале петербургского городского фольклора — Ефим Закадрович.

После кончины Товстоногова на должность художественного руководителя театра был единогласно избран Кирилл Лавров. Вне театральной жизни, во взаимоотношениях с товарищами по работе Лавров оставался таким же порядочным, как и герои, сыгранные им на сцене. Накануне 80-летия своего руководителя актеры Большого драматического театра шутя предложили учредить единицу порядочности в искусстве. В истории городской мифологии она известна как «Один лавр».

В Петербурге есть своеобразный «Памятник Сергею Юрскому», как его называют в народе. Бронзовая скульптура Остапа Бендера, что установлена у фасада одного из домов на Итальянской улице, как две капли воды похожа на великого комбинатора, каким изобразил его Юрский в кинофильме Михаила Швейцера «Золотой теленок».

Учеником Товстоногова был актер и главный режиссер Ленинградского театра имени Ленсовета Игорь Петрович Владимиров. В городском фольклоре театр известен как «Игорный дом». Он расположен на Владимирском проспекте в здании бывшего Купеческого собрания, широко известного в старом Петербурге своими карточными, биллиардными и прочими игорными заведениями. Таким образом в микротопониме «Игорный дом на Владимирском» городской фольклор соединил имя, фамилию и актерскую профессию Игоря Петровича Владимирова.

В разное время в Большом драматическом театре и в Театре имени Ленсовета работала одна из самых заметных фигур театрального Петербурга, талантливая актриса Алиса Бруновна Фрейндлих. Она родилась в Ленинграде, в семье актера Театра драмы имени А. С. Пушкина Бруно Фрейндлиха, потомка немецких стеклодувов, приехавших в Россию при Екатерине II. Актерская карьера Алисы Бруновны достигла своего пика в Театре имени Ленсовета, в котором она сыграла такие значительные роли, как Дульсинья Тобосская в одноименном спектакле, Катарина в «Укрощении строптивой» Шекспира и многие другие. «Мы говорим „Театр Ленсовета“ — подразумеваем Фрейндлих, мы говорим „Фрейндлих“ — подразумеваем Театр Ленсовета, — шутили ленинградцы, перефразируя известные строчки Маяковского о партии и Ленине.

Фрейндлих много снималась в кино. Ее роль в нашумевшем фильме Эльдара Рязанова «Служебный роман» сделала актрису широко известной и любимой во всей стране. Ореол славы не мог не породить вокруг актрисы мифотворчество, которое в первую очередь связало отдельных членов актерской династии в одно целое: «Лиса Алиса и кот Фрейндлих», по аналогии с персонажами сказки Алексея Толстого «Золотой ключик» лисой Алисой и котом Базилио.

7

Мы коснулись только самой малой части петербургского театрального фольклора, количество и многообразие которого на самом деле не поддается ни подсчету, ни охвату. Кроме того, мы боялись переступить тонкую грань, за которой подлинный фольклор как неотъемлемая часть общегородской культуры перестает быть таковым, теряет свои жанровые особенности и превращается в недостойные нашего внимания слухи, сплетни и пересуды, столь распространенные в театральном быту и далеко не всегда его украшающие.

Ограниченный объем журнального текста не позволил нам коснуться и других театральных коллективов и актерских имен, достойных того. Многого нам просто не удалось узнать и услышать. Театральный мир замкнут, и, слава богу, далеко не все распространяется за пределы кулис и занавесей. Но даже то, что известно, достойно стать общегородским достоянием и украсить более чем 300-летнюю фактическую историю петербургского Театра, тем самым обогатив ее и сделав еще более прекрасной и значимой.

ДНЕВНИК. 1976 ГОД (январь—апрель)

Выписки из фонда РГАЛИ (№ 2590, оп. 1, е. х. 116). Первый экземпляр машинописи заполнен только по лицевой стороне: от 1 янв. до 5 апр. — на листах двух разных форматов (большого — письма ему от Ц. И. Кин, от 25 и 26 янв.), листы не проколоты; 44 л.¹

1 янв. Встречал Новый год у Бориса Натановича². Пришел с бутылкой шампанского.

Страшная оттепель и гололед. На столе множество вкусных вещей. Как-то незаметно много выпил и обратно шел с трудом (после трех). Мимо летели такси с зелеными огоньками и все хотелось взять машину и ехать неизвестно куда. (...) В 3 часа за мной заезжает Сережа Федоров³ и мы едем сначала в его мастерскую (на Миусской площади в Доме Композиторов над мастерской Хренникова)⁴. Большое помещение в 60 метров, начатые холсты, больше женские портреты и «ню» и т. п. Затем едем к ним на улицу Ермоловой. (...) Тут же дочь Сергея и Ирины, которой еще не было, когда я с ними виделся в последний раз. Она уже в институте. Сын пятилетний в пионерлагере. Обильный стол. И я снова пью и ем. Сидим за столом почти 7 часов и возвращаюсь домой в час. Было хорошо и интересно. И Сережа и Ирина мне понравились, особенно Сергей. (...) Очень славный, живой человек. Я рад, что он не пропал. Ирина работает в ка[к]ом-то НИИ, что-то редактирует. Они меня разыскивали, но не могли найти после того, как я уехал с улицы Грицевец⁵.

¹ В квадратных скобках — вставки и примечания публикатора и комментаторов. Вставки — прямо в тексте, комментарий — в подстрочных примечаниях. Особенности орфографии оригинала в некоторых характерных для АКГ местах сохранены (помечены подчеркиванием); выделения в тексте (в оригинале — разрядкой) переданы п/жирным. Знаком (...) обозначены купюры или пропуски публикатора.

² Ляховский Борис Натанович, в дневнике — Б. Н., или Бор. Нат. (1906—1980), режиссер научно-документального кино; в 1925—1931 гг. жил во Франции; в 1929 окончил Парижский киноинститут; товарищ АКГ по Каргопольягу (26 июня 1954. *Пожалуй, кроме Б. Н., у меня во всем лагере нет друга в истинном смысле слова, хотя приятелей много...*), позже водитель и владелец автомашины, чьими услугами тот часто пользовался, его сосед по даче в Загорянке, а позже, в 70-е, и по дому на Красноармейской (д. 27, кв. 42), проживавший по адресу: Часовая ул., 5б, кв. 43.

³ Федоров Сергей Степанович (1927—1995), окончил Московское художественно-промышленное училище им. Калинина и поступил в МВХПУ (бывшее Строгановское) в 1945; арестован в нояб. 1947, будучи на 2-м курсе. Осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Срок отбывал в Каргополе. Работал художником КВЧ в агитбригаде культурно-воспитательного отдела. После условно-досрочного освобождения по правительственному указу в 1954 жил в г. Кемерово без права выезда в большие города. После реабилитации в 1958 возвратился в Москву, восстановился в училище, окончил его в 1961 по факультету монументально-декоративной живописи. Член СХ СССР с 1968. www.gmig.ru 2011-12-26.

⁴ Хренников Тихон Николаевич (1913—2007), композитор; автор музыки к песням в пьесе «Давным-давно».

⁵ *Грицевец* — Гладков А. К. Москва 19 пер. Грицевец, д. 8, кв. 24 (по записной книжке Н. Д. Оттена — РГАЛИ 2665, оп. 1, е. х. 70, № 88, л. 112) — переулок или улица Грицевецкая, носившая это имя с 1952 по 1994 гг. в честь дважды героя летчика-истребителя С. И. Грицевца (ее преж-

2 янв. Звонок Ирины. Хочет меня повидать наедине, «чтобы посоветоваться». Не знаю, в чем дело, но [у] меня нет оснований отказываться. Опасность быть соблазненным, как будто, мне не грозит. (...) Обедал у Ц. И.⁶ Неважно себя чувствую (желудок). Она говорила по телефону с В. Н. Ильиным⁷ и он подтвердил, что уходит, но не сразу, так как С. С. Смирнов⁸ очень болен и его сейчас нельзя бросить.

(4) 3 янв. Целый день дома. Не в своей тарелке после двух выпивок. Открытка от Тани и Тони⁹.

5 янв. (...) Звоню в пол-седьмого Эмме¹⁰. Она под Новый год лежала. Глупый разговор и я не на высоте. Зря звонил. Но чего я собственно хочу? Путаница во всем...

нее и современное название — Б. Знаменский переулок, в центре Москвы, между Волхонкой и Знаменкой), адрес, по которому жили Гладковы, начиная с 1926: сначала родители, а потом и жена, с которой он фактически расстался, Антонина Антиповна Гладкова, с их дочерью Татьяной (см. ниже: *Тоня и Таня*), и где за АКГ оставалась формально одна комната — он держал в ней книги.

⁶ Кин Цецилия Исааковна, или в дневнике просто Ц. И., (1905—1992), литературный критик, литературовед, публицист, специалист по культуре Италии; она активно посредничала между московскими писателями и итальянскими журналистами. Вдова писателя Виктора Кина. Соседка АКГ по дому на Красноармейской улице и его близкий друг в последние годы жизни: как он сам говорил, у него был с ней *роман отношений*: «Вскоре после того, как Александр Константинович Гладков впервые появился в моем доме (14 января 1964 года, день рождения Виктора Кина), я стала называть его АКГ, и это ему, кажется, нравилось» (Ц. Кин. О дорогом АКГ — <http://do.gendocs.ru/docs/index-61281.html>).

⁷ Ильин Виктор Николаевич (1904—1991), сотрудник НКВД, комиссар госбезопасности (начал рядовым оперативным уполномоченным; в 1937—1938 гг. отвечал за «разработку» меньшевиков, стал начальником третьего отдела Секретно-политического управления НКВД, занимавшегося работой с творческой интеллигенцией); в 1943 осужден на девять лет тюрьмы. Отбыв срок, уехал в Рязань, где работал грузчиком (реабилитирован после расстрела Берия в 1954 году); в 1956 был избран секретарем Московского отделения Союза писателей (не будучи его членом).

⁸ Смирнов Сергей Сергеевич (1915—1976), писатель, автор книги «Брестская крепость», в качестве руководителя московской организации Союза писателей в 1958 принимал активное участие в травле Б. Пастернака; позже подписал письмо группы советских писателей в редакцию газеты «Правда» 31 авг. 1973 о Солженицыне и Сахарове; но вместе с тем в марте 1966 подписал письмо 13 деятелей советской науки, литературы и искусства в президиум ЦК КПСС против реабилитации Сталина) был секретарем СП СССР в 1975—1976 гг. Его АКГ в дневнике (7 янв. 1975) назвал «профессиональным предателем и убийцей». Но, по отзыву Е. Ц. Чуковской, он не только «подписывал письма», но и выуживал з/к из лагерей военнопленных и поселял у себя — то есть фигура более объемная. Он был автором самиздатской пародии на книгу одиозного Кочетова «Чего же ты хочешь?» (пародия называлась «Чего же ты хохочешь?») и в 1955 г. сменил Кочетова на посту редактора «Литгазеты», которая при нем, в разгар оттепели, обрела широкую популярность: в частности, был введен отдел пародий и эпиграмм «Литературный музей», который потом превратился в культовую «16-ую страницу ЛГ».

⁹ *Таня и Тоня* — это жена АКГ, Тоня (Тормозова), и их дочь Таня. Тормозова Антонина Антиповна, или Т. — сокращение, многократно встречающееся в дневнике, *Тоня* (1919—1981), первоначально актриса Арбузовской студии, позднее перешедшая в Театр Советской армии; с которой после начавшегося романа с Эммой Поповой АКГ уже не живет.

¹⁰ *Эмма* — см. Эмилия Анатольевна Попова (по первому мужу *Бирман*; 1928—2001), актриса в труппе БДТ (Ленинградского Большого драматического театра) — подруга и фактически жена Гладкова последних десятилетий его жизни (начиная с 1959). Впрочем, в последние годы жизни АКГ, 1972—1976, они хоть и встречались, но жили отдельно, на грани разрыва. Была преподавателем Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК; с 1993 г. — Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства (СПГАТИ), где ставила пьесу АКГ «Молодость театра» (1975). О ней на сайте: http://www.bdt.spb.ru/pamiat/women/porova_ea.html; С. Юрский о ней: «Я думаю, что самым прекрасным (и, думаю, самым

(...) Математика Плюща¹¹, находящегося в тюремном сумасшедшем доме в Днепропетровске, пока отказались освободить.

(5) 7 янв. Ночью снилась с вождением К. Н. Виноградская, к которой в реальной жизни подобного не испытывал, да и не встречался с ней почти 30 лет¹². Еще просил ссуду у Миши Мирингофа, который уже умер¹³. К. Н. тоже умерла. Что за дела с покойниками?

8 янв. (...) (...) Звонок Левы¹⁴. По его словам, у С. С. Смирнова рак легкого. Когда он расправлялся с Пастернаком, у того тоже был рак легкого. Генсек французской компартии Жорж Марше¹⁵ снова резко критиковал КПСС за преследования «инакомыслящих» и заявил, что франц. коммунисты не признают формулу «диктатура пролетариата». Синоптики к ночи сулят потепление. Собирался позвонить Ц. И., да так и не позвонил. [АКГ с ней опять в ссоре.] Не умею мириться. Последние дни по многу часов сижу за машинкой.

10 янв. (...) Умерли Николай Вирта¹⁶ и художник Малишевский¹⁷. Вирту я видел еще недавно в магазине и удивился хилому виду. Не работает транзистор.

счастливым) в ее жизни был период замужества за Гладковым, когда открывалась ее иная сторона — совершенно незнакомая. Она стала (именно стала) читающей, мыслящей и формулирующей свои впечатления женщиной. Это было совершенно поразительным и органичным поворотом. Здесь не было ничего от душечки (вот уж на кого она решительно не походил). Это нахождение рядом замечательного человека, Гладкова, возбудило в ней некий слой, который где-то существовал». <http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/sov/3456/bio/>.

¹¹ Плющ Леонид Иванович (1938—2015), математик, публицист, участник правозащитного движения в СССР, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В 1973 г. был насильственно помещен в спецпсихбольницу в г. Днепропетровске. Подвергался принудительному лечению. В янв. 1976 он с женой и сыновьями Дмитрием и Олесем выехал из СССР. В Австрии прошел психиатрическую экспертизу, которая зафиксировала его полную вменяемость, но установила у него сильное нервное истощение.

¹² Виноградская Катерина Николаевна (1892—1973), кинодраматург; в 1956—1972 гг. руководитель сценарной мастерской во ВГИК; автор сценариев и либретто к фильмам «Партийный билет» (1936), «Член правительств» (1939), а также «Дневников» (1931—1956) и «Записных книжек» (с набросками сценариев, записями о Ю. А. Завадском, П. Ф. Нилине, В. Б. Шкловском и др. (1940—1971) — РГАЛИ, ф. 2983.

¹³ Возможно, Михаил Михайлович Мирингоф, журналист, писавший о театре, заслуженный работник культуры РСФСР (1967).

¹⁴ Левицкий Лев Абелевич, или часто в дневнике просто — *Лева (Левинштейн; 1929—2005)*, литературный критик, литературовед, сотрудник «Нового мира», работавший в отд. поэзии, многолетний друг АКГ, сам оставил 2 тома опубликованных дневников: Утешение цирюльника. Дневник. 1963—1977. СПб., 2005; Термос времени. Вторая часть (1978—1997). СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2006.

¹⁵ Марше Жорж Луи Рене (фр. Georges René Louis Marchais; 1920—1997), французский политический и государственный деятель, коммунист.

¹⁶ Вирта Николай Евгеньевич (настоящая фамилия *Карельский; 1906—1976)*, писатель; лауреат четырех Сталинских премий (1941, 1948, 1949, 1950); получил известность благодаря роману об антоновском восстании («Одиночество», 1935—1941), который переработал в пьесу («Земля», 1937). В своем творчестве всегда держался партийной линии: разоблачал троцкистскую оппозицию, боролся с «безродным космополитизмом».

¹⁷ Обычная для АКГ путаница: вместо фамилии художника: *Милаше́вский* Владимир Алексеевич (1893—1976), художник-график, акварелист, живописец, участник группы «13»; автор мемуаров («Вчера, позавчера... Воспоминания художника», М., 1972, 2-е, существенно дополненное издание, М., 1989) — он пишет сходную фамилию, актера: *Малишевский* Надрин Михайлович

(6) 12 января. Закончена операция «матрас». Исправлена форточка. Можно жить дальше. Плохо работает транзистор. Сегодня почти ничего не слышал. Думаю, что из-за холода в комнате.

13 янв. Получил на улице Грицевец письмо из ВУАПа¹⁸ и три экземпляра договора на постановку «Давным-давно»¹⁹ в Чехословакии на 5 лет, два из которых я должен, подписав, вернуть. Премьера состоялась 10 октября. А я и не подозревал.

14 янв. Получил в Лавке²⁰ 14 экземпляров сборника воспоминаний о Юрии Олеше²¹. Внешне книга выглядит неплохо, а как внутри — не знаю. Еще не читал. (...) Вышла и книга Ц. И. «Итальянские светотени»²². Она уже подарила. Ночью шел снег.

(7) 15 янв. (...) Вчера в Вечерке траурное объявление о «безвременной кончине» Виктора Лазаревича Пружинера, работника подземного строительства, лауреата гос. Премии. Я догадываюсь, что это мой школьный товарищ, соратник по «Синей блузе»²³ Витька Пружинер. Когда я его однажды почти за 50 лет встретил на улице (тоже очень давно), он мне говорил, что работает в управлении метро. Это уже пальба по моему поколению. Звонки Х. А.²⁴ и Ц. И. Зовут обедать. К Гаринным пойду сегодня, а к Ц. И. завтра. Еще вчера ночью звонили с какой-то биологической станции под Серпуховым и звали на встречу с научными сотрудниками в их кафе. Отговорился. Забавно, что несмотря на свое уклонение от представительской и светской жизни я приобретаю черты маститости. Собачий мороз. Отправляю бан-

(1918–1977), актер театра и кино (Московский академический драматический театр им. Е. Вахтангова: 1940–1977).

¹⁸ ВУАП — Всесоюзное управление по охране авторских прав — так оно называлось до 1973, потом — Всесоюзное агентство по авторским правам (аббр. ВААП), общественная организация по охране авторских прав в СССР.

¹⁹ «Давным-давно» (другое название пьесы «Питомцы славы») — известнейшее произведение АКГ — героическая комедия в стихах, написанная на сюжет (или, вернее, с отталкиванием от) «Записок кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. Сочиненная в 1940, пьеса впервые была поставлена в 1941 и неизменно многократно воспроизводилась в театрах на протяжении всей жизни автора. Ее ставили: Н. П. Акимов в Ленинградском театре комедии, в Москве: А. Д. Попов в Центр. театре Красной армии, Н. М. Горчаков в театре драмы, С. А. Майоров — в Театре революции; а также десятки театров на периферии; музыку к спектаклю написал Т. Н. Хренников.

²⁰ Книжная Лавка писателей в Москве, образованная решением правления Всероссийского Союза советских писателей в 1931–1932 (начала работать на Моховой, потом на ул. Горького, пока не обрела окончательное место жительства — с весны 1941, перед самой войной, — на Кузнецком Мосту, в доме 18/7). Кузнецкий Мост — старинная торговая улица Москвы. С 1860-х гг. здесь находились небольшие книжные магазины, а с 1890-х разместился книжный магазин известного «Товарищества М. О. Вольфа».

²¹ Олеша Юрий Карлович (1899–1960), писатель-прозаик, поэт, драматург, сатирик. Речь идет о книге «Воспоминания о Юрии Олеше» (М., 1976). В этом сборнике была и статья АКГ о нем: «Слова, слова, слова...», написанная еще в 1967 г. и предложенная в «Новый мир», но впервые напечатанная только в 1974 г. в международном альманахе В. Страда «Россия/Russia».

²² Кин Цецилия. Итальянские светотени: Заметки о литературе и культуре современной Италии. М., 1975.

²³ «Синяя блуза» — советский агитационный эстрадный театральный коллектив, отражавший самые различные темы, от общеполитических и международных до мелочей быта, новое революционное массовое искусство. Существовал с начала 1920-х до 1933 года. Название дала прозодежда — свободная синяя блуза и черные брюки (или юбка), в которой стали выступать артисты, что соответствовало традиционному облику рабочего на агитплакатах.

²⁴ Локшина Хesia Александровна (1902–1982), режиссер и сценарист; жена Э. П. Гарина. Они постоянные собеседники АКГ, он у них часто бывал в гостях.

дероли со сборниками о Ю. Олеше Эмме, Соломонику и Б. Н²⁵. (...) Еду на леваке к Гариным. Мощно обедаю. Там Нелли²⁶ и Лева. Обрато еду на вызванном такси.

16 янв. (...) Телефонный разговор с Каменскими²⁷. Таня достала мне мемуары худ. Малишевского. А я достал ему избранного Бахтина²⁸, как он меня просил. Наконец набрался мужества перечесть в сборнике об Олеше сам себя. При всех кошмарных купюрах, все-таки это хорошо написано, ей-богу. Но ползимы уже все-таки прошло.

(8) 17 янв. Хотел съездить в Лавку, но испугался мороза и полдня провел под одеялом. (...) Освобожденный Плющ прибыл во Францию изнеможенным, больным. Осматривавшие его психиатры, впрочем, считают, что он нормален, но ослабел от варварского лечения.

18 янв. (...) (...) Плохо работает транзистор. Еле уловил, что-то о Сахарове: он хотел переехать на другую квартиру, а его отказались прописать.

(9) 23¹ янв.²⁹ (...) Был в Лавке и хотел взять еще несколько штук сборника, но мне казали, что он весь уже распродан. В городе говорят об отъезде Некрича в Израиль³⁰. Его почти затравили в Институте. Слух, что собирается уезжать Толя Гладиллин³¹. У него мать еврейка.

23² янв.³² Утром меня будит звонок Ирины. Очень хочет придти. Отбояриваюсь, как пишут спортивные обозреватели, «на грани фола». (...) Лева (со слов Юры Трифонова³³): Арбузов³⁴ заташил Юру к себе и он просидел целый вечер. Потом Юра ужасался уровнем разговора, совершенно обывательским.

²⁵ Соломоник Илья Борисович — сидевший вместе с АКГ в Каргопольлаге его младший товарищ, с которым они позже общались и поддерживали переписку (Письма АКГ — Соломонику // РГАЛИ, ф. 2590, оп. 1, № 180: 1967—1974; Письма Соломоника — АКГ. Ф. 2590, оп. 1, № 346: 1966—1976).

Б. Н. — это Ляховский Борис Натанович (см. выше).

²⁶ Лицо не идентифицировано.

²⁷ Каменские — Каменский Александр Абрамович (1922—1992), искусствовед, и его жена, Татьяна Георгиевна, были хорошими знакомыми АКГ; они жили по соседству с ним на даче в Загорянке.

²⁸ Имеется в виду книга Михаила Михайловича Бахтина (1895—1975), философа, культуролога, теоретика европейской культуры и искусства. «Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет» (М.: Художественная литература, 1975).

²⁹ Напечатанная последняя цифра числа зачеркнута и исправлена карандашом.

³⁰ Нэкрич Александр Моисеевич (1920—1993), историк, участник Великой Отечественной войны; специалист по европейской истории XX века; после эмиграции — в США — специалист по советской и российской истории. С 1950 по 1968 работал в Институте истории АН СССР (после его разделения — в Институте всеобщей истории АН СССР); был секретарем партийной организации. Автор книги «1941, 22 июня» (М.: Наука, 1965); в 1967 г. за отказ признать в ней «свои ошибки» был исключен из партии. В июне 1976 эмигрировал из СССР; вначале жил и работал в Лондоне, затем в США.

³¹ Гладиллин Анатолий Тихонович (род. 1935), писатель, диссидент (открыто выступил против суда над А. Синявским и Ю. Даниэлем); в 1976 был вынужден эмигрировать из СССР. С тех пор живет в Париже.

³² Напечатанная цифра также зачеркнута и исправлена карандашом.

³³ Трифонов Юрий Валентинович, или в дневнике просто Юра (1925—1981), писатель, мастер «городской» прозы, одна из главных фигур литературного процесса 1960—1970-х гг., друг АКГ.

³⁴ Арбузов Алексей Николаевич (1908—1986), драматург, давний знакомый и соавтор АКГ по пьесам «Город на заре» (1938) и «Бессмертный» (1942), с которым тот в последние годы почти пе-

23 янв. Звонила Ц. И. Адриан Альдомиреску³⁵ привез мне из Италии, куда он уезжал в отпуск, подарок — подтяжки. В Москве их купить невозможно. По-итальянски они называются забавно — «бретели». Юра Тр. обивающий пороги в ССП добился своего. Его включили в состав делегации, едущей 26-го в ФРГ. [Замечательные детали тогдашнего быта; сплетни писателей и о писателях, взаимные осуждения и перемалывания-перемывания косточек] (...) Умерла Цецилия Львовна Мансурова³⁶. Она играла в моей пьесе «Жестокий романс»³⁷ — плохо и манерно.

(19) 24 янв. (...) Обедаю у Ц. И. Получаю «бретели» и календарь от Адриано. Ю. А. Фридман³⁸ был в санатории Госплана, кажется, Красино. Там же был Маленков³⁹ с женой. Обычно они ходили гулять вдвоем [т. е. муж и жена вместе]. Но однажды Ю. А. встретил М. одного, подошел и спросил — Вы Маленков? — Да, я... (Накануне там показывали новый фильм про декабристов — «Звезда пленительного счастья») — Как вы могли смотреть этот фильм, вы, палач?... Дальше больше. Ю. А. начал говорить о погубленном М. М. Розенберге⁴⁰. Тот — Откуда вы знаете, что я имел к этому отношение? (А Розенберг рассказывал Ц. И. еще перед арестом о роли М. в его травле). Ю. А. — Друзья Розенберга все узнали. Вы палач и подлец!... — Нет, я не имел никакого отношения... Ю. А. — Неправда. Все известно!... М. съезжился и стал отходить, и почти побежал. Это было в декабре 1975 го-

рестал встречаться, «раздружившись».

³⁵ Адриано Альдоморески — московский корреспондент газеты «Паезе сера», друг Цецилии Кин.

³⁶ Мансурова Цецилия Львовна (настоящая фамилия Воллерштéйн; 1896—1976), актриса, педагог. Народная артистка СССР (1971); с 1945 года преподавала в Театральном училище при Театре Вахтангова.

³⁷ «Жестокий романс» — пьеса АКГ (другое название: «Новогодняя ночь», 1946), была осуждена постановлением ЦК ВКП(б) и названа официальной критикой «слабой и безыдейной», уводящей в мир «фальшивых переживаний».

³⁸ Фридман Юрий Александрович (1899—1985), родился в бедной еврейской семье в Варшаве, студентом Варш. ун-та начал заниматься нелегальной рев. деятельностью, бежал в Германию, затем в Италию, в 1919 или 1920 вернулся в СССР в качестве переводчика, сопровождавшего экспедиционный корпус, застрявший в Европе во время Первой мировой войны; по рекомендации Дзержинского работал в иностранном отделе ЧК, будучи нелегалом в Италии и Турции, попал в тюрьму и бежал из нее. По возвращении в СССР назначен директором акционерного общества «Интурист»; арестован в 1939, отсидел в ГУЛАГе 17 лет. Воспоминания о нем записаны племянником, В. В. Корчагиным, на сайте «Эсперанто-клуб „Scio“» <https://klubo.jimdo.com/10/>. Вот только один фрагмент из самого их конца: «Как персональный пенсионер союзного значения он имел право на ежегодную путевку в санаторий. Для получения путевок он был прикреплен к Госплану СССР. Однажды его не пустили в здание Госплана, мотивируя это тем, что он был репрессирован. На вопрос «откуда вы это знаете?» начальник охраны объяснил, что это видно по серии его паспорта. Возмущенный дядька написал письмо в ЦК партии, и ему тут же предложили обменять паспорт, но он отказался, пока не будут обменены паспорта у всех репрессированных. Эти и другие факты привели его к глубокому разочарованию и к тяжелой депрессии». (Благодарю Г. Г. Суперфина за помощь в разыскании — как этого, так и многих других случаев затруднений при опознании лица.)

³⁹ Маленков Георгий Максимилианович (1901/02—1988), советский государственный и партийный деятель, соратник Сталина, Председатель Совета Министров СССР (1953—1955). Участник антипартийной группы. Член ЦК КПСС (1939—1957), курировал ряд важнейших отраслей оборонной промышленности, в том числе создание водородной бомбы и первой АЭС в мире. Фактический руководитель Советского государства в марте—сентябре 1953 года.

⁴⁰ Розенберг Марсель Израилевич (1896—1938, расстрелян), дипломат. Во время гражданской войны в Испании — полпред СССР при республиканском правительстве. Подписи на его «расстрельном списке»: «Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов» (05.03.1938) — <http://stalin.memo.ru/names/index.htm>.

да⁴¹. Молодец Ю. А.! Ю. А. рассказал это Ц. И. на днях, вернувшись из санатория. Можно еще проверить название санатория, но кажется, Краси́но. Сейча[с] позвонил по телефону и проверил. Санаторий называется Вороново. Маленков приехал туда 5 января, а встреча произошла 9 или 10 января...

25 янв. Мамин день. (...) Я вчера дал Ц. И. почитать свой дневник на 37-й год. Она прочла за ночь и утром звонит, что «потрясена». Пишет мне письмо. Это первый читатель моего дневника.

(20) 26 янв. (...) От Ц. И. записка «Я под исключительно сильным впечатлением. Трудно выразить даже». Это о моем дневнике.

27 янв. (...) Обедал у Ц. И. Забрал у нее свой дневник за 1937 г. с приложением ее письма. Письмо более чем хвалебное. (...)

(10–18)⁴² (...) Вы что-то не отвечаете по телефону, а я полна впечатлениями от прочитанного и пока-что, до нашего предстоящего разговора, напишу Вам. (...) К концу чтения меня охватил такой озноб, что мне казалось: я заболеваю. (...) (...) Вести такой дневник в то время само по себе отчаянный криминал. При этом Вы откровенно пишете о страхе, особенно после ареста брата. О том, как хотели избавить свою маму от нового удара на случай, если придут за Вами. О том, как избегали заполнять анкеты и прочее. А дневник вели. А брату писали в лагерь письма, вопреки мнению отца. Деньги посылали. Все, как должно было быть для такого человека, как Вы.

(11) (...) Но речь идет не о художественном произведении, а о Вашем дневнике, и я не могу отвлечься от того, что это писал не Х, а мой дорогой АКГ. (...) Мейерхольд. (...)

(12) Читать обо всей травле и унижении Мейерхольда очень трудно. (...)

(13) (...) По тексту: (...) Очень интересно, я не помнила, что Пильняк так подло выступал насчет того, что ему внушили замысел повести и кто внушил⁴³. С ума сойти от Вашей идеи пробудить благородные чувства в Альтмане⁴⁴. Ладно, с Вишне-

⁴¹ Ср. с информацией, полученной, по-видимому, из того же самого источника, по книге Роя и Жореса Медведевых «Они окружали Сталина» (М.: Время, 2012, с. 237): «... Маленков отдыхал и лечился в привилегированных санаториях. Однажды Маленков случайно встретился со старым большевиком Ю. Фридманом. „А ведь я, Георгий Максимилианович, именно благодаря вам провел пятнадцать лет в лагерях“, — сказал Фридман. „Я ничего об этом не знал раньше“, — ответил Маленков. „Но я же сам видел вашу подпись на моем деле“, — возразил Фридман. Маленков, не желая продолжать разговор, быстро отошел в сторону».

⁴² Следующие записи дневника перенесены сюда комментатором, так как они должны стоять после соответствующих чисел, то есть зап. от 25 янв. Собственная нумерация автора здесь (л. 1–9) перечеркнута: на листах несколько большего формата (на 1/10) — письма к АКГ от Ц. И. Кин, с ее подписью в конце, от 25 и 26 янв. — о прочитанном его дневнике 1937 года.

⁴³ Очевидно, имеется в виду ответ Пильняка на вопросы после выхода в «Новом мире» его «Повести непогашенной луны» с посвящением А. Воронскому. Почти весь тираж журнала был арестован. В постановлении Политбюро ЦК от 13 мая 1926 г. об этом произведении значилось: «Констатировать, что вся фабула и отдельные элементы рассказа Пильняка „Повесть о непогашенной луне“ не могли быть созданы Пильняком иначе, как на основании клеветнических разговоров, которые велись некоторыми коммунистами вокруг смерти тов. Фрунзе, и что доля ответственности за это лежит на тов. Воронском. Объявить тов. Воронскому за это выговор».

⁴⁴ Альтман Иоганн Львович (1900–1955), литературовед, литературный и театральный критик. Главный редактор газеты «Советское искусство» (1936–1938) и первый редактор журнала «Театр» (1937–1941). В юности некоторое время был эсером, позднее вступил в коммунистическую

ским⁴⁵, да и то. А это ведь прямой негодяй. Тут немножечко дон-кихотская интонация и Ваша совсем молодая наивность. (...) Ваш уговор с мамой о записке в уборной. Вообще все о маме, хотя и немного. (...)

(14) (...) Кина⁴⁶ арестовали 3-го ноября, у Вас об этом запись от 6-го, скоро. (...) Большой частью, все синхронно. (...) О Вас, каким я Вас вижу в том году (...). Вы чрезвычайно доверчивы и чисты. Идете на риск возможных неприятностей, как например, в истории с письмом к З. Н.⁴⁷ (Там, кстати, отличный поворот сюжета, сам собой получившийся эффект, — как Ваше письмо оказалось образцом правильной критики.) Уходите из театра, чтобы не создавать сложностей В. Э.⁴⁸ (...)

(16) (...) Если Вы хотите знать правду, я счастлива тем, что живу в то же время, когда и Вы. И что мне это выпало на долю — не только жить в то же время, но еще быть Вашим другом. (...) А за другие годы дадите мне прочесть? [от руки фиолет. шарик. ручкой:] Ваша Ц. Кин

(17) 26.1.76. (...) Вас конечно просто спасла судьба, произошло чудо. Где-то очень близко проходила граница гибели. (...) Этот дневник — дневник большой об-

партию. С 1921 года жил в Москве, где в 1926 году окончил Московский государственный университет, а в 1932 году — литературное отделение Института красной профессуры. С 1947 года и до его закрытия в 1948 году был заместителем художественного руководителя по репертуару Московского государственного еврейского театра (московский ГОСЕТ), в 1949 году в ходе борьбы с космополитизмом был обвинен в антипатриотической деятельности и по требованию А. А. Фадеева отстранен от работы, исключен из Союза писателей СССР и из партии и в конце концов арестован. Автор критической статьи «33 обморока». Чеховский спектакль в Театре им. Вс. Мейерхольда (Известия. 1935. 29 марта). Гладков упоминает его в своем дневнике 1937 г. (Наше наследие. 2013. № 107. Там же — о попытке примирить Мейерхольда и Вишневого, записи 14—15 января).

⁴⁵ Вишневецкий Всеволод Витальевич (1900—1951), писатель, драматург; род. в семье земледельца, потомственного дворянина; во время Первой мировой войны сбежал на фронт, был награжден Георгиевским крестом и двумя медалями; участвовал в вооруженном восстании в Петрограде в 1917 г.; в 1918 — начале 1919 г. был пулеметчиком корабля Волжской военной флотилии «Ваня-коммунист» № 5, в 1919 — начале 1920-х — пулеметчиком бронепоездов «Грозный» и «Коммунар» № 56 (входящего в состав Первой Конной армии). В 1930-х написал пьесы: «Мы из Кронштадта», «Последний решительный», «Оптимистическая трагедия». Участник советско-финляндской и Великой Отечественной войны. Известен как активный противник Михаила Булгакова и Михаила Зощенко. С 1944 жил в Москве, был редактором журнала «Знамя». Допустил к публикации повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» (изначально под названием «Сталинград») и включил В. Некрасова в список на Сталинскую премию. Именно при нем в журнале «Знамя» был напечатан ряд стихов А. А. Ахматовой, что послужило поводом для травли поэтессы. Позже сам отрекся от нее (ст. в «Литературной газете» от 7 сент. 1946). Издание его дневников того времени — в 6-м, дополнительном томе его Собрания сочинений в 5 т. (М.: ГИХЛ, 1960). В тексте Ц. И. имелся в виду, очевидно, конфликт Вишневецкого с Мейерхольдом в последний год жизни театра, в ходе которого АКГ безуспешно пытался примирить обоих.

⁴⁶ Кин Виктор Павлович (настоящая фамилия *Суловикин*, 1903—1938?), писатель, ставший известным после публикации романа «По ту сторону» (1928). Статья АКГ о нем: А. Гладков. Виктор Кин и его современники // Новый мир. 1965. № 11, с. 213—230.

⁴⁷ Райх Зинаида Николаевна (1894—1939), актриса, жена С. Есенина (с 1917 до 1921) и Мейерхольда (с 1922), в 1918 г. родила дочь Татьяну, в 1920 — сына Константина. После развода с Есениным вышла замуж за В. Э. Мейерхольда, играла в его театре; через несколько дней после его ареста была зверски убита неизвестными.

⁴⁸ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (настоящее имя *Карл Казимир Теодор Майергольд* (нем. *Karl Kasimir Theodor Meyergold*); 1874—1940, расстрелян), театральные режиссер, актер и педагог; теоретик и практик театрального гротеска, автор программы «Театральный Октябрь» и создатель актерской системы, получившей название «биомеханика». АКГ написал о нем воспоминания: «Мейерхольд» (в 2 т. / Сост. В. В. Забродин, вступ. ст. Ц. Кин. М.: СТД РСФСР, 1990).

личительной силы. И там, где Вы даете волю эмоциям, и там, где как будто просто фиксируете факты. Очень страшно. И поразительно, что все человек выносит, что Вы испытывали радость от книг, от погоды. Это счастье и спасение. Счастье было и в том, как Вы перенесли лагерь. Может быть, тут особенности характера, Ваша доброта, оптимизм. Чувство меры. (...)

(18) (...) [подпись от руки]

(21) 29 янв. (...) В № 1 «Вопросы литературы» в слабой статье Чудаковой о работе Булгакова над «Мастером и Маргаритой» просвечиваются любопытные факты о пьесе «Батум» (о молодом Сталине)⁴⁹ (...). Любопытное совпадение: как раз в дни, когда Булгаков заканчивал и сдавал театру пьесу о Сталине, был арестован Мейерхольд. Булгакову конечно исторически повезло, что пьесу С. запретил. Если бы она пошла, он никогда бы не стал властителем дум эпохи «позднего реабилитанса». И Булгаков тоже выезжал в Батум. Какой рассказ можно бы написать об этой поездк[е], закончившейся заболеванием (роковым)⁵⁰.

(23) 3 фев. (...) Приносят № 1 «Дружбы народов». Читаю юрину повесть «Дом на набережной»⁵¹. Это хорошо написано, лучше, чем «Другая жизнь»: плотнее, масса бытовых подробностей — то, что Юра умеет, но опять анализ некоего подлеца, копание в нем, его нюансы. У Юры злая память и злое вниманье, и он просто кушается в ничтожном, скверном, унижительном. Композиция изощрена и прихотлива. Разные этажи воспоминаний, действие течет разными временными потоками.

4 фев. Утром звонит Альма⁵². И просит разрешения придти. Уславливаемся на полпятого. (...) На этот раз от нее царские подарки: толстый том мемуаров Берберовой «Курсив мой»⁵³ и фотокопия мемуаров Мих. Чехова из «Нового журнала»⁵⁴.

⁴⁹ Чудакова М. Творческая история романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Вопросы литературы, 1 (1976), с. 218–235.

⁵⁰ После отозвания Булгакова из командировки на Кавказ и переданного ему лично от Сталина пожелания отказаться от продолжения работы над пьесой «Батум» у морально раздавленного писателя обострилась болезнь, которая через несколько месяцев свела его в могилу (остро возникшее во время поездки в Ленинград ухудшение зрения, мучительные головные боли, гипертония, хроническая болезнь почек).

⁵¹ «Дом на набережной» — повесть (или роман) Юрия Трифонова, написанная в 1975 году и опубликованная в январе 1976 г. Превзошла по популярности другие произведения автора, став событием литературной и общественной жизни. Название относится к расположенному на Берсеневской набережной Москвы-реки жилому комплексу 1931 г. постройки (официальное наименование — «Дом правительства»; другие названия: Первый Дом Советов, или Дом ЦИК и СНК СССР), который после публикации произведения стали называть «Дом на набережной». Повесть Трифонова «Другая жизнь» впервые была напечатана в жур. «Новый мир» 1975 № 8.

⁵² Лоу Альма (Law Alma), американская исследовательница Мейерхольда, эксперт по русскому авангардному театру, коллекционер, переводчица на английский работы АКГ «Мейерхольд говорит», автор (в соавторстве с Мэлом Гордоном) книги «Мейерхольд, Эйзенштейн и биомеханика: актерский тренинг в революционной России» (Law, Alma H., Gordon, Mel. Meyerhold, Eisenstein and biomechanics: actor training in revolutionary Russia — McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson, North California, and London. 1996).

⁵³ Берберова Нина Николаевна (1901–1993), русская писательница, автор документально-биографических исследований и мемуаров. В 1922 г. с мужем В. Ф. Ходасевичем эмигрировала из Советской России (через 10 лет они развелись); жила в Германии, Чехословакии, Италии, а с 1925 года в Париже; автор книги «Курсив мой. Автобиография» (München, 1972): впервые в России в изд. М.: Согласие, 1999.

⁵⁴ Чехов Михаил Александрович (1891–1955), актер театра и кино, театральный педагог, режиссер; племянник А. П. Чехова (сын брата писателя, публициста Александра Павловича); заслужен-

Она сидит часа полтора, а затем я впиваюсь в Берберову. Книга очень интересна. Выше моих ожиданий. Читаю с упоением.

5 фев. (...) Попрежнему собачий холод. Лежу целый день в постели и читаю Берберову. Очень интересно.

(24) 7 фев. Все еще очень холодно. Руки мерзнут за машинкой. Ужас какой-то. По научному это называется антициклон. И потепления прогнозисты не сулят.

8 фев. (...) Ю. А. Фридман говорит, что Маленков совсем не постарел. Рассказ о пощечине, полученной Молотовым на Тверском бульваре.

9 фев. Минус 5. Можно жить. Звонила Ц. И. Со слов Лакшина⁵⁵ подтверждается слух о снятии с «Огонька» Софронова⁵⁶. Будто бы он хотел в приложениях к журналу дать трехтомник Шевцова⁵⁷. Это кажется невероятным, но со всех сторон говорят.

(25) 11 фев. (...) Слух о Софронове не подтверждается.

12 фев. (...) (...) Будто бы врачи не разрешают Брежневу на Съезде говорить больше 20 минут.

13 фев. Обедаю у Ц. И. Утром звонок Левы. Дама из ЦГАЛИ⁵⁸. Ее просьба.

(27) 18 фев. (...) Днем приходит Альма и приносит американский журнал, где еще меня напечатали⁵⁹. Это скорее альманах, чем журнал: толстый, посвящен Левому искусству в России: тут и переводы Хлебникова и Пастернака, и матерьялы о Маяковском, и др. Прекрасные иллюстрации.

ный артист Российской Республики (1924); играл и снимался в России, Германии, Чехии, Латвии, США. Автор книг «Путь актера» (1928) и «О технике актера» (1946). В «Новом журнале» были опубликованы его мемуары «Жизнь и встречи» (книга VIII, 1944).

⁵⁵ Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1993), литературный критик, литературовед, прозаик, мемуарист, доктор филол. наук; в 1962–1970 гг. — член редколлегии, а в 1967–1970 — зам. гл. редактора жур. «Новый мир»; в 1970–1986 — консультант жур. «Иностранная литература»; автор дневников 1969–1970 и 1970–1971 гг.: «Последний акт» («Дружба народов», 2003, № 4–6) и «После журнала: Дневник 1971 г.» (2004, № 10–11).

⁵⁶ Софронов Анатолий Владимирович (1911–1990), писатель, поэт, публицист, сценарист и драматург; в 1940 был принят в ВКП(б); во время войны был спецкорром газеты «Известия»; в 1948–1953 — секретарь Союза писателей СССР; создатель и многолетний редактор журнала «Огонек» (1953–1986). Подписал письмо группы советских писателей в редакцию газеты «Правда» 31 августа 1973 года о Солженицыне и Сахарове, в котором осуждалось «поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын». В писательской среде имел устойчивую репутацию антисемита, в том числе в связи с активным участием в травле еврейских писателей в рамках кампании по борьбе с космополитизмом.

⁵⁷ Шевцов Иван Михайлович (1920–2013), писатель, автор романа «Тля» (1950, изд. 1964). О нем А. Синявский в рецензии: «В нашей художественной жизни, по уверению Шевцова, действуют неуловимые силы „темной, но спянной, спевшейся кучки“ — немногочисленные, но поразительно активные „модерняги“, „космополиты“, „поджигатели“, „эстеты и формалисты всех мастей“. Они „безнаказанно издеваются“ над честными художниками...» (НМ, 1964, № 12, с. 228).

⁵⁸ Центральный государственный архив литературы и искусства (ныне — РГАЛИ). Возможно, просьба касалась передачи в архив мемуарных рукописей АКГ. См. ниже.

⁵⁹ К сожалению, установить название журнала не удалось.

19 фев. (...) На днях сдал в ЦГАЛИ свою мемуаристику (Пастернак, Олеша, А. Д. Попов, история «Давным-давно»).

(28) 21 фев. (...) Бибиси передает рецензию Жореса Медведева на вышедшую в Англии «Историю инакомыслия в СССР»⁶⁰. Он находит ее объективной и верной. Он считает, что движение инакомыслящих пошло на убыль. Активисты высланы за границу и самиздат тоже почти прекратился. Те, кто рассчитывал на обострение внутренней борьбы, просчитались. Советский строй оказался устойчивым и крепким. Будущее за группировками, придерживающимися эволюционной тактики, т. е. за последователями его брата Роя Медведева, очевидно. Амальрика милиция выставила из Москвы после его попытки посетить американского дипломата на квартире. Еще Жорес сказал, что западные издательства завалены рукописями инакомыслящих, так как печатать книги за рубежом оказалось почти безопасно. Мой опыт говорит то же.

22 фев. (...) [ему починили радиоприемник] Мой приемник фирмы ХИТАЧИ (японский), оч. хороший, по словам Евгения Ивановича⁶¹.

(29) 24 фев. Слушаю с утра по радио доклад Брежнева на 24-м съезде. (...) В общей сложности Брежнев видимо говорил около шести часов.

26 фев. (...) Сегодня в Париже в изд-ве «Имка-Пресс» вышел третий том «Архипелага ГУЛАГ-а», посвященный жизни в лагерях после войны, т. е. до 56-го года⁶².

(30) 27 фев. (...) Разбирал дневники. Думал, что захватил с дачи все годы, но нет 56-го года и 41-го. Забыл, что ли? И в 42-ом году пробел в последней трети года. (...) Суперфин объявил во Владимирской тюрьме голодовку. «Г. А.» сообщает, что Э. Берлингуэр⁶³ выступил сегодня на съезде с речью, в которой обосновал независимую линию ИКП. А Жорж Марше заявил в Париже, что он не поехал в Москву

⁶⁰ Возможно, тут в записи АКГ некоторая путаница. Ж. А. Медведев прокомментировал ее (22 сен. 2016, в эл. письме) так: «Здесь что-то неясное. Под таким заголовком выходила книга Людмилы Алексеевой „История инакомыслия в СССР“. Но она вышла не в 1976, а в 1984 в США на русском в издательстве Khronika Press. Печатал ее Валерий Чалидзе У меня она есть. В 1976 диссидентское движение было очень активно и в книге есть главы „Хельсинкский период 1976—1981“. Я ее нигде не рецензировал. Гладков имеет в виду, очевидно, книгу „DISSENT in The USSR. Politics, Ideology and People“ by Prof Rudolf L. Tokes 1975. На эту книгу, изданную в США (John Hopkins Univ. Press) я действительно публиковал рецензию по просьбе автора, который приезжал в Англию. Я потом встречался с ним и в США. Но о том, что диссидентство почти прекратилось и все высланы за границу, я писать или говорить для Би-би-си не мог и для радио я книгу не рецензировал и не обсуждал. На русском она не издавалась. Найти эту рецензию сейчас мне невозможно. Tokes — это венгр, уехавший из Венгрии после ее оккупации в 1956 году. На русском языке эта книга не издавалась. Говорить о том, что западные издательства „завалены“ книгами советских авторов, я тоже не мог».

⁶¹ Hitachi — название фирмы состоит из комбинации двух иероглифов «Хи» и «Тачи», означающих Солнце и Восход, олицетворяющих саму Японию — страну высочайших технологий. Фирма была основана в 1910 г. молодым инженером Намихей Одаира в качестве ремонтной мастерской электрооборудования при компании по добыче меди.

⁶² Архипелаг ГУЛАГ. Том 3: Часть 5. Каторга; Часть 6. Ссылка; Часть 7. Сталина нет.

⁶³ Энрико Берлингуэр (1922—1984), политик, секретарь Итальянской коммунистической партии с 1972 года до смерти. При нем произошел постепенный переход ИКП с позиций марксизма-ленинизма на позиции еврокоммунизма и мирного сосуществования с представителями иных политических взглядов.

из-за разногласий между КПСС и ФКП. (...) Рой Ал. Медведев заявил в интервью итальянской газете, что за последнее пятилетие значительно сократилось число политических арестов в СССР.

28 фев. (...) Один журналист (Виктор Соржа?⁶⁴), остря, называет нашу верхушку «геронтократией» — власть старых. [запятые вставлены от руки] Действительно, лидерам 60-70 лет. Съезд закончится на будущей неделе⁶⁵.

(31) 29 фев. В «Правде» отчет о речи на съезде Тихона Хренникова, где он задевает «дессидентов» и некоего «академика», не называя его по имени. (...) БИБИСИ передает напечатанную в «Гранях» повесть Г. Владимова «Верный Руслан» о лагерных собаках⁶⁶, а в предпоследней Литературке напечатана большая беседа с Владимовым. Хочется надеяться, что это не случайность и не «прокол», а некая новая линия. Нет, Андропов⁶⁷, как я давно говорю, умный и смелый человек. В целом у Съезда и лично Брежнева, как говорится, хорошая пресса. Солженицын приехал в Англию по издательским делам. (...)

2 марта. (...) Еду обедать в ЦДЛ. Ко мне подсаживается Окуджава⁶⁸. Спрашивает, вызывали ли меня правление из-за книги о Пастернаке (он знает, что она вышла в Париже)⁶⁹. Говорю, нет, не вызывали. Он — Привыкли уже... Спрашивает, что делаю. Отвечаю. — А как кормитесь? Говорю о «Давным-давно».... Он: — Вот мне бы написать одну такую пьесу. Спрашивает о рассказах Юры Трифонова. Я хвалю «Дом на набережной» и браню «Другую жизнь»⁷⁰. Он согласен и про «Др. жизнь» говорит «муть, литературщина».

(32) 3 марта. Солженицын⁷¹ дал интервью БИБИСИ⁷². Снова о том, что Запад гибнет и что катастрофа уже близка. Текста еще не передавали, а только содержа-

⁶⁴ Зорза Виктор (1925–1996), родители — польские евреи; беженец (семья арестована и отправлена в Коломые в гетто, а затем в лагерь смерти Белжец); отправлен в Советский трудовой лагерь на востоке, откуда бежал, смог присоединиться к польской части воздушных сил, был эвакуирован в Великобританию через Иран и Индию; после войны с 1948 г. работал на Би-би-си; стал всемирно известным журналистом (еженедельные колонки в «Вашингтон пост» и «Гардиан»), советологом и кремленологом; инициатор хосписного движения в мире.

⁶⁵ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза проходил в Москве с 24 февраля по 5 марта 1976 года.

⁶⁶ Владимов Георгий Николаевич (настоящая фамилия *Волосевич*; 1931–2003), писатель. В мае 1967 обратился к IV съезду Союза писателей с требованием свободы творчества и открытого обсуждения письма Солженицына к съезду. За публикацию повести «Верный Руслан» (1963–1965, 1974) в Германии (жур. «Грани», 1975) в 1977 был исключен из Союза писателей СССР; публиковался за рубежом, в изданиях НТС («Посев», «Грани»), руководил Московской секцией организации «Международная амнистия». Был вынужден эмигрировать в 1983.

⁶⁷ Андропов Юрий Владимирович (1914–1984), государственный и политический деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984), в то время — новоназначенный председатель Комитета государственной безопасности СССР (1967–1982).

⁶⁸ Окуджава Булат Шалвович (1924–1997), знаменитый бард, поэт и прозаик.

⁶⁹ Имеется в виду вышедшая за рубежом книга самого АКГ: «Встречи с Пастернаком» (Париж: Утса-Press, 1973. Полный текст будет опубликован позднее Е. Б. Пастернаком — М.: Арт-Флекс, 2002).

⁷⁰ Две последние строчки съезжают.

⁷¹ Буква зачеркнута знаком косой черты на машинке.

⁷² Прим. Н. Д. Солженицыной: «Телеинтервью компании Би-Би-Си снято 22 февраля в окрестностях Лондона, интервьюер Майкл Чарлтон. Передавалось по британскому телевидению 1 марта в программе BBC „Panorama“, вызвало большой отклик, повторялось весной 1976 еще не-

ние. (...) Съезд кончается. Он уже надоел. Все газеты полны им и почти нет никакой информации. Заходил к Ц. И. на десять минут. Отнес ей транзистор. За эти дни, пока я сидел в бесте⁷³ и не поднимал трубку телефона, мне звонила мадам Суок-Олеша, чтобы выразить свои чувства⁷⁴. Она считает, что я лучше всех написал о Ю. К.⁷⁵

4 марта. Ночь полная угрызений совести и самобичевания. (...) Мне неожиданно позвонила Л. Я. Гинзбург, приехавшая из Лен-да и остановившаяся у Мелетинских⁷⁶. В № 6 «Континента» напечатаны воспоминания Бори Ямпольского о Ю. Олеше⁷⁷. Я их не читал, но слышал, что хорошо.

(33) 6 марта. (...) Все последние дни — острая тоска. Перебираю сюжеты придуманных пьес и все немоло, ни на чем не могу остановиться. А между тем что-то делать нужно. Не вечно же «Давным-давно» будет меня кормить. (...) В «Шпигеле» уже печатается книга Копелева⁷⁸, будто бы неслыханная по описанию ужасов, творимых

сколько раз. В США показывалось 27 марта, в программе Вильяма Бакли „Firing Line“, позже повторялось. По-русски передавалось (скорее всего — НЕ целиком, оно большое) русской службой радио ВВС 9 марта (у Гладкова стоит 8 марта, — м. б. 9 был повтор (?)) и у меня неверно зафиксировано число, а м.б. ошибается Гладков). Текст интервью доступен и по-английски, и по-русски (в частности: Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1995—1997. Т. 2. С. 330—344). Спорить с Гладковым в рамках Вашего комментария мне представляется неуместным и даже нелепым: он, сидя в Москве, выражает свое мнение о том, верно или неверно видит ситуацию Солженицын, к-рый уже два года вплотную общается с Западом на всех возможных уровнях, — ну что тут можно сказать? только, что замечательный во всех отношениях Гладков все-таки весьма самоуверен, — ну и пусть остается неоспоренным» (в эл. письме 26 апр. 2017).

⁷³ Бест — укромное место; согласно словарю Д. Н. Ушакова. Бест (бэст) — Не скрытое, но недоступное убежище. От перс. «bāst» (место, дающее всякому преследуемому право временной неприкосновенности, например, мечеть или иностранное посольство).

⁷⁴ Суок Ольга Густавовна (1899—1978), художница, жена писателя Юрия Олеша. Родилась в Одессе. Средняя дочь преподавателя музыки, австрийского эмигранта Густава Суока.

⁷⁵ Имеется в виду статья АКГ о Юрии Олеше «Слова, слова, слова...».

⁷⁶ Гинзбург Лидия Яковлевна (1902—1990), литературовед, писатель, мемуарист; знакомая и собеседник АКГ.

Мелетинский Елеазар Моисеевич (1918—2005), ученый-филолог, историк культуры, доктор филологических наук, профессор (с ним АКГ познакомился еще в Каргополе на Комендантском лагунке, где тот работал статистиком в санчасти, а АКГ руководил театром в КВЧ). Мелетинские — это он и его жена, И. М. Семенко.

⁷⁷ Ямпольский Борис Самойлович (1912—1972), прозаик; с 15 лет работал журналистом в газетах Москвы, Баку, Новокузнецка. Член ВКП(б) с 1936. В 1941 окончил Литературный институт. Во время войны спецкорр «Красной звезды», затем «Известий». У Я. не было семьи, поэтому в начале 1970-х гг. смертельно больной писатель передал на сохранение разным лицам рукописи неопубликованных и незавершенных произведений. Посмертно в журнале «Континент» были опубликованы его очерки о Юрии Олеше и Василии Гроссмане, и только в 1988 смогло появиться на свет его главное произведение — роман «Арбат, режимная улица» (журнальное название «Московская улица») — о пронизанной страхом жизнью Арбата начала 50-х годов.

Воспоминания о В. Гроссмане «Да здравствует мир без меня» опубликованы на родине будут в «Дружбе народов» (1989, № 2) включены также в книгу «Арбат, режимная улица» (М., 1997).

⁷⁸ Копелев Лев Зиновьевич (Залманович (Копелевич); 1912—1997), критик, литературовед (германист), диссидент и правозащитник. В 1941 году записался добровольцем в Красную армию; служил пропагандистом и переводчиком; был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением. Приговорен к десяти годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику». Освобожден в 1954 году, реабилитирован в 1956-м. Восстановился в КПСС. Содействовал напечатанию в «Новом мире» рассказа Солженицына «Один день Ивана Денисовича». С 1966 года активно участвовал в пра-

нашей армией в конце войны. Самое странное, что его тут не трогают и книги его жены печатаются огромными тиражами. Что сказали Е. А. К⁷⁹. Какая у него охранный грамота? Зачем он нужен? Неужели только нужна «хаза»?⁸⁰ я инстинктивно берегся его и его дома. Он не раз хотел зазвать меня, но что-то меня отталкивало. (...) За рубежом пророчат дальнейшее возвышение Романову и Щербицкому⁸¹. (...) А. В. Февральскому, моему соседу, живущему в квартире № 49, исполнилось 75 лет⁸². Опустил ему в почтовый ящик поздравление.

(34) 8 марта. (...) Спрашиваю себя: искренне ли мне не нравятся пьесы Арбузова и «Другая жизнь» Трифонова? Может быть, я переношу на них свое отношение к авторам и читаю уже с предубеждением. Другим же нравится. Но нет. Последние пьесы Арбузова действительно плохи: банальны, пошловаты. С Юрой другой случай. Он меняется, движется вперед. (...) 15-го в Союзе обсуждение юриных повестей. (...) Слушал, наконец, это знаменитое интервью Солженицына. Его первая ошибка — то, что он рассматривает Запад как нечто цельное и единое, по аналогии с нашим единым и цельным миром. (...) (...) Между прочим Солж. утверждает, что западные журналисты замалчивают факты преследования инакомыслящих (некто убит после посещения Сахарова⁸³, избит у себя в квартире Николай Крюков⁸⁴ и похищена среди бела дня какая-то женщина⁸⁵ — и это все недавно. Ничего не слышал, живя в Москве.

возащитном движении. В 1968 году исключен из КПСС, уволен с работы за подписание протестных писем против преследования диссидентов, а также за критику советского вторжения в Чехословакию. В 1977 г. исключен из Союза писателей; в 1980 году во время исследовательской поездки в Германию был лишен советского гражданства. Его (вторая) жена — писатель Раиса Орлова. Имеется в виду вторая книга из его трилогии воспоминаний: «И сотворил себе кумира» (1978) (рассказывает о детстве и юности); «Хранить вечно» (о конце войны и первом заключении); «Утоли моя печали» (1981) (книга названа по церкви, перестроенной позже под «шарашку», где он был в заключении).

⁷⁹ Возможно, под сокращением имеется в виду *Кацева Евгения Александровна* (1920—2005), переводчик, критик и популяризатор германоязычной словесности; с 1949 по 1953 гг. редактор отдела критики журнала «Новый мир», далее сотрудник журналов «Знамя» и «Вопросы литературы». Ср. с фрагментом дневника АКГ от 2 янв. 1972, где говорится об исключениях из ССП: (...) *Кацева опасается расширени[я] акции: например[,] на Копелева, который оказывается, печатается в газетах ФРГ.*

⁸⁰ На криминальном жаргоне *хаза* — это квартира, притон, злачное место, жилище, дом, «малина». АКГ очевидно ошибочно подозревает Копелева в связях с КГБ.

⁸¹ Романов Григорий Васильевич (1923—2008), партийный и государственный деятель, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС (1970—1983).

Щербицкий Владимир Васильевич (1918—1990), советский партийный и государственный деятель, первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Украины (1972—1989).

⁸² Февральский Александр Вильямович (Якоби; 1901—1984), театровед, искусствовед, критик.

⁸³ Об этом человеке, Евгении Брунове, — в воспоминаниях А. Д. Сахарова: <http://akademik-sakharov.parod.ru/vospominaniya/2.20.html> (ГЛАВА 20. Евгений Брунов и Яковлев).

⁸⁴ По сведениям «Мемориала»: КРЮЧКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (р. 1946), житель Москвы, сын Н. А. КРЮЧКОВА, пасынок М. А. УЛЬЯНОВА; добивался выезда из СССР, отказник (с 1974); помогал политзаключенным; подвергся преследованиям: принудительные госпитализации (1974, ПБ им. Кашенко; 1985, ПНД № 13, ПБ им. Кашенко, ПБ № 5, ст. Столбовая, 1986, ПНД, ПБ № 5. Избит в ноябре 1975.

⁸⁵ Из телеинтервью Солженицына компании Би-би-си: «Что значит для нас дух Хельсинки и дух разрядки внутри Советского Союза? — укрепление тоталитаризма! То, что вам представляется как помягчение воздуха и климата, для нас — укрепление тоталитаризма. Вот я вам дам несколько свежих примеров, о которых вы не слышали по радио и не читали в газетах. Человек был у Сахарова с визитом, поехал домой в электричке, его убили. В квартиру Николая Крюкова стучат: пришли проверять газ, он открывает. Они его избивают смертным боем, у него дома, за то,

9 марта. (...) Написал первую страницу текста пьесы. Боже, благослови! (...) Под вечер у меня Лева. Он как бы руководит мною в моих попытках выпустить в «Сов. пис». сборник. Мне мучительно трудно придти и отдать рукопись, и он, догадавшись, предлагает взять это на себя.

(35) 11 марта. Утром звонок Левы, что он отвез рукопись сборника и отдал секретарю отдела прозы.

(36) 15 марта. Утром звонок Тани Каменской. Просит зайти. Одеваюсь, тороплюсь, путаюсь в брюках, падаю и ушибаюсь. Беру у нее три тетрадки. (...) По предложению Саддата⁸⁶ египетский парламент разорвал договор о дружбе и сотрудничестве с СССР. Рой Медведев критикует высказывания Солженицына.

(37) 17 марта. Умер Виктор Ефимович Ардов⁸⁷. Я с ним познакомился, когда мне было 18 лет и я поехал корреспондентом на Сталинградский тракторный завод. Он там пребывал с бригадой МХТ-а. Мы подружились. Я имел нахальство советовать ему серьезнее относиться к себе. Он смеялся надо мной, но был отчасти тронут, и когда мы вернулись в Москву, дважды взял меня с собой на заседания «Никитинских субботников»⁸⁸. Все последующие годы мы встречались мимоходом, но всегда дружелюбно. Там же на СТЗ возник его роман с Ниной Ольшевской⁸⁹, вернее там он влюбился в нее (а роман у нее, тогда еще бывшей замужем за В. П. Баталовым).

что он выступал, подписывал, и уходят. Но это — в квартире. На улице, днем, пять часов дня, на Ленинском проспекте, Мальва Ланда, — ее хватают и тащат в машину. Она кричит: „Граждане! меня воруют!“ Сотни людей слышат и идут мимо! Потому что боятся, потому что каждого так схватят: на виду у всех берут и везут в тюрьму. Вот обстановка: дух Хельсинки и разрядка у нас» (<http://nemaloknig.info/read-220227/?page=3>).

Мальва Ноевна Ланда (род. 1918), известная правозащитница, член Хельсинкской группы с момента ее основания (1976), а с февраля 1977, после ареста Александра Гинзбурга, возглавила солженицынский фонд помощи политзаключенным вместе с Кронидом Любарским и Татьяной Ходорович. Дважды отбывала ссылку.

⁸⁶ Мухаммад Анвар ас-Садат (1918–1981), египетский государственный и военный деятель; президент Египта (1970–1981), маршал.

⁸⁷ Ардов Виктор Ефимович (настоящая фамилия Зигберман; 1900–1976), писатель-сатирик, драматург, сценарист, карикатурист. С 1921 года начал публиковать собственные карикатуры с сопроводительным текстом в журнале «Зрелища» и впоследствии иллюстрировал свои сатирические сборники сам. Регулярно печатался в сатирических изданиях «Крокодил» и «Красный перец»; автор более 40 сборников юмористической прозы (рассказов, фельетонов, театральных скетчей, очерков), киносценариев к фильмам, теоретических работ по технике разговорного жанра на эстраде и в цирке; дружил со многими литераторами и деятелями российской культуры, которые бывали в его квартире на Большой Ордынке. В их числе М. М. Зощенко, М. И. Цветаева, А. А. Тарковский, Ф. Г. Раневская и др. Особенно близка с семьей Ардовых была А. А. Ахматова, которая останавливалась в их доме во время своих визитов в Москву в 1934–1966 гг. И. А. Бродский, А. И. Солженицын и Б. Л. Пастернак посещали ее в этом доме.

⁸⁸ *Никитинские субботники* — кооперативное издательство писателей, появившееся в Москве в 1922 году при одноименном литературном объединении, организованном журналисткой, поэтессой, редактором и литературным критиком Евдоксией Федоровной Никитиной. (В данном случае имеется в виду как мероприятие.)

⁸⁹ Ольшевская Нина Антоновна (1908–1991), театральная актриса, училась у Станиславского; работала во МХАТе, потом перешла в Театр Красной армии; была также и режиссером; мать актера Алексея Баталова, писателя (протоиерея) Михаила Ардова, актера театра и кино и режиссера Бориса Ардова; входила в ближайшее окружение Ахматовой.

вым⁹⁰, был с молодым Грибовым)⁹¹. Она ушла к Грибову от Баталова, затем уже к Ардову. Уже в 60-х годах я заходил к нему за А. А. Ахматовой, которая обычно у него останавливалась. В иные годы над ним клубились одиозные слухи (как раз из-за его отношений с Ахматовой), но я не уверен, были ли они верны. Он отличался от прочих юмористов не тем, как и что он писал, а тем, как он жил, т. е. женой, семьей, друзьями. Человек он был очень остроумный, хорошо рисовал и вырезал из бумаги похожие силуэты. Вспоминаю нашу сталинградскую компанию. Умерли с той поры: В. Ардов, художник Г. Ечеистов (вскоре)⁹², актеры: И. Раевский, В. Баталов, С. Гаррель, О. Лабзина, Я. Лакшин⁹³ и наверно кто-нибудь еще, кого я позабыл. (...) В Литературке глупейший фельетон о Солженицыне некоего Данилова⁹⁴. Читаю Конквиста⁹⁵. Очень серьезный и весомый труд.

(38) 18 марта. (...) Днем на улице Грицевец. Полуссора. Тоня плачет. Плохо, что при Тане. Оставляю ей 300 рублей. Недоволен собой.

19 марта. Умер писатель Яков Рыкачев⁹⁶. Когда-то, в начале тридцатых годов, он мне нравился, казался тонким и отчасти двусмысленным. (...) С ним дружил М. Я. Шнейдер⁹⁷ и я его у него встречал. (...) (...) Я уже давно живу в состоянии инертности и инерции, но без особых мук раскаянья, т. е. с глухим недовольством собой, но все же терпимым. Может быть это симптом перелома? Если бы я пил, все было бы просто и понятно. А то ведь как-то незаметно, что я опустил. Но опустил ли я? Это все сложнее.

20 марта. Утром в Лавке, где покупаю книгу Коонен⁹⁸ для Эммы.

(39) 21 марта. Не выхожу из дома и (второй день) набрасываю отрывочками рецензию на книгу Коонен. Не бог весть какой трудности задача, но так распустил себя, что и это мне нелегко. У меня ощущение, что все получается банально, но вспоминаю, что мне казалось так и при писании об Эренбурге, а потом все

⁹⁰ Баталов Владимир Петрович (1902–1964), актер и кинорежиссер, педагог.

⁹¹ Грибов Алексей Николаевич (1902–1977), актер театра и кино, педагог. Народный артист СССР (1948). Герой Социалистического Труда (1972). Лауреат четырех Сталинских премий (1942, 1946, 1951, 1952).

⁹² Ечеистов Георгий Александрович (1897–1946), художник, ученик Фаворского (гравюры, ксилографии, станковая графика, книжная иллюстрация).

⁹³ Раевский Иосиф Моисеевич (1901–1972), актер, режиссер и педагог; Гаррель Софья Николаевна (1904–1991), актриса МХАТ с 1924 г. (но тут АКГ ошибочно причисляет ее к уже покойным); Лабзина Ольга Николаевна (1905–1971), актриса МХАТ с 1924 по 1971, сыграла 75 ролей; Лакшин Яков Иванович (1900–1971), артист МХАТ, отец литературоведа В. Лакшина.

⁹⁴ Данилов Б. Без царя в голове // Лит. газ. 1976. 17 марта. С. 15. На самом деле никакого Б. Данилова не существовало, а фельетон родился в недрах КГБ.

⁹⁵ Роберт Конквест (англ. Robert Conquest; 1917–2015), британский историк и писатель, специалист по истории СССР. Получил известность после публикации в 1968 году книги «Большой террор: Сталинские чистки 30-х» — исследования массового террора в СССР 1930-х годов.

⁹⁶ Рыкачев Яков Семенович (1893–1976), прозаик, критик, активный член РАППа; отчим писателя Ю. Нагибина.

⁹⁷ Шнейдер Михаил Яковлевич (1891–1945), киновед, близкий знакомый молодости АКГ.

⁹⁸ Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974), актриса, народная артистка РСФСР (1935), жена А. Я. Таирова; автор книги «Страницы жизни» (М.: Искусство, 1975), успела сдать ее в издательство, но не дожидаясь выхода в свет.

меня хвалили. Завтра буду соединять и переписывать. (...) Запустил все дела до нуля. Эта весна — весна перелома. Или выправлюсь, или погибну. (...) Скучно и тоскливо, но все же легче в одиночестве, чем с людьми. Все эти дни в голове пьеса о разводе. Сюжет ожил с того момента, когда выдумал вторую пару. Но вообще-то все бедновато и вряд ли кому-нибудь это нужно. Но надо написать ради дисциплины.

22 марта. (...) Оказывается, причина развода английской принцессы Маргарет с мужем — ее предосудительное поведение: дружба с хиппи, неумная страсть к экстравагантным развлечениям и «дружба» с неким молодым человеком, который моложе ее на 17 лет⁹⁹.

23 марта. Начал перебеливать рецензию.

(40) Третьего дня умер Сергей Сергеевич Смирнов. Но сообщение в газетах и некролог появились только сегодня. Он долго и тяжело болел, и этого ждали. (...) Слушал ночью еще одно интервью Солженицына. Страшная муть. Уж не спятил ли он?

25 марта. Слушал по «Нем. Волне» отрывок из Эссе Бори Ямпольского о Юрии Олеше. Не понравилось. Сплошное красноречие, недержание слов и отсутствие свежих мыслей. Честное слово, я написал лучше. Говорю это при всей моей любви к Боре. Мало он его знал и мало о нем думал. Перебелил рецензию. Получилось 6 страниц. Завтра пошлю. Впервые за долгое время написал заказанное до срока (10 апр.)¹⁰⁰. Чувствую, что есть тяжеловатость, но больше переделывать не стану. Это не совсем рецензия, а некое эссе о Коонен и Камерном театре¹⁰¹.

(41) 27 марта. (...) Продолжаю читать Конквиста. У него сказано, что Радек был арестован 22 сент. 1936 г., а у меня в дневнике записан слух об этом 24-го сентября¹⁰².

⁹⁹ Маргарет Роуз, принцесса (англ. *Margaret Rose*; 1930—2002), член королевской семьи Великобритании, младшая сестра царствующей королевы Елизаветы II; вышла замуж за особу некоролевской крови — Энтони Армстронг-Джоунса, получившего титулы графа Сноудонского и виконта Линлея. После 16 лет совместной жизни Энтони не скрывал того, что устал от тяжелого бремени быть мужем королевской особы. В марте 1976 они расстались, а еще через два года официально развелись.

¹⁰⁰ То есть тут с рецензией он сам себя торопил, как будто боясь не успеть дописать до своей смерти.

¹⁰¹ Об Алисе Коонен и ее книге // Гладков А. К. Театр. Воспоминания и размышления. М.: Искусство, 1980.

¹⁰² Радек Карл Бернгардович (псевдоним *Radek* — в честь популярного персонажа австрийской юмористической печати, настоящее имя *Кароль Собельсöhn*, нем. *Karol Sobelsohn*; 1885—1939), в 1919—1924 годах член ЦК РКП(б); в 1920—1924 член (в 1920 секретарь) Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда» и «Известия»; с 1923 — активный сторонник Л. Д. Троцкого; в 1927 г. исключен из ВКП(б) и Особым совещанием при ОГПУ приговорен к 4 годам ссылки и выслан в Красноярск; в 1930 г. вместе с Е. А. Преображенским, А. Г. Белобородовым и И. Т. Смилгой направил в ЦК партии письмо, где заявил об «идейном и организационном разрыве с троцкизмом». В 1936 арестован (Wikipedia указывает как день ареста — 16 сентября). В качестве одного из главных обвиняемых был привлечен к открытому процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (Второй Московский процесс). Стал центральной фигурой процесса, давал требуемые подробные показания о якобы «заговорщицкой деятельности» — своей и других подсудимых; при этом отрицал применение пыток на следствии. По официальной версии, был убит в Верхнеуральском политизоляторе другими заключенными 19 мая 1939 года. (В июне 1938 года дочь Радека Софья и его жена Радек Р. М. были высланы в Астрахань на 5 лет решением Особого совещания. В Астрахани жена Карла была арестована и отправлена на 8 лет в тюрьму, где и умерла, а дочь Софья в ноябре 1941 года выслана в Казахстан и поселилась в городе Челкар.)

Довольно близко. Это мне рассказал Х¹⁰³. Он исчез сам в 1939 году. Так я и не знаю, что с ним. А как он гордился, что уцелел. Он был старый холостяк и жил в бывшей гостинице рядом с театром Ермоловой, там где потом жили Чеботаревская и Ремез¹⁰⁴. Он мне иногда звонил и мы встречались. У него дома я никогда не был. Он был напихан информацией, слухами, но большая часть рассказываемого им оказывалась правдой, как я убеждаюсь теперь, когда многое стало известно.

28 марта. (...) Конечно, в книге Конквиста для меня нового мало, кроме подробностей и дат. Для меня ново только его утверждение, что Косиор, Постышев и Чубарь¹⁰⁵ были фактически приговорены задолго до их юридического ареста и снятия с постов. Т. е. чуть ли не за полгода. Это конечно возможно, учитывая характер Сталина, его выдержку и терпение. (...) Мне не кажутся серьезными сомнения в самоубийстве Орджоникидзе¹⁰⁶. Неверны сведения о дальнейшей судьбе Радека и Сокольников¹⁰⁷.

(42) 30 марта. День рождения. По сему ужасное настроение. (...) Звонит Лева и приходит. (...) Принес почитать работу И. Кудровой о стихах Цветаевой¹⁰⁸. Будто

¹⁰³ Лицо не идентифицировано. Знакомство АКГ с подобным информатором Игорем Зубковским (Горским) описано в статье Б. Равдина «На полях комментария (В поисках И. Горского и др.)» (сб. Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования. М., 2016, с. 257–284); ср. также интересные материалы о нем же в публикации Игоря Петрова «Дело бунескула-дринкера» — <http://labas.livejournal.com/1157811.html>.

¹⁰⁴ Имеются в виду авторы книги: Чеботаревская Тамара Александровна и Ремез Оскар Яковлевич. О Лермонтове. М.: Искусство, 1964.

¹⁰⁵ Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939), советский партийный и государственный деятель. Генеральный секретарь Коммунистической партии Украины, заместитель председателя правительства СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б); расстрелян.

Постышев Павел Петрович (1887–1939) — государственный и партийный деятель, партийный пропагандист и публицист, один из организаторов сталинских репрессий; расстрелян; после смерти Сталина реабилитирован.

Чубарь Влас Яковлевич (1891–1939), советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП(б) с 1907 года. Член ВЦИК, ВУЦИК, ЦИК СССР и его Президиума. Депутат Верховного Совета СССР с 1937 года. Расстрелян.

¹⁰⁶ Орджоникидзе Григорий Константинович (партийное прозвище Серго; 1886–1937: по одной из версий, покончил жизнь самоубийством, по другой был убит по приказу Сталина), известный грузинский большевик и видный советский государственный и партийный деятель, революционер; член ЦК партии в 1912–1917, 1921–1927 и 1934–1937 гг.

¹⁰⁷ Сокольников Григорий Яковлевич (настоящее имя Гирш Янкевич Бриллиант (1888–1939), советский государственный деятель; в 1922–1926 нарком финансов: при нем в СССР была введена в обращение твердая валюта — «червонец», приравненная к 10-ти рублевой золотой монете царской чеканки. Член Политбюро ЦК РСДРП(б) (октябрь 1917), кандидат в члены Политбюро (1924–1925); в 1925–1926 участвовал в деятельности «новой оппозиции» в партии; в 1936 года арестован по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра»; на открытом судебном процессе был вынужден признать свою вину и 30 января 1937 года приговорен к 10 годам тюрьмы; при расследовании, проведенном ЦК КПСС и КГБ в 1956–1961 годы, бывшие оперуполномоченные работники НКВД показали, что его убийство (как и Карла Радека за два дня до этого) было произведено под руководством старшего оперуполномоченного НКВД, действовавшего по прямому указанию Л. П. Берии и Б. З. Кобулова; распоряжение о ликвидации заключенных исходило лично от Сталина.

¹⁰⁸ Кудрова Ирма Викторовна (род. 1929), филолог, исследователь жизни и творчества Марины Цветаевой; впервые воспоминания А. Эфрон о матери были опубликованы в 1973 г. при активном содействии И. В. К.: «Страницы воспоминаний» (Звезда. 1973. № 3, 154–180). Вот ее комм.: то, о чем пишет АКГ, это «скорее не книга, а тот текст, который будет опубликован через неск. ме-

бы 17-го должны были исключать Копелева из Союза, но это отменили. Там возня вокруг освобожденного поста С. С. Смирнова. Масса претендентов. (...) Телеграмма от Эммы. Совет приехать. Поздравляет.

31 марта. Ночью, примерно в пол-четвертого, начались сердечные боли, но не слева, а посередине груди. Принял валидол. Так сильно давно не было. Полежал и заставил себя заснуть на правом боку.

(43) 1 апр. Утром отнес рецензию в квартиру № 102, как просил меня Кораллов¹⁰⁹ и заодно постригся в парикмахерской. Вечером у меня Яша Гордин¹¹⁰. В Ленинграде ничего особенного не происходит. (...) (...) Умер Я. Л. Эльсберг¹¹¹. Его считали стука-

сяцев, в 1977 году в журнале „Север“ (а потом и в моей книге „Просторы Марины Цветаевой“, СПб, 2003). Я его долго вынашивала и вполне могла привезти в Москву и советоваться с Левой» (в эл. письме от 24.4.2017).

¹⁰⁹ Кораллов Марлен Михайлович (1925–2012), критик, публицист; канд. филол. наук; окончил филол. ф-т МГУ (1947); в 1949 арестован, осужден на 25 лет; реабилитирован в 1955; автор работ по истории эстетич. мысли кон. XIX — нач. XX в.; писал об ист. прозе, о лагерных мемуарах (В. Т. Шамова, А. И. Солженицына и мн. др.); составитель книги «Театр ГУЛАГа» (М., 1995); сопредседатель общества «Мемориал».

¹¹⁰ Гордин Яков Аркадьевич (род. 1935), историк, публицист, литератор, ныне соредaktor (с А. Ю. Арьевым) журнала «Звезда».

¹¹¹ Эльсберг Яков Ефимович (1901–1976), настоящая фамилия Шапириштейн; псевдонимы Шапириштейн-Лерс Я. Е., Лерс Я., Эльсберг Ж.; литературовед и критик, сотрудник ИМЛИ. Считается, что он является автором множества доносов на своих коллег (к примеру, на И. Э. Бабея, С. А. Макашина, Е. Л. Штейнберга, Л. Е. Пинского и др.). Репутация его была настолько одиозна, что статья в КЛЭ о нем опубликована с подписью «Г. П. Уткин», с намеком на учреждение, с которым он сотрудничал. — <http://www.people.su/128378>. 1960. Весной 1960 года в партком Союза писателей и в секцию критики и литературоведения Московской писательской организации поступили письменные заявления С. А. Макашина, Л. Е. Пинского и Е. Л. Штейнберга, в которых они фактически объявили Эльсберга виновником их ареста. Пинский, в частности, сообщил: «Превратно излагая содержание многих бесед с ним на литературные темы, Эльсберг охарактеризовал мои убеждения и высказывания в духе, желательном для органов, которыми руководил тогда Л. Берия. Лишь на основе этих показаний, повторенных Эльсбергом и на суде, я был осужден — недаром в приговоре по моему делу в качестве свидетеля обвинения назван только Эльсберг». 27 февраля 1962 года персональное дело Эльсберга было рассмотрено на закрытом заседании Президиума правления Московского отделения Союза писателей РСФСР. Большинство проголосовало за его исключение из Союза писателей. Но на этом разоблачения застопорились — по прямому распоряжению секретаря ЦК КПСС Ф. Козлова и его помощника Дмитрия Поликарпова, заведующего отделом литературы и искусства при ЦК, все «дела» были прекращены.

Ср. также: «Я знал по Институту мировой литературы и „пламенного вечного комсомольца“ — театрально-литературного деятеля И. И. Чичерова, и (как в конце концов выяснилось) „консультанта“ НКВД—МГБ литературоведа Я. Е. Эльсберга (Шапириштейна), который еще в юности, в начале 1920-х годов, был арестован ГПУ за связь с „эсеровским подпольем“, но вскоре освобожден, — по-видимому, не без обязательства „сотрудничать с органами“. Близко знал я и одного из тех, на кого „донес“ Эльсберг, — влиятельного литературоведа Л. Е. Пинского, который рассказывал мне, как на суде Эльсберг с удивительной точностью воспроизвел его „крамольные“ речи (Леонид Ефимович неосторожно „исповедывался“ перед коллегой, не имея представления о другой его „профессии“). Между прочим, широко мысливший Л. Е. Пинский отнюдь не винил во всем „доносчика“, ибо „доносительство“ в разных его формах было, по его определению, всеобщей „системой“, а не следствием пороков отдельных людей. (...) нет оснований сомневаться, что в 1937 году и позже было исключительно широко распространено именно совершенно „добровольное“ (...) доносительство, диктуемое искренней убежденностью (...)» (В. В. Кожин <http://kozhinov.voskres.ru/hist/10-2.htm>).

чем. Но кажется, доказана лишь посадка им Е. Л. Штейнберга и Пинского¹¹². Но говорили о Бабеле¹¹³ и других. В начале 60-х годов дело разбиралось и он был исключен из Союза писателей. Но потом его тихо восстановили. Грязную историю о нем мне рассказывала и Л. Я. Гинзбург (в связи с травлей Эйхенбаума). Человек он был неглупый, но мне внушал физическое отвращение.

2 апр. (...) Почему-то сегодня днем снова приступ сердечных болей. Снял валидолом. Начал кашлять. Вот чертовщина...

3 апр. (...) Когда ехал на такси из Лавки, увидел афишу «Молодости театра» 9-го апреля¹¹⁴. Сотый спектакль. Не пойти ли?

(44) 4 апр. (...) Письмо и бандероль от Ефима Семеновича Добина¹¹⁵. В бандероли его новая книга «Искусство детали». (...) История книги Решетовской (бывшая жена Солженицына)¹¹⁶, которая вышла в издании А. П. Н., но в продажу не поступила почему-то и распространяется из-под полы. Рассказ школьной подруги Реш[етовск]ой¹¹⁷.

5 апр. [это последняя запись 1976 года и всего дневника] Утром захожу к Тане Каменской на службу. Вернувшись бреюсь и еду в театр Вахтангова. Беру у администраторши 2 экземпляра афиши о «100-м» [представлении спектакля] «Молодости театра» и прошу записать меня на пропуск на 9-е. Оттуда в ЦДЛ¹¹⁸, где обедаю.

¹¹² Пинский Леонид Ефимович (1906–1981), литературовед, педагог, мыслитель-эссеист, сотрудник ИМЛИ, специалист по истории западноевропейской литературы XVII–XVIII веков. В 1951 по доносу арестован, осужден по статье на 10 лет лагерей и пожизненную ссылку в отдаленные районы Сибири (отбывал в Унженских лагерях); в 1956 реабилитирован; в 1960–1970-е принимал активное участие в диссидентском движении. У себя дома он вместе с женой, переводчицей Евгенией Михайловной Лысенко, организовал так называемые «пятницы» — еженедельные дружеские собрания деятелей советской подпольной культуры, на которых обсуждались актуальные вопросы философии, литературы, искусства и общественной жизни.

Штейнберг Евгений Львович (1902–1960), историк Востока, автор исторических романов; в 1952 году осужден Особым совещанием при МГБ СССР «за антисоветскую агитацию» на 10 лет ИТЛ; отбывая срок в Каргопольлаге, работал в санчасти; реабилитирован и освобожден в 1954.

¹¹³ Бабель Исаак Эммануилович (первоначальная фамилия *Бобель*; 1894–1940, расстрелян), русский советский писатель, журналист, драматург; арестован в 1939; на допросах подвергался пыткам; его вынудили признать связь с троцкистами, а также их тлетворное влияние на свое творчество и факт того, что он, якобы руководствуясь их наставлениями, намеренно искажал действительность и умалял роль партии.

¹¹⁴ «Молодость театра» — пьеса АКГ (первый ее постановщик Н. М. Шейко: Рижский театр юного зрителя, 1971; в Москве — Р. Н. Симонов, Театр Вахтангова, 1972).

¹¹⁵ Добин Ефим Семенович (1901–1977), литературовед; автор книги «Искусство детали» (Л.: Советский писатель, 1975).

¹¹⁶ Решетовская Наталья Алексеевна (в замужестве Солженицына; 1919–2003), первая жена А. И. Солженицына, автор мемуарных книг о нем. Вскоре после высылки писателя в издательстве АПН была опубликована ее книга «В споре со временем» (1975).

¹¹⁷ Лицо не идентифицировано.

¹¹⁸ Центральный дом литераторов (ЦДЛ), первый московский писательский клуб, в настоящее время площадка для выступлений и концертов, а также кинотеатр, библиотека и ресторан.

Потом домой. Кухаркин¹¹⁹. У Крэнкшоу¹²⁰ есть фраза о Каргопольлаге с упоминанием Алексевок¹²¹. Но у него есть и много ошибок. П. Романов¹²² и Ю. Олеша не были арестованы. Н. Сац¹²³ не была женой Тухачевского¹²⁴ и т. п. На этой неделе будут судить под Москвой Твердохлебова¹²⁵ и в Омске крымского татарина Мустафу Джамилова¹²⁶.

* * *

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДНЕВНИКУ

(по воспоминаниям близкого друга АКГ Льва Левицкого):

Умер Гладков 11 апреля 1976 года в Москве. Как это произошло, спустя неделю восстановил Левицкий. Он писал:¹²⁷

«2 апр. 1976. (...) В прошлый понедельник с утра, как обычно, работал себе за письменным столом. В 20 минут одиннадцатого — запомнил время потому, что скопил глаза на часы — телефонный звонок. Цецилия Исааковна Кин. Дав-

¹¹⁹ Лицо не идентифицировано.

¹²⁰ Крэнкшоу Эдвард (Edward Crankshaw; 1909—1984), английский писатель, переводчик, журналист и редактор; писал в консервативной воскресной газете «Обсервер»; автор книг «The Forsaken Idea: A Study of Viscount Milner» (L.: Longmans Green, 1952); «The Shadow of the Winter Palace: Russia's Drift to Revolution 1825—1917»; редактор вышедших в 1970 году в Америке воспоминаний Никиты Хрущева «Khrushchev Remembers».

¹²¹ Алексеевка — муниципальное образование в Красноборском р-не Архангельской области, вероятно, бывшая одним из «лагпунктов» Каргопольлага, или «Каргопольской лагерной системы», где АКГ сидел в 1949—1954 гг.: Ерцевское отделение включало в себя 17 лагпунктов.

¹²² Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938), русский прозаик, драматург; за его сатирические рассказы, а также романы «Новая скрижаль» (1928), «Товарищ Кисляков» (1930), «Собственность» (1933), изображающие мещанство советского быта и приспособленчество, писателя систематически травил советская критика, видевшая в его сочинениях сплошную клевету и очернительство. В 1937 он перенес инфаркт, умер от лейкемии в Кремлевской больнице, похоронен на Новодевичьем кладбище. (Сочетание даты его смерти, 1938, с фактом его травли в 1920—1930-е годы стало причиной ошибочных утверждений в ряде изданий 1980-х гг. о том, что он якобы был репрессирован.)

¹²³ Сац Наталья Ильинична (1903—1993), театральная режиссер, первая в мире женщина-оперный режиссер, театральная деятельница, писатель, драматург, педагог. Народная артистка СССР (1975).

¹²⁴ Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937), советский военный деятель, военачальник РККА времен Гражданской войны, военный теоретик, Маршал Советского Союза (1935). Репрессирован в 1937 году по «делу военных», реабилитирован в 1957 году.

¹²⁵ Твердохлебов Андрей Николаевич (1940—2011), правозащитник и диссидент, физик; участник петиционных кампаний; один из учредителей Комитета прав человека в СССР (1970—1972); в 1974, в связи с политическим судом над Габриэлем Суперфином, подписал в его защиту «Заявление 44-х». Политзаключенный (1975—1978 в ссылке). В 1980 году эмигрировал в США.

¹²⁶ Мустафа Абдулджемиль Джемилев (крымско-тат. Mustafa Abdülcemil Cemilev, укр. Мустафа Джемілев; род. 1943), советский правозащитник и диссидент, украинский политический деятель, один из лидеров крымско-татарского национального движения, председатель Меджлиса крымско-татарского народа в 1991—2013 годах. За свои политические взгляды и антисоветскую деятельность был исключен из вуза и семь раз предстал перед судом. Всего он провел в местах лишения свободы пятнадцать лет: был заключенным в 1966—1967, 1969—1972, 1974—1975, 1975—1976, 1983—1986 годах и отбывал ссылку в Якутии в 1979—1982 годах. Один из основателей и член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. После провозглашения независимости Украины Джемилев включился в ее политическую жизнь. До 2013 года был лидером непризнанного крымско-татарского меджлиса. После того как Крым в марте 2014-го присоединился к Российской Федерации, ему был закрыт въезд в Россию сроком на пять лет.

¹²⁷ Из статьи Вячеслава Огрызко. Жизнь лупила его беспощадно // Архив «Литературной России» № 27 за 2 июля 2010 — <http://litrossia.ru/archive/item/4472-oldarchive>.

но ли разговаривал с Гладковым? Два дня назад. В пятницу. Жаловался на боли в сердце. Спрашивал, как принимать валокордин. Просил звонить, сказав при этом: „А то, глядишь, еще дуба дам“. Ц. И. сказала, что навестила его в субботу. Принесла ему еды. Условились, что в понедельник она снова к нему заглянет. Предварительно созвонившись с ним. В воскресенье с часу дня звонила ему. Никто не брал трубки. В понедельник ей тоже никто не ответил. Она встревожилась. Советовалась со мной, не попросить ли жактовского слесаря подняться на балкон и посмотреть, что делается в комнате. В обыкновении нашего приятеля затаиваться, не реагировать на телефон и на звонки в дверь. Он мне сам не без гордости рассказывал, какой он стойкий в этих ситуациях. Я предложил подождать до середины дня. В час мне надо было в журнал. Я быстро смотался туда. Не успел вернуться домой, как позвонила Ц. И. и рыдающим голосом сказала, что нет больше Александра Константиновича.

Слесарь поднялся на балкон и сквозь грязное стекло увидел, что на диване лежит Гладков. Он спустился и доложил о своих наблюдениях. В домоуправлении достали ключи от квартиры. Ц. И. вызвала на подмогу живущего неподалеку Ляховского, и они пошли открывать дверь. Оказавшаяся в это время в подъезде литфондовская врачиха первой вошла в квартиру и констатировала смерть. По ее мнению, А. К. умер сутки назад, то есть в воскресенье.

Вечером я поехал к Ц. И. Туда же пришел Ляховский. Не успели мы посидеть и десяти минут, как позвонили из гладковского подъезда и сообщили, что за покойником пришла машина из морга. Мы с Ляховским пошли в квартиру А. К. Он лежал на диване на левом боку. В трусах, носках, белой рубашке. Одеядо откинуто. Глаза были закрыты. Выражение лица безмятежное. Скорее всего, утром плохо себя почувствовал, прилег и скоропостижно умер»¹²⁸.

«Гладков смолоду вел дневник. Его считал чуть ли не главным своим делом. Начиная с конца пятидесятых приводил его в порядок. Сознавал, что нет никаких надежд опубликовать его в ближайшее время. Значит, готовил его будущему. (...) Пять лет после лагеря вздрагивал от звонков в дверь или стука калитки. В Москве и в Загорянке. Прописан был на 101-м километре, в Петушках, где ему и надлежало жить. Вышел по амнистии, а на реабилитацию боялся подавать. (...) Роман с Эммой, актрисой театра „Пассаж“, с которой Александра Константиновича познакомил его лагерный товарищ, Илья Николаевич Киселев, тогда директор этого тетра, а потом Ленфильма, начался в 1957 году. Эмма много раз его просила развестись с женой и оформить с ней брачные отношения. Теоретически Гладков был не против этого, но боялся даже шаг сделать в этом направлении. Обсуждая со мной эту тему, признавался, что в ужасе от бракоразводной процедуры и панически боится скандалов, которые станет учинять Антонина Антиповна. Эмму он любил без памяти»¹²⁹.

* * *

ПОСЛЕСЛОВИЕ КОММЕНТАТОРА

Ну, вот и окончен дневник АКГ, дорогой читатель! Мы начали его чтение почти четыре года назад, в январе 2014-го (публикацией в журнале «Новый мир»). Но нами он представлен не подряд, не целиком, а только в выдержках и выборочно — с 1960 года (в «Неве», 2014, № 4), — и теперь мы довели эту выборку до конца, до 1976 года. Более ранние фрагменты из этих дневников (30-х годов, тоже в выдержках) можно прочесть в журнале «Наше наследие» (в 2013–2014 годах они изданы покойным С. В. Шумихиным). Были также отдельные публикации из 40-х и 50-х годов, но полное издание дневника Гладкова — дело будущего.

¹²⁸ Левицкий Л. А. Утешение цирюльника. Дневник. 1963–1977. СПб., 2005. С. 374.

¹²⁹ Там же. С. 376–377.

* * *

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикатор благодарит за помощь тех, кто принял участие в комментировании текста: Владимира Михайловича Алпатова, Елену Александровну Амитину, Ирину Юрьевну Белякову, Софью Игнатьевну Богатыреву, Николая Алексеевича Богомолова, Сергея Васильевича Василенко, Александра Дмитриевича Венцеля, Наталью Александровну Грозову, Марка Васильевича Головизнина, Якова Аркадьевича Гордина, Гасана и Чингиза Гусейновых, Бориса Федоровича Егорова, Дмитрия Исаевича Зубарева, Генриха Зиновьевича Иоффе, Сергея Александровича Крылова, Ирму Викторовну Кудрову, Алексея Алексеевича Макарова, Ольгу Макарову, Жореса Александровича Медведева, Елену Михайлик, Павла Марковича Нерлера, Дмитрия Нича, Елену Владимировну Пастернак, Юрия Георгиевича Пастушенко, Константина Михайловича Поливанова, Людмилу Пружанскую, Александру Александровну Раскину, Ирину Леонардовну Савкину, Наталию Дмитриевну Солженицыну, Игоря Николаевича Сухих, Габриэля Суперфина, Валентину Александровну Твардовскую, Романа Давыдовича Тименчика, Юрия Львовича Фрейдина, Николая Михайловича Шейко, Григория Шеянова, а также ныне уже покойных: Виктора Марковича Живова (1945–2013), Елену Цезаревну Чуковскую (1931–2015), Сергея Викторовича Шумихина (1953–2014) и за возможность самой публикации – дочь Александра Константиновича, Татьяну Александровну Гладкову (1959–2014).

Я благодарю также сотрудников архива РГАЛИ, где хранится фонд Гладкова, и лично его директора – Татьяну Михайловну Горяеву за возможность публикации.

Публикация и комментарии **Михаила МИХЕЕВА**

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Александр МЕЛИХОВ

КРАСОТА ЗРИМАЯ И НЕЗРИМАЯ

Когда я начинал писать прозу, я завидовал кинематографистам: на них работают такие гениальные актеры, как ветер, солнце, пыль, дождь, снег... Мне нужно вывернуться наизнанку, чтобы изобразить их зримо и небанально, а киношникам достаточно навести камеру, мне нужны все новые и новые ухищрения, чтобы изобразить усталость, а им довольно показать катящийся пот, вздувшиеся жилы...

Прошли годы, прежде чем я понял, что зримые образы никогда не бывают так прекрасны, как словесные, именно потому, что они БЕСПЛОТНЫЕ. Ибо все зримое подвержено критике личных вкусов, мод, а Джульетта или Ассоль всегда останутся прекрасными. Я уже не говорю о самых волшебных образах, вообще не поддающихся визуализации («когда подходила Ты, стройно бела, как лебедь, к моей глупине»), но то, что незримое может оказаться более чарующим, чем зримое, хорошо

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в г. Россошь Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, зам. гл. редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенега.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия «Учительской газеты» «Серебряное перо». Премия 2008 года журнала «Полдень, XXI век» (гл. редактор Борис Стругацкий). Премия фонда «Антифашист». Лауреат премии журнала «Иностранная литература» за 2015 год. Премия им. Гоголя за роман «Свидание с Квазимодо» (2017).

понимали еще ранние романтики — у них все подряд героини были не просто красивы, но еще и красивы НЕЗЕМНОЙ, АНГЕЛЬСКОЙ красотой.

«Такая страшная, сверкающая красота!» — кто бы из кинозвезд мог сыграть гоголевскую мертвую панночку? Софи Лорен, Элина Быстрицкая? Такой красоты просто *нет в природе*, реальная красота не пугает и не сверкает. И как ни красива Джина Лоллобриджида, она далеко не дотягивает до той Эсмеральды, чья красота заставляла умственно отсталого горбуна бормотать не лишние очарования стихи.

А если даже взять наших великих моралистов — Достоевского, Толстого, для которых вроде бы важнее всего душа, то у Достоевского без роковых красавиц просто и сюжет было бы не запустить. Увидел бы Мышкин портрет дурнушки — и что? И если бы от любви к обычной женщине стал сходить с ума Рогожин, нам потребовались бы какие-то сложнейшие мотивировки. И если бы обычная женщина, пусть даже миловидная, бросила деньги в огонь, это было бы далеко не так красиво — вот героиня моего романа «Свидание с Квазимодо» и мучается оттого, что красивые истории могут происходить только с красивыми женщинами. И пусть Толстой в своем эстетическом трактате прямо настаивал, что, стремясь к красоте, мы удаляемся от добра, что этическое и эстетическое — два конца одного коромысла: чем выше одно плечо, тем ниже другое, — и все-таки, не будь Анна Каренина столь красивой, влюбился бы в нее Вронский с первого взгляда? А то, что Толстой любит и понимает жертвенную Долли, еще не означает, что он считает ее такой же красивой, как, скажем, казачка Марьяна.

В общем, сколько ни декларируй приверженность к добру и милость к падшим, без красоты в искусстве не обойтись. Потому что в этом его главная миссия и заключается — в экзистенциальной защите нашей психики, в ее защите от унижительного безобразия реальности.

Я не очень даже понимаю, что такое добро в мире, откуда изгнана «бесовская прелесть» красоты, состязательности — желания быть более красивым, умным, остроумным, чем другие, — какие же доблести в этом мире останутся, одно только сострадание к несчастным? А откуда же будет братья счастье?

Толстой прекрасно показал, сколь невозможно служить страждущим, если в них нет обаяния силы и радости: Кити Щербацкая, пытаясь ухаживать за больными, чтобы избавиться от зависти к чужому счастью, в конце концов начинает их ненавидеть. У того же Толстого где-то сказано: он был вполне счастлив, а потому вполне хорош в эту минуту. Я тоже думаю, что самый надежный, если не единственный путь к добру лежит через счастье, которое невозможно без красоты, без ощущения красоты мира и себя в нем. Работая с людьми, пытающимися добровольно уйти из жизни, я убедился, что несчастье переносится намного легче, когда оно ощущается красивым. А красивым оно начинает ощущаться лишь тогда, когда мы сочиним о нем — а значит, и о себе! — какую-то историю по законам художественной литературы.

Но как же все-таки милость к падшим, к реальным падшим? Литература пытается вызвать сочувствие к ним, только изгнав из их облика все по-настоящему некрасивое, оставив только трогательное, вроде лысинки на лбу у Акакия Акакиевича. А маленькие, близко сидящие глаза, широкие скулы, низкий лоб, приплюснутый нос у тех персонажей, которые должны вызывать нашу симпатию, нужно выскивать с лупой, да и то вряд ли найдешь. В зарисовках городского дна Толстой упоминает несчастную безобразную проститутку, притом неприятно безобразную, но Катюшу Маслову он делает опять-таки красавицей с глазами цвета мокрой смородины. И Хаджи-Мурата он делает очень привлекательным, что прекрасно выражено в иллюстрациях Лансере, хотя на самом деле, как я читал, он был маленький и лицом довольно противен.

Неприятной телесностью у Толстого наделены только неприятные герои. Великий моралист твердит о жирных ляжках Наполеона, но о жирных ляжках Пьера Безухова у него нет ни слова. Можно ли представить, чтобы Пьер вытер льдом свое большое сытое тело, как это делает Николай в «Хаджи-Мурате»? Это не в укор Толстому — просто литература не терпит некрасивости. Даже какой-нибудь Ремарк, специально старающийся убить романтику войны всякими отвратительными ужаками, вроде вывороченных кишок, не позволяет этим кишкам коснуться тех героев, к которым хочет вызвать сочувствие. «Он упал лицом вперед и лежал в позе спящего. Когда его перевернули, стало видно, что он, должно быть, недолго мучился, — на лице у него было такое спокойное выражение, словно он был даже доволен тем, что все кончилось именно так», — и музыка фразы работает на грустную примиренность: освободиться от мощной власти красоты искусство не может, не перестав быть искусством.

А если бы кто-то в кино решился показать вывороченные кишки? Сострадание немедленно было бы убито ужасом и отвращением. То есть *в литературе можно назвать такое, что кинематографу категорически запрещено*.

И смерть Андрея Болконского происходит без всяких судорог и выделений — Толстой срывает далеко не все и не всяческие маски. В кино же вместо смерти показывают то облака, то нечто неясное, но смерть на помойке с судорогами и скулящими звуками решился из великих показать едва ли не один Вайда. А если бы это продолжили многие, зрители и даже критики быстро бы положили конец этой инфляции, объявили бы: он пугает, а нам не страшно — именно потому, что в трагедии ужас непременно должен смешиваться с восхищением, а не с отвращением.

В «Интернационале дураков» мой герой приходит к выводу, что красота — это греза, обретшая отчетливость, воплотившаяся мечта. Которая, как правило, не может воплотиться в мире реальных предметов — уж слишком все они несовершенны, — но только в мире образов.

У меня есть серьезное подозрение, что наше представление о высокой красоте возникло через какие-то религиозные, мистические учения, стремящиеся возвысить нас над нашей материальной, брэнной природой, а не выработались эволюционно, путем отбора наиболее приспособленных — уж очень она ни для чего не нужна, красота. Ни для продолжения рода, ни для охоты, ни для здоровья.

Кто спорит — крепкие зубы, сильные мышцы — это очень хорошо, — пожалуй, нигде не считаются красивыми прыщи, гнилые зубы, ввалившиеся или отечные щеки (хотя Пушкин ухитрился же воспеть чахоточную деву...), но жизнь с такой жестокостью демонстрирует, как легко все это разрушается несчастным случаем или временем, что, конечно же, люди с незапамятных пор должны были возмечтать о чем-то более прочном, о вечной юности как милости богов — или, наоборот, обесценить эти милости по неизменному принципу «зелен виноград». Зачем-де нам все эти скоропортящиеся прелести, когда у нас есть нечто гораздо лучшее — только что?

И хотя от религии красота уже давно почти отделилась, но по-прежнему какие-то человеческие формы, проявления, совершенно безвредные и естественные, оттачивают нас тем, что грубо указывают на нашу принадлежность к животному миру. Это все проявления физиологии, вывернутые ноздри, хрящеватые уши, выпирающий скелет... И то физиологическое, что мы не прячем, мы стремимся предельно украсить. Еда с ее белоснежными и расшитыми скатертями и салфетками, с фарфором, столовым серебром, с блюдами, завитыми и уложенными, как клумбы. Или соития — чтобы заслонить их сходство со случкой, требуются горы фантазии, оттого-то любовь так невероятно избыточна: чем глубже нас унижает реальность,

тем в более непроглядный слой красоты мы ее укутываем: красота есть наименьшее зло телесности.

Толстой, например, лишь на словах делает княжну Марью некрасивой. Ведь такого качества — некрасивость — не существует, есть лошадиная челюсть, короткая шея, кривые ноги, жидкие волосы, маленькие глазки... Но Толстой говорит о некрасивости княжны Марьи, напирая на ее лучистые глаза и обходя любые конкретные ее изъяны. Кажется, единственное проявление ее телесности — она тяжело ступает на пятки. Но одно дело сказать: «она вошла, тяжело ступая на пятки и сияя лучистыми глазами», и совсем другое: «она вошла, пыхтя и обливаясь потом, семеня своими коротенькими раздутыми ножками и поблескивая крошечными бесцветными глазками». Какие душевные доблести могли бы все это перекрыть? Да никакие! Такую героиню мы не полюбим. Именно поэтому в кино княжну Марью играет актриса с внешностью вовсе не «дурной», а скорее аскетичной.

Даже у «смелых» по недавним временам прозаиков любимые героини почти лишены телесности. Ремарк у романтической Пат приоткрывает только плечо в лунном свете, а у Хемингуэя поэтичная Мария всего только свежая, и гладкая, и молодая, и совсем новая, и чудесная своей обжигающей прохладой, — конкретных физических признаков почти нет.

Хотя мы вроде бы далеко ушли от древних греков, готовых прощать преступления ради красоты тела, но в литературе, даже «реалистической», под маской «правды жизни» мы по-прежнему хотим красоты, защищающей нас от слишком уж унижительной правды. И за эту красоту способны простить очень многое.

А поскольку в романе можно выражаться менее ответственно, дальнейшие размышления я отдал героине уже упоминавшегося романа «Свидание с Квазимодо».

«Столы в библиотеке были обычные, аудиторные, но разложить на них удавалось целые миры. И в этих мирах ужаса и отчаяния было сколько угодно и даже неуютно, но в них не было мерзости: слово было еще чище мрамора. Эти хитрецы, писатели, и смерть умудрялись изобразить красивой. „Соловьи, умолкшие во время стрельбы, снова защекали“. „Я видел, как изменялось лицо Пат. Я не мог ничего делать. Только сидеть вот так опустошенно и глядеть на нее. Потом наступило утро, и ее уже не было“. Юля до неприличия долго и громко сморкалась, уткнувшись в развернутый платок, чтобы не разрыдаться на весь читальный зал. Но если бы она в реальности присутствовала при умирании, все слезы и горло мигом бы перехватил ужас. И не один только ужас — отвращение.

В библиотеке была большая комната „Выставка новых поступлений“, и под табличкой „Литературоведение“ она однажды заметила яркий, будто иностранные консервы, томище, на котором вспыхнуло обожаемое имя: МАУАКОВСКИЙ. Прижав к груди, она оттащила тяжеленный том в укромный уголок и не без усилия развалила на первой попавшейся странице. На великолепной глянцевой бумаге тускнела старая фотография: Маяковский лежал на спине, запрокинув любимое лицо с разинутым огромным ртом. Юля поспешно захлопнула книгу, как будто подглядела что-то запредельно непристойное. Вот она — красивая смерть. „Застрелился“ — звучит красиво. Выстрел в сталинский режим — еще красивее. „Твой выстрел был подобен Этне“ — красота рвется совсем уж под небеса. А реальность, вот она — разинутый рот. Затем вскрытие — череп долбят таким же долотом, что и дырки в дереве. Потом вонь, гниль, черви... Или огонь, в котором трупы корчатся, лопаются...

Так вот они для чего нужны — могилы, надгробия, памятники, — это одежда мертвых, под которой мы прячем поглубже от глаз ужас и мерзость распада. Красотой заслоняем правду. На следующий день в перерыве она подошла к молодому доценту, читавшему им философию, и напрямик спросила, что такое красота.

Философ носил красивую вороненую бороду, кое-где прошитую ранним серебром, а бороды считались признаком свободомыслия. Доцент с мудрым юморком прищурился и в двух словах разъяснил ей, что есть красота: имеются две теории красоты — идеалистическая и материалистическая; идеалистическая считает, что существует некий абсолют и приближение к абсолюту ощущается красотой, но это все метафизика и поповщина (он прищурился еще более юмористически, давая понять, что передразнивает каких-то дураков). На самом же деле красота — это скрытая польза: длинные ноги полезны, чтобы убежать или догнать зверя, большая грудь — вскармливать ребенка, пышные волосы — его же укрывать...

Выпученные глаза увеличивают обзор, оттопыренные уши обостряют слух, короткая шея защищает от хищников, узкие плечи позволяют прятаться в норе, кривые ноги — ездить верхом, мысленно продолжала Юля, балансируя по гололеду на пути в желтый Гостиный двор, где по соседству с психфаком располагался философский факультет: как раз сейчас там начинался открытый семинар по эстетике. Красота оказалась скучнейшей в мире вещью: эстетизм, мимезис, алетейя, метанойя, паранойя... От скуки она даже начала записывать: гнозис, нойзес, аффилиация, эманация, хайдеггеровское открытие сокровенного, предметно-содержательная деятельность, модусы бытия, трансцендентальная эстетика...

Вывравшись наконец на улицу, она поняла, что красота — это не сосуд, в котором пустота, и не огонь, мерцающий в сосуде, *красота — это свобода от материи!*

Хотя бы иллюзия такой свободы! Оттого-то так и прекрасен взлетающий над брусьями гимнаст: в этот миг кажется, что над ним не властна сила тяжести. Так и любовь рождается из мечты о бесплотности, о свободе от физиологии, а вовсе не из подчиненности ей! Наоборот: все, что слишком уж откровенно обнажает нашу телесность — всяческие выделения, отверстия, сквозь которые проглядывают внутренности, проступающий скелет, — все это мы воспринимаем как оскорбительное безобразия.

Так вот она откуда берется — таинственная связь любви и красоты: *и любовь, и красота порождены общей мечтой — мечтой о свободе от материи*. От плоти, как ее именовали в те времена, когда не боялись высоких, а значит, и самых правильных слов.

Мечтой о неземном».

То есть все эти романтические штампы — неземная красота, ангельская красота — вовсе не напыщенное пустословие, но просто-таки точная формула красоты.

И напоследок о безобразии.

В мире время от времени проходят и конкурсы безобразия, и побеждают в них люди не просто некрасивые, но больные какими-то уродующими болезнями: разросшиеся кости лица, наросты, бородавчатая кожа... А что, как не болезни, являют нам наиболее жестокое торжество материи над духом?

Итак, подведем итог: красивые предметы в слове становятся еще более красивыми, зато безобразные менее безобразными, чем в своем визуальном облике.

РЕЦЕНЗИИ

ИГРА ВИДИМОГО И НЕВИДИМОГО

В. К. Зубарева. Тайнопись. Библейский контекст в поэзии Беллы Ахмадулиной 1980–2000 годов. Языки славянской культуры. М.: Глобал Ком, 2017.

Даже название книги Веры Зубаревой, поэта и литературоведа, окажется неожиданным для всех, кто помнит ранние стихи Беллы Ахмадулиной, например, такие:

А дождик солнышком сменялся,
и не случилось ничего,
и бог над девочкой смеялся,
и вовсе не было его.

И еще более удивит поклонников Юрия Нагибина, внимательно прочитавших его «Дневник» и угадавших прототипов: библейский контекст — у Геллы?

И не просто контекст, уверяет Вера Зубарева, а познание того, как «прозревать» материальную оболочку вещей и явлений, как угадывать Присутствие и затем нести его в поэзию». Даже природа в стихах Ахмадулиной видится исследовательнице ее творчества «не кладезью метеосводок», а «зеркалом Бога (Палама)». Ахмадулина, утверждает Вера Зубарева, «верит в Божий промысел, в Соучастие, в Присутствие». «Главное, мне самой трудно понять, — признается автор „Тайнописи“, — как и почему я пошла именно по этому пути в поисках смысла, кто натолкнул на библейскую тропу». Но туманность мотива не снижает напряжения исследования — логично, последовательно и кропотливо направляющего читателя от точных дат стихов Беллы Ахмадулиной к датам библейским: «стихи ее выстраиваются вокруг таинственных намеков, которые требуют прояснения». Ахмадулина «старается раскодировать реальность, связанную с определенной календарной датой, отыскивая скрытые признаки, по которым восстанавливается связь с неизреченной реальностью. На то, куда ведут следы тайны, обычно указывает дата, включенная в текст». И от простых, казалось бы, совсем привычных явлений природы — к библейским аллегориям. Так исследование становится тропкой, «ведущей к Тайнству», и Вера Зубарева тонко замечает, что «игра видимого и невидимого» в стихах Беллы Ахмадулиной основана «на ассоциативных рядах, сложных и разветвленных, как сны и фантазии. С их помощью она и создает свою луноподобную вселенную». Особо интересно сравнение образного ряда пушкинского «Пророка» и «Глубокого обморока» — цикла стихов Беллы Ахмадулиной. Пушкин, как маяк поэтического океана (а настоящий поэт, писала Марина Цветаева, всегда океан), незримо присутствует в тексте «Тайнописи», проходя через строки самой Ахмадулиной и, главное, через стихи больничного ее цикла. Правда, кое-что из предложенного Верой Зубаревой в качестве трактовок, признаюсь, мне показалось несколько искусственным, подчиненным не ахмадулинскому тексту, а первоначальному замыслу, какие-то параллели не очень доказательными, но поскольку авторство замысла, обнаруживая его таинственность, Вера Зубарева относит не к себе, можно предположить, что, воспринимая тему мистически, то есть как не прозвучавшую при жизни просьбу самой Беллы Ахмадулиной (кстати открывшей когда-то Веру Зубареву — поэта) прочитать стихи именно **так**, а не иначе, Вера

Зубарева отмечает не только литературоведческие признаки, но приоткрывает потаенные смыслы даже не личного подсознания Ахмадулиной, а родового, шире — общерусского. И тогда некоторая искусственность трактовок деталей, образов, сравнений, аллегорий окажется оправданной высшей целью, подчиненная «тайнописи» самой Ахмадулиной. Это делает литературоведческую работу Веры Зубаревой нестандартной и, главное, именно поэтической — ведь и сама Вера Зубарева воспринимает свою книгу не только как исследовательский акт, но как миссию — донести сокровенное, тайное, подтекстуальное, что таилось в глубине души Беллы Ахмадулиной и проступало, как очертания древнего Китежа, из-под видимой стилистики ее поэзии.

В одном из своих эссе Белла Ахмадулина, говоря о С. Нейгаузе, назвала его «не исполнителем, а изъяснителем музыки, схожим с ней и равным ей». И добавила: «Он целомудренно знал тайну и не приглашал в нее стороннее любопытство». Именно такую сокровенную тайну самой Беллы Ахмадулиной пытается приоткрыть читателю Вера Зубарева. Если говорить не психологическим, а мистическим языком: тайна эта в **приобщении** Беллы Ахмадулиной к той древней библейско-православной символике, что наделяет обычный быт и обычную жизнь смысловой глубиной бытийности, придавая каждому предмету вневременной объем и любое явление обращая в знак Книги Жизни. И тогда само творчество, утратив психологическую метафоричность объяснения, становится символом. У Беллы Ахмадулиной — и Вера Зубарева это доказывает — символом Сретения.

В одну лишь можно истину взглядеться:
тот ныне день, в который Симеон
спас смерть свою, когда узрел Младенца.

«Речь идет о Сретенье Господнем, которое отмечается 15 февраля», — уточняет Вера Зубарева и, останавливаясь на небольшой поэме Ахмадулиной «Род занятий», показывает, что «тема творчества и Сретенья» у Ахмадулиной связаны. «Еще в юности эта мини-поэма привлекла меня, студентку одесского филфака, своим таинственным сюжетом. — признается Вера Зубарева. — Что там на самом деле происходит?» И только «пройдя весь путь вместе с лирической героиней», начинаешь понимать смысл аналогии с Симеоном, узревшим наконец Младенца и сотворившим свою «Песнь». «Песнь Симеона» — это сочетание духовного прозрения и приобщения к Таинству. И как только «проникаешь в систему тайнописи, как только вскрываешь основной принцип писаний, все становится на свои места», ибо «поэт движется к своему Сретенью».

Редкий случай двойственного по подходу литературоведческого исследования — романтического и почти математически точного одновременно. Вера Зубарева сравнивает творческий метод Ахмадулиной с игрой в шахматы, конкретнее — с «позиционным стилем», который отличается интуитивной тактикой: «Сретенье со стихотворением — цель чисто позиционная, — пишет она. — Ее невозможно достичь при помощи заранее просчитанной программы или алгоритма». Действительно, движение большинства стихов Ахмадулиной интуитивно-пошаговое, не подчиняющееся жесткой логической модели. Но мне ближе экспрессивное мнение Марины Цветаевой: «Поэт — обратное шахматисту». Ему «не только доски — своей руки не видать, которой, может быть, и нет». И Вера Зубарева косвенно подтверждает: работа над стилем равнозначна для Беллы Ахмадулиной духовному поиску, а не «рациональной игре инсталляциями и рифмами». Однако духовный поиск может иметь рациональную сверхзадачу. Потому оставляю вопрос открытым —

пусть читатель решит, что ближе Ахмадулиной — мгновенное поэтическое озарение и рождающий сразу завершённую картину инсайт вдохновения, когда «своей руки не видеть, которой, может быть, и нет», или интересная концепция ступенчато-интуитивного «позиционного стиля» шахматной игры, перенесенного на стихотворный узор Ахмадулиной?

Весь свой поэтический путь Белла Ахмадулина прошла, окруженная друзьями-поэтами, но ведомая Пушкиным и тенями Цветаевой и Ахматовой, чей «быстрый промельк» заставлял ее порой испуганно вздрогнуть. Поэты-друзья многочисленны и любимы ею — от Евтушенко до Симона Чиковани (Грузия и грузинская поэзия занимали в судьбе Ахмадулиной особое место), Вера Зубарева об этом пишет, Ахмадулина оставила блестящие переводы:

Люблю я старинные эти старания:
сбор винограда в ущелье Атени.
Волов погоняет колхозник Анания,
по ягодам туты ступают их тени.

(С. Чиковани. «Анания»)

Но, увы, друзья не могли стать для нее по влиянию **сильнее** гения Пушкина и образов двух великих русских поэтесс — именно в этом, как мне кажется, заключалась причина экзистенциального одиночества знаменитой поэтессы, существовавшей более **там**, с ними, чем здесь, с друзьями, одиночества, так проникновенно выраженного в стихотворении, ставшем киноромансом. И проводя в «Тайнописи» параллель между «Пророком» Пушкина и больничным, Боткинским циклом, в котором проявилась ипостась Ахмадулиной именно как русской поэтессы, сострадавшей каждому и «по-новому осознавшей духовный смысл мучений родины православия, где символом безвременья стал «храм без креста», Вера Зубарева приоткрывает еще одну тайну поэтессы, именно в больнице, после клинической смерти узревшей причину обрыва той лестницы, по которой поэт может подняться до уровня Пророка: «Нарциссизм символизирует мир, в зеркале которого отражается не Творец, а творение».

Говоря о внешней стороне «Глубокого обморока», Вера Зубарева точно замечает, что цикл строится Ахмадулиной «по принципу зеркальной обратности». Но разве вся жизнь Беллы Ахмадулиной не строилась «по принципу зеркальной обратности» — или, можно сказать иначе, не подчинялась «обратной перспективе», как бы возвращающей читателю классический русский слог? Но подлинное возвращение возможно только при одном условии: если за стилем, за его старинной вязью прочитывается «тайнопись»...

Мария БУШУЕВА

«ХОЛОДА... РОССИЯ... ПЕРВЫЙ СНЕГ...»

А. Шацков. Первозимье. Стихотворения. М.: Вест-Консалтинг, 2017. — 132 с.

В июне 2017 года в свет вышла новая книга стихотворений известного московского поэта Андрея Шацкова, получившая название... «Первозимье». Однако в первых числах июня автор статьи наблюдал в Ленинградской области снег и пренеприятное похолодание, посему настроиться на книгу, полученную ранее в электронном виде, было отнюдь не сложно...

«Лет двадцать назад ко мне пришел студент МИСИ Андрей Шацков и принес стихи, тщательно выведенные чертежным шрифтом в ученической тетрадке в клеточку. В них автор скакал на коне и рубился с ордой. Иначе, чем в кольчуге и в шлеме, он себя и представить не мог». Такую исчерпывающую характеристику дал поэту однажды Валентин Берестов, ставший первым наставником и добрым другом. «Русь за нами!» — клич былинного персонажа может показаться современному человеку беспомощной архаикой. Многие цинично наградят поэта-славянофила ухмылкой эскулапа, специализирующегося на пациентах с ярко выраженной манией «кого-то спасать», раздувать несуществующую проблему. Действительно, если мы осмотримся вокруг, то не увидим почти никаких признаков Руси-матушки, но это вовсе не означает, что в нее нельзя верить так, как упрямо стоящий на своем Андрей Шацков. В этом и заключается его правота, которая в случае настоящего вдумчивого прочтения стихов потрясет нас до глубины души. Нет, не привиделось, не померещилось! Шацков взаправду оттуда, из другого мира, воскрешаемого им по частицам для продолжения борьбы за сохранение Отечества.

Размышлять о загадках и перипетиях русской истории, путешествовать по древним монастырям, утраченным и вновь отстроенным городам — о какой архаике речь? Скорее наоборот! Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского Андрей Шацков может себе позволить роскошь познания прошлого в полной гармонии с познанием тенденций настоящего. Примеров предостаточно. Он давным-давно попробовал модный формат аудиокниги (в соавторстве с народным артистом России Валентином Клементьевым), участвует в телемостах между городами России, да и сам легко наводит мосты, контакты любой степени сложности, что, впрочем, закономерно для строителя по основной профессии, полученной в Советском Союзе.

Все книги Андрея Шацкого (и вышедшая особенно) не подчинены ни одному из формальных рыночных критериев. Понятно, что издательство и автор выстроят собственную политику распространения, понятно, что окупаемость невозможна, но все это вторично. Такие книги обязательно находят постоянного читателя, включая даже молодежь. Цитируя Шацкого, стихи его не «чуждедалные», а исповедальные, глубокие, выпестованные на земле столичной и в подмосковной живописной Рузе. Написанное с естественным течением времени определяет желанную аудиторию, для которой русское наследие — не пустой звук.

К строительству стиха, как мы уже поняли из слов Валентина Берестова, Шацков приступил в студенческие годы. «А юность все-таки была» — какой именно, знают «боевые друзья» Шацкого, поэты Леонид Колганов, Александр Климов-Южин и другие. Не нужно объяснять, что была она красочной, энергичной и вызывающей неизменно теплые воспоминания. Далее — зрелость, становление, многочисленные проверки на прочность, работа в министерствах, оформленный с годами добротный послужной список. А затем, волей-неволей, наступает череда болезненных прощаний, ведь родные, наставники, друзья уходят один за другим, оставляя нас жить со своими грехами и сомнениями...

На долю Андрея Шацкого, помимо прочего, выпал цикл трагической утраты поколений по мужской линии. Поэтому к известному стихотворению, посвященному памяти отца, добавились, увы, стихи, написанные после ухода в високосном 2016 году старшего сына Дмитрия. Спортсмена, лидера, горячо любимого «семейного» Дмитрия Донского. Как такое могло случиться? Страдания — известный парадокс — выводят поэзию на необычайной силы уровень, но такой боли не пожелаешь никому. К моменту окончательного завершения концепции книга Андрея Шацкого стала вынужденно расширенным мемориалом, что читатель либо примет полнокровно, либо откажется принять вовсе. Но поэзия, отметим, не вы-

полняла и никогда не будет выполнять одностороннюю увеселительную функцию балаганчика, точно так же как не призвана она лишь сладкозвучно умиротворять. Сказано же Есениным: «Дар поэта — ласкать и карябать, / Роковая на нем печать». Шацков, пожалуй, понимает это лучше, чем кто-либо другой.

В книгах Андрея Шацкого всегда отчетливо видна тесная взаимосвязь двух или более территорий культуры, где осуществляется литературная работа. В нашем случае речь идет о Москве и Санкт-Петербурге, двух городах-тяжеловесах, в равной степени обожаемых поэтом. В петербургских стихах Шацков чаще всего обращается к Блоку, что весьма легко предположить, но нельзя точно спрогнозировать, до чего поэты договорятся. Шацков избегает нарочитой театральности, его герой не жаждет разыгрывать представление и упиваться процессом. Он в полном одиночестве задает Северной столице терзающие душу вопросы и, не получив ответа, идет дальше, в сопровождении классической кинематографической озвучки «метель». Снова — зима, всепоглощающая! Наряду с Блоком и Пушкиным — отсылки к Есенину и Корнилову. (Кстати, в дело сохранения памяти о последнем из упомянутых поэтов Шацков вложил более десяти лет жизни.) Мы восхищенно-завистливо изучаем карту перемещений поэта: вот есенинская Рязань, вот тютчевский Овстуг...

Что впереди? Вопрос нависает угнетающе длинной паузой. Редактор журнала «Юность» Валерий Дударев опасается: «Не с кем Шацкову великий путь далее длиться!» Не будем предаваться унынию, тем более что поэт умеет удивлять! Поживем — увидим.

Кирилл КОЗЛОВ

ТОМАС МАНН И «НЕАРИЙСКАЯ ФИЗИКА»

Евгений Беркович. Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века. Одиссея Петера Прингсхайма. Предисловие Александра Мелихова. М.: Ленанд, 2017.

В нашем Роквиллском центре электроники и компьютеров по стенам развешаны большие портреты ученых, создавших в XX веке свою перевернувшую мир науку. Обычно, пока муж рассматривает компьютеры, я всматриваюсь в лица этих людей. Они умные и очень живые — и сильно отличаются от сонных, будничных и мало-выразительных лиц, меня окружающих; что-то такое горит в их взгляде, что переносит тебя в будущее, в сны фантастов, в разговоры о каком-то новом, улучшенном человеке...

В книге Евгения Берковича, рассказывающей о предшествующей стадии развития физики, о физике, в которой — с появлением квантовой механики, теории относительности, с началом изучения термоядерных реакций — тоже произошла настоящая революция, лица ученых имеют такое же излучение. Вообще-то, если у человека живой взгляд, он необязательно должен быть физиком-теоретиком, он может быть геологом, философом или поэтом. Главное, что объединяет всех «владельцев» таких лиц, — живущий в них чертик познания, интерес к миру, творческий задор...

Физик и математик по образованию, затем, после эмиграции в Германию, успешный руководитель проекта в крупной немецкой компании, ныне писатель и издатель популярных сетевых журналов и альманахов («Семь искусств», «Еврейская старина», «Заметки по еврейской истории», «Мастерская»), Евгений Беркович — еще и популяризатор науки и ее героев. Делает он это на свой манер.

В той книге, которая лежит передо мной, судьбы всех ученых-физиков, о которых ведется рассказ, связаны с жизнью еще одного постоянного героя Берковича — писателя Томаса Манна. Прочитав книгу, я подумала вот о чем: как легко было автору рассказать биографию человека, которому посвящено повествование, — физика Петера Прингсхайма, выстроив ее линейно, — родился, учился, сделал открытие...

Но... Евгений Беркович совмещает в себе два дара — математика и литератора, к тому же, как мне кажется, у него юношеская тяга к «заверченному сюжету». Посему рассказ-биография приобретает черты приключенческой повести с элементами расследования. По ходу писатель успеваешь нам поведать о великих немецких физиках и их работе, рассказать об истории двух крупнейших немецких университетов, хорошо известных в России, Гёттингенском и Гейдельбергском, нарисовать картину зарождения и развития национал-социализма в Германии, окунуть нас в гущу еврейского вопроса, «окончательное решение» которого так и не удалось фюреру и его подручным... «А где же здесь Томас Манн?» — может спросить внимательный читатель. В том-то и дело, что сюжет книги строится вокруг этого крупнейшего немецкого писателя XX века, как вокруг опорного столба. И в этом мне видится весьма любопытный писательский ход.

Но и сама по себе биография Петера Прингсхайма словно специально складывалась на радость будущим биографам. Был он братом жены Томаса Манна Кати, сыном известного в Мюнхене профессора математики, богача, коллекционера и любителя искусств. Семья была еврейская, но далеко отошедшая от иудаизма. В письме к брату Генриху Томас Манн писал о своих новых знакомых: «В отношении этих людей и мысли не возникает о еврействе, не ощущаешь ничего, кроме культуры». Большой слой немецкой еврейской интеллигенции к началу XX века почти полностью ассимилировался: адвокаты, врачи, профессора, музыканты, будучи евреями по крови, говорили на чистом немецком языке, воспитывались в немецкой культуре, исповедовали христианство, имели мало общего с традиционными еврейскими ценностями. Знали бы они, что для пришедшего в 1933 году к власти Гитлера значение будет иметь только то, что они евреи по рождению, а потому подлежат уничтожению вместе со своими неассимилированными сородичами. В Советском Союзе нечто аналогичное, хотя и без формулирования «расовых законов», происходило в пору «борьбы с космополитизмом» в 1948—1949 годах.

Если вернуться к Петеру Прингсхайму, то можно сказать, что ему по-человечески сильно не повезло. Судьба два раза подставила ему подножку. И это никак не было связано с его еврейством. В первый раз он был задержан и пять лет провёл в лагере в далекой Австралии, куда поехал на международную физическую конференцию, совпавшую с началом Первой мировой войны. Но этого мало. В начале Второй мировой войны он жил в Бельгии, власти которой отправили его как немецкого гражданина в концентрационный лагерь на юге Франции. Вот оттуда, уже как еврей, он легко мог попасть в печи Освенцима. Оба раза спасло его только чудо вкупе с заступничеством родственников и друзей.

Одним из неутомимых и деятельных спасателей был друг Петера, нобелевский лауреат по физике Джеймс Франк. Вот еще одна неординарная судьба. Этот некрещеный еврей, один из основоположников новой физики, в годы Первой мировой получил два Железных креста. Он принимал активное участие в немецких «газовых атаках», мотивируя это тем, что «война сама по себе есть преступление». Впоследствии Джеймс многое переосмыслил. Известно, что в 1945-м он подготовил «доклад Франка», призывавший правительство США отказаться от атомной бомбардировки Японии. Естественно, что с воцарением в Германии национал-социализма Джеймс Франк покинул родину и переселился за океан. Так поступили

многие его коллеги, которых массово увольняли с работы и чья жизнь находилась под угрозой. В книге Берковича приводится занятный диалог. В 1934 году министр науки спросил у одного из профессоров Гёттингенского университета, как там обстоят дела с *математикой* — после освобождения от еврейского влияния. Ответ был предельно лаконичен: «Ее больше нет, господин министр!»

Показательна судьба и другого немецкого физика, работавшего в области квантовой механики и теории относительности, нобелевского лауреата Вернера Гейзенберга. Гейзенберг евреем не был, однако против него была направлена статья «Белые евреи в науке», опубликованная в 1937 году в мюнхенской национал-социалистической газете. Ее вдохновитель Филипп Ленард — «антигерой» нескольких статей Евгения Берковича. Дело в том, что был этот немецкий нобелиат в области экспериментальной физики одним из яростных противников Альберта Эйнштейна и его общей теории относительности. Ратуя за эксперимент, Ленард считал, что физические теории — квантовая, относительности — имеют «еврейское» происхождение, и призывал от них отказаться. Таким образом, его антисемитизм смыкался с расистским подходом к науке. Ему принадлежит учебник «Немецкая физика».

Гейзенберг, физик-теоретик, один из создателей квантовой механики, стал для Ленарда и его окружения ближней мишенью, Эйнштейн к этому моменту уже покинул Германию и жил в Соединенных Штатах (1933—1955). К чести немецких физиков — даже в то тяжелейшее время они выступили в поддержку Вернера Гейзенберга. В этой связи Евгений Беркович обращается к похожей странице в советской истории науки. На знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года, к сожалению, восторжествовала лысенковщина. «Народный академик» Трофим Лысенко при поддержке партийной верхушки разделался с советской генетикой и молекулярной биологией. Они исчезли с горизонта советской науки вместе с учеными-генетиками и молекулярными биологами, которые были подвергнуты разнообразным репрессиям. Но биологией дело не ограничилось. Автор книги пишет, что если в Германии теории Эйнштейна и Гейзенберга—Борна считались «еврейской физикой», то в СССР вплоть до смерти Сталина их называли «реакционными идеалистическими измышлениями». Читатели могут наглядно убедиться, что фашизм и авторитаризм препятствуют нормальному и свободному развитию науки. Единственной причиной того, что в Советском Союзе интенсивно развивалась теоретическая физика, констатирует автор книги, было стремление верхов заполучить атомную бомбу.

Хочу рассказать еще об одном герое, упомянутом в книге. Это американец Вэриан Фрай, человек, признанный Праведником мира в Государстве Израиль. В 1940—1941 годах Фрай выполнял секретную миссию американского правительства — спасал в оккупированной Франции антифашистов и евреев, которым угрожали немецкие лагеря уничтожения. Благодаря усилиям Фрая и его команды было спасено от двух до четырех тысяч жизней, причем среди тех, кому Фрай сделал американские визы, а затем помог нелегально перейти французскую границу, были Ханна Арендт, Лион Фейхтвангер, Марк Шагал, а также брат Томаса Манна Генрих и его сын Голо. Томас и Кати Манн встречали своих близких, счастливо избежавших лагеря, а возможно, и смерти, в нью-йоркском порту.

С 1933 года Томас Манн с семьей жил в эмиграции: вначале в Швейцарии, а с 1938 года — в Америке (за три года до смерти, в 1952 году, он вернулся в Цюрих). В Америке писатель познакомился с самым знаменитым физиком XX века — Альбертом Эйнштейном, преподававшим в одном с ним Принстонском университете.

Что до героя книги Евгения Берковича, шурина Томаса Манна Петера Прингсхайма, то он — общими хлопотами родственников и друзей — был вызволен из нацистского концентрационного лагеря. Его последующая жизнь и работа протекала

в Америке и Бельгии. Причем в Америке ему довелось работать над «атомным проектом». В самом конце жизни к Петеру Прингсхайму пришло признание на родине. В 80 лет он получил звание почетного профессора в университете немецкого города Гиссена.

Книга Евгения Берковича, несмотря на небольшой объем, вместила большое число судеб, исторических эпох, интересных подробностей. Прекрасное предисловие написал к книге Александр Мелихов, сам имеющий математическое образование, кандидат физико-математических наук. Внушает уважение библиография к книге, размещенная на семи страницах. А как много в ней фотографий! Благодаря им читатели могут видеть лица ученых, о которых идет речь. Впрочем, об этих необыкновенных лицах я уже писала в самом начале моей рецензии.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Александр Ломтев. Финский дом. Хроники уходящих времен.

М.: Интернациональный Союз писателей, 2017. — 156 с.

(Серия: Современники и классики).

Александр Ломтев. 365. Опыт спонтанной антологии по господину Монтеню.

Художественная проза. Саров: Информационно-издательское агентство

«Саров», 2014. — 642 с.

Книги Александра Ломтева — синтез прозы классической и рифмованной, беллетристики и философской публицистики. Драма, фарс, фантастика, лирика... Переплетаются жанры, совсем короткие главы чередуются с пространными. Зарисовки-новеллы о быте и нравах людей, о явлениях мистических, необъяснимых перетекают в неизбежные для зрелого писателя раздумья: как, зачем и почему? Так, подчиняясь прихотливому извивам мысли, работал над своими «Опытами» Монтень, французский философ-гуманист XVI века. Так построен и «Опыт спонтанной антологии...» А. Ломтева. В книгу «Финский дом», своего рода выдержку из этой антологии, вошли повесть, давшая название сборнику, цикл новелл «Ичкериада», философское эссе «Онтология смерти». Повесть «Финский дом» — редкая возможность узнать об обыденной жизни в «секретном городе», возникшем в середине прошлого века около древнего монастыря, в городе, окруженном колючей проволокой и солдатами с автоматами. В 1946 году по приказу Берии финны по репарации передавали советской стороне бруски для сборных домиков, возводившихся эсками взамен землянок и бараков на месте будущего «ядерного» города. В таком двухэтажном, трехподъездном доме в Сарове прошли детство и юность будущего писателя А. Ломтева. «Здесь потекла светлая жизнь, полная надежд и ожиданий, странно уживавшаяся с мрачным бытом старых бараков и неряшливыми частными дворами». Он и его знакомые, соседи, друзья — герои этой «повести без сюжета и главного героя». Хотя сюжет есть: он задан четкой ритмикой сменяющихся эпох, аромат времени каждой тонко передан в лаконичных новеллах. Молодые годы секретного города, где готовили супербомбу: взорванные храмы монастыря; эскизы на стройке уже новых, кирпичных домов; мальчишки, играющие в деревенские игры. Середина 60-х годов XX века, когда «мир только-только отходил

от Карибского ужаса, поживался, прислушиваясь к эху хрущевского башмака», а жители финского дома в общий «капустный день» дружно тяпали капусту на за-солку, отдыхали у телевизора с крошечным экраном, играли по воскресеньям в до-мино под дворовыми тополями. После капитального ремонта 1975 года в доме появились ванны и газовые плиты, но было жалко чугунной печки с ее живым огнем и запахом дыма и бежавшего молока. А советская власть принимала запреты, ковер-кающие судьбы подрастающего поколения. Ужесточались времена, ужесточались нравы. Уютный XX век сменился новейшими временами: «Тепло ушло, душа куда-то, как вода меж пальцев, просочилась». «Городка, который пробился ког-да-то на свет в лесах вокруг старинного монастыря, уже и нет, как нет и той страны, что волшебным образом, невидимой волей из неясного замысла сделала его грозной реальностью». Но городок и его обитатели живут на страницах книги. А. Ломтев как журналист, специализирующийся на «горячих точках», неоднократно бывал в Чеч-не, Приднестровье, Абхазии, Косове, Южной Осетии. В его «Ичкериаде» — же-стокие будни войны на Кавказе. Ставшие знаковыми места: Ханкала, Аргун, Урус-Мартан, Шали и, конечно, Грозный. Герои — офицеры и рядовые российской ар-мии, боевики, бывшие рабы, дети и старики, зарубежные журналисты. Истории трагические и почти мистические. И вопросы, вопросы: почему так легко было вы-вести из состояния покоя целый народ, почему так просто люди взялись за ору-жие и начали стрелять во вчерашних соседей? Почему так быстро озлобились, при-шли в дикое первобытное состояние? И чего добились?.. А как быть тем, в чьих жилах течет кровь двух народов? «Финский дом» — своего рода квинтэссенция, извлеченная из многостраничной книги «365», где А. Ломтев во временах и про-странстве чувствует себя вольготно. Автобиографические в своей основе новеллы: детство, когда «кругом было лето и свет, и свобода двенадцати лет», юность, ког-да хотелось приключений и испытаний духа и тела, работа в районной газете, ситуации экстремальные и обыденные, истории времен советских и нынешние. Город Саров и села Нижегородчины, когда зимой настоящий русский мороз, мер-цающие звезды, волчий вой. И неизбежные чудеса, и по сей день творимые Сера-фимом Саровским. И память о том, как спасали монашенки свой Дивеевский мо-настырь и не смогли спасти, и Великая Отечественная в воспоминаниях стариков. Россия советская — Крым, Красноводск, Каракалпакия — и горячие, горящие точки бывшей империи — от Чечни до Луганска. И вопросы, вопросы: «Михаил с мечом в руках... Александр Невский, Дмитрий Донской, Федор Ушаков... мальчик-солдат, погибший в Чечне от рук боевиков и канонизированный православной церковью... неужели это судьба человечества: с оружием в руках добывать добро из зла?» Герои книги не только обычные люди, но и ангелы, святые, черти и те, кому очень несладко сегодня: русалки, лешие, домовые. «Странная штука — наше российское житье», есть в ней место и мистике: ночной звонок, голос давно умер-шей матери: «какая разница, умерла — не умерла, сердце-то за вас, детей, все равно болит». И вечные вопросы: зачем живем, в чем смысл жизни? Серь-езно над ними размышляет автор, парадоксами и притчами в беседах за домино и пивком с закадычными друзьями: научным сотрудником Ферापонтычем и бес-путным Витьком — мыслит проходящий герой обеих книг, рабочий, книгочей и философ дядя Вася. «А время бесшумно и неустанно идет и идет, ведя каждого навстречу его судьбе...» И, кажется, невозможно остановить бег времени. И — «че-ловек живет памятью, воспоминаниями, что забыто — того, считай, и не было...» У А. Ломтева, хранителя времен, из отдельных фрагментов складывается цель-ная, впечатляющая картина жизни огромной страны от середины прошлого века до дней нынешних.

Сергей Арно. Записки странствующего писателя. О подводных погружениях и древних цивилизациях. Художник Е. Морозов. СПб.: Союз писателей Петербурга, 2016. — 296 с.: ил.

Для петербургского писателя Сергея Арно все началось осенью 2014 года, когда однажды вечером ему позвонила Наталия Берзина, директор фонда «Созидающий мир», и предложила принять участие в проекте «По следам „Калипсо“». Съёмочной группе, в состав которой входили и дайверы, предстояло снять серию документальных фильмов о Жак-Иве Кусто и его команде. Маршрут включал Францию, Монако, Египет, Судан, Коста-Рику. С. Арно, человек «кабинетный», не устоял, стал «странствующим писателем». Он побывал на Всемирном фестивале подводных изображений в Марселе; в Музее дайвинга в городке на Лазурном берегу, где Кусто, родоначальник дайвинга, делал первые погружения и снимал известный фильм «В мире безмолвия»; познакомился с подводными домами Кусто. В Монако посетил уникальный Музей океанографии, «Храм моря», директором которого с 1957 года на протяжении тридцати двух лет являлся Ж.-И. Кусто. «Путешествуя по местам, где бывал Жак-Ив Кусто, где он производил съёмки и устраивал дома, я понял, что он всегда находил лучшие места на планете, где хотелось остаться». С. Арно встречался с друзьями и коллегами Кусто, беседы с ними, раскрывающие чудные тайны подводного мира и грустные прогнозы о его будущем, если человек не озаботится его сохранением, включены в книгу. Кратко и емко делится писатель своими впечатлениями об увиденном. Монако, карликовое государство без карликов. Египетские города живых и мертвых: Луксор, Каир, Гиза. Каирский рынок, где «можно найти заржавленный кинжал, каменную голову с надгробья, граммофон, серебряную пулю и осиновый кол... все что угодно». Пустыни Судана и пышная растительность Коста-Рики. Непосредственные впечатления — это и контакты с коренными насельниками экзотических мест, их колоритные реплики, непредсказуемые поступки. С. Арно пишет и о том, что осталось за кадром, что снимать запрещалось: обилие военной техники и вооруженных людей в Египте и в Судане. Писатель был не просто сторонним наблюдателем, сопровождающим группу профессиональных исследователей морских глубин. Он и сам совершал погружения под воду, для чего прошел краткий курс обучения сначала в бассейне Петербурга, а затем закреплял навыки в Хургаде. Он испытал восторг неопита: «под водой — вы ощущаете себя по-другому, видите по-другому, слышите, думаете по-другому... Вы просто на другой планете»; «После первых вдохов под водой происходит нечто невероятное — вдруг все проясняется! Ты начинаешь видеть и воспринимать все иначе. Это невозможно передать! Ощущения при этом сильнее, чем когда прыгаешь с парашютом». На практике он постигал, какие смертельные опасности таит в себе пучина: наркотическое опьянение азотом, летальная декомпрессия, акулы, остовы затонувших кораблей, течения, способные либо унести в океан, либо на мелководье, где гуляющий по рифам ветер мог истереть человека в труху. Не раз от трагического конца в опасных водах спасали гиды-хранители. Для С. Арно эта книга необычная. Действие всех его романов происходит в Петербурге, городе, полном мрачных, страшных тайн. Он — мастер фантазмагии, абсурда и черного юмора. А здесь — реальные приключения съёмочной группы. Но чувство юмора — правда, заметно «посветлевшего» — писателю не изменяет, он умело сохраняет интригу, оставляя читателя в напряжении ждать, чем кончится очередная опасная ситуация: для ныряльщиков, отправившихся к затонувшим в годы Второй мировой войны кораблям «Умбрии» и «Тистлегорму»; для него самого, увиденного под

гипнозом в пустыню. Писатель петербургских мифов, он любовно собирает древние легенды других мест, погружается в историю: тайны Голубой Дыры, где гибнут самые опытные ныряльщики; проклятия фараонов; легенды об основании Каира и Александрии. Он дает волю своей фантазии, когда с картой погибшего моряка (она приложена к книге) совершает одиночный поход за пиратским кладом на острове Кокос. (Легендарный остров у берегов Коста-Рики хорошо нам знаком по книге Стивенсона «Остров сокровищ».) И с документальной точностью воссоздает историю знаменитых пиратов, спрятавших свои клады на острове Кокос, и золота инков. У него есть все основания считать, что в подземных убежищах и ныне скрываются потомки тех инков, кто схоронил на острове великое золото Лимы. И все-таки Петербург не отпускает: ведь стоят на набережной возле Академии художеств в Санкт-Петербурге два сфинкса с лицом египетского фараона Аменхотепа III, обнаруженные возле Фив. Случайно ли они попали сюда и что сулят петербуржцам и гостям города?

Валерий Даниленко. Картина мира в пословицах русского народа.

СПб.: Алетейя, 2017. — 374 с.

В современных спорах о цивилизационном своеобразии России нередки высказывания, очерняющие русскую историю и приписывающие русским негативные национальные черты. Доктор филологических наук Валерий Даниленко предлагает искать характерные черты русского народа в его пословичной картине мира, ведь именно в пословицах, коллективным автором которых является сам народ, отражено обыденное мировидение этого народа, его нравственные представления обо всех сферах жизни. Анализируется бесчисленное количество пословиц, систематизированных по пяти рубрикам: мир, физическая природа, живая природа, психика и культура, материальная и духовная. У русской пословичной культуры древние корни. И автор обращается к мифологической картине мира древних славян, их верованиям, богам — ведь, несмотря на христианизацию, славянская мифология, хотя и в ущербном виде, дошла до наших дней, что отразилось и в пословицах. Незамутненным остался образ солнца: «Солнце не померкнет, народ не сломится». От древности до наших дней «дожили» домовый, леший, водяной. Отголоски былого почитания дуба, олицетворяющего мужскую силу, есть в русских пословицах: «Держись за дубок, дубок в землю глубок». Из четырех стихий (земля, вода, огонь и воздух) ключевой являлась для русских земля-матушка: «Мать сыра-земля всех кормит, всех поит, всех одевает, своим телом пригревает»; «Родная земля и в горсти мила». И хоть и велика роль Бога в русской пословичной картине мира, но центральное место занимает в ней не Бог, а человек. Пословицы рассматриваются на широчайшем историческом фоне: среда обитания насельников земли Русской, их образ жизни, обычаи. Источники — от трудов византийского историка Прокопия Кесарийского середины IV века, древних летописей до историков новых и новейших времен. Большой отпечаток на русский национальный характер наложили природные условия, о чем исчерпывающе написал В. Ключевский. Исследователь поясняет, как с природными явлениями — неожиданными метелями, оттепелями, заморозками — связаны такие понятия, как «задний ум» русского человека, его упрямство; как в пословицах отразились эпохи Ивана Грозного и Петра I. Автор рассматривает языковое своеобразие пословиц, наличие в них ритма и рифмы, сближающие их с поэзией; прямые и переносные смыслы русских пословиц, например, пословицу «Гроза бьет по высокому дереву» можно отнести

как к дереву, так и человеку. Русские пословицы диалектичны, порой кажется, что они противоречат друг другу, одному и тому же явлению даются противоположные оценки. С одной стороны — «Поспешишь — людей насмешишь», с другой — «Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня»; с одной стороны — «На Руси бытие есть питание», с другой — «Вино отнимает разум и добро». Какие же оценки оказываются преобладающими? А. Пушкин видел в русских пословицах квинтэссенцию остроумия и нравственного здоровья нашего народа, а вот современный писатель В. Пьецух выбирает те, что высвечивают в русском народе не самые лучшие его черты. Анализируя русские пословицы, автор приходит к выводу, что в большинстве своем они свидетельствуют о все-таки крепком нравственном здоровье нашего народа: добродетелям поют дифирамбы, пороки подвергаются остракизму. В. Даниленко обнаруживает пять доминирующих черт русского народа: осторожность, идущую от осознания разрушительной мощи физической природы; заботливость, необходимую при уходе за землей («Земля ласку любит»), домашними животными и постепенно распространившуюся на весь мир; рационализм, приоритет ума над чувством; трудолюбие — не мог ленивый народ создать бесчисленное число пословиц, в которых он восхваляет труд и трудолюбие, но порицает лень («Землю солнце красит, а человека труд»); духовность, стремление к истине, красоте, добру, справедливости, единению. Не в теле, а в душе авторы русских пословиц искали то лучшее, что есть в человеке: «Красота завянет, а ум не обманет». Пословичный мир русского народа созвучен сказочному: оба созданы крестьянами, преобладающим населением России вплоть до середины XX века. Герой сказок, Иван-дурак, отнюдь не образец беспросветной глупости и неискоренимой лени, каким его часто пытаются представить. Он — носитель качеств, высоко ценимых народом: за его незлобивость, душевную доброту и сердечность народ одаривает его счастьем, делает удачливым. Предметом анализа становятся и пословичное творчество Крылова, Пушкина, Грибоедова, и употребление пословиц в произведениях Достоевского, Л. Толстого, А. Островского, Салтыкова-Щедрина, и роль в строительстве СССР советских пословиц агитационной направленности, созданных по заказу, но умело, по аналогии со старыми русскими пословицами. Немало — о современной пословичной «культуре»: извращенные пословицы, изувеченные крылатые выражения, искаленные фразеологизмы и цитаты, молодежный жаргон, матерщина. И редко теперь услышишь пословицы, рожденные русским народом: «На Руси святой каждый кустик свой», «Береги землю родимую, как мать любимую». Духовно-культурная деградация? Эволюция или инволюция?

Питер Акройд. Уильям Блейк. Пер. с англ. Татьяны Азаркович.

СПб.: Крига, 2016. — 456 с. 463 ил.

При жизни Уильям Блейк (1757–1827), английский поэт, художник и гравер, мистик и духовидец, был почти непризнан и умер в полном забвении и нищете, имея твердо установившуюся репутацию безумца, — слишком неординарными были его религиозные, политические, художественные воззрения. Работы Блейка оставались незамеченными еще целое поколение после его смерти. Лишь во второй половине XIX века более поздние критики обратили внимание на выразительность и философскую и мистическую глубину его работ. В XX веке Блейк получил полное и безоговорочное признание: его творчество повлияло на многих модернистов, сюрреалистов, а также на многих композиторов; в Австралии была учреждена Награда имени Уильяма Блейка за вклад в религиозное искусство;

в Вестминстерском аббатстве сооружен мемориал памяти Блейка и его жены. Именно Питер Акройд, выдающийся писатель современности, не первое десятилетие занимающийся историческими изысканиями, воссоздающий колоритные картины Англии XVI—XIX веков и портреты ее великих насельников, и должен был создать биографию этого человека. П. Акройд, рассказывая обо всех важных этапах жизни У. Блейка, разворачивает и масштабную историческую панораму: религиозная и политическая жизнь Англии, влияния Французской и Американской революций на современников и самого Блейка, его разочарования; идеи Просвещения и философские искания того времени — и неприятие многого героем его книги; сложные отношения Блейка с современниками. Автор выстраивает живую портретную галерею друзей и покровителей Блейка, устраивает экскурсии по старинному Лондону. Он докапывается до полузабытых истоков изобразительного и поэтического искусства Блейка, проливает свет на многие «темные», непонятные ныне детали. У. Блейк родился в семье лавочника, в семье протестантов-диссентеров (одно из течений в англиканской церкви), где важнейшая роль отводилась Библии. Картинки на библейские темы украшали стены комнат, и на протяжении всей жизни Блейка она будет оставаться для него главным источником вдохновения, поэзия и живопись Блейка пронизана библейскими мотивами, образами и интонациями. Ребенком он копировал греческие сюжеты с рисунков, на уроках живописи, куда его направили родители, видя его увлечение живописью, познакомился с работами современников. Свое влияние оказал и уличный фольклор. Семь лет он обучался граверному искусству, на третьем году обучения хозяин мастерской направил Блейка в Лондон срисовывать живописные фрески готических церквей. Опыт, полученный во время работы в Вестминстерском аббатстве, способствовал формированию у Блейка его собственного художественного стиля и идей. На протяжении всей своей жизни у Блейка будут видения, часто ассоциирующиеся с религиозными темами и эпизодами из Библии. Свои видения он запечатлел в серии карандашных портретов, «Головы призраков», включающей более сотни образов исторических и мифологических личностей. Центральным в творчестве Блейка всегда являлся религиозный замысел. Он создал свою собственную мифологию со специфическими знаками и символами, которую изложил в своих пророческих книгах. Это целый мир, населенный божествами и героями с необычными именами. Мифология Блейка имеет множество истоков: Библия, греческая и римская мифология, скандинавские Эдды, трактаты теософов, оккультистов и религиозных мистиков. П. Акройд освещает природу необычных персонажей, населяющих созданные Блейком поэтические и виртуальные образы, подробно комментирует как оригинальные произведения великого английского духовидца, так его заказные иллюстрации к шедеврам мировой литературы. Иллюстрации Иерусалима, к «Кентерберийским рассказам» Чосера, к Библии, к «Книге Иова», к «Потерянному раю» Мильтона, «Головы Поэтов», «Головы Призраков». Незаконченной осталась серия гравюр к «Божественной комедии» Данте — работу прервала смерть Блейка. Блейком был изобретен рельефный офорт, со временем ставший важным коммерческим методом печати, — П. Акройд повествует и о технологических экспериментах Блейка в области гравировки. Эта книга не только литературная биография, но и художественный альбом, выполненный с большим вкусом дизайнером Д. Зенченко: беспрецедентно большое количество работ Блейка, огромное количество картин и фотографий, иллюстрирующих исторический, этнографический, политический контекст времени У. Блейка, портреты, репродукции картин, скульптур и гравюр предшественников и последователей.

Анна Ветлугина. Игнатий Лойола. М.: Молодая гвардия, 2016. — 306 с.; ил. — (Жизнь замечательных людей. Малая серия: вып. 103).

Успешность и закрытость ордена иезуитов, утвержденного папой в 1540 году, всегда порождала неоднозначные оценки — от ненависти и яростных обвинений во всех смертных грехах до дифирамбов. Не раз будущим основателем ордена Игнатием де Лойолой (1491—1556) и его сотоварищами интересовалась инквизиция. Но по итогам судебных разбирательств — а именно их добивался Лойола — инквизиция не обнаруживала ошибок ни в жизни, ни в учении обвиняемых. Протестанты и мыслители гуманистического толка видели в Лойоле мракобеса, а само слово «иезуиты» стало синонимом интриганства, двуличия, коварства. В 1773 году под давлением католических монархов Европы и деятелей Просвещения, недовольных слишком большим, простиравшимся по всему миру политическим влиянием иезуитов, папа Климент XIV упразднил Общество Иисуса. Указ проигнорировала только Екатерина II, высоко ценившая иезуитскую педагогическую систему, но впоследствии иезуитов из России выслал Александр I. Несмотря ни на что, орден иезуитов и по сей день активно работает во всех уголках земли. Анна Ветлугина опровергает ряд устоявшихся негативных оценок деятельности ордена и личности его основателя: неверно ассоциировать орден иезуитов с мракобесием — одним из основных акцентов в идеологии иезуитов всегда было образование, ими основано множество учебных заведений по всему миру; нет документов, подтверждающих роль иезуитов в попытках устранения царствующих персон; Лойола никогда не произносил слов «цель оправдывает средства», его фраза «цель определяет средства» имела другой смысл. Она опровергает мифы о мрачном, авторитарном и косном средневековье, несовместимые с существованием европейских университетов начала XVI века, мощных научных центров с большими свободами в системе преподавания. И даже на инквизицию, основной «штат» которой заполняли юристы, дает возможность взглянуть по-другому, вне «черных легенд». Ключевой фигурой в книге, естественно, является Игнатий де Лойола. Он происходил из влиятельного и богатого баскского рода, стремился к воинской славе, участвовал во многих сражениях. Битва в Памплоне изменила его судьбу: защищая наваррскую крепость, он получил тяжелое ранение и в тридцать лет, с переломанными ногами, оказался прикованным к постели. Лежа на излечении, любитель красавиц, роскоши и рыцарских романов, не представлявший жизни без модных обтягивающих сапог, увлекся житиями святых. Вместо рыцарства он избрал путь духовного служения, сразу же наметив себе вершину — стать святым. А. Ветлугина подробно прослеживает жизненный путь своего героя, до и после ранения, историю превращения вспыльчивого романтика в сурового аскета, в сдержанного и осмыслительного мудреца. В итоге рыцарь-мечтатель, явившийся прообразом Дон Кихота, сумел превратить свое братство единомышленников в новый монашеский орден, напрямую подчиняющийся папе. В книге дана объемная характеристика политической и духовной жизни Европы: локальные войны, Европа, балансирующая на грани протестантизма, резкое падение авторитета католической церкви. Не в последнюю очередь деятельность нового общества спасла католичество в Австрии, Польше, частично в Германии. Книга — хорошее беллетризованное повествование: закрученный сюжет, множество действующих лиц: сам Лойола, его родственники, сотоварищи, дамы-покровительницы, инквизиторы, преподаватели, священнослужители, папы. Воспроизводя жизненный и духовный путь своего героя, автор опирается на «Автобиографию» Лойолы, известную также под названием «Рассказ

паломника», на его «Духовные упражнения», своего рода подробную и внятную методичку, обучающую обычного человека, как достичь единения со Христом, и проводит параллели с психоанализом Фрейда, с современностью, нейролингвистическим программированием, проливающим свет на тайну власти иезуитов над миром и людьми. Правда, психологов XX века интересовала модель «успешного человека», а святого Игнатия — модель идеального христианина. А. Ветлугина приходит к неожиданным выводам. Она считает, что, жестоко защищая именно консервативный, традиционный мир в католическом его варианте, Лойола чувствовал тенденцию своего времени острее своих идейных противников и видел за Реформацией призрак будущей дехристианизации Европы, о которой сейчас часто говорят, и бросился на амбразуру, создав мощный аппарат для защиты традиции. А негативное отношение к ордену иезуитов, до сих пор принятое в России, пришло на самом деле с Запада, и исходило оно от преподавателей, политиков, других монашеских орденов католической церкви, не выдерживающих конкуренции.

Елена Жерихина. Этикет петербургской прогулки. Научно-популярное издание. СПб.: Аврора, 2017. — 64 с.; 50 ил. — (Серия Библиотека «Авроры»).

Жизнь петербуржцев прошлого была богата и многоцветна, и прогулки в ней занимали важное место. В первой половине XVIII века гулять по плохо вымощенным улицам города было трудно, разве что зимой, в снег. Летом пешие прогулки совершали в усадебных садах. И все-таки история публичных петербургских прогулок начинается, конечно, с Петра I. Именно основатель города стал приучать жителей к прогулке «просвещенной», для чего в Летнем саду вдоль аллей поставили статуи с табличками и текстами, разъясняющими исторический или мифологический сюжет. Петр I ввел и городские гулянья в Екатерингофе на день 1 мая, приурочив праздник к дням своих побед над шведами. Городская прогулка того времени — это торжественное шествие в торжественном регулярном саду, вдоль аллей, обсаженных шпалерами подстриженных деревьев. Традиционные весенние Екатерингофские гулянья продолжились весь XVIII и XIX века. В этот день в Екатерингоф стекался «весь Петербург, нарядившись в самые пышные летние обновы». Просторные места для регулярных ежедневных гуляний устраивались при учебных заведениях — в гигиенических целях. В закрытом саду Смольного института, созданного по указу Екатерины II, кроме оранжерей, газонов, клумб, фонтанов, были и три пруда, один из них — для купания воспитанниц. По ее же велению в мае 1773 года в просветительских целях для смольянок организовали экскурсию в Летний сад. Желающих полюбоваться группой «единолетних девиц, одноцветною украшенных одеждою», стеклось столько «о берегу Невы, через всю Миллионную улицу до самого саду», что они «сделали великую тесноту». А князь Григорий Орлов приготовил к их приезду роговую музыку, дабы «привыкший их вкус к нежности во время гуляния забавлять музыкой». Красиво увеселялись наши предки. Едва ли не впервые в Европе и именно в нашем городе местом городских прогулок стали не только сады и парки, но набережные и улицы. Произошло это майским днем 1801 года, когда впервые в истории города император Александр I с супругой вышли гулять на набережную Невы, и Г. Державин посвятил этой прогулке оду. Затем император ежедневно ходил по улицам столицы, ему вторила досужая публика. В начале XIX века были установлены места городских прогулок «лучшей публики»: Большая Морская и Невский проспект,

бульвар у Адмиралтейства, Английская и Дворцовая набережные, Летний сад. С течением времени список этот расширился, и каждый петербуржец знал, что в определенное время в определенном месте он встретит множество своих знакомых, семью императора, а за ней и «весь свет». Историк быта и архитектуры Елена Жерихина увлеченно повествует об излюбленных местах гулянья петербуржцев в разные годы, в разные сезоны: прогулки пешие, верховые, в экипажах, на санках, развлекательные «программы». Не в последнюю очередь моду на прогулки диктовал императорский дом. Более всего в Петербурге ценили летнюю водную прогулку по Неве и ее притокам, когда Неву наполняло множество судов самых разных размеров, но и зимой ледяная, заснеженная гладь Невы становилась прекрасной площадкой для сезонных развлечений. Е. Жерихина рассказывает о том, как одевались для прогулок петербуржцы, мужчины и женщины, какие правила поведения были приняты, а о воспитанности лица свет судил в первую очередь по скромности и ненавязчивости поведения. Петербургские прогулки увековечены в литературе. Первым стал француз Жозеф де Местр в 1809 году, описавший свое летнее плавание по Неве, за ним — К. Батюшков. Белые ночи влекли петербургских мечтателей на набережные рек и каналов. Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Блок. За ними следовали и герои их литературных произведений. На страницах книги щедро представлены цитаты и из литературных произведений, и из воспоминаний. Воспоминания о «грациозных видах» Петербурга оставила А. Смирнова-Россет, о своих детских прогулках поведала в своих мемуарах князь С. Волконский, А. Бенуа, А. Игнатъев, журналист Н. Лейкин. Н. Лейкин, выросший в скромной семье приказчика, в детстве гулял на огородах на окраинах города в районе Лиговки — такая малознакомая страничка прошлой жизни. В книге представлена одна сторона быта петербуржцев XVIII—XIX веков, в чем-то мы похожи на своих предков, чем-то отличаемся. В книге более 50 цветных иллюстраций, воспроизводящих старинные гравюры, рисунки, картины. Этой небольшой, хорошо оформленной книжечкой издательство открывает цикл «Светский Петербург», куда войдут и такие книги, как «Четвероногие любимцы петербуржцев», «Зимний сезон в салонах Петербурга», «Петербургенка» и «Бальный сезон». Без знания особенностей жизненного уклада петербуржцев понять нашу классическую литературу уже трудно, считают издатели.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПАЛЕСТИНСКИЕ ОБИТЕЛИ И РОССИЯ

Часть 1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Палестина, наряду с египетской Фиваидой, была колыбелью православного монашества. Здесь подвизались такие пустынножители, как преп. Савва Освященный, преп. Герасим Иорданский, преп. Георгий Хозевит, преп. Федосий, преп. Харитон и многие другие. «Было время при православных царях, от времен равноапостольного Константина до дней Ираклия, когда, как передают древние летописи, в праздничный Христов день звон церковных колоколов непрерывной цепью шел от Антиохии до Синая, на расстоянии слишком 800 верст, — писал отечественный палестиновед В. Н. Хитрово. — Те же древние записи сохранили названия до 130 монашеских обителей в одной Палестине, которая, как известно, по пространству не больше самой маленькой из русских губерний — Тульской. Десятки тысяч ангелоподобных, по выражению тех же летописей, отшельников населяли в то время эти обители и пустынные дебри иудейские. Но вот настали иные времена: прошли над многострадальной страной многие и многие бедствия от землетрясения, от нашествия иноплеменных и, что еще хуже, иноверных и от междоусобной брани. Умолк звон колоколов; прекратилось торжественное возношение бескровной Жертвы; исчезли молитвенники за мир православный, и тем, которые, несмотря на все претерпенное, сохранили еще в Святой Земле веру Христову, приходится молиться в убогих храмах, едва ли по своему внешнему виду заслуживающих это название. Местонахождение значительного большинства из них даже неизвестно; большая часть их лежит в развалинах»¹.

Со второй половины XIX века началось постепенное возрождение лишь некоторых обителей, до того времени лежавших в руинах. «После погрома Палестины персами и арабами немногие из монастырей уцелели до нашего времени, — отмечалось в начале XX века в российской печати. — Теперь возобновлены и поддерживаются только пять обителей, посещаемых паломниками: **Хозевитская, св. Герасима, Иоанна Предтечи, Саввы Освященного да на Сорокадневной горе**»².

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 211.

² Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. СПб., 1904. С. 236.

В настоящее время эти монастыри принадлежат грекам и находятся в юрисдикции Иерусалимской патриархии. Однако в деле возрождения этих обителей большая заслуга принадлежала России. Так, в 1878 году в **Хозевитской обители** поселился греческий игумен Калинин. Постепенно, с помощью Святогробского братства и **благодаря щедрым пожертвованиям из России**³, он отстроил кельи для монашествующих и «кафоликон» — соборный храм во имя Рождества Богородицы, с приделом Иоанна и Георгия Хозевитов и пещерным храмом пророка Божия Или. Как отмечалось в 1900 году, этот монастырь «возобновлен лет 20 тому назад православными монахами на пожертвования преимущественно **русских паломников**»⁴.

Монастырь Преп. Герасима приобрел современный вид благодаря реконструкции, проводившейся с 1882-го по 1885 год, на остатках византийской лавры Каламон. Инициатором реконструкции выступил архимандрит Антонин (Капустин), начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме⁵. **Монастырь Св. Иоанна Предтечи**, многократно разрушавшийся, был возрожден во второй половине XIX столетия. Причем действенным стимулом для обустройства обители была активная деятельность архимандрита Антонина (Капустина). «Чуть не вчера еще казалось до смерти страшным быть на Иордане, — писал о. Антонин. — Но лишь мы задумали строиться в Иерихоне, ревнивые греки сейчас же заняли развалины обоих иорданских монастырей (**Предтечи и преподобного Герасима**) и теперь живут в них безбоязненно»⁶.

В 1874 году в **40-дневном монастыре** поселился русский инок Аркадий (Кожухов), рассылавший повсюду письма с призывом к пожертвованиям «на Пещеру Христову». Постепенно он начал обустройство древних развалин и служил время от времени молебны для русских паломников. При Иерусалимском патриархе Никодиме (1883—1890) за гору Искушения серьезно взялись греки. Русский монах становится больше не нужен, и в феврале 1885 года Аркадий вынужден был оставить Святую Землю. Но материальную помощь монастырю по-прежнему оказывали известные русские благотворители (баронесса А. А. Фитингоф, посетившая Святую Землю в 1886 году, и московский купец, паломник и благотворитель П. Д. Каверин)⁷. На самой вершине **горы Искушения** перед самой почти Первой мировой войной **на собранные главным образом в России средства** был сооружен массивный фундамент для большого храма. Революция помешала дальнейшей постройке храма.

Архимандрит Порфирий (Успенский) — первый начальник Русской духовной миссии — еще в 1840-е годы писал о необходимости русского участия в просвещении местного православного населения, так как Иерусалимский патриархат с этой задачей во всей полноте справиться не может. При участии о. Порфирия была открыта греко-арабская семинария в **монастыре Св. Креста**⁸. Во главе этого проекта стояли Иерусалимский патриарх Кирилл и русский консул в Бейруте К. М. Базили (соученик Н. В. Гоголя). Семинария была открыта в 1849 году, она стала первым плодом тех просветительских трудов, которые несли русские на Святой Земле в XIX и XX столетиях⁹.

³ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 184.

⁴ Арсений (Стадницкий), епископ. В стране священных воспоминаний. М.; СПб., 2014. С. 246.

⁵ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 70.

⁶ Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым 1865—1893. М., 2014. С. 275. Письмо от 19.01.1876 г.

⁷ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 261—262.

⁸ Занемонец Александр, диакон. Русские на Святой Земле. Иерусалим, 2015. С. 127.

⁹ Там же. С. 55.

Архимандрит Порфирий также думал о приобретении для Русской церкви **Крестного монастыря**, на том основании, что некогда он был грузинским монастырем, а во времена о. Порфирия Грузинская церковь была частью Русской. К сожалению, при о. Порфирии этот проект не удалось реализовать¹⁰. Дело в том, что Иерусалимский патриарх Кирилл II предпринял ряд шагов по созданию духовной школы для подготовки духовенства. В качестве места для ее размещения он избрал **монастырь Св. Креста**, из-за чего **он отказал России в просьбе предоставить монастырь Св. Креста для размещения там Русской духовной миссии со следующим выкупом его в русскую собственность**¹¹.

Что же касается лавры Св. Саввы, то, по словам отечественного писателя-паломника А. Н. Муравьева, в этой обители в 1830 году подвизалось «семнадцать монахов, из коих **половина русских**»¹². В 1835 году, как отмечал А. С. Норов, «всей братии здесь тридцать человек; половина из них греки, а **другая половина — русские**; я имел утешение слышать здесь обедню частью на родном языке, потому что все священники здесь греки. Русские иноки жаждут иметь своего священника, чтобы хотя изредка слышать богослужение на своем языке»¹³.

В книге писателя-паломника Евгения Маркова «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891) читаем: «Русские особенно любят монастырь св. Саввы, и он издревле был приютом для русских паломников и иноков. Большая часть его икон и украшений принесены русскими. Последнее возобновление монастыря в 1840 году сделано было тоже русскими»¹⁴. После 1917 года число русских монахов в монастыре Св. Саввы резко уменьшилось; к 1952 году в древней обители подвизалось «около 25 человек, преимущественно греки, но было несколько человек иностранцев и среди них **трое русских**»¹⁵. На 2016 год в лавре Св. Саввы насчитывалось девять насельников-греков и двое русских: монах Авраамий (с 2006 года) и монах Филарет (с 2009 года). Помимо общемонастырских послушаний они заняты приемом и сопровождением по обители паломников из России, все чаще посещающих лавру Св. Саввы.

Особое место в истории возрождения палестинских обителей занимает **лавра Преп. Харитона**. К началу XX века она начала превращаться в развалины. Про это узнали русские монахи из афонской Крестовоздвиженской обители. Они выделили из своей среды несколько монахов и отправили их в Палестину откупить древнюю лавру и восстановить в ней монашеское житие.

Благое дело, задуманное русскими иноками, неожиданно вызвало сильнейшее сопротивление Иерусалимской патриархии, заявившей, что все св. места в Палестине должны принадлежать ей. Конечно, все эти храмы и монастыри в древности были частью Иерусалимской церкви, но юридически их развалины давно не имели к ней отношения, поэтому в русском консульстве к требованию патриарха не могли отнестись всерьез. А. Г. Яковлев писал об этом в Константинополь: «Латиняне и протестанты, поддерживаемые своими консулами, продолжают покупать здесь огромные участки. Патриархия, не имея права мешать им, не протестует. Она старается мешать только русским. Благоразумно ли?»¹⁶

¹⁰ Там же. С. 51.

¹¹ Там же.

¹² Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 154.

¹³ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII — XX вв. М., 1994. С. 121—122.

¹⁴ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 296—297.

¹⁵ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 16.

¹⁶ Цит. по: Занемонец Александр, диакон. Указ. соч. С. 150.

Началась долгая, упорная тяжба, в ходе которой патриарх пытался даже прибегнуть к давлению германского кайзера. Около 1909 года было решено, что ответственность остается за русскими, но монашеская община ввергается в духовное окормление Русской миссии и больше не является частью афонского монашества. В то время в Фаранской пустыни, как ее обычно называли, было около 15 братии из Крестовой афонской кельи. Так на Святой Земле возник русский мужской монастырь. В наше время обитель Преп. Харитона — один из двух русских скитов на Святой Земле, вместе с Троицким скитом в Хевроне у Мамврийского дуба.

МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО КРЕСТА

*Крест — хранитель вся вселенная, крест — красота Церкви.
Радуйся преблаженное древо, на нем же распялся Христос, Царь и Господь!*

Упоминание об этой обители в русской паломнической литературе впервые встречается в «Житии и хождении Даниила, игумена Русской земли» (около 1106 г.). «Место это за горою, на запад от Иерусалима, — пишет о. Даниил. — На этом месте был вытесан подножник для распятия Христа, к нему пригвоздили ноги Христа. Это место огорожено, на середине ограды создана церковь большой высоты, во имя Честного креста, вся хорошо расписана. Под великим алтарем, глубоко под трапезой (престолом), хранится пень дерева честного, покрыт пень этот плитами белого мрамора. Прodelано круглое оконце против этого дерева. Здесь находится монастырь Иверский (грузинский)»¹⁷.

Грузинские монахи издавна селились на Святой Земле. Грузинское присутствие на Святой Земле в средние века было очень серьезным: в Иерусалиме и окрестностях находилось до 15 грузинских монастырей. На Голгофе в течение долгого времени тоже были именно грузинские монахи¹⁸. Интересные сведения о «георгианах» приводит в своих записках немецкий путешественник Мартин Баумгартен, посетивший Палестину в начале 1500-х годов.

Георгиане или грузинцы, суть восточные народы, храбрые, воинственные и многочисленные, получившие название свое от некоторого Георгия, которого они святым почитают и называют его помощником и защитником своим. Владение их даже до Кавказских гор простирается, и хотя они почти со всех сторон окружены сарацинами, однако никого не опасаются; но более еще сами для других страшны. Почему сколькократно ни приходят путешественники их к Иерусалиму, всегда входят в оный свободно, то есть: без заплаты пошлины и без всякого себе оскорбления. Знатнейшие их жены, по примеру древних амазонок, носят с собой оружие. Мужья никогда не бреют волос своих и бород, а шляпы носят разноцветные. Все они греческого (православного) исповедания, которому усердно последуют. Церковнослужители их носят круглые короны; а светские люди четвероугольные шапки. Они имеют в храме Иерусалимском часовню свою, в воспоминание обретения Святого Креста созданную; также на Лобной горе (Голгофе) и в других местах. При совершении священнослужения своего употребляют или свой, или греческий язык; а в другое время халдейский и сирский¹⁹.

¹⁷ Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 32.

¹⁸ Занемонец Александр, диакон. Русские на Святой Земле. Иерусалим, 2015. С. 26.

¹⁹ Баумгартен Мартин. Посетитель и описатель святых мест или путешествие в Египет, Аравию, Палестину и Сирию. СПб., 1794. С. 137—138.

Путь к обители

Вот что писал о грузинской обители литовский князь Радзивил Сиротка в 1583 году: «К монастырю святого Креста Господня приехали: по левую сторону дороги стоит; греки зовут монастырь святого Архангела; прилежит к георгианам; устав свой имеют, каков и в монастыре святого Саввы есть; беспрестанно тамо их епископ обитает. Предание есть от древних начальников прародителей, понеже оттоле взято древо масличное на крест Господень, яко показывают дыру под алтарем великим, оттуду бе выкопано. Католики и все народы восточные почитают то место. Потчевал нас тамошний епископ оливками и хлебом сухим, понеже мяса тамо не едят»²⁰.

Про обитель Св. Креста упомянули и московские купцы Трифон Коробейников и Юрий Греков, побывавшие здесь в 1593—1594 годах: «Круг нынешнего града Иерусалима 3 поприща. На полунощную страну стоит монастырь Воздвижения честного Креста, на нем же Христос распят бысть»²¹. Потому и долину, где обитель расположена, в нескольких километрах к западу от Старого Города, стали называть Долиной Креста. Сегодня это один из городских районов Западного Иерусалима.

В 1859 году в эту обитель отправился тогдашний начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид (Кавелин). «Крестный монастырь отстоит на четверть часа езды от Иерусалима, расположен в ложине и окружен масличной рощей, — пишет о. Леонид. — Дорога в эту обитель разделана так широко и хорошо, что можно было бы проехать в европейском экипаже. Выйдя из Вифлеемских ворот и пересекши Яффскую дорогу, она спускается вниз к верхнему водоему Гигонскому; по левую сторону дороги видны остатки каменного водопровода, соединяющего этот водоем с водоемом Иезекии (внутри города); на правой, при спуске на Библейское поле *белильное*, увидите большой, развесистый теревинф, а далее обширное турецкое кладбище, где ежедневно под вечер собираются группы мусульманских женщин, закутанных с ног до головы в белые покрывала, и потому похожие на привидения, которыми пугливое воображение населяет места вечного покоя»²².

В том же 1859 году по этому пути проследовал князь Михаил Волконский: «Я отправился с отцом Ювеналием верхом в Крестный монастырь, отстоящий на полчаса пути от Иерусалима, за вифлеемскими воротами; но мы проехали гораздо скорее. На Востоке расстояние рассчитывают временем, в которое мул может пройти своим неторопливым шагом; это почти то же, что пешком, т. е. около 5 верст в час»²³.

Вот как описывает свой путь к монастырю Св. Креста писатель-паломник А. В. Елисеев, направившийся к этой обители от «русских построек» в Иерусалиме: «Собравшись утром у ворот, с площади Мейдана, паломники прямо спускаются вниз и идут на запад мимо патриаршей мельницы. Дорога идет по великой каменистой дебри, где еще недавно было опасно проходить в одиночку. Через какие нибудь 20 или 30 минут, при пении стихир, богомольцы достигают Крестного монастыря, стоящего наподобие крепости в ложине. Звон во все колокола обители, и иеромонахи в полном облачении встречают паломников»²⁴.

²⁰ Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки. 1582—1584. СПб., 1879. С. 72—73.

²¹ Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 62.

²² Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 314.

²³ [Волконский М. Д.] Записки паломника. 1859 г. СПб., 1860. С. 124.

²⁴ Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 146.

В 1894 году этот же путь проделал епископ Сухумский Арсений. «Путь в Крестный монастырь лежит от Яффских ворот по направлению к западу, делая поворот направо с вифлеемской дороги к верхнему Гигонскому водохранилищу, где мусульманское кладбище, — пишет владыка. — Он отстоит от города не более, как на полчаса езды, но дорога очень камениста и потому неудобна. Монастырь расположен в долине и имеет вид четырехугольной крепости средних веков с высокими прочными стенами, которые нередко выдерживали нападения неверных»²⁵.

В начале XX века этим путем проследовал и отечественный палестиновед И. П. Ювачев: «От русских построек, повернув на юго-запад, мы отправились сперва по дороге в Горнюю, мимо мусульманского кладбища. Погода благоприятствовала нашему путешествию: слабый ветерок навевал приятную прохладу. От хорошей шоссейной дороги отделялась небольшая ветвь налево под гору, которая и привела нас к Крестному монастырю, окруженному стенами»²⁶. (Нынче до Крестного монастыря можно доехать на городском автобусе.)

Сказание о происхождении Древа Креста Христова

В современных паломнических путеводителях история происхождения Древа Креста Христова излагается предельно кратко: «Вне стен Иерусалима на запад в новой части города, близ современных зданий правительства (Кнессет) и музея Израиля, в ложине стоит древний православный монастырь, посвященный Святому Кресту Господню. Основанию его послужило следующее предание. Праведный Лот, племянник Авраама, после бегства своего из Содома, получил от Авраама три отростка деревьев: кедра, сосны (певга) и кипариса. Он их посадил в этой долине и прилежно поливал. Три дерева срослись в одно и выросло большое дерево. При постройке храма Соломонова, когда искали хороших бревен, срубили и это дерево и доставили на постройку, но почему-то оно не пошло в дело и сохранилось до времени осуждения Спасителя на казнь. Из этого дерева был сделан крест Христов, — как и поется в церковных песнях»²⁷.

При этом поясняется, что данное предание основано на рассказе одной апокрифической сирийской летописи о насаждении здесь Лотом трех стволов: сосны, кипариса и кедра, из которых выросло трехсоставное дерево креста. Это апокрифическое предание, принятое некоторыми отцами Церкви и песнотворцами христианскими (св. Иоанн Дамаскин), послужило поводом учреждения здесь монастыря и наименования его монастырем Честного Креста²⁸.

Киевский паломник Василий Григорович Барский, посетивший обитель Св. Креста в 1726 году, скрупулезно пересказывает это предание, не опуская некоторых подробностей.

Повесть же, яже в греческих обретается книгах, есть сицева: Во время западения Содома и Гоморры, егда Бог огнем сожже грады те за преумножившиеся их беззакония, и егда праведного человека Лота с женой и со чадами изводящи отгуду (якоже чтется в Библии), заповедано бысть им, да никакоже дерзнут воззрети

²⁵ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 135–136.

²⁶ Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. СПб., 1904. С. 276.

²⁷ Спутник паломника по святым местам. Париж, 1968. С. 10.

²⁸ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 155.

назад, жена же Лотова не стерпе и возре и обратися в камень, иже и доселе стоит за Иерусалимом, близ Мертвого моря. Оставшу убо тогда отцу с дщерми двема и ночующи, упоиша дщери отца своего Лота и грех сотвориша с ним. В утрее же, егда отрезве и возвестиша ему дщери о содеянном грехе, тогда печален быв много, скорбяше дозела, не ведий, что творити и каковое бы покаяние положитьи греху своему. Пойде же к Аврааму патриарху и исповедася ему и моляше, да и разрешит от греха. И рече ему Авраам: яко греху твоему нет равная эпитемия (наказание), токмо сотвори, якоже повелю ти. Рече же ему, да идет в сад Савеков и возмет тамо три головни от оного огнища, идеже хотяще сына своего Исаака заклати на жертву Богу, а головни оные да возьмет от древа разного, едину от певга, вторую от кедра, третью от кипариса, и да посадит их в долине оной, идеже ныне Честного Креста монастырь стоит, вне Иерусалима, един час хождения, да носит же на хребте своем воду от Иордана на лето (год) едино трижды и поливает оные головни, еже есть семь часов расстояния, и сице да творит чрез три лета. И рече ему, аще убо тако сотвориши и узриши, яко оные головни оживут и возрастут в древо, тогда разумей, яко отпущен ти есть грех от Бога. Се же все бысть волей божественною и предъвидением всемогущего Творца, нашего ради спасения.

Сотвори же праведный Лот повеленное ему, аще и не совершенно: заповеда бо ему Авраам, да аще кто от него воспросит пити на пути, никакоже да возбранит ему, но абие да даст; аще кто напиется от воды той, да не несет ее к тому на поливание головень оных, но да излиет вон и паки идет к Иордану и возьмет другую, да ни от кого же начатой водой поливает древа оные. И тако праведный Лот творя повеленное ему, многий труд понесе через три лета, всегда бо или человек, или жена, или отрочище просяще от него на пути воды. Се же бысть частию от случая, наипаче же от врага диавола, пакостящего нам в спасении нашем, иже наводящи множицею мужа или жену и творяще препятие покаянию Лотовому. Трудящийся же сице через три лета, дважды точию неначатой водой поля головни оные, обаче Богу, видящи его истинное покаяние, сотвори приятися и ожити головнем тем, и тако сцепившись в купу три, возрасте древо едино от певга, кедра и кипариса, от него же жидове соделавше крест, распяше на нем Господа нашего Иисуса Христа²⁹.

«Странствования» Василия Григоровича Барского были весьма популярны в старообрядческой среде, и когда незадолго до Первой мировой войны в Палестину отправилась небольшая паломническая группа русских старообрядческих епископов, то у них эта книга явно была под руками. Это следует из отрывка, посвященного путешествию маститых архиереев в монастырь Св. Креста. Сопоставляя тексты В. Г. Барского и С. И. Быстрова (автора книги «По Востоку. Путешествие старообрядческих епископов. М., 1916), можно легко убедиться в том, что автор-старообрядец «впал в зависимость» от текста Барского. Однако при этом он излагает старинное сказание якобы от лица араба-проводника.

При повороте дороги проводник указал нам на лежащий отдельно от других большой камень, глубоко вросший в землю. — Здесь, на этом камне, отдыхал праведный Лот, когда шел с Иордана, — проговорил он. — Когда это? — полюбопытствовали мы, предчувствуя, что араб знает об этом какую-нибудь легенду. И мы не ошиблись в своем предположении: араб действительно рассказал нам не записанную, кажется, нигде легенду «о крестном древе», которую мы не преми-нули записать с его слов.

— Давно это было, — начал свой рассказ проводник, — когда в пустыне Иорданской стояли большие и богатые города — Содом и Гоморра. Там жил

²⁹ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885, т. 1. С. 336–338.

и праведный Лот со своим семейством. Когда люди стали предаваться беззаконию, то Господь повелел Лоту с семьей выйти из того места, а города погубил огненным дождем. Жена Лота, вопреки воле Божией, оглянулась назад и за это превратилась в соляной столб. Лот пошел с дочерьми дальше. И вот, остановившись с ними в пещере ночевать, он впал в согрешение, и за это Господь через Авраама, которому Лот покаялся, определил ему такое наказание: он повелел Лоту взять водонос, идти на Иордан, набрать там воды и поливать сухой пенёк дерева до тех пор, пока он зазеленеет и произрастет; а пенёк этот находился около Иерусалима³⁰. При этом Бог сказал Лоту, что если кто на пути попросит у него воды, то он должен дать. Взял Лот водонос и отправился. Дошел до Иордана, налил там воды и пошел обратно. Шел-шел он, утомился, остановился вот у этого камня, сел на него и решил немного отдохнуть. Смотрит, подходит к нему какой-то черный человек и просит напиться. И только Лот успел дать ему водонос, как эфиоп (это был дьявол), разом уничтожил всю воду и тут же пропал... Опечалился Лот и снова пошел к Иордану. Налил он воды в свой водонос и побрел потихоньку обратно. И только успел дойти до этого большого камня, как вдруг является тот же эфиоп и просит снова дать ему воды. Не посмел отказать Лот — подал водонос и, не успев моргнуть глазом, как воды уже не было. В третий раз отправился Лот к Иордану и, наполнив водонос, решил идти, не останавливаясь, до сухого дерева, которое повелел ему Бог поливать. На этот раз не появлялся уже ему эфиоп, и Лот благополучно дошел до места. И лишь только вылил он воду на засохшие корни, как пенёк зазеленел и стал расти. И росло то дерево больше и больше; от одного корня пошли три больших отростка: кедр, пегма и кипарис. Смотрели люди на диковинное дерево и удивлялись, а оно все росло и росло. И вот, когда на земле явился Христос и стал проповедовать людям Свое небесное учение, евреи, терзаемые завистью, схватили Его и упростили Пилата распять Христа. Стали искать дерево, из которого бы сделать крест, и не нашли лучше этого тройного дерева. Срубили они три отростка и устроили из них крест, на котором и распяли Сына Божия...

— Теперь на этом месте, где росло чудесное дерево, построен монастырь и прозывается он «крестным» — закончил свое повествование словоохотливый проводник³¹.

Представляет интерес версия о происхождении Древа Креста Христова, изложенная А. Н. Муравьевым, побывавшим в Палестине в 1830 году. Свой рассказ отечественный паломник-писатель основывает на сюжетах фресок, увиденных им в этой обители.

На обратном пути к Иерусалиму посетили мы монастырь Креста, стоящий, по преданиям, на корне дерева, срубленного для креста Спасителя, как будто бы оно могло быть известным. Лот имел тайное веление поливать его водою иорданской, но нечистые духи в виде прохожих всегда встречали его на пути несущего в кувшине воду и, употребляя во зло добродушие старца, всю выпивали, чтобы воспрепятствовать произрастанию дерева; их покушения остались, наконец, тщетными помощью Авраама. Вымысел сей начертан весь на стенах церкви вместе с изображением грузинского царя Баграта III³² и его супруги, основавших в XI столетии монастырь сей по обету за исцеление своей дочери³³. Но,

³⁰ Иерусалим от Иордана находится в 40 верстах.

³¹ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 158–159.

³² Баграт III — грузинский царь, в 975–1014 годах объединил Западную и большую часть Восточной Грузии.

³³ Здесь А. Н. Муравьев излагает еще одну версию о причине и дате основания монастыря Св. Креста.

кажется, царь грузинский воспользовался только сим преданием, чтобы основать крепкую обитель, которая бы могла служить оплотом для его подданных в Палестине, ибо все прочие святые места внутри и вне Иерусалима были застроены благочестием христиан, и ему не оставалось другого выбора³⁴.

Как видно из приведенного текста, А. Н. Муравьев именуется старинное предание «вымыслом». В том же 1830 году французский палестиновед Мишо высказал подобную мысль: «Не знаю, должно ли предание это считать правдоподобным; ибо, если мучители Христа хотели приготовить крест из масличного дерева, то в стенах Иерусалима его было достаточно, и я не вижу достаточной причины идти отыскивать его за три четверти часа от города»³⁵. Ответ на высказанные сомнения содержится в дальнейшем повествовании: «При царе Соломоне дерево было срублено для строительства Иерусалимского храма, но оно оказалось нестандартных размеров и использовалось потом как мостик, перекинутый через Овчую купель. Из этого-то древа и решили иудеи сделать Крест для распятия Спасителя»³⁶.

Здесь же можно привести отрывок из записок священника Иоанна Лукьянова (1711 г.): «Когда Соломон стал строить Святая Святых, и то древо повелел ссечь *тябло*³⁷; и мастера то древо смерили, и потянули вверх: оно и коротко стало; они же усумнишася и опустиша долу и смерили, оно и пришло в меру; потянули опять, а оно и опять стало коротко; так мастера познали, что хоцет быть некое таинство и положили его к стене; и бысть седалище иудеям; и когда пришла Южеская³⁸ царица к Соломону, и Соломон нача ее водити по своим царским сокровищам и показывати ей все свои царские сокровища и церковное здание, и тогда Соломон введе царицу в церковь и показав ей все церковные здания внутрь ея; тогда Южская царица, когда пришла к честному древу и увидела его, и воспела: «о треблаженное древо», — и от того времени не велел царь Соломон на том древе садиться иудеям, и с того числа бысть то древо в чести у иудеев; а когда жидове стали Христа распинать и повелеша из того древа сделати крест Христов, на нем же распяша Господа Славы. И тот пень в той церкви стоит и доднесь цел, он и серебром обложен и позлащен»³⁹.

Так же подробно об этом пишет инокиня Наталия из Горненской обители (1983 г.): «В воскресенье, перед отданием Воздвижения горненских сестер пригласили на службу в Крестный монастырь. Этот монастырь недалеко от нашего монастыря <...> Когда строили Соломонов храм, хотели это большое дерево пустить в строительство (по преданию). Но как его ни резали, ни строгаали оно все не подходило размерами — то больше, то меньше станет. Наконец, так и не приладив его в строительстве Храма, древо бросили в Овчую купель. Сюда-то раз в год потому и опускался ангел, чтобы обмыть это древо, тогда первый (больной) по возмущении воды исцелялся. Наконец, пришло время пострадать Спасителю и стали искать иудеи для него самое тяжелое дерево и вспомнили о мокнущем в Овчей купели треблаженном

³⁴ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 213–214.

³⁵ А. Т. Очерки Иерусалима и святых окрестностей. Из переписки о Востоке Мишо и Пужула. СПб., 1837. С. 123.

³⁶ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 159.

³⁷ *Тябло* значит обыкновенно ярус иконостаса; но здесь, вероятно, в смысле просто доски (*tabula*).

³⁸ У Лукьянова правописание и самое употребление слов чрезвычайно произвольны, и читатели могут видеть, как мешался в старину разговорный язык с книжным (примеч. изд.).

³⁹ Путешествие в Святую Землю московского священника Иоанна Лукьянова, 1710–1711. М., 1862. С. 68.

древе. После, как был сделан Крест из дерева и Спаситель распят, ангел уже не спустился в Овчую купель... Такова история по преданию. В Крестном монастыре и произошло это самое дерево»⁴⁰.

Русские паломники, посещавшие старинную обитель, излагают историю происхождения Древа Креста Христова в «едином ключе», но разнятся в деталях.

Постриженник святой горы Афонской инок Парфений (1854—1855 гг.):

Родоначальник всего человечества, по изгнании из рая, состарившись и приблизившись к смерти, призвал сына своего Сифа, и послал его спросить Херувима, стерегущего врата Едема: простит ли его Бог за преступление заповеди. Сиф пошел и спросил Херувима, что приказал ему отец. Херувим вынес из рая три ветви или прута и сказал ему, что через эти три ветви может отец его получить совершенное прощение. Сиф принес эти три ветви к Адаму и передал ему слова Херувима. Адам же, взяв прутья, сплел из них кольцо, надел на свою голову и приказал с ним себя погребсти. Потом Адам умер, и похоронили его по завещанию его. От трех же прутьев над главой Адама выросло дерево велие чудным образом: вышли из земли три ветви, а потом срослись воедино, и паки разстроились, и паки срослись воедино, и таким образом дерево выросло очень высокое и толстое, а корнями охватило главу праотца. Во время всемирного потопа это дерево водой было из земли вырвано вместе с корнями и главой праотца Адама, и носило его водами. Когда вода сошла с лица земли, это дерево с главой остановилось в Палестине, близ нынешнего Иерусалима, где теперь находится Крестный монастырь; и росло оно до лет царя Соломона. Когда сей царь строил храм Святой Святым, то собирал на это все чудные и прекрасные деревья. В один день он был со своими слугами в лесу: вдруг нашла туча с громом и дождем, и Соломон начал искать со своими слугами, где бы укрыться от дождя. И нашли они под деревом и под корнями нечто подобное пещере, где и просидели все спокойно; потом рассмотрели, что над ними человеческая глава и над ней чудное дерево. Срубив это дерево для храма, главу перенесли к стене Иерусалима и закопали ее в землю на возвышенном месте и завалили камнями. Это и есть лобное место, прозываемое «гора Голгофа». От сего и пишут на кресте под ногами Спасителя главу Адамову. Дерево же, срубленное привезено было к новостроящемуся храму: но оно не могло быть употреблено при постройке храма: где длинно, а где коротко; а потому оно осталось без употребления и лежало подле храма.

Потом приехала посетить царя Соломона царица Савская и, осматривая построенный храм, хотела по какому-то случаю прикоснуться к лежащему дереву; но как только прикоснулась к нему, вдруг ее как бы отбросило; она хотела его упрекнуть: «о треклятое дерево!» но уста произнесли совсем другое: «о преблаженное дерево!» По окончании постройки храма, дерево положено было близ храма в устроенной Овчей купели, дабы употреблялось вместо плота, с которого можно было бы омыться овец для жертвы, и находилось оно в этой купели много лет до дней страданий Христа Спасителя, и ежегодно в эту купель сходил Ангел Господень и омывал это преблаженное дерево и возмущал воду, и по возмущении бывало больных исцеление. Оттого лежало там много больных, для которых уже было сделано пять притворов или отделений, где и Господь исцелил расслабленного, тридцать восемь лет в болезни лежавшего (Иоан., гл. 5).

Когда евреи осудили на крест Господа Иисуса Христа и искали на то дерева самого негодного и тяжелого, дабы тем увеличить Ему мучение, потому что Он должен свой крест нести на плечах Своих до горы Голгофы. Тогда вытащили это дерево из воды и сделали из него крест. С того времени, как не стало этого

⁴⁰ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.). СПб., 1996. С. 59.

дерева в Овчей купели, перестал ежегодно сходить в нее Ангел Господень и возмущать воду, потому что уже нечего было омыwać, не стало быть и исцелений больным, и они все вышли, и притворы остались пусты⁴¹.

Самое подробное изложение старинного сказания содержится в **записках архимандрита Леонида (Кавелина) (1859 г.):**

Легенда эта имеет несколько различных между собой редакций. Избираем ту из них, которая более соответствует живописному изображению ее на стенах соборного храма Крестного монастыря, а следовательно, и древнее. Крестное дерево, рассказывается в легенде, вынесла из рая Тигр-река, и лежало оно на песке. Когда Сиф вздумал помянуть отца своего Адама, ангел показал ему то дерево, повелев сотворить в нем неугасимый огонь на реке Вавилоне, в память Адаму. И горит то дерево непрестанно, и лютые звери стерегут огонь. Когда согрешил Лот и пришел к Аврааму на покаяние, ужаснулся Авраам содеянного им, и, рассудив, что так как Лот согрешил смертно, то должен смертью и загладить свой грех, послал его с этой мыслью за огнем к Вавилону-реке. Пошел Лот, и, видя, что звери спят, взял три головни и принес к Аврааму. Увидел Авраам и удивился, и заповедал Лоту посадить те головни на указанном ему месте и поливать водой до тех пор, пока произрастут головни, и это будет ему знаком, что он прощен в своем грехе. Вода же была далеко от того места, а демоны, желая помешать произрастанию древа, в виде прохожих всегда встречали на пути несущего в кувшине воду и употребляя во зло добродушие старца, выпивали всю воду, и он должен был снова возвращаться к источнику, так что только трижды в день успевал он принести воду. Делали и другие пакости, но старец все препобеждал терпением, при помощи советов и молитв Авраама. Плодом же его послушания и терпения было то, что проросли головни и взошли и возросло дерево пречудное и прекрасное (из которого и был сделан впоследствии крест Господень, после рассказанных ниже сего превращений). Св. Димитрий, митрополит Ростовский, в беседе своей о четвероконечном кресте передает сказание о кресте и дереве так: крест святой, на котором был пригвожден Христос, был сделан из дерева пальмового (финикового), кедрового и кипарисного. О дереве этом повествуют церковные сказатели, что Адам, когда разболелся к смерти, послал сына своего Сифа, к дверям рая просить от Ангела врачевства, ради соблюдения здравия и продолжения своей земной жизни. Ангелы дали ему три зерна. Сиф, взяв их, возвратился к отцу своему Адаму и уже не застал его в живых, но умерша и погребена. Тогда он посадил эти три зерна при гробе отца своего, и от тех зерен прозябли три леторосли: пальмовая, кедровая и кипарисная. Потом эти леторосли срослись вместе в одно великое дерево и дерево это стояло на своем корне до дней царя Соломона. Когда же царь тот приступил к созданию бывшей в Иерусалиме церкви Святая Святых, для чего были привозимы отовсюду лучшие деревья, было срублено и это прекрасное дерево и принесено в Иерусалим к зданию, но Божиим смирением не было употреблено в здание церковное, оказавшись в одном месте длинно, в другом коротко. Почему и было положено на Овчей купели, вместо моста, так что можно было переходить купель по этому дереву. Когда же царица Савская пришла в Иерусалим слышать Соломонову премудрость, она, идя к церкви, и увидав на Овчей купели это дерево, не восхотела идти по нему, но пророчески духом прорекла, что на этом древе должен умереть Бог, облеченный в человеческое естество. Почему дерево это и было тогда же закопано глубоко в землю, при той же Овчей купели, чтобы оно никогда не досталось в руки человеческие; но оно по многих летах вышло из земли и плавало по воде Овчей купели.

⁴¹ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святые горы Афонския инока Парфения. М., 1856., ч. 4. С. 294–296.

Ради этого-то древа Ангел Господень на всякое лето сходил в купель оную и возмущал воду, омывая сие древо, при чем подавалось исцеление тому болящему, который первый входил по возмущении в купель. Когда же Христос Господь наш, приняв на себя человеческое естество, «на земли явился и с человеки поживе», евреи, взяв Его и предав на распятие Пилату, искали для креста самого тяжелого древа, чтобы тем отяготить более Христа; увидев же вышеупомянутое древо, пропитанное водой Овчей купели и потому весьма тяжелое, извлекли его оттуда и отдали на сделание из него креста, который потому и оказался столь тяжелым, что потребовалось, дабы кто-нибудь помог Иисусу в несении оногo. «И повелели Симону Кирийскому понести крест Его»⁴².

Игумен Антоний (Бочков) (начало 1850-х гг.): «Предания повествуют, что праведный в Содоме и падший в пустыне Лот, от дяди своего Авраама получил три обожженные головни с обещанием, что простится его падение, если возрастут сии погашенные остатки дерева, которые повелел здесь посадить в землю. Велико было падение, велика и вера с послушанием. Поливая их три года, племянник патриарха увидел, что они прозябли, и при сем ему возвещено было будущее назначение сих обновившихся сучьев, сросшихся в одно дерево. Они назначены были от века для Животворящего Честного Креста Господня»⁴³.

Арсений, епископ Сухумский (1894 г.): «Это предание основано на повествовании одной апокрифической сирийской летописи, в которой говорится, что Лот, спасшись из Sodoma со своим семейством, когда введен был в грех, чтобы избавиться от упреков совести своей, пришел жить на это место, где теперь монастырь, и здесь непрестанно молил Бога о прощении греха. Однажды Ангел Господень явился ему и, давая три черенка — сосны, кипариса и кедра, сказал ему: посади и поливай эти черенки водой из реки Иордана, за которой ты должен ходить каждый день. Если они примутся и дадут корни, то это будет знаком прощения; если же они не примутся, то не последует прощения. Лот принял исполнять повеление Ангела в полной надежде увидеть рост этих черенков и стал каждый день ходить на Иордан за водой и поливать их. Однажды, когда он возвращался уже к вечеру со своей ношей, коварный враг спасения человеческого, диавол, в виде бедного человека, попросил у него напиться, и Лот из сострадания дал ему; но когда Лот прошел немного далее, другой диавол, в таком же виде бедняка попросил у него той же милости, которую и получил; наконец, Лот, пришедши к своим посаженным черенкам, увидел, что мех его совсем пуст, и нет более воды. Чтобы идти опять на Иордан, было уже очень поздно, и Лот думал, что вся надежда его потеряна и черенки без поливки погибнут; но вдруг явился ему опять Ангел и сказал: твое сострадание к бедным обрело милость у Бога, Который даровал тебе прощение, и черенки теперь будут расти без поливки. Из них выросло трехсоставное древо, из которого сделан был крест Господень. Это предание принято некоторыми святыми отцами и вошло в песнопения св. Православной Церкви»⁴⁴.

И. П. Ювачев (начало XX в.): «По одному сказанию, Крестное древо выросло из семян, данных ангелами Сифу, сыну Адама. Применительно к пророчеству

⁴² Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 316—318.

⁴³ Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь—декабрь 1874, кн. 4, ч. II. С. 64.

⁴⁴ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 136—137.

Исаии (60,13) говорят, что выросли три разных дерева — кипарис, певг и кедр, которые срослись в одно над могилой праотца Адама и своими корнями обхватили его череп. Во время всемирного потопа вырванное с корнем дерево носилось по водам вместе с черепом. По окончании же потопа оно остановилось в Палестине около Иерусалима, и росло здесь до времен царя Соломона. Когда Соломон соорудил свой знаменитый храм Богу Израилеву, он велел употребить и это дерево на постройку, а найденный череп закопать на том самом холме, где впоследствии стоял Крест Господень. Однако дерево оказалось непригодным для вновь строящегося храма, и оно было брошено в Овчую купель. Вот ради этого-то дерева и сходил по временам в купель ангел Господень и возмущал ее воды для исцеления больных. Наконец, когда Пилат дал разрешение распять Иисуса Христа, евреи умышленно возложили на Него это дерево, как очень тяжелое, и на нем Его распяли.

По другому сказанию, Крестное дерево выросло в раю и потом вынесено было оттуда рекой Тигром на грешную землю. Но о райском дереве позаботились сами ангелы, и по их указанию благочестивый сын Адама, Сиф, которому апокрифические книги вообще приписывают непосредственное сношение с ангелами, зажег это дерево при „реке Вавилоне“, и оно горит несгораемо до сих пор под охраной страшных зверей. Во искупление смертного греха Лота (Быт. 19, 36) Авраам повелел ему достать огня у реки Вавилона. В то время, когда звери спали, Лоту удалось взять три головешки и принести их своему дяде Аврааму, который велел посадить их в землю и поливать водой, пока они не взойдут. Послушный Лот усердно принялся за поливку головешек. но злые духи, желая воспрепятствовать искупительному делу, в виде странников встречали по дороге Лота и выпивали у него воду. Несмотря на препятствия, Лот своим терпением достиг того, что головешки пустили корни, и выросло из них то самое дерево, которое послужило потом для Креста Господня. Последнее сказание и изображено на стенах собора Крестного монастыря, а самое место, где росло честное древо, указывают в алтарной пещере в северо-восточном углу храма»⁴⁵.

Протоиерей Александр Глаголев (1911 г.): «Изображенное на стенах храма сказание состоит в следующем: дерево выросло в раю, откуда рекою Тигром было выброшено на землю. Сиф, сын Адама, зажег это дерево при Вавилонской реке. Чтобы искупить смертный грех Лота, Авраам велел ему достать этого огня. Лот достал три головни, которые Авраам велел ему посадить в землю и поливать водой. Лот усердно исполнял это приказание, хотя ему постоянно препятствовали злые духи, встречавшие его по дороге в виде странников, и пили у него воду. Но дерево все же выросло, и оно-то стало впоследствии Крестным деревом. Место, где выросло это дерево, указывается в алтаре под престолом, и оно обложено серебряным кругом»⁴⁶.

Подвести итог сказанному можно словами отечественного палестиноведа В. Н. Хитрово: «Человеческое воображение с ранних лет воссоздало целый ряд преданий о возникновении крестного дерева, мы их рассказывать не будем, довольствуясь словами пророка Исаии, прорекшего: „Слава Ливана придет к тебе, кипарис и певг и вместе кедр, чтобы украсить место святилища Моего, и Я прослаблю подножие ног Моих“⁴⁷. И действительно, не праздное ли человеческое любопытство допытываться того, чего нет в Священных книгах? Важно не из какого дерева был дан крест, а то великое спасительное для рода человеческого таинство, кото-

⁴⁵ Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. СПб., 1904. С. 276—278.

⁴⁶ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 77.

⁴⁷ Ис. 60, 13.

рое совершилось на нем и в сознании которого воскликнем: Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое поем и славим»⁴⁸.

Страницы истории

Есть несколько версий, повествующих об истории основания монастыря. Самой популярной является предание о том, что основание обители относится ко времени правления римского императора Константина Великого (ок. 285–337) и связано с деятельностью императрицы Елены (ок. 250–330), его матери. Сопоставляя свидетельства предания с известными фактами из жизни императора Константина и его матери, возникновение монастыря можно отнести к 320–330 годам нашей эры. Однако ранние исторические источники ничего не сообщают о роли равноапостольных Елены и Константина в деле создания монастыря⁴⁹.

Есть и другое предание, согласно которому основателем монастыря считают грузинского царя Мириана, крещенного святой просветительницей Грузии равноапостольной Ниной⁵⁰. По совету св. Нины он ходил на поклонение в Иерусалим и выбрал для постройки монастыря место так называемое *Лотова знаменья*⁵¹. Благодаря научным исследованиям непреложным фактом является то, что монастырь существовал не позднее VII века, первоначально застраивался греками и был основан до арабского завоевания Палестины в 638 году. Полученные результаты позволяют предположить, что монастырь был основан в годы правления императора Юстиниана Великого (527–565)⁵².

Монастырь был разрушен в дни персидского нашествия 614 года и оставался в запустении. С этим печальным событием перекликается еще одно предание, согласно которому монастырь был возрожден в 629 году во время правления византийского императора Ираклия (610–641). Возвращавшийся из похода на Персию, он остановился лагерем недалеко от Иерусалима. Ираклий вез с собой Честной и Животворящий Крест Господень, захваченный персами и теперь у них отбитый. Празднуя возвращение великой святыни и победоносное завершение похода, он повелел выстроить здесь монастырь.

После этого история монастыря теряется вплоть до середины XI столетия. Тогда монастырь был разрушен или же сильно опустошен. Грузинский царь Баграт III на свои средства, по благословению преподобного Евфимия Святогорца и стараниями грузинского монаха Георгия-Прохора, возродил монастырь Св. Креста⁵³.

Эта обитель со временем стала крупнейшим центром грузинского православия за пределами Грузии. Обитель опекала знаменитая грузинская царица Тамара (1184–1213), при дворе которой служил министром финансов великий грузинский стихотворец Шота Руставели, автор знаменитой поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Когда в 1187 году при взятии Иерусалима войсками султана Саладина монастырь был разрушен, Руставели по велению Тамары отправился в Палестину с 200 000 динаров. На эти деньги обитель и ее храм были восстановлены и украшены фреска-

⁴⁸ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. Вифлеем, Хеврон, Горняя. СПб., 1898. С. 31.

⁴⁹ https://ru.wikipedia.org/Монастырь_Святого_Креста

⁵⁰ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 160.

⁵¹ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М. 1873. С. 314.

⁵² https://ru.wikipedia.org/Монастырь_Святого_Креста

⁵³ Там же.

ми. Шота Руставели окончил свои дни в иерусалимском Крестовом монастыре (Джвари). Говорят, он искал за стенами обители забвения от несчастной любви к знаменитой царице Тамаре. На восточной стороне юго-западного столпа храма осталось на старинной фреске его изображение — коленопреклоненного седобородого старца с грузинской надписью⁵⁴.

В эпоху крестоносцев монастырь Честного Креста назывался обителью Иверской (грузинской). В 1305 году мусульмане овладели монастырем и обратили его в мечеть. Однако позднее, по ходатайству византийского императора Андроника II Палеолога (1282—1328), монастырь снова взяли под свое покровительство грузины⁵⁵. Но в 1517 году Палестина перешла под власть турок. В отличие от мамелюков, новые захватчики были не слишком расположены к «иберийцам». В то время монастырь обнаруживает первые признаки упадка. Не только неблагоприятная политическая обстановка, но и внутренние разногласия и споры ослабили единство братии. Тем не менее в 1527 году грузинские цари Давид и Лев, заключившие союз с мусульманами против египетских султанов, получили позволение возобновить многие церковные здания в Иерусалиме и его окрестностях, и в частности, монастырь Честного Креста⁵⁶.

В начале XVII века были предприняты попытки восстановить грузинскую общину и возратить имущество монастырей. Но к тому времени долг общины достиг огромных размеров. Из монастырей грузинским оставался только монастырь Св. Креста, но и он находился в весьма плачевном состоянии. Наконец в 1644 году последовало окончательное восстановление монастыря на средства царя Льва Татиана (Дадиана). Настоятелем Никифором, весьма энергичным и деятельным, была предпринята попытка реставрации церкви монастыря с восстановлением купола, алтаря и иконостаса. Настенные росписи церкви там, где имелись особенно сильные повреждения, были обновлены, был также написан ряд новых икон⁵⁷. На внутренней стене церкви, у дверей, длинная надпись по-гречески и по-грузински гласила, что «Божественный храм Честного креста возобновлен иждивением светлейшего господина Льва Татиана помощью и стараниями преподобного архимандрита Кир Никифора, руками и искусством смиренных монахов иерусалимских: Моисея, Григория, Неофита, Герасима и иеродиакона Мины в 1644 году. Января 11»⁵⁸.

Однако спустя несколько лет после последней реставрации только небольшое число грузинских монахов оставалось в монастыре. Даже сам настоятель большую часть времени жил в Грузии. Щедрая финансовая помощь, жалованная в течение минувших столетий правителями Грузии, была почти полностью прекращена или не доходила до монастыря. Число кредиторов росло, в то время как средства монастыря истощались. Монастырь вынужден был продать большую часть своих обширных владений⁵⁹.

Этим обстоятельством воспользовалась Иерусалимская патриархия во главе с патриархом Досифеем II (1669—1707): кредиторам были выплачены долги монастыря. По инициативе патриархии во всех православных странах, включая Грузию, начался сбор средств для монастыря. Освобожденный от всех закладных монастырь перешел под юрисдикцию Иерусалимского патриархата. Несколько грузинских мо-

⁵⁴ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 158.

⁵⁵ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 85.

⁵⁶ Там же. С. 156.

⁵⁷ https://ru.wikipedia.org/Монастырь_Святого_Креста

⁵⁸ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 156.

⁵⁹ https://ru.wikipedia.org/Монастырь_Святого_Креста

нахов, все еще живших в Иерусалиме, перешли в братство Гроба Господня. В течение всего XVIII и первой половины XIX века монастырь оставался действующим. В монастыре подвизалось относительно большое число монахов, несмотря на то, что их жизни, а также монастырскому имуществу постоянно угрожали мусульмане.

Такова краткая летопись этого монастыря, изложенная в «Путешествии к св. местам» грузинского архиепископа Тимофея (1757—1758).

О печальной судьбе грузинского монашества на Святой Земле пишет И. П. Ювачев (начало XX в.): «Крестный монастырь, один из самых древнейших в Палестине, построен грузинами. Вскоре после принятия христианства, они стали посещать Святую Землю и выстроили здесь свои обители. В одном Иерусалиме когда-то насчитывалось двенадцать монастырей, сооруженных ими. Но в трудные годы Грузинского царства, когда грузин очень стеснили персы, все эти монастыри стали приходиться в упадок. Иные были разрушены, а иные перешли в руки греков, армян и латинян. Крестным монастырем завладели греки, и они устроили при нем Духовную семинарию»⁶⁰.

Богословская школа

Архимандрит Порфирий (Успенский) — первый начальник Русской духовной миссии — еще в 1840-е годы писал о необходимости русского участия в просвещении местного православного населения, так как Иерусалимский патриархат с этой задачей во всей полноте справиться не может. При участии о. Порфирия была открыта греко-арабская семинария в монастыре Св. Креста⁶¹. Во главе этого проекта стояли Иерусалимский патриарх Кирилл и русский консул в Бейруте К. М. Базили (соученик Н. В. Гоголя). Семинария была открыта в 1849 году, и об этом событии архимандрит Порфирий писал так: «В этот день началось воскресение церкви палестинской. Этот день есть торжественный день и в моей жизни». Устроенная о. Порфирием (Успенским) школа была семинарией не в русском смысле слова, а в балканском и ближневосточном, то есть представляла собой старшую церковную школу. Эта семинария стала первым плодом тех просветительских трудов, которые несли русские на Святой Земле в XIX и XX столетиях»⁶².

Участие архимандрита Порфирия в деятельности этой школы можно проследить по его дневниковым записям.

3 мая 1853 года. У меня обедали почетные святогробцы в рясах. Я говорил им об учреждении церковно-археологического музея при патриаршем училище в Крестном монастыре и о постепенном собрании тут палестинских ископаемых и неископаемых древностей, монет, рукописей, икон и проч., и проч. Но это предложение мое не было исполнено, потому что святогробцы привыкли сидеть в потемках⁶³.

10 июня 1853 г. Решено переделать часть патриаршей школы в Крестном монастыре. Преосвященный Мелетий дал позволение на это. У него же испрошено благословение и на изготовление всего нужного для училища в Лидде⁶⁴.

⁶⁰ Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. СПб., 1904. С. 278—279.

⁶¹ Занемонец Александр, диакон. Русские на Святой Земле. Иерусалим, 2015. С. 127.

⁶² Там же. С. 55.

⁶³ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 124.

⁶⁴ Там же. С. 130.

4 июля 1853 г. На днях по распоряжению училищного попечительства и по указанию моим переделана внутри патриаршая школа. Теперь в ней просторнее и воздух чище. Внешние воспитанники посещают ее ежедневно и учатся прилежно. Определенное им пособие, 30 пиастров в месяц каждому, производится из казны святогробской. Желая постепенно ввести единство обучения во все арабо-приходские школы, подведомые Иерусалимскому патриарху, я предлагал учебному попечительству воспользоваться временным пребыванием здесь учителей, приехавших из Рамлы и Лидды, и просить их перенять введенный мною способ обучения детей. Предложение мое было принято охотно; и эти учителя на днях несколько раз посещали здешнюю арабскую школу и усвоили все приемы обучения. Слава Богу! Семена мои падают на добрую почву. Бог возрастит их!⁶⁵

1 августа 1853 г. На днях произведены были испытания учеников патриаршего училища. Ответы их были удовлетворительны. Теперь Иерусалимский патриарх может говорить по совести, что у него есть духовное училище. По окончании испытаний все ученики приходили ко мне с поклоном. Я заслужил это почтение, потому что неослабным настоянием своим одел их пристойно, улучшил их стол, снабдил их учебными книгами и переделал их помещение так, что там теперь и просторно и весело⁶⁶.

7 мая 1854 г. С греческим духовенством я ладил так, что патриарх Кирилл поручил мне заведование всеми православными училищами в Палестине и патриаршей школой в Крестном монастыре. Из числа этих училищ девичье в Иерусалиме и отроческие в Рамле и Лидде открыты и упрочены моим усердием и умением. А бедные церкви в нескольких селениях получили от меня церковные облачения. Туземное арабское племя я за уши тянул к светлому верху. По моему настоянию помещены в патриаршей школе юные туземцы, дабы со временем они послужили наставниками детей в их родных селах⁶⁷.

Архимандрит Порфирий также думал о приобретении для Русской церкви Крестного монастыря на том основании что некогда он был грузинским монастырем, а во времена о. Порфирия Грузинская церковь была частью Русской. К сожалению, при о. Порфирии этот проект не удалось реализовать.

Такие попытки предпринимались и впоследствии. Так, 1 марта 1857 года министр иностранных дел А. М. Горчаков составил проект инструкции Иерусалимской миссии, в котором, в частности, речь шла и о монастыре Св. Креста.

При умножении членов миссии, необходимо им более простора для здоровья, особенно в душное лето, которое невыносимо в стенах города, поэтому полезно приобрести от Патриархии монастырь Св. Креста, за три версты от Иерусалима, который принадлежал некогда грузинам и хорошо обстроен и укреплен. Патриарх Кирилл с радостью уступит нам сию обитель, совершенно бесполезную для греков, а если русские будут иметь собственный монастырь близ Св. Града, то это произведет хорошее впечатление и доставит много удобств для наших поклонников; римляне беспрестанно приобретают себе новые обители и еще недавно начали обстраивать церковь св. Иоакима и Анны близ врат Гефсиманских, на которую я давно уже указывал для нас, как и на сей монастырь Св. Креста. Одни ли мы останемся позади всех? Потому что у греков, кроме патриаршего, нет собственных монастырей в Иерусалиме, а только одни подворья, числом до 14-ти — для размещения поклонников, где живет по одному иеромонаху для сбора подаяний, и служба бывает только раз в неделю. Все основано на интересе и ничего на благочестии; как же не упадать Православию на Восто-

⁶⁵ Там же. С. 132–133.

⁶⁶ Там же. С. 136.

⁶⁷ Там же. С. 215.

ке, если мы его не поддержим, присоединив к нему новый, чисто русский элемент, неукоризненный и любимый всеми? Не надобно только шадить денег, потому что деньги теперь единственное оружие наше на Востоке, и в этом никто не может делать нам препятствия, ибо это средство не политическое и не воинственное. Опыт, кажется, довольно доказал нам, что мы ничего не выиграли скупостью и скрытностью, а только потеряли наше влияние, которое трудно опять приобретать <...> Если Крестный монастырь будет нам уступлен Патриархом, то в его обширных зданиях можно устроить богадельню, где чистый воздух будет помогать лекарствам, а наши поклонники и поклонницы, остающиеся по целым годам в Иерусалиме, могут служить болящим. При человеколюбивых заведениях латинских, необходимо, чтобы и с нашей стороны было сделано что-либо подобное⁶⁸.

Однако патриарх Кирилл II, первый за долгое время Иерусалимский патриарх, постоянно живший в Палестине, предпринял ряд шагов по укреплению положения Иерусалимской церкви. Одним из них было создание полноценной духовной школы для подготовки духовенства. В качестве места для ее размещения он избрал монастырь Св. Креста, из-за чего **он отказал России в просьбе предоставить монастырь Св. Креста для размещения там Русской духовной миссии со следующим выкупом его в русскую собственность⁶⁹.**

⁶⁸ Цит. по: Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 129–130.

⁶⁹ Там же.

Contents

Prose and Poetry

- Valery Dudarev.** Poems • 3
Maxim Epifanovsky. *Boat to Berlin. Novel* • 10
Mikhail Sinelnikov. Poems • 58
Sasha Krugosvetov. *Everyone Can Get Their Own Rudis. Foie Gras Is a Broken Wing. Stories* • 62
Yevgeny Erastov. Poems • 97
Anton Zankovsky. *Zubermensch. Novel* • 102
Tatyana Shepeleva. Poems • 121
Vladimir Arro. *Weekdays of Ophelia. Play in two acts* • 126
Andrey Dmitriev. Poems • 160

Translations

- Annelisa Alleva.** Poems. *Translated by Sergey Stratanovsky* • 165

Criticism and Essays

- Naum Sindalovsky.** *Legends and Myths of St. Petersburg Theater Behind the Scenes* • 171

From the Archive

- Alexander Gladkov.** *A Diary. 1976 (January—April). Publication and Comments by Mikhail Mikheev* • 193

Petersburg Bookman

- Art of Reading.** *Alexander Melikhov.* Visible and Invisible Beauty. **Reviews.** *Maria Bushueva.* The Game of Visible and Invisible. *Kirill Kozlov.* „Cold Weather... Russia ... First Snow ...“. *Irina Chaykovskaya.* Thomas Mann and „Non-Aryan Physics.“ **Book Island.** *Elena Zinovyeva's publication* • 216

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** *Ancient Monasteries of Palestine. Part 1* • 237

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 13.10.2017. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 244
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28